Obshchestvo dlia izucheniia Tadzhikistana i iranskikh narodnostei za ego predelami

ОБЩЕСТВО ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ТАДЖИКИСТАНА И ИРАНСКИХ НАРОДНОСТЕЙ ЗА ЕГО ПРЕДЕЛАМИ.

91(47)
Т-135

ТАДЖИКИСТАН

СБОРНИК СТАТЕЙ

С КАРТОЙ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ ЧЛЕНА ОБЩЕСТВА

Н. Л. КОРЖЕНЕВСКОГО.

Библиотека Института Народного Хозяйства им. ПЛЕХАНОВА
Инв. № 33954
Пр. 30 г.
Пр. 1939 г.
Инв. 266/479
Отд. 91(57.452)
№ Т 13

ТАШКЕНТ
1925.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Малоизвестность стран, входящих в состав новой Таджикской Республики, и крайняя скудость и разбросанность сведений о них, имеющихся в литературе, побудили молодое *„Общество для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами“* приступить на первых же шагах своего существования к собиранию и изданию данных, способствующих ознакомлению с Таджикистаном и населяющими его народностями. Обращение к специалистам по различным областям знаний, имеющим отношение к изучению Таджикистана, дало в результате ряд статей, вошедших в состав настоящего сборника. Не претендуя отнюдь на его полноту, даже для общих сведений по Таджикистану, издающим хотелось бы думать, что дело не закончится данным изданием и что настоящий сборник является первым выпуском сведений, касающихся Таджикистана, чем и об'ясняется, может быть, некоторая неравномерность в об'еме или содержании статей, вошедших в настоящий выпуск. То, что не вошло в него или вошло в кратком или незаконченном виде, предполагается, будет продолжено или дополнено в следующих выпусках сборника.

Настоящий сборник обязан своим выходом материальной поддержке Таджикского Правительства, предоставившего средства на его издание. В особенности ценно в этом отношении культурное отношение и содействие Почетного Председателя Общества и Председателя Таджикского Ревкома *Нусрат Улла Максума Лютф-Уллаева* и его Почетного Заместителя *Абд-уль-Кадыра Мухи-эд-Динова*, принимавших живейшее участие в возникновении общества. Считаю необходимым также упомянуть, что без просвещенной и энергической поддержки фактического Председателя Общества *А. А. Знаменского* выход в свет настоящего издания вряд ли мог быть осуществлен. По поручению Правления Общества приношу названным лицам живейшую благодарность и признательность от имени Общества за оказанную ими высококультурную поддержку.

Редактор.

N19112
1131

Положение, границы, состав и административное деление Таджикистана *).

А. В. Панков.

Таджикистан, что значит «страна таджиков», представляет Автономную Советскую Социалистическую Республику в составе Узбекской Республики, входящей в Союз ССР. Таджикистан составился в 1924 году по национально государственному размежеванию Советской Сред. Азии из стран: 1) Горной Бухары к востоку от бассейна р. Сурхан-Дарьи, 2) Памирского нагорья, 3) южной части Самаркандской области. Он расположен между 40°7′ и 36°38″ сев. широты, между 67° и 75° вост. долготы от Гринича, к северу от верховьев р. Аму-Дарьи—Пянджа, между ее верхним и частью средним течением на юге и Туркестанским и Заалайским хребтами Тянь-Шаньской горной страны на севере. Высоты этой страны над уровнем океана—низшая около 328 метр. (у переправы Ливадж через Аму-Дарью) и высшая—Пик Кауфмана ок. 7.000 метров. Преобладают в Таджикистане высоты выше 400 метров, а в Памирском районе выше 3000 м.—Таким образом, если по широте Таджикистан расположен на одних параллелях с южной Италией и северной Африкой, то по высотам своим он далеко превосходит все европейские страны и составляет органически горную страну Центральной Азии, похожую на Тибет и сев.-западные горные полунезависимые области Индии. Если южное положение Таджикистана в умеренном поясе допускает в горных долинах разведение фруктовых деревьев и даже винограда, то высоты свыше 2000 метров, каких очень много в Таджикистане допускают лишь разведение ячменя и ржи, а высоты более 3000 м. лишь разведение приспособленного к высокогорному климату и флоре скота, как козы и яки

*) Источниками для изучения положения, площади и границ служат: а) 10-верстная карта Туркестанск. военного округа, издан. Туркест. Воен.-Топогр. Отделом; б) статья И. П. Магидовича „Территория у границы..... Узбекской С.С.Р и Таджикской А.С.С.Р. в „Бюллетен. Центр. Стат. Управл. Узбекистана № 1 1925 г.“. в) Снесарев А. Е. Афганистан. Гос. Изд. Москва. 1921 г. г) Корнилов. Кашгария. д) «На историческом рубеже». Сборник. Изд. Ср.-Аз. Бюро Ц.К.Р.К.П. Ташкент. 1924 г.

(кутасы). Большие высоты страны, не опускающейся ниже 2000 м. на Памире, и об'ясняемый этим суровый горный климат вызывают и большую редкость населения Таджикистана, около 6,1 чел. на кв. кил., а на Памирском нагорье около 0,9 на 1 кв. килом. (считая по данным 1917 года). Эти же высокогорные страны особенно северного и восточного Таджикистана в долинах р.р. верхнего Зеравшана, Хингоу, Бартанга, Гунта-Аличура и Памира служат препятствием к развитию даже простых грунтовых колесных дорог, поэтому общение с остальным культурным человечеством для таких районов страны крайне затруднительно, а в зимнее время часто невозможно.

Площадь Таджикистана равняется около 136.000 кв. кил. (120.600 кв. верст), приблизительно соответствует площ. Чехо-Словакии или $^1/_4$ Франции и составляет 0,6% всей площади Союза ССР.

На *юге* Таджикистан ограничивается Афганистаном на протяжении около 970 верст, на *востоке* Китаем, его Синь-Цзянской провинцией (Кашгарией), около 390 верст на севере и западе его границы внутрисоюзные, а именно: на *севере*—Российская Сов. Ф. Соц. Республика в лице Автономной Области Кара-Киргиз и Узбекская Сов. Соц. Республика, именно ее области Ферганская, Самаркандская, на *западе* ее области Самаркандская, Кашка-Дарьинская и Сурахан-Дарьинская. Общее протяжение границ Таджикистана около 2300 верст.

Южная Афганская граница Таджикистана начинается на западе против урочища Пастал на р. Аму-Дарье от поста Овражного и идет по этой реке и по ее верхнему течению Пянджу (правые берега Таджикистана, левые Афганистана), направляясь вобщем на восток, делая те же извилины, что и Пяндж, а именно, направляясь с 37°30′, сев. широты сначала на север, приблизительно, до гор. Калаи Хумба, отсюда на восток по вогнутости реки до впадения в нее правого притока—р. Ванч*, откуда почти меридионально следуя по р. Пяндж граница с Афганистаном спускается на юг до поворота под 36°15′ Пянджа на восток, идет по этой реке до впадения в нее под 37° сев. шир. справа реки Памира; далее граница идет вдоль этой реки, достигает в о с т о ч н о г о угла озера Зор-куль (Виктория), где установлен пограничный столб № 1. Отсюда граница направляется к югу; пересекает восточный залив

*) Из переправ через Аму-дарью известны: в 85 верст. выше Термеза Айваджская каючная переправа Сарайская, откуда по р. Аму начинается судоходство в 201 вер. от Термеза, Чубекская в 303 верст. выше Термеза.

озера, идет к столбу № 2, установленному на ближайшем отроге Ваханского хребта. Отсюда сохраняя южное направление граница идет к пику «Согласия» (высотой в 17.750 фут.) в Ваханском хребте, составляющем водораздел бассейнов оз. Зор-куль и, Аксу-Вахан-Дарьи. От этого пика граница принимает восточное направление и проходя мимо пика «Лобанова-Ростовского», через пик «Маркиза Сольсбери» до перевала Бендерского (где установлен столб № 3), затем сделав небольшой загиб на сев.-запад, поворачивает опять на восток, пройдя пешеходный перевал Джаман-Шура, перев. Уртабель (к столбу № 4). На всем этом протяжении между столбами №№ 3 и 4 граница идет по водоразделу рек Истык и Аксу, притока р. Вахан-Дарьи, в восточном направлении к столбу № 5, стоящему на водораздельной точке главного хребта (Вахана). В 5 верстах отсюда граница спускается на юг по горному отрогу до ручья Гунджи-бай (столб № 6), по этому ручью до впадения его в р. Ак-су, где установлен столб № 7, далее по р. Ак-су подходит к устью р. Михман-Джулы, где на правом берегу Ак-су стоит столб № 8. Пересекая Ак-су граница направляется все на юго-восток сначала по течению реки к оз. Бахмордын-куль, по рукаву речки Кашка-су через столб № 10, далее близ пика Монтегю Жерар по отрогу хребта Мус-таг, по долине р. Тегермень-су к столбу № 11, установленному у устья безымянного ручья, по этому ручью к столбу № 12, отсюда по кряжу хребта Мус-таг до пика Повало-Швейковского—крайней точки границы СССР (в лице Таджикистана на Памире) с Афганистаном. Общее протяжение границы Таджикистана с Афганистаном около 1030 килом.

От пика Повало-Швейковского, где сходятся (на юго-востоке Памирского нагорья) границы Афганистана (область, Вахан), Китая (область Кашгария) и СССР (Таджикистан), идет с общим направлением на север граница Таджикистана с Китаем (областью Кашгарией Синь-Цзянской провинции). Эта граница, начинаясь на юге от упомянутого пика—условная до перев. Уз-бель. Она идет сначала на сев.-восток через перевал Беик к перев. Сары-горум, откуда поворачивает на север к вершине Талды-куль, отсюда поворачивает на запад и через перевал Хан-Юлы идет к перев. Наизи-таш., не доходя которого верст 5 круто поворачивает на север, идет далее через пер. Окши-рак, Дун-Кельдык, Чашман, Бердыш, Тузакчи (или Торакчи), Кульма, Сары-таш, Музку, Токтерек, Кум-бель, Чакатай; отсюда поворачивает на сев.-

запад, через перев. Ак-берды, откуда круто поворачивает на запад, идет в этом направлении через перев. Араматы, Ой-балгын, Иши, Кият к перев. Уз-бель (он же Кизыл-Джама) в Сарыкольском хребте, с которого поворачивает на север, идет в этом направлении мимо пика Кара-зак, описывает по названному хребту небольшую дугу на запад и далее через перев. Кара-арт (он же Кальча-даван) к перев. Уч-бель, перед которым пересекает реку Маркан-су, далее к пику Курумды в Заалайском хребте. Здесь кончается внешняя государственная граница Таджикистана и СССР с Китаем. Общее протяжение ее от пика Повало-Швейковского до гор. Курумды около 390 верст, следовательно граница с Кашгарией имеет около 430 килом. длины. В летнее время перевалы Сары-кольского хребта, несмотря на свою значительную высоту выше 3000 метр., доступны для вьючного движения, ибо мало подняты над окружающими высокими долинами и отличаются сравнительно небольшой крутизной склонов. С сентября месяца перевалы закрываются, и Таджикская (Памирская) граница бывает проходима только по двум перевалам—Ак-берды и Кульма.

Внутренняя граница Таджикской Автономной С.С.Р.

На западе и севере Таджикистан имеет внутренние Советские Союзные границы—на западе с Узбекской СС Республикой, а именно с Сурхан-Дарьинской, Кашка-Дарьинской и Самарканд. областями, на северо-западе и отчасти на севере же с областями Самаркандской и Ферганской и далее на севере, начиная с 39° 15′ вост. долготы (от Пулкова) с Киргизской Автономной областью РСФСР. Западная граница Таджикистана, начинаясь от р. Аму-Дарьи в урочище Пастал, несколько восточнее поста Овражного идет к северо-вост. параллельно меридиану 37° 30′ через высоты 2.219, 1.547, 5531, перев. Хазрет-баба хребта Баба-таг, на 38° 5′ север. широты поворачивает на сев.-запад и поднимается до урочища Чаррага, где между кишлаками Паизава и Культепе пересекает р. Сурхан; идет после пересечения на север сначала по долине р. Сурхана и ее правого притока Тупаланг-Дарьи, оставляя вблизи себя в Таджикистане гор. Сары-Асия, на западе в Узбекистане гор. Денау, Юрчи и Сарыджуй. Далее, пересекая Гиссарский хребет идет вблизи кишлаков Хард-руй (в долине р. Тупаланг-Дарьи), Темшут, через перев. Ганду-маким, Пушти-гавакачерез урочище Пянджоб. Отсюда с перев. Гава-Гиссар поворачивает на сев-запад около 39° 10′ сев. шир., идет в этом направлении по прежней границе Бухары и Самаркандской области, через вершину Шум-рахна; отсюда поворачивает на запад, идет через перев. Шахвас, Рабат, пересекая верховье р. Кашка-Дарьи к горе Санганакчи. Далее, пересекая в сев-зап. направлении Зеравшанский хребет, через перев. Акбай-джума граница идет по западным границам Магиан-Фарабской и Пенджикентской волостей к перевалу Сарык-тал. Отсюда граница поворачивает на сев.-запад, проходит вблизи оставляя в Узбекистане сел. Ургут, Гавай-Ата и Рахмет-Абод, подходит к р. Зеравшану; далее поднимается вверх по р. Зеравшану до кишл. Чамгал и поворачивает от реки на сев.-зап., а затем на сев.-вост., идет по границе Автобруинской волости через кишл. Фарман-тепе, перев. Латабанд, Ой-бадам, Кок-тюбе, через р. Бал-мазар, Уадиган, на перев. Май-хота, Аман-дора, Чах-Мардан Алла-Иеман, Гуралаш, Шахристан, т. е. по Туркестанскому хребту, водоразделу между бассейнами р. Зеравшана и Санзара. От перевала Шахристан граница круто поворачивает на север по границе Шахристанской волости и направляется к сев.-востоку через перев. Кум-бель, у р о ч. Ир-тегерман., реку Исманы-су, мимо кишл. Уак, оставляя его в Узбекистане до кишлака Балгауз.—От последнего граница делает изгиб к юго-востоку и не доходя 3-х верст до кишлака Паши снова круто поворачивает прямо на север, идет по границе Ура-тюбинской волости до высоты 2.107. Немного севернее этой высоты граница поворачивает на восток и переходит через станцию Кош-таир (почтового тракта Ура-тюбе—Ходжент) и через кишлак Кызылы. В 5 верстах к востоку от него граница поворачивает к югу, идет параллельно р. Аксу до изгиба этой реки на сев.-восток. Затем направляется по границе Басмандинской волости через урочища Ташик-таш и Пушта, доходит во левого истока р. Аксу ниже сел. Докат и несколько уклоняясь к юго-востоку через перев. Чашма-гильдан подходит к границе Самаркандского уезда с Ходжентским и поворачивает отсюда по главному кряжу Туркестанского хребта на восток, через перев. Ярхут, вершину Ак-чукур до перевала Кырк-булак выс. 13.600 фут. (Он же-Янчи-сабак). Здесь начинается граница Таджикистана с Киргизской Автономной Областью РСФСР. Эта граница по гребню Туркестанского хребта идет на восток, совпадая с прежней границей Самаркандской обл. и Ферган-

ской, мимо вершины Мын-теке, оставляя ее в Кара-Киргизии к перев. Матча (13.000 фут). Отсюда граница, сделав изгиб на юг, идет по прежней бухарской границе, по хребтам—Алайской системы, служащим водоразделами между бассейнами рек Сох и Кизыл-су, через перевалы Тутек (14.500 фут, Карагуш-Хана, Тильбе, Янги-даван (14.470 фут), Гадай-юлы, откуда спускается на юг к перевалу Бок-баш (11.000 ф.), пересекает р. Кизыл-су (около 41° 28' вост. долг. от Пулкова. Далее граница спускается в юго-восточном направлении по водоразделу левых притоков р.р. Кизыл-су и Мук-су проходит перев. Уч-бель, спускается до селения р. Саук-сая и Балянд-киик, оставляя к югу пик Мус-джилга. Отсюда поднимается по р. Саук-сай на север и далее направляется по гребню Заалайского хребта через вершины Хтай-Саз на восток, через Пик Кауфмана (23.420 фут.), пик Кызыл-Агын, перевал Кызыл-арт (13.400 фут.), где пересекает большую Памирскую дорогу до верш. Курумды (20.580 ф.). Здесь кончается граница с Киргизской Автономной Областью, пересекаясь с границей Китайской Республики.

Состав и административное деление Таджикистана.

Таджикистан, как Автономная Республика, через посредство Узбекской Сов. Соц. Республики, входящая в Советский Союз,—образовался в конце 1924 года. Основным мотивом его образования, подобно другим Советским Республикам, была воля населяющих Сов. Туркестан народностей объединиться в национальные государства в Союзе ССР. Постановление об этом, прошедшее единогласно на с'ездах Советов Туркестанской и Бухарской Сов. Республик в сентябре 1924 г., было утверждено на Всероссийском, а затем на Союзном С'ездах Советов в ноябре того же года.

В состав Таджикской Автон. СС Республики вошли области Туркестана и Бухары, населенные, главным образом, иранским народом—таджиками: во-1-х) из состава бывшей Туркестанской СС Республики—восточная горная часть Самаркандской области (того же уезда) и юго-западная часть Ходжентского уезда с городом Ура-тюбе, далее южная часть Ферганской области—Восточный Памир; во-2-х, восточная горная часть бывш. Бухарской Сов. Народной Республики к востоку от долины р. Сурхан-Дарьи. Таким образом, Таджикистан обнимает всю горную страну Памиро-Алая к северу от р. Пянджа-Аму-Дарьи до бассейна верх. р. Зеравшана, включая и восточную часть последнего. Площадь его около 136.000 кв. килом.

В Таджикской Республике проведено такое же административное деление, как и в бывш. Бухарской: она делится на 8 вилайетов, по величине соответствующих округам или уездам Европейской России. Каждый вилайет делится на тумени, соответствующие волостям Узбекской или бывш. Туркестанской Республик. Тумень делится на кенты (сельские общества). Волости бывших Самаркандского и Ходжентского уездов остались без изменения и об'единены в 2 вилайета Пенджикентский и Ура-тюбинский. В последний вошла Матчинская вол. Самаркандского уезда. Памирский район в целом переименован в Горно-Бадахшанский вилайет (при чем Ороторская волость названа Бартангской). Вилайеты Таджикистана с их туменями и главными населенными пунктами следующие:

На западе расположены:

I) *Пенджикентский вилайет* (площадь ок. 8.150 кв. вер): центр—гор. Пенджикент, около 3.140 жит.*), состоит из 6 волостей (туменей): 1) Пенджикентской, 2) Афто-бруинской, 3) Искандеровской 4) Кштутской, 5) Магиано-Фарабской и 6) Фальгарской.

II. *Ура-тюбинский в.* (площ. ок. 5.250 кв. вер.): центр гор. Ура-тюбе**) ок. 13.000 жит., состоит из 6 волост.: 1) Ура-тюбинской, 2) Ганчинской, 3) Басмандинской, 4) Шахристанской, 5) Дальянской и 6) Матчинской.

III. *Дюшамбинский в.* (пл. около 10.000 кв. вер.), центр гор. Дюшамбе—столица Таджикистана; количество населения точно неизвестно. Сюда вошли бывш. до революции 1920 г. в Бухаре—Гиссарское и Бальджуанское бекства; состоит из 5 туменей: 1) Дюшамбе, 2) Явон, 3) Янги-базар, 4) Файзабад и 5) Гиссар.

IV. *Сары-ассийский вил.* (площадь ок. 1.100 кв. верст) составился из районов Регара и г. Каратага. Центр не определен; делится на 2 тумени: 1) Сары-ассия и 2) Каратаг.

V. *Курган-тюбинский вил.* (площ. ок. 8.300 кв. верст) составился из бывш. Кабадианского и Курган-тюбинского бекств. Центр сел. Джильдыкуль, делится на 4 тумени:

*) По данным 1920 г.

**) По данным переписи 1923 г.

1) Курган-тюбе, 2) Сарай-камар, 3) Кабадиан, 4) Джильды-куль.

На востоке Таджикистана расположены:

VI. *Гармский вил.* (площ. ок. 26.800 кв. вер.) с центром в г. Гарм. Составился из бывших Каратегинского и Дарвазского бекств. Делится на 6 тумен.: 1) Гарм, 2) Калай-ляби-аб, 3) Обигарм, 4) Дарваз, 5) Хода, 6) Ванг.

VII. *Кулябский вил.* (площадь ок. 10.600 кв. вер.). Центр г. Куляб. Составился из бывш. Бальджуанского и Кулябского бекств. образуется из 4 туменей: 1) Куляб, 2) Мумина-бад, 3) Хавалинг, 4) Бальджуван.

VIII. *Горно-Бадахшанский вил.* (площ. ок. 50 тысяч кв. верст). Центр. пост Хорог. Составился из бывших бекств: Рушана, Шугнана, Ишкашимского и Восточно-Памирского районов. Состоит из 6 туменей. 1) Памирского, 2) Ваханского, 3) Ишкашимского, 4) Шугнанского, 5) Бартангского и 6) Рошанского.

Всего в 8 вилайетах— 35 туменей.

Устройство поверхности Таджикистана.

(Краткий оро-гидрографический очерк).

Н. Л. Корженевский.

По устройству поверхности Таджикистан представляет типичную *горную страну*, в которой только небольшой сравнительно % занимаемой площади приходится на долю равнинных пространств, являющихся в большинстве случаев расширенными участками речных долин. За исключением равнинной части Ура-тюбинского и Пенджикентского округов равнины Таджикистана приурочены к юго-западному углу Республики, где они расположены по течению правых притоков реки Амударьи, как Кизил-су, Вахш, Кафирниган и частью Сурхан, разобщенных между собою юго-западными отрогами Гиссарского хребта.

В низовьях перечисленных рек горные отроги сильно понижаются и, замирая, образуют холмистую страну из невысоких округлых увалов, расчлененную широкими долинами рек, частью покрытыми сплошными культурами, частью заболоченными и поросшими местами сплошными зарослями гигантского тростника (Arundo Donax), а по берегу Пянджа покрытую частью барханными песками, особенно значительными к югу от сел. Чуянчи между Кафирниганом и Вахшем.

Горы, наполняющие Таджикистан, принадлежат к Памиро-Алайской системе и представляют ряд горных хребтов, тянущихся в широтном направлении с небольшим уклонением на северо-запад в северной части Республики и на юго-запад в южной ее части. Все эти горные хребты повышаются по мере их простирания на восток и сплетаются затем с хребтами Памира, высокого пустынного нагорья, занимающего всю восточную часть Таджикской Республики. За немногим исключением горные хребты Таджикистана представляют громадные

поднятия с обледенелыми гребнями, многочисленными ледниками на склонах и грандиозными вершинами, поднимающимися нередко на высоту больше 20.000 фут. над уровнем моря. Склоны хребтов обыкновенно расчленены глубокими ущельями, иногда имеющими вид каньонов, в которых клокочут быстрые труднопроходимые реки. Северные склоны в большинстве являются более развитыми; они часто покрыты зарослями кустарниковой и древесной растительности, особенно густой и пышной в тенистых ущельях; южные склоны обычно бывают короче, более крутыми; снеговая линия лежит на них иногда на тысячу футов выше, чем на северном склоне, и вследствие худших условий увлажнения растительность на южных склонах оказывается много беднее, а древесная часто отсутствует. Хребты восточного Памира лишены древесной растительности, как на южном, так и на северном склонах.

В геологическом отношении Таджикистан еще мало изучен.

Долиной реки Сурхоб от ее верховьев до Оби-гарма горные массы западного Таджикистана разделяются на две геологически различные части, из которых северная, обнимающая в пределах Республики цепи Алайского хребта построена древними кристаллическими породами, преимущественно средне-и древне-палеозойского возраста, а цепи к югу от этой долины—хр. Петра Великого-сложены более молодыми осадками, главным образом нижне-третичного и мелового возрастов. По данным геолога Клебельсберга такие особенности строения гор в западной части Республики обуславливаются тем, что по долине реки Сурхоб протягивается сброс, который выражается в погружении прилегающих к палеозою мезозойно-третичных отложений вдоль южной границы Алая. В Гиссарской долине по этому сбросу происходит даже надвиг палеозойских отложений на мезозой, который орографически еще принадлежит Алайской системе.

По тому же автору линия течения Сурхоба представляла собою морской пролив, которым верхне-меловое море, покрывавшее всю юго-западную часть современного Таджикистана, соединялось с Таримским бассейном (Кашгарией).

Северной границей этого пролива служила средняя ось Алайского хребта, южной—главный хребет восточной части Петра Великого. На юге рассматриваемого района, а именно в пределах Кулябского вилайета Нечаевым прослежены те же каменноугольные известняки, широкое развитие которых в

Дарвазском хребте было констатировано Эдельштейном. Эти известняки, идя с севера, около устья реки Оби-Ниоу, переходят на левую сторону Пянджа и тянутся в глубь Афганистана. По правой стороне Оби-Ниоу и к югу от ее устья, по правому берегу Пянджа тянется узкая полоса меловых отложений с преобладающей среди них свитой красных глин.

Западнее этой меловой зоны примыкают толщи конгломератов, отличающихся мощным развитием в северо-западной части Дарваза, где они налегают обыкновенно на третичные (эоценовые) песчаники и редко непосредственно на известняки палеозойского возраста.

Горообразовательными процессами указанные конгломераты подняты здесь на значительную высоту и слагают по данным Рикмерса целые хребты в истоках Ях-су и Оби-равноу. Область, занятая конгломератами, благодаря выветриванию и размыву этих малостойких отложений отличается крайне оригинальным ландшафтом.

На северо-восток от реки Хингоу начинается область распространения метаморфических сланцев, гнейсов и гранитов, которая, по Наливкину, идет широкой полосой по верховьям рек Мук-су, Хингоу, Ванча и Язгулема, слагает водораздельный хребет между бассейнами Пянджа и оз. Каракуля, котловину озера Каракуля на Памире и уходит в массив Муз-таг-ата. Эта область представляется наименее исследованной и для значительной ее части отсутствует даже картографический материал. К югу от долины Ванча развиты опять верхне-палеозойские, мезозойские и третичные осадки, из которых построен высокий Ванчский хребет и которые переходят затем на левый берег р. Язгулема.

Дальше на восток эти осадки тянутся изогнутой к северу, расширяющейся к востоку полосой, захватывая систему Памирского хр. Музкол и переходя на границе с Китаем в Сарыкольские цепи. Южнее указанной зоны в строении Памира по Гайдну принимают участие мощные темные сланцы, памирский известняк и сопровождающие его гнейсы.

Наиболее важное место в орографии западного Таджикистана занимает Алайский хребет, западные ветви которого—Туркестанский, Зеравшанский и Гиссарский хребты, представляя мощные снеговые барьеры, расчленили на несколько обособленных частей территорию Таджикистана и, благодаря трудной доступности их скалистых ущелий, с глубокой древ-

ности служили приютом и защитой таджикского народа от страшных завоевателей древности.

Туркестанский хребет начинается в глубине Кизилкумской пустыни небольшими возвышенностями, которые в пределах Республики переходят в крутобокий скалистый хребет, отделяющий Ура-тюбинский округ от долины реки Зеравшан (Матчи). Общее протяжение хребта в пределах Республики около 250 верст. До перевала Гуралаш (8.500 ф.) хребет сравнительно не высок и его скалистый гребень не достигает линии вечного снега; только в затененных ложбинах снег держится иногда небольшими клочками все лето. К востоку от перевала Гуралаш Туркестанский хребет быстро повышается и от перевала Шахристан он тянется высокой снеговой цепью до перевала Матча, образуя в этой части ряд значительных ледников, оба склона хребта рассечены многочисленными ущельями, иногда настолько узкими, что они принимают характер глубоких, трудно проходимых теснин.

На северном склоне хребта ущелья не лишены растительности; в верхних зонах эта растительность представлена преимущественно арчей, которая в некоторых урочищах, как, например, Кизил-мазар, образует обширные густые насаждения; южный склон хребта отличается большей пустынностью; ущелья этого склона голы и каменисты и только при выходе в долину реки Зеравшан встречаются в них небольшие поля и культурные насаждения таджиков.

Из перевалов через Туркестанский хребет известны: пер. *Шахристан* (9.527 ф.), весьма удобный перевал на пути из г. Ура-тюбе в Варзиминор, пер. *Обурдон* (11.207 ф.), *Камадон* (11.550), *Янги-сабак* (13.800 ф.)—трудный вьючный перевал и другие.

Зеравшанский хребет начинается от горного узла Такали и тянется около 180 верст параллельно Туркестанскому хребту, разделяя высокой стеной долину Матчи (Зеравшан) от ущелья реки Ягноб. Около перевала Сурхат хребет делает пологий изгиб к югу, но затем снова поднимается к северу и у перевала *Рарз* принимает прежнее положение. Гребень Зеравшанского хребта выше 14.000 фут. и несет значительные по высоте и мало доступные перевалы. Более низкий из перевалов *Дарх-хиштаб* все-таки достигает высоты 12.630 фут над уровнем моря. Южный склон хребта особенно крут: он изрезан глубокими ущельями и нередко спускается в долину р. Ягноб отвесными стенами. Северный склон хребта более пологий и слагается из ряда отрогов с острыми каменистыми гребнями, разделенных глубокими ущельями. Вследствие значительных высот хребта на его склонах, особенно северном, всегда держится снег и залегают ледники. Перевалы через хребет открываются обычно на 2—3 летних месяца. Все перевалы круты и каменисты. Лучшими из них считают перевалы группы *Дарх*. Известны также ледниковый перевал *Ровосанг*, *Новобад*, *Сурхат*, *Минора* и некоторые другие вьючные перевалы на путях из долины Матчи в ущелье Ягноба.

Гиссарский хребет тянется на запад на 280 верст от перевала Матчи и отграничивает реки Зеравшанского бассейна от рек, стекающих к Пянджу. Вся восточная часть хребта до перевала *Зах-об* сильно скалиста и самый хребет имеет вид изубренного гребня, покрытого снегом и ледниками, особенно значительными в истоках рек Гориф и Канязь, являющихся началом р. Кафирниган. В этой части хребта расположена и наиболее значительная вершина хребта, достигающая 17.700 ф. над уровнем моря. От перевала *Пакшиф* (12.600 ф.) хребет изгибается к югу и образует на долготе 39° 18′ горный узел Такали (14.840 ф.), от которого начинается Зеравшанский хребет. По данным военно-топографического отдела от вершины Такали Гиссарский хребет идет сперва к югу и через 6 верст образует перевал Кум-бель (12.620 ф.), а дальше его в 4 верстах отделяется круто на восток мощный скалистый хребет, не имеющий названия, с большими ледниками на обоих склонах.

В 12 верстах от начала этот хребет образует горный узел с вершиною в 14.100 фут., от которой отходят три хребта со многими отрогами:

1) *Куги-бардавак* с перевалом Каурга (10.750 ф.), заканчивающийся у кишлака Гориф.

2) Хребет, идущий на восток с выдающеюся вершиною Душаха (14.580 ф.), несущий ледники и

3) *Хребет Зор-камар*, идущий на юг с четырьмя ледниками на восточном склоне и, в свою очередь, отделяющий на восток скалистый хребет с разветвляющимися отрогами. Все эти хребты заполняют северную часть Каратегина. Главная цепь Гиссарского хребта, отделив Каратегинские поднятия, идет дальше на запад, образуя на участке перевалов *Зах-об* (10.500 ф.) и *Су-баши* (13.020 ф.) огромную петлю, обращенную к югу, в середине которой на северном склоне берет начало река Ягноб, а с южных склонов стекает река Ханако. В верховьях реки Тупаланг хребет разделяется на два: один из них

главный, более высокий, уклоняясь круто к юго-западу, в свою очередь разветвляется на несколько второстепенных хребтов, достигающих своими отрогами реки Аму-дарьи, а на юго-западе теряющихся в песках; другой менее высокий хребет от верховьев Тупаланг-дарьи идет на северо-запад и, понижаясь, теряется в пределах т. наз. Каршинской степи. Южные склоны Гиссарского хребта не лишены растительности и в летнее время представляют собою хорошие пастбища; в низких зонах мягкие склоны хребта обрабатываются под культуру хлебов.

Из перевалов через хребет, кроме упомянутых выше, известны: *Дубурса*—трудный ледниковый перевал на пути с верховьев реки Матчи в ущ. р. Гориф. Перевал *Хак* (11.620 ф.) доступный для движения из долины Ягноба в долину реки Кафирнигана почти круглый год, перевал *Анзоб* (10.880 ф.), *Шутур-гардан* (10.900 ф.), *Мура* (12.170 ф.) на оживленном пути из долины Зеравшана в Гиссарскую долину.

Южный склон Гиссарского хребта, постепенно понижаясь, переходит в своей средней части в высокую Гиссарскую долину (от 2.300 до 3.280 фут над уровнем моря), южнее которой вновь поднимаются горы в виде отдельных хребтов под названием Баба-таг, Карши-тау, Ранган-тау, Ак-тау и некоторые другие.

Названные возвышенности, по мнению геолога Клебельсберга, являются уже западными отрогами хребта Петра Великого; они постепенно спускаются к Аму-дарье и разделяют речные долины Сурхана, Кафирнигана и Вахша, образуя на междуречьях безводные холмистые степи. Так хребет Баба-таг разобщает долины р. р. Сурхан и Кафирниган от широты г. Гиссара до Аму-дарьи на протяжении около 150 верст. Горы Ак-тау, Газималек, Карши-тау и Ранган-тау тянутся от Аму-дарьи на с.-восток на такое же расстояние, как и Баба-таг, и разделяют долину р. Кафирниган от р. Вахш. Наконец, горы Терегли-тау, Джиланы отделяют нижнее течение р. Вахш от долины Кизил-су. Перечисленные возвышенности сложены пестроцветными песчаниками и глинами, покрыты солонцеватыми почвами, крайне бедны водой. Западные склоны их более пологи, но прорезаны глубокими оврагами (Баба-таг); восточные склоны, наоборот, довольно круты и малодоступны. Отсутствие воды и обилие в почве солей делает из этой местности унылую, ненаселенную область с редкими колодцами, содержащими солоноватую воду. Растительность этих возвышенностей очень бедная, хотя и заключает в своем составе

несколько интересных форм. Из древесных пород здесь встречается нередко фисташка, заросли которой покрывают довольно обширные площади. Ранней весною описанные возвышенности покрываются ковром свежей зелени и тогда эти пустынные места оживляются кочевьями скотоводов и многочисленными стадами.

К северу от линии Файзабад-Бальджуан абсолютные высоты гор значительно возрастают, а севернее долины Хингоу мы имеем уже ряд первоклассных горных цепей, тянущихся в северо-восточном направлении. На востоке Республики эти цепи достигают границы с Китаем и образуют громадное по размерам Памирское нагорье, северной границей которого является Заалайский хребет и его западное продолжение хребет Петра Великого.

Заалайский хребет на протяжении 120 верст представляет пограничный рубеж Таджикистана и Кара-Киргизской автономной области, являясь одним из наиболее высоких хребтов Средней Азии.

Средняя высота хребта около 18.000 фут. при ширине на меридиане пика Кизил-агын до 40 верст. На северном склоне хребет до самой подошвы одет льдом и снегами. Наиболее высокая вершина, пик Кауфмана, достигает высоты 23.423 ф., являясь, таким образом, высочайшей точкой всей СССР. Из других вершин замечательны: Кизил-агын (21.420 ф.) и в восточной части Горумды (20.580 ф.). Хребет делится на три части поперечными долинами рек Кизил-арт и Алтын-дара, в которых расположены единственные перевалы через него: *Кизил-арт*, высотою 13.744 ф., на главной памирской дороге и перевал *Терс-агар* (12.369 ф.) в западной части хребта на пути из Дараут-кургана в Рушан. На северном склоне интересны следы мощного древнего оледенения в виде громадных морен (чукуры).

К западу от ущелья реки Алтын-дары Заалайский хребет образует сложную цепь грядовых под'емов, понижающихся и суживающихся к западу без выдающихся пиков. Дальнейшее продолжение его, как выясняется в настоящее время, представляет хребет Петра Великого.

Хребет Петра Великого отделен от Заалайского глубоким ущельем реки Мук-су и простирается на запад к устью реки Хингоу. Длина хребта приблизительно 200 верст. Перейдя эту реку, хребет Петра идет дальше по левому берегу реки Вахш и на высоте Оби-гарма перебрасывается на правый берег,

уходя на юго-запад многочисленными разветвлениями, о которых говорилось выше.

Хребет представляет грандиозную складчатую цепь, построенную по преимуществу из меловых и третичных осадков. Особенно высок хребет в восточной части, где имеется ряд пиков от 20.000—21.270 фут. (Пик Муз-джилга). Южный склон хребта представляется каменистым, изрезанным целым рядом глубоких ущелий, которые идут почти до самого гребня: некоторые из ущелий не лишены древесной растительности. Северный склон, крутой вначале, падает уступами в виде террас к долине Сурхоба. Северный склон гораздо более снежный, чем южный; к востоку от перевала Гардан-и-кафтар он представляет сплошную ледниковую область с громадными ледниками Федченко, Мушкетова (Кара-сель), Брюкнера и Гармо во главе и рядом других, менее значительных, вытекающих почти из каждого ущелья.

Характерной чертой хребта Петра Великого является его стратиграфия. Весь хребет состоит почти исключительно из осадочных пород, пласты которых зачастую поставлены «на голову». С точки зрения проходимости, хребет Петра Великого представляет непреоборимую преграду в пределах восточной части. Только в средней части и южной, где гребень хребта сильно понижается, имеется несколько перевалов, открытых в течение 3—4 летних месяцев. Из перевалов наиболее известны:

Сагран (14.650 фут.) с громадными ледниками на подступах, *Гардан-и-кафтар* (12.700 ф.) с большим снежником на вершине и *Люли-харви* (12.500 ф.) с крутым длинным снежником на южном склоне. Перевал Сагран является пешим и служит для сообщения долины Мук-су с ущ. Хингоу. Остальные два перевала лежат на путях из долины Сурхоба в Дарваз. В западной части хребта известен пер. *Камчирак* (8.911 ф.) на пути из Каратегина в Чиль-дару и дальше в Ховалинг.

К югу от ущелья реки Хингоу, параллельно хребту Петра Великого, расположен т. н. *Дарвазский хребет*, заполняющий своими отрогами всю территорию Дарваза. Хребет также мало исследован; снеговой гребень его достигает не менее 17—18 тысяч фут. средней высоты. Северный склон хребта дает значительные отроги. Из последних отрог между р. Бохуд и Оби-Мазар получил название Мазарских Альп и замечателен многочисленными ледниками, описанными Липским. Южный склон крут и к долине Пянджа обрывается почти отвесными скалами.

Склоны Дарвазского хребта изрезаны глубокими и дикими ущельями, с необыкновенно трудными по ним путями. Здесь путешественник должен пережить все сильные впечатления воздушных балконов, качающихся мостиков и узких карнизов, повисших над пропастью. Всюду много ледников.

Из перевалов через хребет наиболее известен *Ахба-и-сытарги* (15.180 ф.), *Арнавади*, *Бунай* на путях из долины Хингоу в долину р. Ванч и *Пшихарв*, *Курговади*, *Висхарви* в долину р. Пяндж. Южнее Дарвазского хребта расположен ряд высоких и узких хребтов, примыкающих юго-западными оконечностями к реке Пяндж, а северо-восточными к Памиру, на границе которого они образуют обширную еще неисследованную ледниковую область.

Таковы: *Ванчский* хребет, разделяющий бассейны р. Ванча и Язгулема на протяжении 100 верст от истоков до устья, *Язгулемский*, почти параллельный первому хребет такой же высокий, разобщающий долину Ванча от р. Язгулем и *Рушанский*, представляющий западную часть Северо-аличурского хребта (Базар-дара) на Памире.

Перечисленные горные цепи являются мало известными снеговыми хребтами, которые отличаются крутыми скалистыми склонами, оледенелыми гребнями и крайне тяжелыми путями, пересекающими хребты. Из перевалов через Ванчский хребет, доступных для всадника, известен один лишь перевал *Гушхон* (14.500 ф.), остальные перевалы, как *Ахба-и-Лянгар* и *Ахба-и-гудживаси*, доступны только для пешеходов.

Через Язгулемский хребет на пути из долины Бартанга более известен трудный перевал *Иодуди* (14.668 ф.) остальные как *Имц-ахба*, *Кумач-дара*, *Биджераф* и *Карфурбордже* представляют ледниковые перевалы, крайне тяжелые для вьючного движения. Также малоизвестен и трудно доступен хребет Рушанский. Из перевалов через этот хребет известны *Штам* с ледником на вершине и перевал *Выхынч*. Оба на трудных путях из долины реки Гунта в долину реки Бартанг.

К югу от Заалайского хребта начинается территория одной из самых своеобразных местностей Таджикистана, называемая *Памиром*.

Последний представляет высокое нагорье «комплекс плато» по выражению Юля, долины которого находятся на высоте от 12.000 до 14.000 фут. над уровнем моря. Хребты Памира связываются с мощными системами Тянь-Шаня, Куэня-Луня, Гиммалаев, Гиндукуша, что создает из него громадный гор-

23000 руб.
Библиотека Института Народного Хозяйства им. ПЛЕХАНОВА
Уч. № 33954
Пр. 36 г.
БИБЛИОТЕКА Института Народного Хозяйства им. Плеханова

ный узел, в котором сплетаются высочайшие поднятия Центральной Азии. Вместе с тем Памир является водоразделом крупнейших речных систем Тарима, Инда и Аму. Почти все поднятия Памира представляют дикие, скалистые хребты с короткими, мало развитыми склонами.

Простирание хребтов на западе Памира юго-западное, в средине широтное и на востоке—юго-восточное. Таким образом, при рассматривании в целом, независимо от политических границ, хребты имеют характер параллельных дуг, выпуклостью обращенных к северу. Благодаря высоте долин, превышение над ними хребтов незначительное; абсолютная высота последних простирается до 15.000—18.000 фут. и гребни их почти всюду достигают линии снега.

Рассмотренный выше Заалайский хребет представляет наиболее выдвинутый к северу хребет Памира, составляющий вместе с тем его географическую границу. На востоке отроги Заалайского хребта сливаются с отрогами *Сарыкольского хребта*, протянувшегося двумя параллельными цепями вдоль государственной границы, почти до перевала Беик. На севере, до озера Булюн-куля Сарыкольский хребет сравнительно невысок, с покатыми склонами и почти теряется среди своих разветвлений. К югу от озера Булюн-куля хребет сильно повышается; южнее Таш-кургана он представляет уже высокую скалистую цепь, круто обрывающуюся к востоку. Западные склоны хребта полого спускаются к Памирским долинам. Средняя высота гребня до 16.000 фут.

Наиболее известными и доступными перевалами через этот хребет на путях с Памира в Китайский Туркестан являются: в северной части *Кизил-джиик* (15.300 ф.), в средней *Чакатай*, *Кульма* на путях в Сарыкол и в южной—перевал *Найза-таш* (Шинди) на пути с верховьев Ак-су (Мургаб) в долину реки Тагдумбаш.

В районе перевала *Кизил-джиик* (Уз-бель) к Сарыкольскому хребту примыкает с запада пустынный снеговой хребет *Муз-кол*, отделяющий бассейн озера Кара-куля от долины реки Мургаб. Это малоизвестное поднятие отличается большей высотой (до 18.000 фут.) и труднодоступностью. На северном склоне его по Д. Наливкину залегают большие ледники. Наиболее известным перевалом через Мук-кол является *Ак-байтал* (15.570 ф.) на важнейшем пути из Ферганы на Памирский пост. Не взирая на громадную высоту, перевал сравнительно легкий и свободен от снега, как большинство Памирских перевалов. К югу от Муз-кола, за рекой Мургаб, поднимается громадный хребет *Базар-дара*, разделяющий бассейны рек Мургаба и Аличура почти на всем их протяжении от истоков до впадения в Пяндж. Средняя высота хребта, по данным Северцева 16.500—17.000 ф. В отношении доступности представляет почти повсюду непреодолимую преграду. Наиболее удобный из перевалов *Лянгар-куталь* (15.700 ф.) лежит в средней части хребта на пути из Аличурской долины к Сарезскому озеру. Южнее Аличурской долины тянется весьма длинный снеговой хребет, который разделяет своим массивом бассейны озера Яшиль-куль и озера Зор-куль (Виктории). Этот хребет не имеет, как и предыдущий, твердо установленного названия. Придерживаясь определения Северцева, правильнее за ним удержать название *Южно-Аличурского*.

Западная часть рассмотренного хребта называемая *Шугнанским хребтом*, малоизвестна; по Б. Федченко, хребет выделяется обширным оледенением его высокого гребня и пиков. Наиболее доступными перевалами в Южно-Аличурском хребте являются: *Баш-гумбез*, *Кумды* расположенные в средине хребта на пути из Аличурской долины в бассейн оз. Зор-куль; *Хоргош* (14.662 ф.) и *Кой-тезек* (14.000 ф.), первый на пути из Аличурской долины в долину р. Памир, и второй на большой памирской дороге на пост Хорог.

Последним Памирским хребтом является громадная снеговая цепь, поднимающаяся высоким барьером над рекой Пяндж и верхним ее течением—Вахан-дарьей. Хребет также не имеет установленного названия, чаще он называется *Ваханским*, по имени приютившегося около его подножия бедного общества горных таджиков Вахан. Западные разветвления хребта заполняют пространство между рекой Шахдарой и Пянджем. Хребет весьма трудно доступен. Перевалы ограничены небольшим числом. Все они не ниже 16.000 фут. и покрыты снегом и ледниками. Более известны *Мац*, *Вранг*, *Ямг*, *Шитхарф* на путях из Вахана в Шах-дару и Шугнан.

Как уже было выше замечено, в Таджикистане мы не находим обширных равнинных пространств. Те речные долины, которые разделяют многочисленные горные хребты и в которых ютится население, пользуясь береговыми террасами, представляют типичные горные ущелья с узким дном, иногда заполненным во вю ширину горным потоком, около которого, пользуясь малейшею возможностью отвести воду на орошение, таджик распланировал свое миниатюрное поле и посадил

несколько фруктовых деревьев. Часто такие ущелья сдавливаются отвесными стенами гор и тогда они превращаются в глубокие не только не обитаемые, но и не проходимые теснины. Из более или менее значительных равнинных пространств Таджикистана и то представляющих в большинстве только расширенные участки речных долин можно указать Ура-тюбинский район, Гиссарскую долину, занимающую центральное положение в западном Таджикистане, Курган-тюбинскую и Кулябскую долины, сливающиеся на юге с равнинным правобережьем реки Пяндж.

Равнинное пространство *Ура-тюбинского района* можно рассматривать, как один из южных заливов Голодной Степи, от которой он отделяется на широте г. Ура-тюбе невысокой горной грядой. Получившаяся, таким образом горная котловина имеет слабо всхолмленное дно, местами пересеченное глубокими оврагами, вытянутое с востока на запад почти на 40 верст и покатое к северу. Абсолютные высоты долины в подгорной полосе колеблются от 4.928 ф. (Шахристан) до 6.321 ф. (Басманды), а в северной части они падают до 3.423 ф. (Ура-тюбе) и даже до 2.366 ф. (Лякат) над уровнем моря. Естественные условия рассматриваемого района довольно близки к таковым же Голодной Степи, но благодаря большему увлажнению почвы многочисленными речками, стекающими с Туркестанского хребта (Бюриган, Ак-су и др.), этот район хорошо населен и является одним из древних очагов культуры.

Гиссарская долина расположена вдоль южной окраины Гиссарского хребта на высоте в западной части 2.080 фут. (Сары-ассия) и до 3.280 (Кафирниган) в восточной. Общее протяжение долины с запада на восток достигает 100 верст при ширине в среднем от 10 до 20 верст. По устройству поверхности эта долина представляет слабо холмистую местность, прорезанную системой рек, принадлежащих к бассейнам Кафирнигана и Сурхана. Особенное значение из рек, орошающих Гиссарскую равнину, имеет Каратаг-дарья для западной части, Ханака и Варзоб (Дюшамбе-дарья) для средней и Кафирниган с притоком Иляк для восточной части. Ущелья перечисленных речек отличаются богатством растительности.

Благодаря обильному орошению и хорошим почвенным условиям Гиссарская долина на всем почти протяжении хорошо возделана и представляет наиболее богатый район Таджикистана, хотя благодаря обилию рисовых полей весьма нездоровый.

Курган-тюбинская равнина примыкает западной стороной к реке Вахш и тянется от устья реки Яван почти на 100 верст до реки Пяндж, где сливается с равнинами и песками правого берега этой реки. К востоку от Вахша Курган-тюбинская равнина повышается и незаметно переходит в пустынные и безводные холмы гор Кизил-тумшук, Ак-башадыр и некоторые другие, а на юге в известное среди скотоводов Джиликульское плато. Высотой над уровнем моря долина не превосходит 1.500 ф. (г. Курган-тюбе). Вблизи реки Вахш долина покрыта могучими зарослями камыша и тростников, которые к северу от гор. Курган-тюбе создают громадный трудно проходимый тугай. Невысокая гряда Ходжа-казиян отделяет на западе описанную долину от долины р. Кафирниган протянувшуюся от г. Кабадиана до Пянджа. К югу от сел. Чуянчи долина покрыта барханными песками.

Точно такой же характер носит и *Кулябская* долина со своими рисовыми полями и зарослями гигантских тростников. По рекам Кизил-су и Ях-су общее протяжение долины с северо-востока на юго-запад 70 верст при чем только верхняя часть ее сравнительно населена и обитаема, остальная представляет царство непролазных камышей и тростников.

Что касается важнейших долин Памира, то следует заметить, что среди них нет ни одной, которую можно было бы приравнять к высоким степям Тибетского нагорья. Памирские долины по своему характеру занимают среднее положение между ними и Тянь-Шанскими сыртами. Самая северная из них примыкает к Кизил-артской седловине Заалайского хребта и тянется на юг до озера Какыр-куль, где сообщается пологим увалом с долиной реки Кара-джилга. Общее протяжение долины около 25 верст; высота над уровнем моря 13.032 ф. В верхней части долина заключает верховья реки Маркан-су, принадлежащей к бассейну Тарима. Южнее, за перевалом Уй-булак начинается наиболее обширная озерная долина Кара-куль; она связывается с речной долиной Муз-кол и достигает вместе с последней до 70 верст длины. Большая часть долины приходится на обширную котловину, заключающую озеро Кара-куль (13.098 ф.). Поверхность Кара-кульской долины крайне безжизненна и пустынна; она покрыта, как и предыдущая мелким камнем, солонцами и чрезвычайно тощей растительностью. К югу высота долины возрастает до 14.000 ф. По краям долины

залегают остатки древних морен, свидетельствующих о мощном развитии ледников на Памаре. Как можно заключить из новейших данных, оледенение Памира не носило сплошного покровного характера, а преобладающей формой были ледниковые потоки, хотя и грандиозных размеров.

Вся *долина реки Музкол* представляет громадный, пологий и широкий трог, в нижней части которой сохранились, по Наливкину, боковые морены до 50 саженей высоты. Ледники, залегающие на северном склоне р. Музкола представляют только остатки колоссального ледника, спускавшегося некогда до озера Кара-куль. Южнее хребта Муз-кол, вблизи нашей политической границы с Китаем, расположена Ранг-кульская долина, протянувшаяся с востока на запад почти на сорок верст, при ширине до 10 верст. Часть ее поверхности занята озерами Ранг-куль и Шор-куль. Высота долины на уровне озер 12.240 фут. Вблизи озер находятся соленые копи, а в одной из прибрежных скал пещера, представляющая интерес по своим значительным размерам и присутствию в ней человеческих черепов.

Следующая к югу *долина реки Мургаб* представляет характерную Памирскую долину, так как на всем протяжении от озера Биш-утек до впадения реки Кара-су, сохраняет тип продольной долины, несмотря на то, что на этом протяжении она дает два почти прямоугольных заворота. Ширина долины колеблется от 2 до 10 верст, а длина, считая по главным заломам до ур. Шаджан, где долина переходит в ущелье около 170 верст. В некоторых местах долина Мургаба болотиста и подвержена широким разливам реки в летнее время. Интересны многочисленные террасы этой долины и рельеф, обусловленный развитием здесь осадочных пород. Высота долины в вершине до 13.100 фут., в средней части—12.500 фут. За перевалом Найза-таш начинается долина реки Аличур, расположенная в широтном направлении среди громадных хребтов Южно-Аличурского с одной стороны и Базар-дара с другой. Ширина долины колеблется от 2 до 15 верст и постепенно увеличивается к западу. Длина ее от перевала Найза-таш до озера Яшиль-куль, которым она заканчивается на западе, около 60 верст. В большей части долина болотиста, благодаря множеству ключей и сазов, по которым протекает река Аличур.

Аличурская долина представляет хорошее пастбище для скота, и летом на ней пестрят стада яков, овец, верблюдов и прочих животных киргизского хозяйства. В прошлом долина Аличура была занята громадными ледниками, следы которых в виде громадных древних морен наблюдаются во многих частях долины.

Последней более значительной долиной Памира является *долина озера Зор-куль* (Виктории) расположенная между Южно-Аличурским и восточной частью Ваханского хребтов. По ней пролегал в древности путь из Бадахшана в долину Ак-су и дальше в Кашгар. Почти все пространство ее занято пресноводным озером Зор-куль, лежащим на высоте 13.390 фут. Длина долины около 18 верст, ширина 3—4 версты.

Благодаря такому положению долин над уровнем моря, физико-географические условия Памира отличаются многими своеобразными особенностями.

Наиболее существенными среди них является разреженность воздуха, сухость климата и необыкновенно резкие колебания температуры. Бушующие ветра несут там массу мелкого материала; повсюду видны следы могучего выветривания; изъеденные им как червоточиной скалы с нишами, котлами и сквозными отверстиями придают Памирскому ландшафту необычайно странный характер. Огромные щебнистые осыпи сопровождают склоны почти всех возвышенностей; на широких каменистых долинах—ни дерева, ни кустарника. Только колючие подушки терескена, оригинального растения памирских долин, покрывают редкими пятнами их мертвые пространства и, являясь единственным топливом, обеспечивают редкому кочевому населению Памира его скудную и суровую жизнь.

Все реки, орошающие Таджикистан, принадлежат к бассейну р. Аму-дарьи за исключением небольших горных речек бассейна Сыр-дарьи, орошающих Ура-тюбинский округ и верховьев реки Маркан-су на Восточном Памире, принадлежащих к бассейну Тарима.

Водная магистраль Таджикистана—*Аму-дарья* принадлежит Республике только своим правым берегом и представляет политическую границу СССР с Афганистаном. В пределах Таджикистана Аму-дарья служит границей от поста Лянгар до развалин Хатын-рават, расположенных, приблизительно, на середине участка Кафирниган-Сурхан.

Как известно Аму-дарья вытекает ит ледника Вахджир на северном склоне Гиндукушского хребта и под названием Вахан-дарьи идет на запад до слияния с рекою Памир, которая вытекает из озера Зор-куль (Виктории); отсюда река получает

название Пянджа и сохраняет таковое до устья реки Вахш, после впадения которого она называется уже Аму-дарьей.

В верхнем течении от Лянгара до Ишкашима долина реки Пяндж имеет ширину до 5 верст и покрыта многочисленными тугаями с густыми зарослями облепихи, а местами довольно большими луговыми пространствами. Река на этом участке нередко течет рукавами с довольно спокойным течением, допускающим в малую воду существование бродов.

По обоим берегам Пянджа ютятся небольшие кишлаки таджиков, окруженные небольшими тщательно возделанными полями.

Около Ишкашима Пяндж почти под прямым углом поворачивает на север и почти на протяжении 200 верст течет в меридиональном направлении. Здесь падение реки увеличивается, и долина ее приобретает вид мрачного корридора, пробитого в горах с редкими площадками земли, пригодной для культуры, и воздушными тропинками, проложенными самым удивительным образом по скалам.

Около Кала-и-хумба Пяндж снова уклоняется на юго-запад и сохраняет такое направление до выхода за границу Таджикистана. Река на этом участке шириною до 100 сажен имеет чрезвычайно бурное течение, особенно сильное и стремительное в половодье . С диким ревом она ворочает огромные камни и наполняет свое скалистое ущелье таким шумом и грохотом, что он совершенно заглушает человеческий голос. Переправа через реку возможна здесь только на турсуках и то лишь в малую воду.

Около кишлака Богарак Пяндж вырывается из узкого ущелья и течет далее много спокойнее ,разбиваясь на рукава и образуя около устьев впадающих в него рек обширные туган, местами с непроходимыми зарослями камышей и исполинского тростника (Arundo Donax). Благодаря более спокойному течению и рукавам, на которые делится часто река, через последнюю существует ряд важных переправ, из которых Пархарская и Биш-капинская допускают переправу в брод, Богоракская, Чубекская и Кокульская на турсуках, а остальные, как переправы Сарайская и Айваджская, обслуживаются каюками.

Из притоков Аму-дарьи, или точнее Пянджа наиболее существенными для населения и крупными по размерам являются правые притоки, стекающие стремительными потоками с высот Памира и Алайской горной системы.

Таковы, считая с верховьев Пянджа, реки: Гунт, Бартанг, Язгулем, Ванч, Оби-ниоу, Кизил-су (Ях-су), Вахш, Кафирниган и Сурхан, при чем последняя принадлежит Республике только своими верховьями.

Река Гунт, или как ано называется в начале—Аличур получает истоки из многочисленных ключей, находящихся у подножья западного склона перевала Найза-таш. Река протекает болотистой долиной, известной на Памире своими пастбищами и хранящей следы мощного древнего оледенения.

Пройдя от истоков около 100 верст, река Аличур вливается в озеро Яшиль-куль, представляющее собою ничто иное, как запруженную древним обвалом реку Аличур, которая переливаясь через этот обвал, течет дальше сильно порожистой и стремительной рекой под названием Гунт.

Ущелье реки не лишено мест, удобных для полевых культур, благодаря чему здесь встречается ряд селений таджиков, особенно многочисленных, начиная от устья реки Токузбулак. Не доходя 14 верст до Пянджа Гунт принимает слева наиболее крупный приток реку *Шах-дару*, известную красотой своего лесистого ущелья.

Река Бартанг является наиболее крупным притоком Пянджа, стекающим с высот Памира. Бартанг вытекает под названием р. Ак-су из озера Чакмактын-куль, расположенного на Афганской территории вблизи нашей границы. Около ур. Шаджан река меняет свое название на р. Мургаб ,которое удерживает до Сарезского озера, образовавшегося от запруды реки гигантским обвалом. Ниже завала до впадения в Пяндж река называется Бартангом. От самого Шаджана река течет узким скалистым ущельем с необыкновенно трудными тропами, соединяющими с внешним миром небольшие кишлаки таджиков.

Из притоков Бартанга большой интерес представляет река *Кудара*, впадающая справа в реку Бартанг около кишлака Таш-курган. Эта река под названием *Танымас* вытекает из ледников еще не исследованной области, лежащей на границе Дарваза и с.-западного Памира. Как Кудара с Танымасом так равно и река Бартанг пользуются известностью, как золотоносные реки. К северу от Бартанга, за Язгулемским хребтом, лежит ущелье *р. Язгулем*, вытекающей под названием Кашаль-аяк из ледников западного склона той же неисследованной области, о которой упомянуто выше. Это сравнительно небольшая горная река с быстрым порожистым руслом, ограничена скалистыми снеговыми горами. Ущелье реки Яз-

гулем богато растительностью; в верховьях встречаются большие арчевые заросли, а в среднем течении, начиная от Убагына сады и поля таджиков язгулемцев.

Река Ванч течет в довольно широком ущелье, многоводным потоком, отделенным от реки Язгулем высоким снеговым Ванчским хребтом. Течение этой реки, с северо-востока на юго-запад, почти строго параллельно течению реки Язгулем и область ее питания представляют ледники того же неизвестного хребта, который отделяет Памир от Дарваза. Долина реки Ванч оживлена, легко доступна до самых ледников и покрыта садами и полевыми культурами многочисленных таджикских селений.

Река Оби-ниоу получает начало на восточном склоне хребта Васми-куги и течет к югу с небольшим отклонением к западу. Около кишлака Шогон впадает в р. Пяндж. Река очень быстрая, шириною до 15 сажен. Не взирая на сравнительно небольшое протяжение долина Оби-ниоу известна, как одна из наиболее густо населенных долин.

Река *Кизил-су*, или как ее называют чаще по левой составляющей *Ях-су*, представляет очень многоводную с быстрым течением реку, известную золотоносными конгломератами. В вершине собственно Кизил-су (р. Шурак) развиты мощные красноцветные песчаники, создающие оригинальный ландшафт. Около кишлака Ханабад Ях-су выходит из гор и течет дальше до самого Пянджа широкой и довольно населенной долиной.

Ниже г. Куляба Ях-су сливается с Кизил-су и образует обширные заболоченные пространства, покрытые камышем и гигантскими тростниками.

Река Вахш является самым крупным притоком Аму-дарьи, достигающим 600 верст длины. Река начинается под именем Кизил-су около перевала Тау-мурун в восточном конце Алайской долины. Приняв ряд речек с Алайского и Заалайского хребтов, Кизил-су входит под названием Сурхоб в Каратегин где около кишлака Домбурачи принимает слева крупный приток реку Мук-су, питаемую громадными ледниками северного склона хребта Петра Великого. Верховья реки Мук-су (Саук-сай) известны золотоносностью.

Около Гарма река разбивается на рукава, и ширина ее достигает почти версты. Несколько ниже Гарма Сурхоб быстро суживается до 30 сажен, но пройдя верст 10, снова расширяется. Начиная от границы Каратегина и до устья долина Сурхоба,

почти на всем протяжении густо, населена. Близ селения Лянгар, Сурхоб принимает слева крупнейший приток р. Хингоу, питаемую многочисленными первоклассными ледниками, как Гармо, Сытарг, Арнават и мн. др. Река Хингоу многоводна и глубока; течет в высоких скалистых берегах. Начиная от селения Пашимгар и до устья, долина Хингоу значительно расширяется и носит культурный характер благодаря многочисленным селениям таджиков.

После слияния Сурхоба с Хингоу, река получает название Вахш и течет далее на юго-запад глубокой многоводной рекой. До выхода в долину Курган-тюбе Вахш зажат горами и ширина его суживается от 50 саженей (у Тут-каула) до нескольких аршин, как например у известного моста через Вахш Пули-сангин. Начиная от Курган-тюбе Вахш разбивается на рукава и образует широкую покрытую тугаями и рисовыми культурами долину, сохраняющую в общем свой характер до впадения в Пяндж. Ширина реки на переправе через нее у селения Джили-кул достигает 200 саж.

Река Кафирниган, стекая с южного склона Гиссарского хребта, начинается у селения Раумит, образуясь слиянием многоводных и быстрых рек Сардаймиона, Сорбог и Канязь.

Протекая Гиссарской долиной на протяжении 60 верст, она местами расширяется до 100 сажен и образует ряд островов. Дойдя до Гиссарской переправы снова соединяется в одно русло и течет по глубокой узкой долине между отрогами гор Баба-даг и Газималека. Сообщение между берегами через Кафирниган производится или по мостам или на каюках. Из притоков самый значительный *Дюшамбе-дарья*, берущий начало под названием *Варзоб-дарья* из ледников близи перевала Анзоб. Из других притоков значительны *Ханака*, играющий большую роль в орошении Гиссарской долины и река *Иляк* с густо населенной долиной.

Река *Сурхан* образуется слиянием рек *Каратаг-дарья* и *Тупаланг-дарья*. Первая из них берет начало на южном склоне Гиссарского хребта у перевала Мура и представляет бурную каменистую речку, иногда сжатую отвесными скалами. Ниже города Каратага река выходит в широкую долину и здесь играет значительную роль в орошении. Тупаланг-дарья составляется из многих истоков, питаемых снегами западной части Гиссарского хребта в районе массива Хазрет-Султан.

До Сары-джуя Тупаланг протекает в теснине, заваленной громадными валунами; ниже Сары-джуя она делится на рукава и разбирается но орошение окрестностей Сары-ассии и Юрчи.

По слиянии Тупаланг-дарьи с Каратаг-дарьей образуется р. Сурхан, текущая уже территорией Узбекской Республики многоводной рекой по широкой, хорошо населенной долине, местами поросшей могучими камышами. Переправы через реку в этой части возможны только на каюках (у Кокайты).

В северо-западном углу Таджикистана, между Туркестанским и Зеравшанским хребтами, помещается долина *реки Зеравшан*, одной из значительнейших рек, принадлежащей в среднем и нижнем течении Узбекской республике.

Река *Зеравшан*, называемая в верховьях *Матча*, получает начало, как известно, из громадного ледника, стекающего с перевала Матча, который лежит в водораздельном хребте между Зеравшаном и рекою Сох. До устья реки Кштут Зеравшан течет быстрым многоводным потоком в узком ущелии, который выше Пальдорака имеет характер теснины, пропиленной в сланцах. На высоких террасах реки расположены небольшие кишлаки таджиков матчинцев, что придает долине реки не столь суровый характер. Ширина реки в среднем течении около 12 саж., скорость течения до 10 фут. в секунду.

Ниже Кштут-дарьи долина реки Зеравшан значительно расширяется и пройдя Пенджикент, вступает в пределы Узбекской Республики. Из многочисленных притоков, стекающих в Зеравшан с окружающих его хребтов наиболее значительной является *Фан-дарья*, слагающаяся в свою очередь из рек *Ягноба* и *Искандер-дарьи*, вытекающей из озера Искандер-куль. Река Ягноб течет широкими изгибами на запад на протяжении 120 верст между Зеравшанским и Гиссарским хребтами; она образуется из трех истоков: у перевала Су-баши, у пер. Кум-бель и у вершины Такали. Ширина реки 10—15 саж. Ущелье Ягноба довольно населено, но отличается трудными путями сообщения. Весьма интересны здесь естественные печи на склонах горы Кантаг, у кишлака Рават. Вследствие подземного пожара каменноугольных пластов из отверстий имеющихся в скалах, вырываются раскаленные газы столь высокой температуры, что пользуясь ими легко вскипятить воду или выпеч лепешки.

Среди *озер* Таджикистана более значительными являются

озера Памира, при чем наибольшее из них озеро Кара-куль достигает 24 верст в длину при такой же почти ширине.

Все озера Памира лежат на большой высоте над уровнем моря и отличаются большой пустынностью своих окрестностей. Упомянутое уже озеро *Кара-куль* лежит на высоте около 13.100 фут. в громадной, лишенной стока котловине. Вода в озере солоноватая. Озеро состоит из двух ванн, соединяющихся не широким проливом, при чем восточная сравнительно мелководна, а в западной по измерениям Свен-Гедина глубины достигают 190 мет. (88 саж).

Южнее озера Кара-куль, вблизи Китайской границы находятся мелководные озера Шор-куль и Ранг-куль известные хорошими пастбищами по влажным и низменным их берегам.

Большой интерес среди Памирских озер представляет новое озеро, образовавшееся в 1911 году на реке Мургаб (Бартанг), вследствие запруды реки громадным обвалом гор. При этом во время обвала погибло селение таджиков Усой, а затем образовавшимся озером было затоплено более крупное селение Сарез, по имени которого и стало называться новое *озеро Сарезским*.

Оно лежит на высоте 10.794 фута над уровнем моря и вытянулось в длину до 65 верст при глубине около запруды около 200 саженей.

Такого же запрудного происхождения и *озеро Яшиль-куль*, находящееся в конце Аличурской долины. Это одно из наиболее живописных озер Памира, окруженных красивыми легендами. Интересно также и озеро *Зор-куль* (Виктории), лежащее на высоте 13.390 ф. на границе СССР с Афганистаном. Это озеро, как и два предыдущих пресное: вытекающая из озера река Памир, является северным истоком реки Аму-дарьи.

Среди озер западной части Таджикистана наибольшим является *Искандер-куль*, площадью около 3,39 кв. верст. Оно расположено на высоте 7.413 ф., очень величественно и отличается редкой красотой. Глубина озера значительна и выражается, десятками саженей. На южном и восточном берегах есть густые березовые рощи. Озеро имело когда то более высокий уровень о чем свидетельствуют древние террасы. Как показали исследования современный уровень озера может быть снова повышен путем создания плотины при выходе из озера реки Искандер. Таким, образом озеро Искандер-куль может быть превращено в водозапасный бассейн для реки Зеравшан.

Озера *Куль-и-калян* состоят из 9 озер, расположенных в одной и той же котловине на высоте 9.520 ф. Самое большое из них под названием *Дюшаха* имеет 700 саж. длины и 350 саж. ширины. На берегах арчевые и березовые рощи. Глубина озера незначительна и не превосходит 4-х сажен.

Озеро *Лебеджай* находится в Гебридском ущелье на высоте 8.860 ф. и считается священным. Глубина озера около 75 саж. Упомянем еще озера по реке Шинк: *Сояр*, *Гушар*, *Мюфан*, *Маргузар* и *Хдор-чешме*. Все эти озера пресноводны, не имеют рыбы и наполнены удивительно прозрачной водой. На левом берегу р. Вахш имеется еще серное озеро под названием *Истин*.

Для полноты очерка вод Таджикистана необходимо еще отметить обилие в Республике теплых источников, иногда с широко известной лечебной репутацией. Из таковых следует указать многочисленные теплые источники в Шугнане и Вахане с знаменитым источником Гарм-чашма и источники, известные под одним названием Оби-гарм в бассейне Вахша и Кафирнигана. Источники *Гарм-чашма* выходят около кишлака Джунт. Эти сернистые ключи имеют температуру до 60° и не только бьют ключом, но бьют фонтаном. Натеки туфа образовали здесь ряд круглых бассейнов с различной температурой воды. Источник *Оби-гарм* расположен на правой стороне реки Варзоб в довольно глухой местности и имеет температуру 60°. Температура почвы так высока, что вырытая в земле яма, закрываемая сверху заслонкой, служит отличной духовой печкой, где можно изжарить баранину.

Другой источник достигающий температуры кипения находится около селения Оби-гарм. Глубина этого источника достигает сажени. Около него откопано два бассейна для купания и благодаря такому примитивному оборудованию этот источник привлекает много больных.

Климат Таджикистана.

Л. А. Молчанов.

Таджикистан, при всей сложности рельефа его поверхности и разнообразию его климатов, до сих пор был очень беден метеорологическими станциями даже не только в области трудно доступных и мало населенных горных хребтов, но и в предгорьях с.-з и з. части республики, сравнительно густо населенной и легко доступной.

В среднем, на каждую метеорологическую станцию из 4*) действовавших и действующих теперь на территории этой республики, приходится около 20½ тысяч кв. километров, что является крупной площадью даже при нашем туркестанском масштабе.

Если же считать только станции, работающие в настоящее время (Памирский пост и Хорог), то площадь, приходящаяся на одну станцию, достигает колоссальных размеров.

В виду этого, для огромных пространств этой республики мы не имеем совершенно никаких указаний климатического характера, и приходится ограничиваться или характеристикой климата слишком общего характера, или же ссылаться на данные ближайших мет. станций, расположенных на территории соседних республик, в местностях более или менее отличающихся по климатическим условиям.

Перечисляю те мет. станции, на данные которых приходится опираться при описании климатов Таджикистана.

В предгорьях Таджикистана:

Таблица № 1.

Название станций	Широта	Долгота от Пулкова	Абсол. высота в метр.	Время действия
Пенджикент	39°30′	37°17′	(990)	1881-83
Ура-тюбе	41°30′	38°41′	(1370)	1873 полн. 1881-2 неполн.

*) Я не принимаю во внимание станц. Лянгар, основанную в 1913 г. но почти не работавшую.

В высокогорной области Таджикистана:

Таблица № 2.

Название станций	Широта	Долгота от Пулкова	Абсол. высота в метр.	Время действия
Памирский пост	38°11′	43°42′	3640	1894-1918 1923-25
Хорог	37°27′	41°19′	2105	1893-1918 1923-25

Кроме того, необходимо было пользоваться данными след. станций, расположенных на территории соседних республик:

Таблица № 3.

Название станций	Широта	Долгота от Пулкова	Абсол. высота в метр.	Время действия
Самарканд	39°39′	39°37′	671	1870-71 1880-1925
Ходжент	40°18′	49°18′	324	1871 1881-1922
Мирзачуль	40°31′	38°25′	273	1902-1925
Термез	37°12′	36°55′	310	1900-1918

Климаты Таджикистана быть может наиболее разнообразны по сравнению с климатами других Ср.-Аз. республик.

Мы имеем на участке, правда, сравнительно, незначительном по площади, по правому берегу Аму-Дарьи и в низовьях Кафирнигана и Вахша— типичный пустынный климат, очень жаркий и сухой летом, резко континентальный.

Выше к предгорьям хребтов Гиссарского, Петра I, Дарвазского, по среднему течению Заравшана и по склонам Туркестанского хребта—климат туркестанских степей и предгорий тоже сравнительно сухой и жаркий летом, но с большим годовым количеством осадков.

Многочисленные горные хребты и их высокие долины характеризуются климатом горным, более влажным и прохладным, с более равномерным распределением осадков в течение года. По мере увеличения абсолютной высоты, уменьшается температура, и на вершинах гор в температурном отношении климат близок к крайнему полярному.

Осадки до известной высоты склонов увеличиваются, но после определенного предела начинается зона менее влажная, а на обширных поднятиях Памиров осадков даже меньше, чем на равнине; здесь снова развиваются пустыни, в отличие от расположенных внизу, называемые высокогорными.

Таким образом, климат Памиров относится к особой разновидности пустынного типа—высокогорно-пустынному климату.

Остановимся подробнее на каждом из указанных типов климата.

Климат туркестанских пустынь отличается, вообще, очень малым количеством осадков, сухим летом и белое влажной зимой и особенно весной, общее годовое количество осадков—менее 250 миллиметров.

Температура очень высока летом, но по сравнению со странами, лежащими у моря или находящимися вообще под его влиянием—очень низка зимой.

Так напр., средняя январская температура Термеза, самого жаркого пункта в нашей Ср. Азии, приблизительно, равна температуре этого месяца в Голландии; лето же напоминает северо-африканское.

Колебания температуры—годовые и суточные, очень велики. После очень жаркого дня ночь может быть, сравнительно, прохладна, что обычно не наблюдается летом в более умеренных широтах.

Облачность мала, особенно летом. Небо ясно, но благодаря пыли, обычно, слегка белесовато и не имеет ярко-синего оттенка. Влажность воздуха очень мала, особенно, в жаркие часы дня.

В пустынях обычно летом днем редко бывает тихо. Нагревающийся от раскаленной почвы воздух поднимается вверх, смешивается с более высокими слоями атмосферы, где никогда не бывает затишья, и вовлекается ими в движение. Но около

Отд.

времени захода солнца, когда остывает дневной жар, ветер стихает, и ночь часто совершенно безветренна; тишина и ясное небо способствует лучеиспусканию с поверхности земли и предметов, и охладившийся воздух застаивается внизу, стекает в котловины и впадины. Часто летней ночью на вершине песчаного бархана температура на несколько градусов выше чем в котловине между барханами.

Благодаря сухости, жизнь в пустыне замирает в жаркие месяцы также, как и зимой; только весной развивается скоро преходящая травянистая растительность, иногда с крупными красивыми цветами (тюльпаны, подснежники и др.).

Термез, хотя и расположен в соседней республике, но является единственной ближайшей метеорологической станцией, характеризующей пустынный климат этого района.

О главнейших метеорологических элементах этой станции можно судить по таблице № 2.

Мы видим, что средняя годовая температура здесь выше $17\frac{1}{2}^0$, т. е. на 4^0 выше Ташкентской.

Самый теплый месяц имеет температуру выше 30^0; в этом отношении этот уголок наших пустынь приближается к северной Африке. Наивысшие температуры воздуха превышают 45^0 (термометр помещается, конечно, в тени), но почва—сухой песок—может нагреваться выше 60^0. Влажность воздуха (абсолютная—выраженная в миллиметрах упругости водяных паров и относительная—в процентах насыщености воздуха парами) в точности не определена (поэтому цифры и стоят в скобках); но благодаря близости большой реки, воздух здесь больше содержит паров, чем напр., в пустынях Туркменистана.

Облачность мала, особенно летом; за год облачность в процентах равна 27, т. е. в среднем только около $^1/_4$ небесного свода покрыто облаками.

Строка осадков и числа дней с осадками—указывают на общее количество и годовой ход этого элемента.

Мы видим, что от июня по сентябрь включительно—царит почти полная засуха.

Безморозный период, т. е. промежуток между последним весенним морозом и первым осенним, в Термезе наибольший для Ср.-Аз. республик за исключением побережья Каспия, где чувствуется умеряющее влияние моря.

В Термезе безморозный период в среднем равен приблизительно 240 дням; эта величина дней на 10—15 больше

Ферганской и дней на 10—Бухарской; безморозный период прилегающей части Таджикистана менее продолжителен, но все же вполне достаточен для развития многих южных растений, в том числе и хлопка.

Табл. № 2. **Термез. Средние многолетние**

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	Год
Температура воздуха . .	3,0	5,7	10,5	18,1	25,0	30,2	32,0	30,0	23,8	16,2	11,5	5,6	17,6
Абсол. . влажн. воздуха . .	(4,1)	(4,8)	(5,5)	(8,9)	(10,0)	(9,8)	(12,4)	(9,7)	(8,0)	(7,0)	(6,4)	(5,6)	(7,7)
Относит. влажн. воздуха	(73)	(75)	(64)	(59)	(50)	(35)	(33)	(38)	(40)	(52)	(69)	(70)	(56)
Облачность .	48	49	45	39	30	10	5	3	5	17	32	43	27
Осадки в tt . .	17,6	15,2	28,9	18,5	11,6	0,3	0,3	0	0	4,9	8,4	14,4	120,1
Число дней с осадками	6	6	6	5	4	1	1	0	0	1	3	3	35

К району климата степей и предгорий мы можем отнести юго-западную часть Таджикистана—окрестности Дюшамбе, Файзабада, Куляба, б. м. Курган-тюбе и Денау, и часть с. западную, с бывшими метеорологическими станциями Ура-тюбе и Пенджикент.

Метеорологическая станция в Ура-тюбе действовала очень недолго. Мы имеем данные полностью за 1873 г., частью за 1881 и 1882.

Такой незначительный период наблюдений дает возможность только в общих чертах охарактеризовать климат этого района. Приложенная таблица № 3 приводит наблюдения только за один—1873 год. По температуре воздуха Ура-тюбе немного прохладнее ближайших мет.—станций, расположенных ниже на равнине—Мирза-чуль и Ходжент, в среднем

на 1—2½ градуса. Осадки выпадают в большем количестве, чем на указанных двух станциях, и распределение осадков в течение года более равномерное.

Влажность воздуха и облачность, в общем, мало отличается от наблюдаемых на ближайшей равнине. Преобладающие ветры—восточных и северных румбов.

Ветры с юга, запада и юго-запада—наблюдались редко.

Табл. № 3. **Ура-Тюбе. 1873 год.**

	Темпер. воздуха	Абсол. влажн.	Относ. влажн.	Облачность	Осадки
I	—2,7	2,9	73	2,5	6,6
II	—0,1	3,3	65	—	39,2
III	5,6	4,7	69	5,8	70,6
IV	13,0	5,5	53	3,8	70,8
V	20,6	6,3	37	1,6	35,7
VI	23,4	7,3	34	2,5	—
VII	26,7	9,0	36	2,9	31,5
VIII	23,9	6,1	28	2,1	9,1
IX	19,0	6,0	39	2,3	2,4
X	11,3	4,6	46	2,0	1,7
XI	8,7	4,5	55	4,4	18,2
XII	1,5	3,5	66	4,6	43,2
Год	12,6	5,3	50	3,2	(329)

Метеорологическая станция в Пенджикенте работала с 1881 по 1883 год полностью, в 1884, 1915-16—частично. Мы приводим в табл. № 4 данные по этой станции, вычисленные за 3 полные года.

Пенджикент расположен ближе всего к Самарканду,

но благодаря несколько большей высоте, климат его носит несколько горный оттенок.

Средняя температура ниже Самаркандской в среднем за год—на 1,1°. Влажность воздуха— немного большая, чем в Самарканде; облачность значительно большая, особенно в течение первых четырех месяцев года.

По годовому количеству осадков Пенджикент походит на Ура-тюбе и Самарканд.

Весна по май включительно богата осадками. Самый дождливый месяц—апрель. Осень более сухая.

Табл. 4. **Пенджикент. Ср. за 1881—83 г.г.**

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	Год
Температура воздуха	0	—0,8	7,7	13,5	18,5	23,5	25,1	24,1	17,5	10,3	6,2	2,4	12,2
Абс. влажность	3,5	3,3	5,6	8,4	10,7	10,8	10,8	9,5	7,6	6,3	5,3	4,1	7,2
Относ. влажн.	74	75	74	75	70	53	49	47	54	71	74	73	66
Облачность	6,3	6,1	6,4	7,3	4,7	3,0	2,0	0,7	1,6	4,5	4,8	6,7	4,5
Осадки	34,3	31,8	47,0	103,5	53,4	9,5	9,3	0,1	5,0	9,9	16,8	38,8	317,1

Горный климат Таджикистана освещен только одной мет.-станцией—Хорог, расположенной у впадения р. Гунт в р. Пяндж.

Климат этой местности заметно отличается от климата расположенных дальше к востоку высокогорных Памирских пустынь.

Конечно, резкой границы провести нельзя; постепенно по мере понижения абсолютной высоты, долины рек, впадающих в Пяндж, и самая долина этой реки, приобретает более благоприятные климатические условия. Температура воздуха повышается, и повышается количество осадков, до какой то неопределенной еще высоты, после чего, по мере приближения к равнине, количество осадков снова начинает понижаться. Впрочем, здешние горы все же осадками очень бедны.

Распределение осадков в течение года довольно равномерно. Весенние месяцы наиболее богаты дождями, но резко выраженного максимума осадков не наблюдается.

В общем, в Хороге осадков выпадает все же почти в два раза меньше, чем напр. в Ташкенте; по количеству осадков Хорог, несмотря на свою большую абс. высоту, скорее приближается к пустыням, чем к настоящим горным станциям.

В температурном отношении Хорог тоже не является типичной горной станцией. Лето здесь жаркое, зима холодная, и средняя годовая одинакова с Джаркентской.

Минимальные температуры в таблице сравнительно умеренные—что об'ясняется непродолжительностью наблюдений (всего 2 года).

Самые теплые месяцы—июль и август, имеют среднюю температуру выше 22°. Влажность воздуха невелика; и в этом отношении климат Хорога—скорее пустынный, чем горный.

Облачность мала, и число ясных дней в году (т. е. дней, когда менее $^1/_5$ неба в облаках) на 10 больше, чем в Ташкенте.

Типичные высокогорные пустыни, с резкими колебаниями температуры, с малым количеством осадков и небольшой влажностью воздуха, с преобладающим влиянием ветра на выветривание и на переносы продуктов выветривания—мы встречаем в широких долинах центрального Памира. Здесь уже давно работает метеорологическая станция на п. Памирском; кроме того, многочисленные экспедиции произвели целый ряд интересных метеорологических наблюдений. Из таблицы № 8 мы видим, насколько низка здесь температура воздуха.

Средняя годовая температура на Памирском посту ниже, чем в Архангельске; только 5 месяцев (май—сентябрь) имеют ср. температуру выше нуля; но морозы по ночам возможны в течение всего года.

Июль и август самые теплые месяцы, почти на целый градус холоднее апреля в Ташкенте.

Ветры в Хороге отмечены преимущественно западные и восточные.

Обычно они несильны. Очень часто, особенно по утрам, наблюдается полное затишье.

Давление воздуха в теплые месяцы немного понижается по сравнению с зимой. И в этом отношении Хорог более приближается к станциям равнин.

Данные приведены в табл. 5, 6 и 7.

Табл. 5. **Хорог. Температура воздуха.**

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	Год	
Средняя многолетняя	−7,4	−5,6	+0,6	9,3	15,1	19,2	22,5	22,2	18,1	10,6	4,2	−3,4	8,8	
Наименьшая ср. за месяц и за год	−11,7 1899	−7,7 1901	−2,3 1903	5,8 1903	12,6 1904	15,5 1901	19,5 1903	(19,1) 1907	15,2 1902	8,6 1904	2,0 1902	−7,4 1910	7,4 1903	
Наибольш. средняя за месяц и за год	(−2,8) 1908	−2,6 1904	(5,3) 1901	11,9 1909	17,2 1899	21,3 1904	24,7 1908	23,8 1909	20,6 1900	12,6 1903	6,8 1901	−0,5 1909	9,4 1909	
Минимум	−15,9	−18,2	−11,1	0,6	5,2	8,5	10,7	5,4	2,2	6,6	−6,8	−15,7	18,2	12 л. по 2 года ср. дан.
Максимум	7,2	10,2	15,4	24,4	30,0	32,0	(35,0)	33,2	30,8	28,0	(17,0)	10,4	(35)	

Табл. 6. **ХОРОГ.**

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	Год
Абсолют. влажность	2,1	2,1	3,5	4,6	5,1	5,6	6,3	6,4	3,9	3,5	2,1	1,9	3,9
Относит. влажность	65	61	56	46	42	35	32	30	26	33	42	52	43
Осадки	28,3	21,3	22,8	28,9	18,5	5,4	2,8	1,2	2,6	9,5	21,7	20,2	183,2
Число дней с осадками	8	7	6	7	4	2	1	1	1	3	4	6	50
Давление воздуха	596,5	597,3	596,5	594,8	595,0	594,3	591,6	591,9	593,9	596,2	597,6	598,0	595,3

Табл. 7. **Хорог. Облачность.**

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	Год
Средняя многолетняя.	46	48	52	44	43	28	21	13	13	29	36	43	34
Число ясных дней.	10	8	8	9	9	14	20	22	23	16	13	12	161
Число пасмур. дней.	7	7	7	5	5	2	2	0	1	3	5	7	52

Табл. 9. **ПАМИРСКИЙ ПОСТ. Температура воздуха.**

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	Год
Средняя многолетняя	−17,8	−15,4	−7,0	−0,6	6,3	10,5	13,9	13,8	7,7	−0,1	−7,4	−15,6	−1,6
Наименьшая средняя за месяц и за год	−26,7 1909 г.	−22,0 1900 г.	−11,0 1897 г.	−2.4 1910 г.	(4,5) 1916 г.	6,6 1907 г.	10,6 1907 г.	11,3 1899 г.	4,8 1912 г.	−2,3 1899 г.	10,6 1895 г.	21,7 1899 г.	−2,0 1909 г.
Наибольшая средняя за месяц и за год	−11,7 1911 г.	(−9,1) 1917 г.	(−3,6) 1916 г.	3,8 1912 г.	8,5 1902 г. 1917 г.	12,3 1911 г.	16,6 1908 г.	(16,8) 1917 г.	10,8 1900 г.	(3,0) 1904 г.	−4,2 1901 г.	−12,2 1897 г.	0,8 1901 г.
Минимум (абсолютный)	−46,7 1894 г.	−43,5 1909 г.	−36,6 1897 г.	−23,9 1897 г.	−12,2 1898 г.	−5,5 1908 г.	−1,3 1896 г.	−4,6 1896 г.	−14,4 1898 г.	−26,6 1896 г.	−32,3 1895 г.	−41,6 1899 г.	−46,7 1894 г.
Максимум (по срочным наблюдениям)	2,2 1902 г.	6,4 1904 г.	11,4 1894 г.	(16,0) 1916 г.	21.3 1896 г.	25.0 1909 г.	30.7 1904 г.	26.9 1907 г.	22.6 1900 г.	(19.6) 1903 г.	11.0 1901 г.	3.2 1906 г.	30.7 1904 г.

Табл. 10. **Осадки. ПАМИРСКИЙ ПОСТ.**

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII
Среднее многолетнее	5,0mm	4,3	3,0	6,3	6.0	10,7	12.6	5.7	2,1	1.6	0,4	0,9
Наибольшее месячное количество .	41 mm 1902г.	19 mm 1908г.	12 mm 1910 г.	30 mm 1908 г.	27 mm 1924 г.	63 mm 1915 г.	30mm 1910 г.	27 mm 1910 г.	103 1908 г.	9 mm 1939 г.	8 mm 1899 г.	13 mm 1899 г.
Число дней с осадками (ср. многолетнее)	3	2	2	2	2	4	4	3	2	1	1	1

Табл. 10. **Влажность. воздуха. ПАМИРСКИЙ ПОСТ.**

		I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	Год
Абсолютная влажность	Средняя многолетняя	0,8	0,8	1,6	2,2	3,4	4,0	4,7	4,8	3,2	2,1	1,4	0,9	2,6
	Наибольш. средняя за месяц . . .	1,1 1895	1,1 1895	1,9 1896	2,7 1916	4,1 1900	5,1 1899	5,1 1900	5,8 1899	3,7 1901	2,3 1901 1896	1,6 1901	0,8 много лет	—
	Наименьшая средняя за месяц . . .	0,6 1895	0,7 1900 1893	(1,2) 1900 1901	(1,7) 1899	2,8 1898	3,3 1898	4,3 1897	3,9 1898	2,2 1898	1,6 1898	1,0 1896	0,4 1896	—
Относительная влажность	Средняя многолетняя	62%	59	52	47	47	44	42	42	42	49	54	56	50
	Наибольшая ср. за месяц	71 1900	77 1900	66 1900	52 1898	56 1900 1916	53 1900	49 1897	60 1899	50 1894	61 1899	69 1895	75 1899	—
	Наименьшая средняя за месяц . . .	41 1916	51 1895	(35) 1901	(41) 1899	40 1095	33 1898	38 1895	33 1898	32 1900	36 1898	43 1896	39 1896	—

Табл. 11. **Облачность в %, ясные и пасмурные дни. ПАМИРСКИЙ ПОСТ.**

		I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	Год
Облачность средняя многолетняя		47	49	49	51	46	36	40	29	24	26	30	39	39
Число ясных дней ср. многол.		7	6	6	6	6	10	8	16	16	15	14	11	123
Число пасмурн. дней ср. многол.		6	5	7	7	4	3	3	2	2	1	2	4	45

Табл. 12. **Давление воздуха. ПАМИРСКИЙ ПОСТ.**

		I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII
Среднее многолетнее . . .	488,6	488,7	489,6	491,2	493,0	493,0	493,0	493,2	494,2	494,2	493,8	491,4
Наибольш. среднее за месяц . .	491,7 1902	494,7 1902	492,5 1901	492,3 189,9 1911	494,2 1900	494,1 1902	493,4 1899	495,0 1902	495,2 1902	495,3 1910	495,6 1909	493,5 1901
Наименьш. среднее за месяц . .	485,8 1911	485,9 1898	486,2 1903	490,0 1897	491,3 1897	491,3 1897	491,3 1897	490,6 1897	492,3 1897	492,5 1897	493,0 1897	489,5 1897

Благодаря сильному действию солнечных лучей, на солнце температура может подниматься выше 0° в течение даже самых холодных месяцев. Абсолютный минимум спускается

ниже 46°; максимум наблюдался выше 30°; т. образом, разность между крайними температурами достигает почти 80°.

Осадков выпадает очень мало. Среднее годовое количество—менее 60 миллиметров, т.е. меньше, чем напр. в Ташкенте в среднем в течение одного месяца марта.

В годовом распределении осадков наблюдается характерное для высокогорных областей— запаздывание месяца с наибольшим количеством осадков. На равнине у нас самый дождливый—март; немного выше, в предгориях—апрель; выше в горах—май и, наконец, на Памире—июнь и июль.

Воздух отличается здесь очень большой сухостью.

Абсолютная влажность в холодные месяца напоминает сибирские условия. Относительная влажность, несмотря на низкую температуру, тоже чрезвычайно мала.

Распределение влажности в течение года довольно равномерное.

Годовое распределение облачности тоже довольно равномерное.

В среднем, облачность немного меньше, чем в Ташкенте.

Давление воздуха в общем очень мало благодаря большой абсолютной высоте и разреженности атмосферы. В годовом ходе давления наблюдается резкое различие по сравнению с равнинами.

Здесь высоко в горах, давление летом повышается; в равнинах же наоборот—понижается.

Зависит это от сильного нагревания летом нижних слоев воздуха на равнине, благодаря чему большие массы воздуха поднимаются вверх и увеличивают количество воздуха в верхних слоях атмосферы.

Господствующие на Памирском посту ветры—южных румбов, а также северные.

Штиль отмечался часто, особенно в утренние часы.

Средняя скорость ветра—3—4 метра в секунду.

В заключение скажем несколько слов о сельско-хозяйственных возможностях в зависимости от климатов различных районов Таджикистана. Наиболее благоприятными для южных с.-х. культур надо считать долины рек, впадающих в Аму-Дарью ниже Кала-и-Хумба. К сожалению, с климатической стороны район совершенно необследован.

Сравнительно благоприятны условия по Зеравшану и на с. склонах Туркестанского хребта.

Здесь мы имеем, хотя далеко не полные данные станций Ура-тюбе и Пенджикент.

Выше по Аму-Дарье и Пянджу и по долинам впадающих в них с правой стороны притоков климатические условия для с.-х. культур постепенно ухудшаются; характерно для этого района то, что даже при сильном понижении средней температуры воздуха, увеличение количества осадков растет очень медленно, и местности, сравнительно холодные, все еще требуют искусственного орошения.

По Пянджу садоводство и полевые культуры возможны до Лянгара или немного выше, а также в низовьях долин правых притоков Пянджа на указанном участке. Огромные площади центрального Памира и прилегающих горных хребтов совершенно непригодны для разведения каких-либо с.-х. растений.

Единственная с.-х. возможность здесь—это развитие скотоводства; да и то, при крайней бедности растительного покрова, эти площади могут прокормить очень незначительное количество голов.

Краткий очерк растительности Таджикистана.

М. Г. Попов.

Наиболее крупные районы поливной культуры Таджикистана, как и во всей Средней Азии, расположены в полосе пустыни, прилегающей к горам, или в низких предгорьях, где пустынные ландшафты еще господствуют. Таковы районы Ура-Тюбе и Гиссара.

Растительный покров этих районов, в тех местах, где он уцелел в своем девственном виде, ненарушенном условиями культуры, характеризуется следующими чертами. Основную массу растительного покрова составляют так называемые эфемерные травы, т. е. такие, которые сохраняются зелеными, живыми в своих надземных частях только в течение весенних месяцев, когда почва насыщена влагой, происходящей частью от зимних осадков, частью от довольно обильных весенних дождей. С наступлением лета, когда дожди прекращаются, жара усиливается и почва просыхает, большая часть этих растений эфемеров погибает от засухи, и местность получает безжизненный вид. Культурная растительность здесь, естественно, требует полива, искусственного орошения и без такового невозможна.

Эфемерные травы могут быть однолетними или многолетними; по числу видов и, пожалуй, особей преобладают первые, по растительной массе—вторые. И те, и другие, очень рано, уже в марте—апреле покрываются цветами и к началу засушливого периода, к моменту прекращения вегетации, приносят плоды. Однолетники, т. обр., переживают засушливый период, т. е. 4—5 летних месяца, в виде семян; многолетники как в виде семян, так и в виде подземных корневищ, клубней или луковиц. Вегетация начинается вновь поздней осенью, с наступлением осенних дождей, и тянется замедленным темпом

всю зиму, используя случайные оттепели; весной же, в конце февраля или в марте, растительная жизнь вспыхивает с поразительной силой, как бы стремясь использовать возможно полнее необычайно благоприятный, но короткий весенний сезон до наступления засухи.

В тех местах, где почва мелкоземна, обычно сложена лессовидными суглинками или глинами—а такие места преобладают в культурных районах,—эфемерная растительность развивается особенно пышно. Каменистый субстрат, щебенка и скалы,не благоприятствуют ей; на мелкоземных же почвах она развивается интенсивно, образуя весной сплошной, зеленый покров, «степь», как ее называют совершенно неправильно в Туркестане.

В хорошие годы, обильные осадками, эта «степь»—эфемерная пустыня—представляет роскошное, зеленеющее, часто пестреющее цветами пастбище. Основу его составляют небольшие злаки: мятлик луковичный (Poa bulbosa), виды костров (Bromus tectorum и B. Danthoniae), виды пырея (Agropyrum squarrosum и A. orientale), диких ячменей (Hordeum crinitum и H. murinum), диких пшениц (Aegilops squarrosa и Ae. cylindrica), Heteranthelium, овсяниц (Nardurus maritimus и N. orientalis) и одна маленькая осочка (Carex Hostii). Другие эфемеры, однодольные и двудольные, встречаются в разных количествах, более или менее случайно. Ранней весной обычно зацветают гусиные луки (Gagea Olgae, G. stipitata) иногда Iris'ы (I. dengerensis и др.), тюльпаны; из двудольных характерны мелкие невзрачные травки, вроде бурачков (Alyssum minimum), гвоздичных (Herniaria diandra и Holosteum), малькольмий, мелких губоцветных (Ziziphora tenuior и Lallemantia); более бросаются в глаза красные маки (Papaver pavoninum, Roemeria rhoeadiflora), лютики, Ixiolirion.— В чистом виде эфемерная растительность встречается только на ровных сухих землях с глинистой или суглинистой почвой. Но такие земли редки в пределах Таджикистана и занимают в нем небольшие площади. Там же, где в почве появляется щебень или где рельеф местности становится рассеченным, что имеет место повсюду в культурных районах Таджикистана, расположенных в предгорьях, там эфемерной растительности в чистом виде не бывает. Она остается преобладающей, но к ней примешиваются в большем или меньшем количестве не эфемерные травы, т. е. такие, которые не засыхают с наступлением жаров. В Ура-тюбинском районе особенно обильна

полынь (Artemisia maritima). Все адыры, т. е. низкие холмистые предгорья, прилегающие к Ура-Тюбе, равно как и долина к югу от этих адыров до Туркестанского хребта, весной покрываются пышной травой, среди которой прячутся многочисленные кустики полыни; летом, когда трава выгорает, полынь одна образует очень однообразные, серые заросли. Во всем этом районе, кроме того, обильны щебнистые и скалистые, голые склоны, которые даже весной не покрываются щеткой трав и на которых попадаются одиночные особи неэфемерных растений, вроде большого эспарцета (Onobrychis vaginalis), колючего гвоздичного (Acanthophyllum), колючих сложноцветных (Cousinia, Echinops), а также одиночные низкие кустики колючего миндаля (Amygdalus spinosissima) мелкой вишни (Prunus prostrata) и т. п.

Выше, ближе к горам, на высотах 5—6.000, растительность Ура-тюбинского района становится богаче; появляются неэфемерные злаки: ковыли (Stipa capillata и S. subbarbata), типчак (Festuca sulcata), Andropogon Ischaemum, высокий пырей (Agropyrum trichophorum) и заросли эремурусов—ширяш (E. Olgae и E. robustus); получается подобие настоящей степи. В качестве пастбищ эти высокие предгорья представляют большую ценность.

Гиссарская долина покрыта в основе той же эфемерной растительностью. По нераспаханным предгорьям, напр. у Регара или у Файзабада, на фоне эфемеров обычно появляются заросли крупностебельных, засухоустойчивых растений—эремурусов (E. Olgae и E. stenophyllus), вонючего бобового (Psoralea), сильно пахнущей Galagania fragrantissima, крупных сложноцветных (Achillea filipendulina, Tanacetum trichophyllum), Phlomis bucharica и т. п.

Внизу в районе интенсивной земледельческой культуры встречаются заросли крупных сорных растений: джантака (Alhagi Camelorum), каперцев (Capparis spinosa), колючих васильков (Centaurea iberica и C. Balsamita), мимозового колючего кустарничка (Prosopis Stephaniana), горчаков (Acroptilon Picris), а по дорогам и у арыков, где почва увлажнена сильнее,—заросли дикой моркови (Daucus Carota и Eremodaucus Lehmanni), донника (Melilotus), цикория (Cychorium) и мелкого канапа (Hibiscus Trionum).

Особенно замечательна сорная флор рисовых полей Гиссарской долины; здесь встречается рядатравянистых тропических форм, нигде более в Средней Азии не найденных. Таковы

ситники (Cyperus Iria), колокольчиковое (Sphaenoclea), норичниковое (Dopatrium junceum), Eriocaulon bucharicum, мареновое (Oeldenlandia) и др.

По течению рек южнее Гиссарской долины, особенно по Сурхану, Вахшу и Кизил-су, в их долинах, располагаются обширнейшие заросли высоких злаков—тростников Phragmites communis, Arundo Donax, Erianthus, Saccharum spontaneum). Эти заросли представляют одно из самых любопытных явлений природы пустынной части Таджикистана.

Нельзя представить себе условий более благоприятных для растительной жизни, чем те, которые создаются в долинах указанных рек. Богатая иловатая почва ежегодно обогащается разливами; вода доставляется растениям в изобилии, особенно там, где русло реки разбивается на множество отдельных неглубоких протоков; южное солнце создает необычайно высокие температуры в этих долинах, с боков прикрытых горами. Воздух здесь насыщен парами, и когда в'езжаешь в долину с гор, то чувствуешь себя как в теплице для тропических растений: пот выступает из каждой поры тела, воздуху не хватает: дышишь открытым ртом, задыхаясь и изнемогая от жары, удушья и пота. Все эти условия, неблагоприятные для человека создают, однако, необычайно интенсивный, буйный рост тростников. Arundo и Phragmites, достигают здесь высоты 3—4 сажен, образуя гигантские заросли, настоящие травяные леса, столь густые, что через них трудно пробраться; в низовьях Кизыл-су они расстилаются на десятки верст, и в них до сих пор довольно часто встречается тигр и олень.

Там, где почва не столь обильно насыщена влагой, в долинах рек развиваются заросли кустарников—тамариксов (T. Pallasii) и лоха (Eleagnus); тугайные тополя здесь встречаются отдельными кустиками и не часто. Наоборот, на солонцеватых почвах попадаются обширные заросли солодки и колючие кустарники (Lycium ruthenicum, Halimodendron). Особенно замечателен остров на Пяндже, Урта-тугай, покрытый на громадных площадях зарослями высоких тугайных кустарников, создающих там непроходимые дебри.

Большая часть Таджикистана представляет из себя, однако, горную страну, местами, пожалуй, одну из самых величавых мощных горных стран всего мира. Растительный покров здесь имеет свои своеобразные черты.

Не входя в детали, необходимо прежде всего остановиться на явлениях поясного (регионального) распределения растительности в этих горах. Согласно схеме Шимпера, можо отличать 3 вертикальных пояса: 1) *низкогорный*, где t^0 приблизительно совпадает с t^0 прилегающих равнин, но где количество осадков большее; 2) *горный*, где t^0 уже понижается значительно, тогда как количество осадков значительно увеличивается и 3) *высокогорный (альпийский)*, где t^0 очень низки, вегетационный период краток и где количество осадков опять значительно убывает.

Пояс 1-й характерен у нас преобладанием эфемерных травянистых растений, рано выгорающими растительными ландшафтами, небольшим количеством кустарников. Неэфемерные травы довольно обильны.

Пояс 2-й начинается от нижней границы распространения арчи и характерен, гл. обр., многочисленными кустарниками и деревцами, образующими нередко заросли по склонам гор. Настоящие лески (очень небольшие) встречаются только в поймах рек или по очень влажным склонам речных долин. Там, где по склонам гор не имеется густых кустарников, развиваются пестрые травяные заросли из крупных неэфемерных трав, среди которых особенно характерны крупные зонтичные Ferula, Prangos, колючие Acantholimon; на мелкоземных склонах преобладают злаки,—иногда создающие степь. Эфемеров немного.

Наконец 3-й пояс характеризуется отсутствием кустарников и деревьев (встречаются только приземистые корявые кустики); наличием высокорослых травяных зарослей или степей по более сухим мелкоземным склонам; альпийскими лужайками по течению речек и ручьев или под пятнами снега.

Каждому поясу соответствует своя, особая по видовому составу растительность.

Необходимо добавить к сказанному, что в горах Таджикистана мелкоземные (глинистые или суглинистые) покровы на больших площадях наблюдаются очень редко. Обычно непосредственно на поверхность выходит камень коренных пород, образующий безконечное нагромождение скал, каменных глыб или щебнисто-каменистые склоны; на всех этих субстратах растения не могут создавать сплошного покрова; кустарнички и травы сидят одиночно, далеко отстоя друг от друга; благодаря этому горы имеют очень дикий, голый вид, бедны растениями.

Низкогорный пояс до высот в 5—6.000 фут. (1500—1700 метров) на мелкоземных почвах представлен сухим разнотра-

вьем. На фоне густого покрова из эфемеров—тех же самых, которых мы назвали при описании растительности культурных районов—здесь встречаются однообразные заросли крупных трав: Phlomis, Althaea, Zoegea crinita, зонтичных и особенно эремурусов—E. stenophyllus. Из крупных неэфемерных злаков для этого пояса наиболее характерны высокий пырей (Agropyrum trichophorum) и сорт гумая (Andropogon Ischaemum). Нередки здесь также заросли колючих шиповников (Rosa xanthina и R. Ecae), образующих обширные куртины в более высоких частях пояса. Здесь же появляются одиночные деревца, особая дикая груша (Pyrus bucharica) и боярка (Crataegus Azarolus), реже похожая на желтую акацию Colutea persica. Такова, напр. растительность высоких лессовых предгорий в районе между Кулябом и Бальджуаном.

В низких частях описываемого пояса интересны заросли высоких эфемерных злаков—дикого ячменя (Hordeum spontaneum, H. bulbosum), костра (Bromus oxyodon).

Где поверхность гор не покрыта сплошь мелкоземным субстратом, там сплошного покрова трав не развивается. Обширные площади каменистых обнажений или скал покрыты очень редкой растительностью, почти незаметной издали. Здесь всегда можно найти небольшие кустарнички: мелкую вишню (Prunus prostrata), колючий миндаль (Amygdalus spinosissima), иудино дерево, моргоу (Cercis siliquastrum—встречается только в б. Бухаре), Atraphaxis и др.; эти кустики всегда сидят разреженно, не образуя зарослей. Одиночные эфемеры и многолетние засухоустойчивые травы точно также разбросаны по склонам; не обладая ни пышной листвой, ни яркими цветами, они совершенно теряются среди скал и щебня; из них можно упомянуть полынь, многие астрагалы, гвоздику (Dianthus crinitus), ряд губоцветных (вроде Nepeta Olgae, Ziziphora clinopodioides), зонтичных (мелкие Ferula, Bunium и др.), Acanthophyllum, колючие сложноцветные (особенно виды р. Cousinia) и т. д. Вообще они довольно разнообразны.

В низкогорьях Таджикистана широким распространением пользуются особые горные породы, т. наз. пестроцветные толщи. Эти породы, представленные, гл. обр., красными или белыми песчаниками или глинами, особенно обильны в горах Баба-таг, Газы-Майлик, в районе Бальджуана и по р. Вахшу около с. Санг-туда. Они всегда более или менее соленосны, содержат массу гипса, нередко легко растворимые соли и несут очень разреженную, скудную, но крайне интересную

растительность, состоящую частью из сочных солянок, частью из сухолюбивых невзрачных растений, которые любопытны тем, что вне этих пестроцветных предгорий нигде более не встречаются (эндемичные, реликтовые формы вроде Cleome Gordiagini, Cephalorhizum oopodum и т. д.). Здесь же растет фисташка.

Средний горный пояс занимает высоты от 1500 до 2500—3000 метров; он наиболее разнообразен по растительности. Вероятно, что на этот пояс приходится наибольшая площадь Таджикской Республики.

В Ура-тюбинском вилайете на северном склоне Туркестанского хребта горный пояс покрыт степями и арчевыми зарослями.

Обширные типчаковые степи, образованные зарослями степного дернистого злака Festuca sulcata, покрывают склоны и вершины хребтов на высотах в 5—8.000' в верховьях р.р. Ак-теньга, Ир-тергермен, Бюраган. О. Э. Кнорринг описывает эти места следующим образом:

«Ущелье Ак-теньга... его склоны довольно мягкого очертания покрыты чистой типчаковой степью, почти без всякой другой растительности... верст 10—15 тянется та же однообразная картина; затем склоны повышаются, видны темно-зеленые пятна арчи... Среди арчевого леса по склону горы... встречаются степные участки с Festuca sulcata, Eremostachys speciosa, Thymus serpyllum, Agropyrum trichophorum, Onobrychis Echidna. При под'еме, выше степные участки сменяются кустами барбариса (Berberis heteropoda), жимолости (Lonicera Altmanni), кизильника (Cotoneaster integerrima), шиповника (Rosa); еще выше среди арчи—поляны высоких трав: колокольчика (Campanula glomerata) незабудки (Myosotis silvatica) герани (G. collinum), а также других (Polygonum Bistorta—горлец) Hordeum brevisubulatum дикий ячмень, Nepeta podostachys, Anemone, Tulipa—тюльпан (лола); Stellaria alsinoides и др.

Вокруг оз. Ак-теньга та же типчаковая степь. Около самого озера группа арчи, а по ручьям зеленые пятна уже альпийского луга с осоками (Carex), злаками (Hordeum secalinum, Catabrosa Capusii) и пестро-цветущими невысокими травами (Primula algida, Aconitum rotundifolium, Merendera hissarica, Leontopodium alpinum, Astragalus, Cerastium trigynum, Pedicularis amoena, Neogaya simplex).

В саях Бюраган и Ир-тегермен богарные посевы пшеницы и люцерны. При под'еме из сая Ир-тегермен на прилегающий хребет склоны покрыты степью и кустарниками: ковыль (Stipa pennata), типчак (Festuca sulcata), пырей (Agropyrum trichophorum) и гумай (Andropogon Ischaemum), барбарис и шиповники. На вершине хребта опять чистая типчаковая степь, по пониженным местам с злаками: мятликом (Poa pratensis), лисехвостом (Alopecurus pratensis) и геранью (Geranium collinum); где проступает камень, там в степи появляются колючке подушки Acantholimon alatavicum, кустики мелкой вишни (Prunus prostrata).

О горном поясе долины Зеравшана мы находим сведения в работе В. Л. Комарова.

Предварительно он дает следующие сведения.

В Пенджикенте (3.300') «полынная степь», т. е. растительность низкогорного пояса, занимает обширные пространства. У Дешти-Кази (3.800') граница культуры риса; долина реки узка; террасы долины заняты полями и садами. Береговые склоны покрыты зарослями кустарников—фисташки, дикого миндаля, мелколистного клена, боярки, Celtis; выше в горах можно видеть заросли арчи (Juniperus) и Acer laetum. Пастбища и оголенные человеком места заняты низкогорной растительностью с преобладанием полыни (Artemisia maritima). В Урмитане (4.200') мы еще находим культуру кукурузы и некоторых других южных растений, которых нет выше. В Варзаминоре (4.500') граница персика; на склонах обращенных к Зеравшану впервые можно видеть заросли арчи (Iuniperus polycarpos). К Оббурдану (6.000') исчезает культура винограда, и заросли арчи сходят прямо к реке. В Исызе (6.400') в несколько расширенной долине реки появляются пойменные кустарники (Myricaria, Tamarix и облепиха Hippophoë); прекращается культура проса и почти всех фруктовых деревьев. Культура абрикоса идет выше остальных, но и она прекращается у с. Табушин на высоте 7.000'; единственными деревьями в кишлаках выше являются тополь и карагач. За Пальдараком (7.400') ячмень в горах—господствующие культуры; горы лишены лесных зарослей, и снежные вершины замыкают горизонт со всех сторон. Культура ячменя идет почти до самого ледника (последние пашни лежат на 8.200'), где опять появляется кустарник. Обширные заросли желтого шиповника сменяются роскошной травяной степью, привлекающей сюда обширные табуны баранов из Ферганы и Ходжентского уезда.

По р. Искандеру описывает смену растительности следующим образом. У с. Джиджик (6.200') резкая граница между зонами широколиственных деревьев и можжевельника (арчи). Выше русло реки обрамлено сплошным поясом тополя, а по склонам раскинулись рощи берез. По берегам самого озера Искандер-куль расположены лески из тополя, березы и ивы (Salix tenuijulis) с опушкой из голубой жимолости, черной смородины и облепихи. В болотистом березовом леске травяная флора имеет северный тип; здесь встречены осоки, горечавки (Gentiana riparia и prostrata), Pedicularis dolichorhiza, Primula Sibirica, Cortusa Matthioli, Triglochin, Cirsium acaule. «Березы и тополя позволяют здесь путнику чувствовать себя в лесу в нашем смысле этого слова».

Выше озера по склонам гор раскинулись заросли можжевельников; суровый климат (иногда заморозки бывают в июле) почти исключает культуру хлебов.

В общем распределение древесной растительности в горах Зеравшана по В. Л. Комарову таково.

3.200—3.500'—пояс «степных» кустарников: Amygdalus spinossima, Rosa laxa, Prunus prostrata, Rhamnus coriacea.

Выше «средиземноморский» пояс—Iuniperus polycarpos, Acer monspessulanum, Amygdalus communis, Celtis australis, Pistacia vera. В качестве примеси Crataegus pinnatifida, Morus alba, Ulmus suberosa.

4.000—5.000'—широколиственный лес. Acer monspessulanum и A. laetum, Iuniperus excelsa, Iuglans regia, Populus alba, Pirus Malus, Prunus armeniaca, Fraxinus Sogdiana, Pyrus turkestanica.

5.000—6.000'. Царство Acer laetum. Местами, напр. у Иовона, заросли этого стройного красивого, но не особенно высокого дерева так густы, что под ними царит сплошная тень.

Выше до предела древесной растительности опять царят можжевельники; Iuniperus excelsa редок; преобладают I. Sabina, I. semiglobosa и реже I. pseudosabina. Целая свита кустарников сопровождает заросли можжевельников: Berberis densiflora, Rosa, жимолость (L. microphylla и L. hispida), Colutea, Spiraea hypericifolia, Cotoneaster vulgaris.—Рощи березы занимают сырые склоны, а тополь (Populus suaveolens) теснится по берегам рек.

У верхней границы леса с высоты 8.500' появляются низкорослые кустарники Lonicera Olgae, Rosa Webbiana, Comarum Salessovii и сланник из арчей (Iuniperus nana и I. pseudosabina).

На высоте в 9.500' кустарная растительность прекращается, и мы вступаем в область альпийских трав.

Для б. Горной Бухары растительность горного пояса в кратких чертах и отрывочно для разных мест описывается В. И. Липским.

Приведу некоторые из этих описаний.

Верховья р. Кафирнигана. Вышес. Ромит(4134') пор. Сорбо левый северный берег покрыт густой древесной растительностью и кустарниками. Здесь замечены клен (Acer laetum), орех (Iuglans regia) дикий миндаль (Amygdalus bucharica) яблоня (Pirus Malus), вишни (Prunus divaricata—алыча и P. Mahaleb), ивы (Salix), береза (Betula alba), карагана (Caragana turkestanica), Cissus aegirophylla. Травяная растительность выгорела. Отцветают Ziziphora clinopodiodies и Incarvillea Olgae. На правом берегу древесная растительность или жидка, или ее нет совсем. Кишлаки по дороге все в садах. По самому берегу и по островам реки Сорбо много ив и тополя. Арча попадается редко и то лишь вверху склонов гор. В месте слияния Сорбо и Канязь (5.673') ущелье заросло деревьями; орех образует здесь большую рощу. На высоте 8—7625' по долине береговые рощи и заросли ив; кое-где по склонам арча.

С высоты 10.348' начинаются альпийские травы, и лес кончается.

По р. Каратагу. На склонах ущелий у г. Каратага редкие кусты Colutea, Amygdalus bucharica, Cissus aegirophylla. Поднимаясь, проехали холм, разделяющий р. Каратаг и р. Фатрут выше Пушти-миона; вдоль дороги попадались кустики боярышника и Pirus heterophylla. К р. Каратаг спустились через к.к. Уртас (5.925') и Каратикон (4.865'); по спуску росли кустарники: Exochorda Korolkovii, маленький ясень (Fraxinus raibocarpa), карагана (C. turkestanica), крупнолистный клен (Acer laetum) и дикий бухарский миндаль (Amygdalus bucharica). Выше впадения р. Лорион стало много ореха. Арча попадалась не часто; много кустов жимолости, жидовской вишни, кизильника. По реке ивы и тополя.—Указанные кустарники там и здесь создают густые заросли по склонам гор.

В верховьях у таможни Кошь-Гассан одиночные рощи крупной арчи. Отсюда (9000') начинается альпийский пояс.

Приблизительно в таких же чертах описываются В. И. Липским маршруты и по более восточным вилайетам—Каратегину и Дарвазу. Еще восточнее в Рошане и Шугнане древесные насаждения становятся беднее, что соответствует суровому климату этих вилайетов; орех и многие кустарники исчезают; преобладающим типом леса становится пойменный лес из березы, ивы и тополей.

«Интересен также характер гор Куш-Кашваристан в Кулябе, примкнувших к Пянджу, где в живописных горных ущельях, орошаемых родниковыми ручьями, падающими на каждом шагу водопадами, встречались рощи инжира (винная ягода), граната, шелковицы с яблоней, персиком и абрикосом; или где склоны гор сплошь покрыты фисташкой, горной вишней, бояркой, горьким миндалем, барбарисом и другими деревьями и кустарниками» (Алексеев).

Характерной чертой всего горного пояса бухарской части Таджикистана является т. обр. необычайное богатство кустарниками и отсутствие больших мощных арчевников, которые как бы уступают места зарослям лиственных пород.

Нельзя, однако, представлять себе дело так, что склоны гор Зеравшанской долины или Бухары на известной высоте покрыты сплошными лесами или кустарными зарослями: настоящих лесов здесь нет; деревья образуют небольшие рощицы по наиболее удобным, сырым и защищенным местам. Кустарниковые заросли на каждом шагу прерываются, оставляя место для травяного покрова. Последний на скалистых и каменистых местах разрежен, почти незаметен, а на более мелкоземных почвах образует разнотравье, особенно пышное и богатое в верхних частях горного пояса. Состав этого разнотравья не постоянен.

В долине Зеравшана в арчевниках Арча-майдана Комаров наблюдал в нем крупные злаки: тимофеевку (Phleum Boehmeri), тонконог (Koeleria glauca), овсяницу (Festuca rubra), полевицу (Agrostis), дикий овес (Avena) и ряд крупностебельных двудольных (Thalictrum minus, Geranium collinum, Erysimum, виды астрагалов, Artemisia, Ligularia, Phlomis canescens, Polygonum polymorphum, Phyteuma argutum, Peucedanum Pseudoreoselinum).

В хребте Петра Великого долина и склоны р. Карашуры покрыты превосходной травой; по более сухим склонам преобладает типчак-битеге (Festuca ovina), местами ковыль (Stipa pennata); в изобилии встречаются также Eremurus

Kaufmanni, крупноцветная Geranium collinum v. alpinum, Ligularia. У аула Кара-шуры та же растительность: склоны представляют из себя травянистую высокогорную злаковую степь с преобладанием битеге, тонконога (Koeleria cristata); несколько выше присоединяются Stipa pennata, 2—3 вида мятлика (Poa), степной овес (Avena desertorum), пырей (Agropyrum longiaristatum), Elymus lanatus, Leucopoa sibirica. Из других растений здесь замечены альпийские формы вроде Allium oreophilum, Dracocephalum discolor, Hedysarum cephalotes и кусты шиповника и барбариса.

По р. Яхсу у с. Тальбар на выс. 7—8.500' наряду с зарослями роз, Stellera Alberti наблюдались заросли полыни, тарана (Polygonum polymorphum), Rumex domesticus, Euphorbia Saravschanica. Еще выше Ferula Iaeskeana, Prangos Pabularia, Adonis villosa и особенно много Eremurus stenophyllus.

Из всех приведенных списков, относящихся к верхним пределам горного пояса, можно составить общее представление о травяном покрове этой полосы на мелкоземных почвах. Он представлен здесь или высокогорной степью с преобладанием типчака и ковылей и с альпийскими или субальпийскими формами в качестве примеси; или разнотравьем из лугово-степных злаков вроде тимофеевки, овсов, безостого костра и т. д., которые тонут в массе высокостебельных двудольных; или наконец жесткими грубыми травами (не злаками), дающими бурьяноподобные заросли; таковы заросли конского щавеля (Rumex domesticus), тарана, эремурусов (E. robustus и stenophyllus), молочая (Euphorbia Saravschanica) и Adonis villosa. Пастбищная ценность последних равна почти нулю; они представляют обычно результат вытаптывания стадами злаково-разнотравных зарослей.

Почти те же типы травяных сообществ мы встречаем и в альпийском поясе гор.—Высокое разнотравье, напр., характерно для верховьев Ягноба. Здесь замечены Комаровым роскошные луговые степи, где растительный покров в пояс человека слагается из крупных злаков (Phleum, Agrostis) и высоких двудольных (Artemisia Dracunculus, Rumex, Ligularia, Polygonum polymorphum, Nepeta podostachys, Hedysarum flavescens, Myosotis silvatica, Geranium collinum, Achillea Millefolium, Anemone narcissiflora, Eutrema alpestre, Veronica ciliata). В тех местах, где естественный покров подобных степей выбит и вытравлен скотом, всюду в альпийской области появляются заросли эстрагона (Artemisia Dracunculus); в одних случаях эстрагон вытесняет все другие растения, в других среди него поднимаются грандиозные канделябры Eremurus robustus, Ligularia или Rumex domesticus. Положительно, эти заросли ничего не стоят с точки зрения скотовода, ибо ни эстрагон, ни его спутники не поедаются скотом, и вся масса травы пропадает зря.

Другим характерным сообществом альпийского пояса являются сазоватые болотистые или влажные луга по берегам потоков, в лощинах и т. д. Здесь растет низкая густая трава, образующая крепкий дерн. Этот дерн образован гл. обр. различными осоковыми, видами Cobresia, осок (Carex melanantha и др.), низкими злаками (Phleum alpinum, Poa alpina, Alopecurus himalaicus); его украшают своими цветами мелкие альпийские травы, синие горечавки (G. prostrata и др.), примулы (Pr. auriculata), Pedicularis rhinanthoides и Seravschanica, незабудка, желтые лютики (K. flexicaulis), синяя купальница (Trollius lilacinus).

Наконец в альпийской области широко развиты также каменистые склоны, на которых находят себе приют оригинальные растеньица, не растущие обычно в сообществах, а попадающиеся по одиночке или небольшими группами на каменистых склонах. Здесь встречаются различные виды крупки (Draba hissarica, D. melanopus и др.), лапчатки (Potentilla gelida, P. flabellata, P. hololeuca), первоцветы (Primula Warshenewskiana, P. baldshuanica), губоцветные (Dracocephalum discolor, D. scrobiculatum, Nepeta kokanica), сложноцветные (Leontopodium, Waldheimia), различные Oxytropis, лютики (Ranunculus Schaftoanus), астрагалы (A. Scheremetewianus, A. pauper) и т. д. На скалах особенно эффектны коврики Isopyrum grandiflorum с крупными голубыми цветами.

Остановимся теперь на значении естественной растительности гор для жизни человека. Природа рассыпает свои дары повсюду в большем или меньшем количестве; однако необходимо знать точно количество этих даров и, что еще важнее, нужно уметь пользоваться ими, не расточать их напрасно и безвозвратно.

Естественная растительность Таджикистана с хозяйственной стороны интересна, во-первых, как источник скотоводства—своими пастбищами, во-вторых, своими лесными угодьями, дающими строительный и топливный материалы. Остановимся прежде всего на лесных насаждениях.

В нижнем поясе гор одна только фисташка является ценной древесной породой; прочие кустарники этого пояса не играют и не могут играть никакой роли в хозяйстве страны. Фисташка (Pistacia vera) в большом количестве встречается в низовьях Кафирнигана и Вахша, по горам Баба-таг, Ак-тау и др. Эти места по богатству фисташкой не уступают Кушкинскому району Туркменистана и не имеют равных себе в других частях Средней Азии. Редкие рощицы фисташки здесь располагаются гл. обр. по выходам пестроцветных пород и сопровождаются такими оригинальными кустарниками, как Zygophyllum atriplicoides и Ephedra ciliata. В виде одиночных кустов и деревьев фисташка идет к северу и востоку до Дарваза и Гиссарского хребта, в котором она живет как на северном, так и на южном склоне. Совершенно несомненно, что при искусственной подсадке и при заботе о их сохранении фисташковыми рощами можно покрыть все низкогорья между Кафирниганом, Сурханом, Вахшем и Кизыл-су и создать таким путем большое природное богатство. Эти низкогорья, почти голые в настоящее время, в конце концов, сейчас ничего не дают кроме жалких пастбищ. Фисташка же дает ценные орехи, превосходное дубильное вещество из галов (вздутий), образующихся на листьях, и, наконец, ценную крепкую древесину.

Средний пояс гор необычайно богат всякими деревьями и кустарником. Орех (Iuglans fallax) небольшими рощицами встречается во всех ущельях Гиссара, Каратегина и Зеравшанской долины; больших зарослей подобных ореховым рощам Андижанского уезда он в Таджикистане не образует. Но все же он встречается в большом количестве, и путем культуры его заросли можно значительно увеличить, используя нижные склоны долин многочисленных горных речек. Культуре этого дерева, как и фисташки, несомненно, предстоит большая будущность.

В качестве строевого и топливного дерева первое место, конечно, принадлежит арче (Iuniperus polycarpos). Особенно обширные заросли этого дерева расположены в Зеравшанской долине, в верховьях правых притоков к Зап. от Искандер-Дарьи. Но и на южном склоне Гиссарского хребта, также как в хребтах Каратегина и Дарваза, нередки порядочные заросли этого дерева.

В настоящее время арчевники, особенно более крупные, приурочены к верхнему пределу горного пояса. Липский

описывает арчевый лес даже на древней морене ледника Бурс. Они находятся т. обр. в малодоступных местах, куда с трудом проходит вьючная лошадь. Такое расположение арчевников повидимому создано гл. обр. тем, что в более низких, доступных местах арча сведена, повырублена и повыжжена. Многие наблюдения говорят за то, что арча может спускаться очень низко, до 4.—5.000', и на высотах в 5—7.000' образововать мощные заросли. Арча дает прекрасное топливо, чудный уголь и хороший построечный материал. Крупные деревья ее достигают 5—7 сажен высоты и имеют в обхвате 2—3 метра.

Не останавливаясь на других древесных и кустарниковых породах, имеющих меньшую ценность, необходимо подчеркнуть общее неудовлетворительное состояние лесных насаждений Таджикистана, особенно тех, которые находятся в пределах бывшего Бухарского Ханства, ибо здесь никогда не было охраны и правильной эксплоатации лесов. Уничтожение лесов и кустарников вызывается прежде всего нерациональной рубкой, затем пожарами, особенно частыми в арчевниках, выжигаемых на уголь, в-третьих, пастьбой скота, особенно коз. Порубка леса в Бухаре ничем не регламентирована и никак не регулируется. Лес уничтожается нацело, если он расположен в удобном месте. Даже ценные породы не щадятся. Фисташковые рощи, напр., несомненно, в большей части уничтожены человеком. «В настоящее время—пишет Комаров—фисташка сравнительно редка на Зеравшане; она почти всегда встречается отдельными деревьями. Вероятно, она сильно уничтожена человеком, т. к. еще в 1841 году Леман проезжал у Кштута «durch Pistaciengeholz»—теперь же там только изредка на крутых обрывах можно видеть жалкие кустики ее».

Уничтожение древесных зарослей влечет за собой не только потерю лесных угодий, но также потерю пастбищ. Леса и кустарники, располагаясь на склонах, часто крутых, удерживают и накопляют мелкозем, почву. Так как при этом они никогда не бывают очень густыми и сплошными, то в них развиваются пышные травяные пастбища. С уничтожением леса или кустов крутые склоны подвергаются интенсивному размыванию бурными весенними водами и дождевыми потоками; почва с них сносится, сдирается; обнажается камень коренных пород, который не способен поддерживать густой травостой.

Таким образом задача лесохранения—важная культурная задача Таджикистана.

По поводу пастбищ, их ценности и эксплоатации, необходимо отметить следующее. Естественные пастбища в настоящее время в большинстве случаев приведены в полную или частичную негодность. Ценную в кормовом отношении основу луговых и степных пастбищ представляют главным образом злаки, отчасти бобовые. Вытаптывание пастбищ ведет к исчезновению этих составных частей, к замене их растениями, которых скот не ест. В низкогорьях такими ингредиентами пастбищ являются колючие сложноцветные—виды рода Cousinia (C. microcarpa, C. decurrens, C. radians), васильки (особенно Centaurea phyllocephala), реже каперцы или дурно пахнущие сложноцветные: Achillea filipendulina, Tanacetum trichophyllum, зонтичные—Galagania; в высокогорных пастбищах—бурьянные травы—эстрагон, Rumex domesticus, Ligularia, Adonis villosa, Euphorbia Sarawschanica, Eremurus robustus. Кроме того пастбища ухудшаются иногда развитием мелких, ядовитых, особенно для лошадей, травок: видов лютика, Corydalis и др. В настоящее время при низком культурном уровне населения, при бедности страны, конечно, преждевременно говорить о необходимости искусственного улучшения горных пастбищ. Но со временем об этом придется подумать; в местной флоре имеется богатый ассортимент злаков и бобовых, которые могли бы служить для создания искусственных пастбищ в горных районах. Вопрос в настоящее время должен заключаться в исследовании этих растений с точки зрения их кормового достоинства и биологии. Теперь же можно поставить вопрос и об улучшении горных пастбищ путем охранительного метода.

Этот метод отчасти связан с вопросом о сохранении леса, отчасти с планомерным использованием лугов: необходимо время от времени оставлять их без выпаса, чтобы они могли возвращаться в естественное состояние.

Флора Таджикистана очень богата, разнообразна и интересна для ботаника. Большое количество растительных видов (пород) живет только в этой стране, не выходя в другие части Средней Азии и Афганистана. Общее число семянных растений можно оценить прибл. в 2.500—3.000 видов. Перечислить хотя бы главнейшие из них в этом кратком очерке, конечно, невозможно. Остановимся только на тех растениях дикой флоры, которые имеют какой-либо практический интерес.

Одно крупное зонтичное—Ferula Sumbul дает благовонный корень сумбул, служащий для изготовления восточных духов; другие виды того же рода (напр. F. Iaeschkeana) дают лечебную смолу. Встречающиеся в массах в горах ревени (Rheum Ribes и др.)—«чукуры» и тараны (Polygonum polymorphum, P. hissaricum) дают дубильные корни. Ревень между прочим служит также питательным растением для бедного населения высокогорных поселков, где земли и хлеба не хватает всем; его сушат на зиму в больших количествах. Для богатых тот же ревень служит приправой—овощью к жирной пище, ибо его кислый сок (едят черешки молодых листьев) будто бы облегчает пищеварение. Во многих местах Дарваза и Каратегина в горных долинах встречается кендырь (Apocynum venetum), дающий прекрасное волокно для веревок. Липский поражался его буйным ростом в этих долинах; в его зарослях скрывался всадник на лошади. Одно зонтичное Atamantha macrophylla употребляются как приправа; его листья кладут в кислое молоко для придания ему своеобразного пряного запаха. Многие растения (Corydalis Ledebouriana, Fritillaria) употребляются в народной медицине в качестве пластырей при накожных болезнях.

Таджикистан дает также приют целому ряду красиво цветущих растений, которые заслуживают введения в культуру и часть которых в нее уже введена. Особенно эфектны различные эремурусы—ширяш, которых сорта особенно разнообразны в Таджикистане; кроме широко распространенных в Средней Азии (E. robustus и E. Olgae) здесь обычен красивейший E. Kaufmanni, поразительно эффектный желтый E. stenophyllus, а также E. Korshinskyi, E. Alberti и др. Среди ирисов и тюльпанов здесь находимы наиболее красивые (Iris Rosenbachiana, I. stolonifera, Tulipa lanata). В горах Баба-таг и Газы-майлик отечество культивируемой давно Fritillaria imperialis—«царские кудри». Кроме того, замечательны вьющийся кустарник, Polygonum baldshuanicum, и Ostrovskia magnifica—гигантское до сажени высоты колокольчиковое с крупными фиолетовыми цветами и Incarvillea Olgae—бигноniевое с крупными красными цветами. Нельзя позабыть также про красивейшее бобовое—мулькак (Lathyrus Mulkak) с крупными розовыми цветами, которое рекомендуется, как кормовое и декоративное растение.

Нам остается сказать еще несколько слов о растительности Памира.

Памир представляет высокогорную пустыню, расположенную на высотах в 13.—15.000'. Небольшое количество осадков, *недостаточные температуры*, частые заморозки даже летом, постоянные суровые ветра, позволяют жить здесьтолько очень неприхотливой, бедной растительности Деревьев и кустарников на Памире почти не встречается; небольшое количество кустов ив и облепихи известно всего в 2—3 местах Памира. Характерным растением является терескен (Eurotia ceratoides)—небольшой полукустарничек. Терескен встречается всюду на Памире, но особенно обилен он там, где выходят на поверхность граниты и продукты их разрушения. Его кустики, однако, даже здесь, сидят очень разреженно: 50—350 кустиков на 100 кв. саж. и среди них встречаются всего несколько других растений, вроде сочной Christolea или одной остролодки—Oxytropis chiliophylla. В областях развития сланцев появляется более богатое сообщество, в котором главную роль играет мелкий ковыль (Stipa orientalis), среди дерновин которого растут терескен, полынь и выше названные растения. Трава здесь покрывает до 50% земли. Местами серая полынь (Artemisia Kuschakeviczi) становится ландшафтным растением. Из других характерных растений Памира следует назвать подушковидный Acantholimon diapensioides, злак—Elymus dasystachys, который образует заметные заросли на песчаных почвах, ряд астрагалов: A. Chomutowi, A. densiflorus, A. alatavicus и т. д.

По берегам озер развиваются соланчаки и солонцеватые луга; по долинам рек также тянутся полоски лугов. Луга эти с низким травостоем и образованы видами Cobresia, осок (Carex pseudofoetida, C. caespitosa, C. melanantha), злаками (Atropis tenuiflora, Hordeum brevisubulatum, Elymus), к которым прибавляются небольшие альпийские двудольные, вроде Allium monadelphum, Polygonum pamiricum, Triglochin, Pedicularis, Taraxacum bessarabicum, Glaux и т. д.

Т. обр., на Памире преобладают площади сухие—каменистые или глинистые (такыры), покрытые весьма редкой растительностью, сильно оголенные, имеющие вид пустыни. Таковы же и скалисто-каменистые склоны горных цепей. Луга, имеющие густую траву, приурочены к местам сильно влажным и занимают сравнительно небольшие площади; трава их хотя густа, но низкорослa, что характерно вообще для альпийского пояса.

Животный мир Таджикистана.

Д. Н. Кашкаров.

Таджикистан обнимает, главным образом, два зоологических участка, установленных проф. *М. А. Мензбиром*: один полностью — *Памирский*, другой—*Бухарский* — на половину. Первый входит в состав *Монголо-тибетской провинции Средне-азиатской подобласти*, второй—вместе с частью равнины (возле Ура-Тюбе), в состав *Афгано-туркестанской провинции* той же подобласти.

Только краешком захватывает Таджикистан равнину возле Ура-Тюбе и на юге возле Аму. Большая же часть его представлена высокими хребтами и нагорьями.

Для зоолога Таджикистан—одна из интереснейших частей Средней Азии, хотя многие зоологи уже побывали там, хотя много сборов уже было сделано и даже обработано. Многие места его еще не посещены исследователями фауны. Но все же, в целом, птицы Таджикистана изучены довольно хорошо, недурно изучены гады и рыбы. Но млекопитающие, обещающие наиболее интересный материал, до сих пор совершенно почти неизвестны и представляют совершенно нетронутую область, хотя здесь были и работали такие крупные исследователи, как *Северцов*, *Грум-Гржимайло*, *Федченко*, *Регель*, *Зарудный* и другие*).

Животный мир страны зависит от двух условий: от *истории*, от того, откуда страна заселялась, и от того, какие условия жизни царят в ней теперь, в настоящее время.

Животный организм это некоторая физико-химическая сущность, это—система. Многочисленные воздействия извне,

*) Подробные сведения о всех экспедициях в Горную Бухару и на Памир читатель найдет в долженствующей выйти в свет превосходной книге *Н. А. Бобринского*; «Обзор исследований и очередные задачи исследования фауны позвоночных Туркестана».

из окружающего мира, действуют на эту систему. И она отвечает на эти воздействия, отвечает изменениями своей организации, своего поведения. Между средой и организмом устанавливается равновесие,—*организм приспособляется*. С этих двух точек зрения и рассмотрим животный мир Таджикистана. Начнем с Памира.

По своему положению и по своему строению Памир, как справедливо указывает проф. М. А. Мензбир, является продолжением Тибетского плоскогорья. Памир—продолжение Ладака, западной части Тибета. Отсюда он и должен был заселяться животными в далекие времена, когда окончилось оледенение этой высокой страны и снова появилась возможность жизни на Памире.

Есть основания думать, что некогда, в доледниковое время, на месте Памира были невысокие горные цепи. И тогда эта страна была заселена другими животными,—животными индийско-гималайской фауны. Затем произошло поднятие страны, а за поднятием—оледенение. Наступивший суровой климат привел к вымиранию индийско-гималайских животных. А когда оледенение кончилось, то образовавшаяся пустыня,—ибо Памир есть высокогорная пустыня,—стала заселяться выходцами тибетской фауны. Здесь они нашли себе подходящие условия.

Памир—высокогорная пустыня. Бесплодие почвы, ослепительный свет, резкие колебания температуры, свободно гуляющие ветры, сухой воздух,—все это черты пустыни. Нет одного—жары низменных пустынь. И животный мир Памира—это в значительной мере—животный мир пустыни. К сожалению мы недостаточно еще знаем его, особенно мир млекопитающих. Он ждет своего исследователя. Ведь почти все наши сведения о млекопитающих Памира приходится черпать у первого его исследователя—Северцова, Н. А.

Список млекопитающих можно дать пока весьма неполный. Многих млекопитающих, имеющихся несомненно на Памире, мы еще не знаем вовсе.

Принадлежность других к тому или иному виду не вполне еще или вовсе не установлена. Их пока только 22, в сущности только то, что было установлено еще *Северцовым*.

Тут живет самый крупный и самый красивый из архаров—баран Марко Поло с большой чисто-белой гривой на шее, огромными спиральными рогами, плотным телом на сильных ногах.

Баран М. Поло (Ovis Poloi Poloi Blyth.) достигает 20 пудов весом и пасется на Памире на высоте 16.000 футов, на плоскогорьях по соседству со скалистыми хребми.

Горный козел (Capra sibirica Pall. 1) пасется по всему Памиру в подходящих местах. *Волк обыкновенный* (?) (Canis lupus L) *и красный* (Cyon alpinus Pall.), *лисица* (Vulpes vulpes montana Pears), *медведь* (Ursus spec.), *снежный барс* (Leopardus uncia Schreb.) *и рысь* (Lynx isabellina Blyth.)—представляют здесь крупных хищников; *выдра* (Lutra lutra oxiana Byr.), *куница* (Martes spec.) *и ласка* (Mustela sp.) являются на Памире мелкими хищниками. И еще ряд грызунов: *дикобраз* (Hustrix spec.), *памирский заяц* (Lepus pamirensis Blanf.), *пищуха* (Lagomus rutilus Sev.), *красный сурок* (Arctomys candatus G.), и несколько *полевок:* (Alticola argentata Sev., Alticola Stoliczkana Blanf., Phajomys Youldashi Sev., Microtus Coerulescens Sev.), *лесная мышь* (Apodemus arianus Blanf., Mus erythronotus Blanf.) и *хомячок* (Cricetulns fulvus pamirensis),—вот и все млекопитающие Памира.

Как и всякая фауна пустыни, фауна Памира поражает своей бедностью. Но вполне возможно, что более близкое знакомство с нею даст нам гораздо бóльшее количество видов млекопитающих животных. Мы еще многого не знаем. Мы не знаем, какой на Памире *медведь*, и должны пока называть его—Ursus spec. Мы не знаем памирской *куницы*, а она водится там в большом числе, и в прежнее время каждый посетитель Памира считал своим долгом привезти оттуда куниц. Мы совершенно еще не знаем мелких *грызунов* Памира. А они водятся там миллиардами, как сообщает Северцов. Кроме *Северцова*, указания на млекопитающих Памира мы находим в трудах второй Яркендской разграничительной комиссии у *Блэнфорда* и в трудах Памирской разграничительной комиссии у *Олькока*. Отдельные виды описаны другими авторами.

О птицах мы знаем гораздо больше. Сводку по птицам мы имеем у *Молчанова* и *Зарудного*. Список птиц приводится у *Мензбира* в числе 165 видов.

Пресмыкающихся Памир не имеет. Лишь с запада проникают бухарские формы.

Животный мир Памира обнаруживает сходство с тибетским. Мелкие грызуны, принадлежащие к семейству *полевок*, очень близки к тибетским. Памирский *заяц*, б. м., тождественен, а близок во всяком случае, с *тибетским* (Lepus pamirensis Blanf.—Lepus tibetanus Bl). *Сурки* памирские (A. caudatus G.) одинаковы с тибетскими.

Из 80 гнездящихся на Памире видов птиц, если выбросить из них широко распространенных, 35% могут считаться по Мензбиру характерными для Монголо-тибетской провинции... И Памир зоологически составляет вместе с Западным Тибетом или Ладаком—Западно-тибетский округ.

Через Памир идут пролетные пути, но они еще недостаточно хорошо известны. Для выяснения их и целого ряда вопросов необходимо изучение Афганского Туркестана.

Птицами Памир беден. Для них очень неблагоприятны те станции, которые б. ч. представляет Памир: „бесплодные, сухие пространства, покрытые россыпями камней и кое-где песком, с редкой и чахлой растительностью, преимущественно по берегам речек и озер, с почти всегда ясным небом, резкими переменами температуры и редко затихающими ветрами, пересечены здесь горными хребтами, расположенными главным образом в широтном направлении и сравнительно не высоко возвышающимися над памирскими долинами, несмотря на свою большую абсолютную высоту. Из птиц лишь *рогатые жаворонки* (Eremophila penicillata albigula) являются непременным дополнением к памирскому ландшафту; кое-где попадается *саджа* (Syrrhaptes tibetanus)".

Из крупных птиц на Памире следует отметить огромного *снежного грифа или кумая* (Gyps himalayensis Hume) и *бородача* (Gypaetos barbatula L.). Первый питается падалью, второй нападает и на живых зверей. Он схватывает сурков, нападает и на человека, неосторожно оказавшегося на крутом и опасном месте. Нападает на козлов и баранов, стараясь сбросить их ударами крыльев в пропасть.

Рогатый жаворонок встречается на Памире всюду. Он не спускается вниз к Пянджу и в низовья его правых притоков. Особенно часто можно видеть его возле рабатов. Здесь роется он в навозе и в отбросах, отыскивая пищу.

Саджа попадается реже. Всюду на Памире, и в скалистых ущельях, по каменистым осыпям, на перевалах и вблизи рек и озер, видно чекана-каменку—Saxicola deserti.

Богаче фауна птиц в долинах речек и по берегам озер. Здесь они легче могут найти себе необходимый корм, т. к. здесь растительный покров богаче. Здесь среди камней и бедной растительности по берегам верхнего течения рек можно встретить *чечевиц* (Carpodacus rubicilla severtzowi Sharpe), здесь нередки подкрашенные на крыльях в розовато-ржавый цвет *вьюрки* (Montifringilla brandti brandti (Bp.), *малые жаворонки* (Calaudrella tibetana acutirostris) и рогатые, желтоголовые *трясогузки* (Budytes citreloides Gould), *голуби* (Columba rupestris turkestanica), *клушицы* (Fregilus graculus L.) и вездесущие *удоды* (Upupa epops L.)

Больше птичьего населения по берегам озер. Здесь можно видеть *чаек* (Larus brunneicephalus), питающихся мелкой рыбой, которая держится главным образом у берегов, и мелкими ракообразными; *зуйков* (Civrepidesmus mongolus pyrrothorax), *атаек* (Casarca casarca). Последняя птица на озерах, особенно на соленых, довольно многочисленна. На Сыссык-Куле иногда можно видеть их сотнями. Рядом с ними кулики *улиты* (Totanus), *песочники* (Tringa), *черныши* (Helodmoras oderopus).

Богаче становится фауна птиц к юго-западу от Памирского поста, в долинах реки Мургаба и Аличура. Здесь появляется и *белая трясогузка*, столь обычная у нас в Туркестане (Motacilla personata), *горихвостки* (Phoenicurus phoenicuroides), *ласточки* (Chelidon и Riparia ripestris), изредка попадается *крохаль* (Mergus castor comatus), гнездящийся здесь в скалах.

Примесь южных форм начинается с реки Памир, там, где долина ее теряет характер Памирской широкой и ровной долины и сходит в узкое и глубокое ущелье, поросшее кустарником.

Здесь появляются птицы, не свойственные Памиру собственно. Появляется водяной воробей или *оляпка* (Ciuclus leucogaster), держащаяся здесь в самых неприступных, скалистых ущельях и на тихих местах в горных долинах; появляются *чечетки* (Lerinus) *чечевицы* (Carpodacus erythrina roseata), *пеночки* (Phylloscopus neglectus), *славки* (Sylvia althaea), *овсянки* (Emberi

za cia), *вьюрки* (Montifringilla altaica), *сороки* (Pica bactriana) и т. д.

Здесь уже не памирский характер фауны—чувствуется влияние юга и запада, горной Бухары. Оно все увеличивается по мере движения вниз по долине реки Пяндж с ее боковыми долинами. Фауна становится все богаче по открытым долинам, соединяющим долину Пянджа с северной Индией, проникают сюда южные, индийские формы. Одной из них является открытая *Молчановым* крупная горихвостка—Chaimaroruis leucocephala vig., держащаяся в неприступных скалистых ущельях среди порогов и каменных глыб, около воды.

Птицы заставляют нас соединить Памир вместе с западным Тибетом или Ладаком в Западно-тибетский округ.

Это согласно и с тем, что говорит нам фауна рыб Памира. По *Бергу* фауна рыб Памира относится к Нагорно-азиатской подобласти, и именно к Тибетской ее провинции, включающей в себя всю внутреннюю Азию между Куэн-Лунем и Гималаями. Для Памира характерны *расщепобрюхие карповые*: poq Schizothorax, Schizopygopsis и Nemacheliuz. Водится здесь и *форель* Salmo trutta oxiana.

Из рептилий немногие проникает с запада в Дарваз, Рушан, Шугнан и Вахан. Все туркестанские виды. Из амфибий найдена *зеленая жаба*, свойственная всему Туркестану,—Bufo viridis.

Животные Памира, как сказано, это главным образом—животные пустыни. Они хорошо приспособлены к своим условиям существования, находятся в полной с ними гармонии.

Климат на Памире суров. Как и во всякой пустыни различие в температуре зимы и лета очень велико (до 74,7°!). Но и летом температура резко колеблется. Солнце обжигает лицо и руки человека спереди, а по спине его в то же время пробегает леденящий мороз. Бывает, что на солнце 23° тепла, а в тени в то же время 15° мороза. Разница между t° ночи и дня еще больше. Это, конечно, весьма неблагоприятные для жизни условия. Как же животные переносят эти колебания? Они защищаются от них и от сильнейших ветров, бывающих на Памире, разными способами.

Прежде всего—длинной шерстью. Это можно видеть уже на домашних животных. Домашним животным на Памире является прежде всего *як* (*кутас*)—Paephagus grunniens. Он поднимается здесь до высоты 17.000 фут., заменяя и лошадь, и корову, являясь для жителей Памира тем же, чем верблюд для жителей низменных равнин. Густые длинные черные волосы свешиваются в виде бахромы с его мощного тела почти до земли; густая шерсть защищает шею и грудь; хвост из густых и пушистых волос. Этот густой покров,—служит ему защитой от холода и ветров. Як кормится, стоя к ветру спиною, и хвост вместе с длинными волосами вокруг задних ног играет роль щита против ветра, голова же, опущенная вниз, защищена телом и гривой. Длинной шерстью одеты и другие домашние животные. *Памирский заяц* (Lepus pamirensis Be.), близкий к тибетскому, имеет густую и мягкую шерсть с обильным подшерстком. Такая же густая и более длинная шесть отличает и другие виды памирских млекопитающих: *сурков*, в особенности мелких грызунов—*полевок*, *хомячка* (Cricetulus fulvus pamirensis).

Другим способом защиты от холода является привычка рыться в земле, копать норы, скрываться под камнями и засыпать на зиму.

В норах и под камнями t° гораздо ровнее, мягче, не испытывает тех резких колебаний, которые испытывает температура воздуха. Измерения, сделанные, правда, в Тибете, показали, что на высоте 17.000 фут. температура под камнем дает в течение суток колебание в 12° F., тогда как рядом на воздухе она колебалась в пределах 44° F. В норах температура еще ровнее.

На зиму вся животная мелочь, все беспозвоночные: жуки, многоножки, пауки, моллюски, уховертки—прячутся под камни и лежат там в сонном состоянии. Засыпают на зиму и многие грызуны, как мелкие, так и крупные, или же роются под землей и под снегом, сохраняющим их от зимней стужи. Здесь полное сходство с жизнью в полярной тундре.

Примером засыпающих на зиму животных могут служить сурки. Все добытые на Памире сурки принадлежат к западно-тибетскому виду—*хвостатому сурку* (Arctomus caudatus G) *).

*) Указание Блэнфорда, что памирский сурок особый (он назвал его золотистым сурком—Arct. aureus), неосновательно. Длиннохвостый сурок очень варьирует в своей окраске от бледно-желтого до ярко-красного.

Настоящее царство этих сурков на Алтае, но и на Памире они поднимаются до 14.000 фут., поселяясь по травянистым местам, где они могут найти себе корм. На зиму они засыпают в своих огромных глубоких норах. Впрочем. повидимому, не холод, а невозможность достать зимою пищу является главной причиной, заставляющей сурков засыпать. Они кормятся свежей травой и запасов делать не могут. От'едаясь летом, они становятся необычайно жирными, и этот жир идет им для обмена веществ во время зимней спячки.

Еще большие норы копает дикобраз, поднимающийся здесь до высоты 13.000 фут. Какой это дикобраз, сказать пока нельзя. *Северцов* предполагает, что это тот же Hustris hirsutirostris (Satunini). Nerh., „джайра", который населяет весь Туркестан.

Роют норы *пищухи* (Ochotona rutilus Sev., *а. б. моэс., и другой вид*), но эти зверки не засыпают, а делают запасы корма, складывая под камнями, где находятся их норы, стожки сена. От сильных ветров птички прячутся за различные препятствия: за камни, за постройки, где они есть, или же, кормясь, становятся на земле головою против ветра, иначе ветер их сбивает. Под камнями устраивают жаворонки, воробьи, вьюрки и свои гнезда или же делают их в покинутых норах грызунов... Опять-таки сходно с тем, как ведут себя многие птицы в низменной пустыне.

Бабочки летают лишь в тихую погоду. Полет у многих из них короткий, и они садятся в защищенное место. Садятся они при этом, не поднимая, а опуская крылья.

Как и всякая другая пустыня, Памир бесплоден. Здесь нет того веселого покрова из разнотравия, как во многих других горах. Серые сухие низкорослые травы и полукустарники не образуют сплошного покрова, а торчат одинокими кустиками, часто стелятся к земле, жмутся к ней, имея форму низких подушек, уходят в землю, образуя большие корни и корневища...

Насекомых тоже мало, потому что насекомые связаны с растениями и с теплом. Спасаясь от холода и ветра, насекомые прячутся под камни.., Т.обр. ни для растительноядных, ни для насекомоядных животных нет благоприятных условий существования... И им приходится довольствоваться немногим, быть бережливыми и развивать особые приспособления для добывания пищи. Пищухи собирают на зиму запасы.

У многих птиц клюв изменяется таким образом, чтобы им легко было проникать в мерзлую почву, т. к. насекомые уходят под камни и в землю. Стоит посмотреть клюв красноносой *клушицы* (Fregilus graculus L.), чтобы убедиться в этом. Клюв ее сильно отличается от клюва близких к ней вороновых—грача или ворона. Он длиннее, тоньше, острее и саблевидно изогнут. Он служит клушице рычагом для поднятия навоза, из-под которого она достает затем свою пищу.

То же самое у так называемого *тибетского жаворонка* (Calandrella tibetana Broons), добывающего пищу из земли, которая часто бывает мерзлой; у него клюв значительно длиннее, чем у обыновенного равнинного *коротокопалого жаворонка* (Calandrella brachydactyla Lessl.), Но самый интересный в смысле приспособления к добыванию пищи клюву—т. наз. *серпоклюва* (Ibidorhynchus Struthersi Vig.). Он очень длинен и загнут вниз дугою. Птица эта живет по горным потокам. Особенно любит он места, где поток разливается и извивается по камням. Здесь между гальками отыскивает серпоклюв червей и насекомых. Для этого ему и служит кривой клюв, которым он то огибает камень сверху, то просовывает его под камень сбоку. Прямой клюв для той цели не годился бы. Его кривизна как нельзя лучше приспособлена к кривизне камней и к привычке птицы.

У пустынных животных развивается часто, как известно, покровительственная окраска. Она бывает необходима в открытых станциях с бедной растительностью, так как растительность не дает укрытия незащищенным ни чем другим животным.

Точно тоже встречаем мы и на Памире. Многие животные здесь неотличимы от почвы. Камни дополняют действие покровительственной окраски, давая тени. *Памирский заяц*—пример гармонии с обстановкой. Полевки, описываемые с Памира Северцовым,—одна—(Arv. sp.)—серо-желтоватая, другая—(Phajomys Vuldashi)—тоже серо-желтоватая, третья—(Arvicola coerulescens)—голубовато-пепельная, четвертая—Alticola (Arvicola *у Северцева*) argentata—серебристо-пепельная.

Жаворонки и ряд других птичек окрашены под цвет

почвы. *Саджа* (Syrrhaptes tibetanus Gould), *уллар особенно*—(Tetraogallus tibetanus Gould), кеклик (Caccabis chukar Gray)—окрашены под цвет обстановки, в которой живут. Упомянутый выше *серпоклюв* совершенно неотличим от камней, среди которых кормится.

Вороны (Corvus corax tibetanus Hodgs), орлы, коршуны не имеют защитной окраски, как и *грифы* (Gyps himalayensis Hume), но они и не нуждаются в покровительственной окраске.

Точно так же и в окраске многих насекомых преобладают голубые и красные тона, гармонирующие со средой.

Таким образом мы видим, что отсутствие кустов и деревьев ведет к тем же следствиям, к которым оно приводит животных на равнине. Основания покровительственной окраски тут и там одни и те же. Памир—пустыня в своей основе.

Перейдем теперь к той части Таджикистана, которая соответствует восточной части *Горной Бухары* и включает в себя ряд горных хребтов: Туркестанский, Зеравшанский, Гиссарский, Петра Великого, Дарвазский. Целый ряд исследователей посетил эту часть Туркестана. Мы многое знаем о ее птицах, гадах и рыбах... Но млекопитающие и здесь известны еще очень мало, меньше даже, чем памирские. Для Памира мы имеем старый, несомненно неполный и частью неправильный список у Северцова и в трудах разграничительных комиссий, здесь нет даже и этого. Лишь у английского зоолога Олдфильда Томаса мы имеем описание нескольких видов, гл. обр. из Гиссарских гор, летучих мышей у Бобринского и двух млекопитающих у Огнева и еще отдельные описания...

Между тем для зоолога эта часть Таджикистана представляет исключительный интерес, являясь связующим звеном между северным Туркестаном и Закаспием, с одной стороны, и представляя путь, по которому распространяются в Туркестан индо-гималайские формы,—с другой. Северной склон Туркестанского хребта составляет границу бухарского участка. Лишь отдельные формы—синяя птица и и райская мухоловка проникли далее к северу.

Условия жизни в этой части Таджикистана совершенно иные, нежели на Памире. Прежде всего они разнообразны. Захватывают и равнину, и сухие предгорья, и горы, вплоть до снежных хребтов с величайшими пиками до 22.000 фут.

и ледниками. Соответственно с этим разнообразна и жизнь: растительная и животная. Климатические факторы, главным образом, создают почвенные и растительные пояса или зоны, расположенные в вертикальной последовательности. Для животных же растительность является тем, чем почва для растительности.

Примыкая с одной стороны к песчаным и глинистым пространствам, с другой—к предгорьям, частью же занимая и последние вдоль всех хребтов, составляющих горную часть Туркестана, тянется область лёссовых степей и пустынь. Часть их лежит у подошвы хребтов, наполняющих Горную Бухару. Туган с разнолистным тополем, джидой, ивами, облепихой, тамариском и камышом тянутся по рекам, разрезающим эти лёссовые пустыни. А выше идут сухие склоны с горностепной флорой, редкими зарослями кустарников, злаками, зонтичными, мотыльковыми и сложноцветными. Большая часть этой растительности выгорает в конце лета. Здесь и там разбросаны деревца вяза, фисташки, шиповника, миндаля, клена, боярышника, шелковицы и древовидного можжевельника. Местами—грецкий орех, абрикос, тополь, яблоня, зеравшанский ясень.

В глубоких ущельях, у берегов ручьев и рек располагаются леса и заросли из клена, грецкого ореха и чинара, ясеня, ив, каркаса, инжира, крушины, груши, яблони, ежевики, спиреи, граната, дикого винограда, эфедры, арчи, тополя и даже березы и рябины.

Эти лесные заросли, орошаемые ручьями и речками, иногда с густой тенью под деревьями и мягкой, близкой к чернозему, почвой составляют очарование этой части Таджикистана, именовавшейся прежде Горной Бухарой. Заросли идут высоко в горы. Рощи из арчи, душистого тополя, ивы и березы можно видеть на высоте в 9.000 фут., а можжевельник в Гиссаре поднимается до 12.000 футов.

А над полосою лесов идут обширные высоко-горные степные и луговые пространства. Первые—на более сухих склонах, вторые—на влажных склонах и в долинах, орошаемых сверху тающими снегами. Здесь буйно развиваются травы с большими зонтичными, лилейными, губоцветными, геранью, синим горошком, незабудками, маками, злаками и другими травами. Весь этот яркий травяной ковер спешит жить, ибо на жизнь ему дано всего $1^1/_2$ месяца.

Эта травяная растительность, приспособляясь к суточ-

ным колебаниям температуры, к выпадающему иногда среди лета снегу, поднимается в горах Таджикистана очень высоко; иногда до самых вечных снегов, до 10—12.000 фут.; поднимаются не только влаголюбивые растения, но и полынь, и ковыль—растения степей. На высоту в 15.000 фут. забираются многие травянистые растения. А дальше идет полоса глациальной, приземистой растительности, и, наконец, сверкают ослепительно вечные снега на вершинах хребтов, гигантскими ледяными языками спускаясь местами вниз.

Такое разнообразие условий, естественно, влечет за собой и богатство, и разнообразие жизни. Правда, о млекопитающих мы ничего почти не знаем, но зато птицы, хорошо сравнительно изученные, вместо 165 памирских видов дают 417; и из них 286 гнездящихся (вместо 80 памирских!).

Фауна птиц чрезвычайно богата, и по ней мы можем дать и характеристику фауны этой части Таджикистана.

Основная черта ее фауны позвоночных—это проникновение сюда большого числа *индо-гималайских форм*. Они, как указывает проф. *М. А. Мензбир*, проникают всюду, и в фауну низин, и в фауну гор. Гинду-Куш, длинным языком протянувшийся от Памира, отрезывает от гималайского центра тот форпост индо-гималайской фауны, который представляет Горная Бухара. Сюда проникают следующие млекопитающие этой южной фауны: *винторогий козел или маркур* (Capra falconeri Wagn.), *бухарская гиена* (Hyaena bouharensis Satun.). К той же фауне относится живущий на островах и по берегам Пянджа в тугаях—*Аму-Дарьинский олень*—Cervus affinis bouharensis Lyd. К индо-гималайским млекопитающим следует отнести и бухарский подвид *барана Вигье* (Ovis vignei bouharensis Satun.) и, до некоторой степени, интересную лисицу —Vulpescana Blanf., распространенную в Белуджистане и южном Афганистане, а б. м., и в Синде.

Из других млекопитающих не гималайско-индийского типа следует отметить живущих на альпийских лугах *сурков*. Тот ли это сурок, что на Памире, или особый (Arctomys litledalei flavinus Thuus), сказать трудно. Думаю, что один и тот же. Кроме того, отметим особого *слепушонка* (Ellobius fuscipes Thuis), *черную кровельную крысу* (Epimys rattus alexandrinus) в полосе леса, полевку—Microtus и бухарского зайца (Lepus tolai bouharensis Ognev). Вероятно, есть и другие. Из числа птиц горной Бухары 56 видов являются индо-гималайскими. Лишь сравнительно немногие из них проникают дальше в Западный Тянь-Шань.

Состав орнитофауны Таджикистана резко отличается присутствием здесь своих собственных фазанов: *зеравшанского фазана* (Phasianus zerafschanicus Tarn.). Этот фазан ближе к закаспийским фазанам, чем к монгольскому и туркестанскому, живущим по ту сторону Туркестанского хребта.

Условия жизни для птиц здесь чрезвычайно благоприятны, и мы видим здесь большое разнообразие в составе птичьего мира. Особенно богаты птицами теплые долины и ущелья, среди древесных зарослей которых индийские формы находят себе подходящее местообитание. Здесь на утесах, среди зарослей, ютится *синяя птица* (Myiophoneus temminckii vig.), по кустикам отыскивает пищу—Trochabopteron lineatum grisescentior., здесь же гнездится и местный вид *зеленого дятла* (Gecinus flavirostris Salv.).

Ремезы с их висячим гнездом, райские мухоловки с роскошными хвостами, соловьи, славки и завирушки, иволги, голуби, щеглы и другие птички оживляют лес своим пением... На открытых местах летают *индийские ласточки* (Hirundo Smithi Leach. и Cotyle sinensis Grag).

Точно так же богата и имеет южный характер и фауна рептилий описываемого края.

Мы видим здесь такие формы, как *степной удав* (Eryx miliaris Pall.), в двух формах: типичную в равнинах предгорья и другую—в горах, по соседству с Дарвазом. *Водяной уж* (Natrix tesselata Laur.), *полоз Равергиера* (Zamenis Ravergieri Menetr.), *узорчатый полоз* (Elafhe dione Pall.), *гюрза* (Coluber lebetinus L.)—встречаются и в равнине, и в горах. Некоторые змеи забираются даже до Хорогского поста в Шугнане (граница Памира), как, например, водяной уж и гюрза. Другие змеи—стрела-змея (Taphrometropon lineolatum Bdt)—держатся только в равнине. В эту часть Таджикистана проникает и *очковая змея*—Naja naja coeca Gm.

Точно так же и целый ряд ящериц. Из них отметим *каспийского геккона* (Gymnodactylus caspius Eichv.),

проникающего далеко на восток, *ящерицу Регеля* (Eremias Regeli Bedr.), известную пока только из центральной части Южной Бухары, и несколько видов *горных агам*: *ферганскую* (Agama lehmani), *сетчатую* (A. reticulata Nik.), гималайскую (Agama himalayana steind.) и *бухарскую* (Agama bokharensis). Из них гималайская поднимается к Хорогу в Шугнане, в Вахан и в Рушан. Бухарская агама—редкое животное, встречающееся в северной части Горной Бухары. Все агамы имеют цепкие пальцы и длинные когти, дающие им возможность лазать по скалам, цепляясь за неровности. Встречается в более низких местах со степным или пустынным характером и обыкновенная в Туркестане—степная агама (Agama sanguinolenta Pall.), а также и столь обыкновенная степная черепаха (Testuqo horsfieldi Grau).

Зеленая жаба (Bufo viridis) идет через всю Бухару на Памир. *Зеленая лягушка* (Rana esculenta L)—высоко не поднимаетея.

Из амфибий—между Самаркандом и Памиром найден очень интересный представитель хвостатых амфибий—Hynobius turkestanicus Nik., ближайшие родичи которого находятся в Корее.

По рыбам Горная Бухара (ныне часть Таджикистана) относится к Туркестанскому участку Средиземноморской подобласти.

Часть Таджикистана приходится на равнину, на область лессовых степей и пустынь. Таков *район Ура-Тюбе*. Он примыкает с одной стороны к глинистой пустыне, каковой является Голодная степь, с другой—к предгорьям. Это продолжение тех лессовых пустынь, которые тянутся от г. Бухары через Самарканд и Джизак к Ташкенту. Эти лессовые пустыни лежат у подножья гор, они более приподняты над уровнем моря, чем глинистые и песчаные пустыни, они влажнее открытой пустыни и на них весною развивается богатая осоково-злаковая растительность. Эта часть страны искусственно орошается. Через сеть арыков напаивает она живительной влагой из рек. И там, где без орошения была бы жуткая сухая пустынь, радуют глаз поля, засеянные ячменем, джугарою, клевером и хлопком... Но так как арык можно провести не везде, то среди цветущего оазиса остаются реликты лессовой пустыни, и рядом с поселками, с садами, полными фруктов, с квадратами полей с разнообразными культурами существуют сухие, безжизненные, лишь весною оживленные реликты пустыни—лессовые бугры.

Иногда обширные пространства заняты ими. Здесь растительность развивается только весною. Она приспособлена к кратковременному существованию. С осени стоит маленькая щетка осоки и злаков, с февраля начинает она развиваться, в марте-апреле пышно цветет, а в конце мая стоит уже сухая.

Живому нужна вода. Здесь ее нет. Она лишь в почве. Та вода, что напитала землю осенью и весной. Солнце скоро высушивает землю, и вода эта исчезает. И все растения торопятся жить, цвести и принести плоды... И умереть, сохраняя лишь под землею живые части: луковицы, корневища. Отмирают луки, тюльпаны и крокусы. За ними осоки и злаки, составляющие основу лессовой пустыни: мятлик, костры, дикий ячмень. Цветет еще некоторое время лилово-розовыми цветами малькольмия; но уже к концу мая все выгорает. Желтой унылой кажется лессовая пустыня. Лишь тут и там видны довольно большие кустики растений, имеющих длинные подземные корни, достающие до глубоко лежащей грунтовой воды, расходящиеся во все стороны бесчисленными ответвлениями, чтобы сколько-нибудь собрать воды в сухой почве. Псоралея, вонючая ферула, кусты каперца и другие... А потом и это все увянет. Пока осенние дожди не напоят снова землю, и не выйдет снова невысокая зеленая щеточка осоки и злаков.

Здесь развивается особый животный мир. Прежде всего фауна лессовых бугров бедна.

Самое характерное животное здесь—это *желтый суслик* (Cynomys fulvus oxianus). Он такой же «эфемер» пустыни, как некоторые растения. В марте выходят суслики из нор, апрель и май—расцвет их деятельности. Они кормятся, едят невероятно много, нагуливая жир, с весны плодятся и долго стоят неподвижно у нор, наблюдая прохожих или проезжих. Выходят из нор утром, днем же прячутся в нору от зноя, выходя снова под вечер. В конце мая, когда растительность выгорает, суслики все сразу исчезают, залегая в спячку в глубине своих нор до следующей весны. Три или три с половиной месяца длится их жизнь на поверхности земли. Почему так? Пустыня безводна. Единственный источник необходимой для жизни во-

ды—растения, пища. У суслика очень энергично идет обмен веществ, и довольствоваться той водой, что есть и в сухих растениях, суслик не может. С высыханием растений он впадает в спячку.

То же самое и *степная черепаха* (Testudo Horsfeldi Gray). Она живет еще более короткое время, весною, в разгаре вегетации. А затем, отложив в землю яйца, закапывается в землю сама, впадая также в летнюю спячку. Целый ряд других мелких животных из беспозвоночных проделывает то же самое. Но не все животные засыпают. У других обмен веществ медленнее. Они тратят меньше воды. *Песчанка Эверсманна* (Gerbillus Eversmanni Bogd) роет здесь свои колонии, питаясь *семенами* злаков, делая их запасы и прячась от зноя в норах. Бесчисленные холмики *бурого землекопа или слепушонка* (Ellobius fuscifes Thuus) прикрывают норы и ходы, где, под землею, питается этот грызун более сочными луковицами и корневищами. *Степные лисицы* (Vulpes caragana Erxl.) ходят сюда охотиться на сусликов, слепушат и песчанок. Ими же лакомятся скрывающиеся тут по оврагам *одичалые домашние кошки, степные* (Trichaelurus manul) и *дикие коты* (Felis caudatas Grau) приходят из тугая, если он есть поблизости. Кое-где увидим на бугре *барсучью* нору (Meles arenarius arenarius Satun.). *Хорек степной* (Putorius Eversmanni Lesson) и *перевязка* (Vormela Koszshewnikovi Satun.) дополняют список *млекопитающих.*

Птиц в лессовой пустыне тоже немного. *Луговые чеканы* (Pratiucola manra Pall.) держатся кое-где в более низких местах, покачиваясь на вершине кустиков травы, *хохлатые жаворонки* (Galerita magna Hume) глинистого цвета бегают, собирая насекомых и зерна, *коньки* (Antbus). *Степная пустельга* (Cerchneis cenchris Naum) парит, остановившись в воздухе на одном месте, и быстро трепеща крыльями, иногда пролетит *лунь* (Strigiceps cyaneus L.), высматривая птенцов или зазевавшегося грызуна: слепушонку, мышь, и, конечно, ящерицы и змеи; *ящурки* (Eremies), *степной удав* (Eryx miliaris Pall), *полозы* (Zamenis), *стрела-змея* (Taphrometropon lineatum Pall.). Весною, когда пустыня полна черепахами, прилетают сюда с гор кормиться ими бурые и черные *грифы* (Gyps fulvus Brissu Vultur monachus Gm.).

Кругом пустыни—орошенный район, оазис. И, конечно, целый ряд птиц, главным образом мелких певчих, проникает оттуда в лессовую пустыню, занимая главным образом, ее края: *овсянки, щурки, удоды* и т. д.

Состав птиц и растений Ура-Тюбинского района, конечно, отличается от такового в южной части Таджикистана возле Аму. Там, как и в фауне гор, чувствуется влияние юга, Ирана и Индо-Гималаев. Но статья эта популярная и входить в подробности я не могу. Общая же картина жизни тут и там—одна и та же.

Население Таджикистана.

(Демографический очерк).

А. Панков.

Источники для изучения демографии и этнографических группировок Таджикистана не однородны по своей научной точности и по достоверности для 3-х районов, из которых сложилась его территория. Первый—сев.-западный район Таджикистана, составившийся из восточной части Самаркандской области (частей Самаркандского и Ходжентского уездов), образующий современные Пенджикентский и Ура-тюбинский вилайеты обследован почти полностью:—1) сельско-хозяйственной переписью 1917 года [1]) и 2) более чем на половину обследован тот же район Всероссийской демографической переписью 1920 года и городской переписью 1920 года. Второй район — юго-восточный, образованный из бывш. Памирского района Ферганской области и бывш. Западно-Памирских бекств Шугнана, Рушана и Вахана—современный Горно-Бадахшанский вилайет обследован только сельско-хозяйственной переписью 1917 года [2]); наконец, третий район—юго-западный, основной для территории Таджикистана, составившийся из бывших бекств (с 1920 г.—вилайетов) Восточной Бухары не обследован никакими цельными научно-проведенными переписями. Для статистического описания этого района Вост. Бухары источниками, часто далекими от точности, и лишь приблизительными для общей характеристики, служат: во 1-х) данные чиновников Бухарского эмирского правительства 1917 г. по переписи, ими произведенной, во 2-х) данные бывших офицеров генерального штаба до 1917 г. [3]) и в 3-х) данные Управления Уполномоченного

---

[1]) Материалы Всероссийской Сельско-Хозяйств. Переписи 1917, 1920 г. Вып. I. Поволостные итоги Самаркандской области. Ташкент. 1924 года. Изд. Ц.С.У.

[2]) Материалы Всероссийских Переписей. Перепись населения в Туркестанской республике вып. IV. Сельское население Ферганской области по материалам 1917 г. Изд. Ц.С.У. Туркестанской Республики 1924 г.

[3]) *Кузнецов* кап. Дарваз. Изд. Ферганского областного Статистического комитета 1893 г. Нов. Маргелан.—*Ремез, И. А.* Внешняя торговля Бухары до мировой войны. Изд. Ц.С.У. Туркреспублики 1922 г.—*На историчееком рубеже*. Сборник о нац. гос. размежевании Ср. Азии. Ред. и изд. Ср.-Азиат. Бюро Ц.К.Р.К.П. Ташкент 1924 г.—*Снесарев*. Восточная Бухара 1906 г. Изд. Главного Штаба; *Шишов, А.* Таджики. Ташкент. 1910 г. *Васильев.*—Краткое статистическое описание Каратегина. Спб. Изд. Главного Штаба 1888 года.

Сов. Труда и Обороны в Сред. Азии от начала 1925 г. Дополнительными источниками для статистики населения Таджикистана в его целом служат:во 1-х) научно проверенные работами экспедиции Ю. И. Пославского данные Бухарского правительства 1921 года в кн. «Средне-Азиатский экономический район» под ред. Г. Н. Черданцева и Ю. И. Пославского. Ташк. изд. ТЭС'а 1922 г., 2) доклад П. П. Введенского в Таджикском Научном Обществе 1925 г. (по данным Ревкома Таджикской Республики, собранных т. Рахматуллиным в 1924 г.) и 3) литературный материал по этнографии Вост. Бухары и Памира. См. ниже в библиографии к этой статье.

По всем названным источникам мы выбираем как наиболее близкие к истине сведения о количестве населения Таджикистана.

В 1917 году на площади в 120.600 кв. в. было около 1.294.000 чел. обоего пола.

В 1924 году на площади 120.600 кв. в. было около 745.000 чел. обоего пола.

Распределение населения по вилайетам, составившимся каждый из нескольких бекств Бухары или уездов Туркреспублики, видно из следующей таблицы: (См. табл. № 1).

Из приведенных данных видно, что население Таджикистана с 1917 г. за 6 лет сократилось к 1924 г. приблизительно на 498.000 чел., т. е. на 42% под влиянием гражданской войны 1920—1924 г. г., выразившейся в басмаческом движении (бандитизме). Басмаческое движение меньше коснулось, пожалуй, се вера (верхне-Зеравшанского) и юго-востока (Памирского района), и если в таблице для первых и третьего районов даны одинаковые цифры (для 1917 и 1924 г. г.), то это об'ясняется внесением в статистический учет Упол. СТО прежних цифр (1917 и 1920 г. г.). По данным доклада П. П. Введенского в Таджикском научном обществе (апр. 1925 г.) население Таджикистана в 1917 г. выражалось количеством в 988.076 душ (в Восточной Бухаре, Пенджикентском, Уратюбинском и Памирском районах), а потери населения за время революции и гражданской войны в 315.000 (для Восточной Бухары) + потери 20% населения Пенджикентского, Уратюбинского и Памирского районов, (по нашим предположениям), что составит около 25.000 душ, а всего потери населения на современной территории Таджикистана около 340.000 душ. Следовательно, принимая данные П. П. Введенского о потерях населения за 1917—1924 г. г. наличное теперь население Таджикистана

Таблица № 1.

РАЙОНЫ (вилайеты)	Площадь в кв. верст.	Население по данным Бухарск. правительст. 1917 г.				Население по данным в 1924 г. (Уполномоч. С.Т.О. Средн. Азии)				
		Мужчин	Женщин	Обоего пола	В том числе городск.	Городское	Сельское	Всего	Плотность на 1 кв. верту	
1. Пенджикентский . .	8150	23341	21011	44352	7%	3145	41540	44685	5,4	
2. Ура-Тюбинский . .	5250	34163	32256	66419	28,5%	13069	61408	74477	11,4	
3. Горно-Бадахшанск. (Памир).	50000	12053	10077	22130	ок.0,0%	757	21379	22130	0,4	
4. Гармский	26850	175500	173578	348878	ок.1,0%	293	596276	603800	10,5	
5. Кулябский	10000	149700	147635	297335	ок.2%	1257				
6. Курган - Тюбинский	8800	30125	28125	58250	ок.3%	5731				
7. Дюшамбинск. (бывш. Гиссарский	11450	119475	115465	234940	ок.6%	243				
8. Сары-Ассийский. .		32100	30940	63040	ок.4%					
Итого . . .	120600	684457	559087	1243544	ок.6,1%	24495	720497	745092	5,9	

выразится цифрой 648.000 человек. Принимая статистические выводы названного доклада за известный корректив к официальным сведениям Упол. СТО интересно отметить, что по данным П. П. Введенского наибольший % потерь—60% падает на вилайеты Гиссарский, Кулябский, Курган-тюбинский, а на остальные районы от 20%—40%. Искать относительной истины в вопросе о численности населения современного (1925 г.) Таджикистана мы можем при расхождении данных Упол. СТО и П. П. Введенского на 97.000 человек (745.092—648.000) в этих пределах между этими цифрами, почему и принимаем *численность населения Таджикистана около 700.000*

человек обоего пола [1]). Движение населения в Таджикистане, наблюдавшееся на протяжении всей его истории в связи с процессами надвижения турецких народов на иранцев (таджиков), продолжалось и в течение последнего столетия [2]). В революционные годы это передвижение приняло, в связи с басмаческим движением в некоторых районах, катастрофические по убыли населения размеры, в других вызвало уплотнение. К первым разреженным районам относятся юго-западные районы—Курган-тюбинский, Кулябский. В течение последних 6 революционных годов на территории Таджикистана установлены перемещения населения в двух направлениях под влиянием разорительной гражданской войны: во 1-х) население Курган-тюбинского, Кулябского, Сарыджуйского и Гиссарского (ныне Дюшамбинского) вилайетов сильно поредело, переселившись частью из одних долин в другие, напр., в Денауский округ или подвинувшись в Гармский (бывш. часть Каратегина) округ, в более высокие горные края; это—большею частью средняцкие элементы населения; во 2-х), часть населения названных вилайетов ушла вместе со своим скотом в северный Афганистан, увеличив население Мазари-Шерифского, Таш-Курганского и Кундузского его районов. В прежних местах опустевших районов очень часто оставались наиболее бедные слои населения (бесскотные), и в результате разрушилось много оросительных систем в долинах Сурхана, Кафирнигана и Кизыл-су, прежние хлебные нивы заросли сорной травой и камышем.

Плотность населения Таджикистана, как видно из приведенной выше таблицы, в среднем для всей страны равняется 5,9 чел. на кв. 1 вер. Но эта средняя плотность резко разнится в отдельных вилайетах: наибольшая в Дюшамбинском и Сары-Ассийском около 16 человек на 1 кв. вер., в Ура-тюбинском 11,4, в Кулябском 11 чел.; редко населены Пенджикентский, Гармский от 5,4 до 4,3 и наиболее редко Горно-Бадахшанский

[1]) Скорее преувеличивая, чем преуменьшая его. По сборнику на «Историческом рубеже» Изд. Ц.К.Р.К.П. и «Турк. Правды» 1924 г. общая сумма населения Таджикистана определяется в 782.000 чел. путем сложения приведенных ам данных, так как самый итог, приведенный здесь, 590 тыс. явно ошибочен.

[2]) Примеры такого рода, кроме исторически известных до XIX века, переселений, приводятся в статье Гаевского «Кургано-Тюбинское бекство» *Изв.* Русск. Географ. Общества 1919—1923 г., выпуск II, стр. 4— 7 (образование кишлаков Джили-Куля, Сарая и запустение кишлаков Бешкте-Куро. Урта, Досмат, Косра-туркмен в силу ухода кочевников, как, напр. казак-киргиз, в силу отлива населения в другие бекства или в Сев. Афганистан из за разрушения головы арыков или их заиления, вообще по недостатку воды.

(Памир) 0,4 на 1 кв. версту. В среде каждого из названных районов далеко не одинакова плотность их населения; она зависит: во 1-х) и главным образом от физико-географических условий (климата, высоты и почвы) совместно с наличностью искусственного орошения или его отсутствием и во 2-х) от рассмотренных выше культурно-исторических условий последних 6 революционных годов (басмаческого движения и вообще гражданской войны). В Средней Азии, стране резкой смены пустынь, полупустынь и оазисов, плотность населения должна быть учитываема в зависимости от этих географическо-культурных условий, главным образом, от завоевания человеком земли путем искусственного орошения. В этом смысле по плотности населения на 1 кв. версту посевной площади Таджикистан мало уступает плотности высоко культурных земледельческих стран Западной Европы. На 1 кв. версту посевной площади здесь приходится 109 человек, но уступает Узбекистану—209 чел. и другим искусственно орошенным странам Средней Азии.

Падая ниже нуля в горных пустынях Памира и горных щелях Дарваза, Гиссарского и др. снежных хребтов, плотность населения долин орошаемых р. р. Кафирниганом, Кизыл-су, Вахш с их притоками превышает в среднем 20 чел. на 1 кв. версту, считая поливные и богарные земли и пастбища. Районами наиболее густого населения нужно считать долины Ура-тюбинского вилайета, Пенджикентский оазис к зап. от Пенджикента и долины среднего течения Кафирниган-дарьи и Сурхана (бывш. Гиссарский край) между г. г. Кафирниганом и Файзабадом и г. Сары-Асия-Юрчи), а также и долины средн. течений р.р. Вакша и Кизыл-су, Ак-су.

Городское и сельское население Таджикистана резко противостоят друг другу по количеству; по данным дореволюционного времени, приблизительно городского населения насчитывалось около 55.000 челов. на 1.100.000 сельского, т. е. около 5%; так. обр. на сельское население приходилось около 95%. Как, главным образом, земледельческая страна с полным отсутствием машинной индустрии, Таджикистан не имел ни одного города с населением, доходящим до 20.000 чел. Наиболее крупным городским центром (понимая город в средне-азиатском смысле, главным образом, торгового, кустарно-промышленного и административного центра) был Ура-Тюбе (с 20,000 жителями до революции). Далее шел Гиссар около 10.000 (теперь почти опустошенный); затем, свыше 5.000 имел Ку-

ляб и около 5.000 Каратаг (до землетрясения 1907 года). Далее шли Регар, Пенджикент, Дюшамбе, Кафирниган, Гарм от 3,500 до 4000, и меньше 3.000 имели остальные поселения (кишлаки), считающиеся городами, или как резиденции беков, или по величине своих базаров и развитию кустарных промыслов и по внешности не отличившиеся от других больших кишлаков.

По данным 1924 г. города Таджикистана, по количеству населения, располагаются в таком порядке:

Ура-Тюбе . . .	13.069 человек.	Гарм.	Меньше 1000 до 760 человек.
Пенджикент. .	3145 человек.	Кала-и-Хумб . .	
Бальджуан . .	От 1000 до 2000 человек.	Сары Ассия . . .	
Куляб		Гиссар	
Дюшамбе. . . .		Хорог	
Регар			
Курган-Тюбе .	около 1000 челов.		

Эти цифры весьма приблизительны, основываясь частью на подсчетах дворов, частью на словах очевидцев.

Половой состав населения, как и возрастный, могут быть довольно точно установлены для Пенджикентского, Ура-тюбинского и Горно-Бадахшанского вилайетов, в которых проведены были переписи 1917 и 1920 годов.

Распределение населения на мужское и женское видно из следующей таблицы:

ВИЛАЙЕТЫ	Год обследования	Мужчин	Женщин	% отношение: на 100 мужчин приходится женщин
Ура-Тюбинский	1920	32846	28165	85
Пенджикентский		23341	21199	90
Горно-Бадахшанский . .		12059	10077	83,6
Дюшамбинский	1917	119475	115465	96,6 ?*)
Курган-Тюбинский . .		30125	28125	96,6 ?
Гармский		175500	173578	98,4 ?
Кулябский		149700	147635	98,6 ?
Сары-Ассийский		32100	30940	96,4 ?
Итого	—	575140	555784?	

*) Знаки ? поставлены там где % женского населения сильно противоречит известному из переписей для Средней Азии численному соотношению полов.

Таким образом во всех районах Таджикистана мы наблюдаем преобладание мужчин: на 100 мужчин приходится женщин: меньше всего в вилайетах—Ура-тюбинском 85 душ и в Горно-Бадахшанском 83,6 душ. Это повсеместное отношение полов не только для Таджикистана, но и для всей Средней Азии, где на 100 мужчин приходится 86 женщин, тогда как в СССР на 100 мужчин—102 женщины (в селениях и кишлаках); преобладание мужского населения об'ясняется не только у турецких, но и вообще у азиатских, в том числе иранских, народов более тяжелыми социально-экономическими условиями жизни девушки и женщины. При том преобладание мужчин над женщинами еще больше в кочевых районах, чем в оседлых. В Пенджикентском, где отсутствуют кочевники, на 100 мужчин приходится 90 женщин. При этом переписной материал показал (1917 года), что, например, для Памира наиболее низкий % девочек сравнительно с мальчиками приходится на возраст с 8—15 лет и с 15—18 лет, а также у взрослых на старческий возраст приходится наиболее низкий % женщин.

На 1000 мужчин на Памире приходится женщин:

В возрасте	до 5 лет.	от 5—7 л.	от 8—15 л.	от 16—17 л.	от 19—24 л.	от 25—50 л.	свыше 60 л.
	904	832	692	725	944	902	729.

Тяжелые социально-экономические и бытовые условия жизни туземной мусульманской женщины, находящейся дома в положении почти рабыни в значительной степени поддерживаются религиозными предрассудками—взглядом ислама на нее, как существо нечистое, низкое; насильственное вступление в брак вслед за наступлением половой зрелости не дают ее организму сформироваться и окрепнуть, трудные роды при жестоких приемах туземных повитух, плохое ее питание сравнительно с питанием мужчины и, наконец, многоженство раньше старят ее, вызывают более раннюю смертность и не могут создать в семье благоприятных условий для необходимого равновесия полов.

Возрастный состав населения Таджикистана мы знаем по переписному материалу 1917—1920 г. г. для 3-х его вилайетов: Пенджикентского, Ура-тюбинского и Горно-Бадахшанского.

На 1000 мужчин приходится каждой возрастной группы:

	До 18 лет	С 19 до 59 лет	60 лет и старше
В Бадахшанском (Памир):			
Мужчин	503	473	60
Женщин	470	478	52
Обоего пола	485	456	56
В Пенджикентском и Ура-Тюбинском:			
Мужчин	475	477	52
Женщин	449	493	57
Обоего пола	485	485	55

В этом распределении возрастных групп населения обращает на себя внимание небольшое сравнительно количество лиц в возрасте 60 лет и старше—5%, тогда как в Р.С.Ф.С.Р. эта группа выражается в 7%. Группа рабочего возраста от 19—59 лет выражается в 45%—48%, в Р. С. Ф. С. Р., без Финляндии, эта группа по переписи 1920 г. не превышала 38% в результате мировой войны и революции, до которой равнялось в Р. С. Ф. С. Р.—44% (по переписи 1897 года). Судя по примеру Памира до старости доживает в высокогорных странах Средней Азии меньше мужчин и женщин, чем в более низменных районах Средней Азии, где возраст свыше 60 лет, представлен от 6%—8% населения. Заметно также среди группы рабочего возраста преобладание женщин (от 48—49%) над мужчинами той же возрастной группы (43—48%) всего мужского населения.

Распределение населения Таджикистана на кочевое и оседлое в виду отсутствия переписных данных, кроме Памирского района и частей Пенджикентского и Ура-тюбинского определить с точностью трудно. В Памирском районе % кочевников около 11%, но в других вилайетах % кочевников, значительно ниже. Их почти нет в Дарвазском районе Гармского вилайета, нет в Пенджикентском районе; незначительный % кочевников—в наиболее близкой по естественно-географическим условиям к Пенджикентскому Самаркандской области—1,7. В Курган-тюбинском вилайете кочевников около 9% населения, а это после Памира наиболее численная по

кочевому населению местность Таджикистана. Общая численность кочевников может быть принята для Таджикистана не более 6% его населения. Среди узбеков южных вилайетов Кулябского и Курган-тюбинского и кара-киргиз Памирского мы встречаем переходный от чисто кочевого типа населения, тип полукочевников-полуземледельцев. Определить их численность даже гадательно трудно, но можно считать, что их число не превышает 10% всего населения, судя по их отсутствию в Пенджикентском, Ура-тюбинском, Горно-Бадахшанском вилайетах и Дарвазском районе и по данным переписи 1920 г. для Туркреспублики. Кочевники, кроме Памира, и полукочевники все больше переходят к оседлости, судя по данным дореволюционной статистики в других районах Средней Азии, где число чисто кочевых хозяйств без земледелия в среднем не более 7%.

Численность населения Таджикистана по этнографическим (национальным и племенным) *группировкам* в виду отсутствия переписного материала для всех районов, кроме Памирского (по переписи 1917 года), учесть трудно. Здесь приходится довольствоваться исключительно этнографическим литературным материалом и отчасти военно-статистическими учетами дореволюционных годов, каковы труды проф. А. А. Семенова (по таджикам), Н. Г. Маллицкого (по ягнобцам), А. Е. Снесарева (Восточная Бухара) и Л. С. Берга. Современное население Таджикистана по этнографическому составу можно разделить на две главные группы: иранскую и турецкую.

К иранской группе принадлежат:

1) *Таджики*, живущие во всей стране, кроме северо-восточ. Памира. Главная масса их сосредоточена в Гармском, Пенджикентском, Ура-тюбинском, Дюшамбинском (бывш. Гиссарском) и западн. части Горно-Бадахшанского вилайетов. Их число определяют, приблизительно, в 390—420 тысяч человек. Горные таджики отличаются от равнинных меньшим смешением с турецкими группами*).

2) *Ягнобцы*—иранская народность, отличная от долинных и горных таджиков по физическому типу и языку, живет в долине верхнего Зарафшана и его притоков, численностью до 1.300 человек. Эта группа по преимуществу и называется

*) О таджиках см. ниже М. С. Андреева. Исторические сведения о них же см. в ст. академика В. Б. Бартольда.

«гальча» у жителей равнины, хотя название это применяют ко всех горным таджикам в отличие от долинных, но сами горцы его не знают[1]).

3) *Ирани*—персы, главным образом, потомки персидских рабов, численность не велика и неизвестна. Рассеяны в городах Таджикистана.

4) «*Афганцы*» преимущественно в Курган-тюбинском, Кулябском и других пограничных с Афганистаном вилайетах представляют случайных выходцев из этой страны: их, повидимому, несколько сот человек.

II. *Турецкая группа* народов представлена в Таджикистане главным образом:

1) *Узбеками*, живущими преимущественно в долинах и равнинах центральных и южных вилайетов Дюшамбинского (бывш. Гиссарского края), Курган-тюбинского, Сары-Ассийского и Кулябского. Это—потомки турецких завоевателей края, пришедших сюда в конце XV века. Часть их смешалась с аборигенами края таджиками и став оседлыми, прежде называлась сартами. Менее смешанные сельские группы не принимали этого названия. Численность узбеков в Таджикистане определяется приблизительно в 200—220 тысяч человек. Большинство узбеков сохранило родовое деление и полукочевой образ жизни. Из узбекских родов в Таджикистане известны: Таз, Каттаган, Кунград, Мангыт, Локай. Это наиболее чистые, подлинные «благородные» узбекские роды.

2) *Кара-киргизы*, более давние чем узбеки насельники гор Таджикистана, живут по преимуществу в горных долинах и плато Восточного Памира и север. части Гармского вилайета. Принадлежат к родам Хыдырша, Джаманан, Теит, Кесек, Чегетырь, Найман, Алача, Кипчак. Эти роды произошли от пришлого, не коренного ядра кара-киргизского племени, называемого Ичкелик. Общая численность кара-киргиз не превышает в Таджикистане, повидимому, 7 тыс. душ. Подобно полукочевым узбекам многие их аулы перешли к земледелию.

3) *Казак-киргизы* кочуют больше на степных пространствах Курган-тюбинского, Дюшамбинского и отчасти Сары-Ассийского вилайетов; численность их, судя по числу хозяйств в Курган-тюбинском вилайете не превышает 3—4 тыс. человек[2]).

[1]) О них см. ст. Н. Г. Маллицкого в «Извест. Туркест. Отдела Русск. Геогр. Общества т. XVII 1925 г.

[2]) Основываюсь на подсчетах названной выше ст. Гаевскаго: «Курган-тюбинское бекство».

4) *Туркмены*, главным образом, из племени ерсари живут в Курган-тюбинском, частью в Дюшамбинском и Кулябском вилайетах. Их численность в Таджикистане не более, повидимому, 6—8 тыс. душ*).

5) *Тюрки*, как они сами себя называют, отличая от родственных им по происхождению узбеков и кара-киргиз, вкраплены отдельными кишлаками, главным образом в центральных и южных вилайетах. Окружающие тюрок узбеки и таджики почти не роднятся и не сближаются с ними. Они сохраняют свои родовые названия.

Отдельную этническую группу составляют *хезарейцы* или хазара—народность, повидимому, монгольского происхождения—кочевники ушедшие из Афганистана в XIX веке, в числе около 600 душ обитают подле Куляба в долине р. Кизыл-су.

III. *Третья этническая группа* незначительная по численности в Таджикистане, представлена *семитическими народами*:

1) *Арабами*, повидимому, потомками арабских завоевателей в числе около 1100 дворов. Живут они в долине р. Ях-су (около 5000 душ) и в Курган-тюбинском вилайете у р. Вахша и в кишлаке Джамыр-куль (около 750 душ). Все они принадлежат к племени Бену-Курайш, переняли язык иранских и турецких народностей. Исключительно скотоводы-кочевники.

2) *Евреи бухарские*, главным образом, живут в городах западной части Таджикистана, занимаясь крупной торговлей и ремеслами. Число их не велико и не учтено.

Остальные народности индо-еврейской семьи составляют все вместе повидимому не больше 10 тысяч пришлого населения Таджикистана и проживают по преимуществу в городах. Это—*индусы*, почти все—выходцы из северной Индии около 3000 человек, несколько сот полукочевых *цыган*, *армяне*, *русские*, *евреи*—европейцы и *пришлые персы*. Все они занимаются торговлей или ремеслами, или служат в Советских учреждениях.

Таким образом, этнографическая группировка населения Таджикистана представляется в % отношении, приблизительно, следующая по нисходящей численности:

Таджиков и друг. иранцев около 65%

*) Основываюсь на подсчетах названной выше ст. Гаевского „Курган-тюбинское бекство".

Узбеков, тюрок и туркмен около. 30%
Кара-киргиз и казак-киргиз 2%
Арабов и туземных евреев 1,5%
Остальных—русских, европейских евреев, индусов, афганцев, армян, хезарейцев 1,5%

Число поселений Таджикистана, представленных главным образом двумя типами—1) поселениями оседлых—кишлаками и 2) кочевых—аулами, определено данными переписи бывшего эмирского правительства Бухары в 2722 чел. (без Бальджуанского района), в Ура-тюбинском районе 366. Всего 3088 поселений. Средняя людность их не превышает, таким образом, 226 тыс. душ обоего пола; преобладают кишлаки с населением до 200 жителей. Поселений свыше 1000 жителей в современном Таджикистане не больше 20, а с поселением свыше 2000 наберется около 10. Сельские общества, состоящие иногда из нескольких кишлаков, называются кентами, а административное об'единение нескольких десятков кентов составляет туман, соответствующий районной волости.

Библиографическая справка. При составлении очерка использованы, кроме упомянутых в подстрочных примечаниях трудов, следующие:

Арендаренко—«Каратегин и Дарваз» в сборнике «Досуги в Туркестане».

Берг Л. С.—Ст. «Бухара» в Энциклоп. словаре изд. бр. Гранат. Изд. 7-е.

Зарубин И. И.—Материалы и заметки по этнографии горных таджиков Птр. 1917 г. Изд. Российск. Академ. Наук.

Маллицкий Н. Г.—«Ягнобцы» в Извест. Турк. Отдела Русск. Географическ. Общ. Том XVII. 1925 года.

Семенов А. А. проф.—«Воззрения мусульман Ср. И. Ю. Азии на значение благородных камней и металлов». Мир Ислама, т. I, № 3. 1912 г.

Семенов А. А. проф.—К проблеме национального размежевания Сред. Азии. Ст. в Народном хозяйстве Сред. Азии. 1924 г. № 1.

Статистический Ежегодник 1917—1923 г. Изд. ЦСУ Туркреспублики. 1924 г. Том I.

Справочная книжка Самаркандской области. Вып. 19.

Материалы по районированию Туркестана. Вып. II. Изд. Ц. С. У. Туркреспублики. 1924 г.

Записки Военно-топографического Управления Генер. Штаба. Часть LXIV. СПБ. 1905—1912 г.

Таджики.

Исторический очерк.

В. В. Бартольда.

I.

Коренное население современного Туркестана принадлежало к иранской группе народов. Не касаясь здесь сложных и спорных вопросов о родине иранского племени, о географических пределах его распространения в древности и о постепенном сокращении этих пределов в средние века, ограничиваемся установлением факта, что на протяжении более 1500 лет, от 6 в. до Р. Х., в пределах современного Туркестана упоминаются два культурных народа иранского происхождения, согдийцы и хорезмийцы. Изображения согдийца и хорезмийца находятся среди сохранившихся на гробнице Дария (522—486), около развалин Персеполя, изображений народов, входивших в состав империи этого царя. Сколько нибудь точные сведения о языках обоих народов мы имеем только для периода, близкого к времени их исчезновения; эти сведения находятся в составленном в 1000 г. по Р. Х., на арабском языке, сочинении хорезмийца Бируни о летоисчислении различных народов. Говоря о календарях согдийском и хорезмийском, Бируни приводит местные названия месяцев, дней, религиозных праздников и т. п.; по этим названиям можно составить себе некоторое представление о диалектических особенностях обоих языков сравнительно, например, с персидским.

Из двух земледельческих и культурных иранских народов Средней Азии хорезмийцы в течение более долгого времени имели самостоятельную политическую жизнь. Хорезмийцам принадлежало политическое преобладание в Средней Азии

до образования персидской империи династии ахеменидов. Подчинившись на некоторое время персам, хорезмийцы потом освободились от этой зависимости; во время действий в Средней Азии Александра Македонского (330—327) в Хорезме был свой царь, тогда как страна согдийцев, центром которой был бассейн Зерафшана, оставалась персидской провинцией. Насколько известно, на Хорезм не распространялись завоевания ни Александра, ни греко-бактрийских царей, ни до-мусульманских кочевых народов Средней Азии. Мусульманское завоевание положило конец политической, впоследствии даже этнографической обособленности Хорезма; но и мусульманские владетели, до последних узбецких ханов Хивы включительно, принимали титул до-мусульманских владетелей Хорезма— хорезмшах. Из всех титулов до-мусульманских владетелей отдельных областей Туркестана только этот титул дожил до новейших времен. Область согдийцев вошла в состав империи Александра и потом греко-бактрийского государства; нашествиям кочевых народов она подвергалась много раз, по крайней мере со 2 в. до Р. Х., может быть и раньше; поэтому здесь не было благоприятной почвы для создания, как в Хорезме, традиций политической самостоятельности. Только незадолго до мусульманского завоевания владетель Самарканда до некоторой степени сделался верховным властителем всего согдийского народа, с титулом «согдийского ихшида» (тот же титул «ихшид» носил владетель Ферганы); но власть ихшидов была крайне непрочной, быстро исчезла при исламе и не оставила никаких следов в дальнейшей жизни Туркестана. Зато согдийцы, повидимому, оказали больше влияния, чем хорезмийцы, на ход культурной истории и были главными распространителями передне-азиатской культуры в областях от Туркестана к востоку. История этой деятельности согдийцев могла быть выяснена только благодаря археологическим находкам в Китайском Туркестане и в пограничных местностях собственного Китая. Согдийским был признан, на основании сличения с данными о согдийском языке у Бируни, язык деловых документов 1 в. по Р. Х., найденных в одной башне китайской стены у пограничного пункта Дунь-Хуан. Алфавит этих документов принадлежит к разновидностям восточно-семитского или «арамейского» алфавита, проникшего в Среднюю Азию через Персию; такие же документы были найдены в районе Лоб-Нора. Гораздо западнее, в районе Турфана, были найдены памятники религиозной литературы, буддийской,

манихейской*) и христианской, также на согдийском языке; эти памятники обыкновенно относят к 7 и последующим векам; в общем мы находим в них тот же алфавит, но в значительно измененном виде. Разницы по языку между «ранне согдийскими» документами и буддийскими памятниками главный исследователь согдийского языка, покойный профессор Готьо, не видит, несмотря на значительный промежуток времени между ними. Манихейские и христианские памятники написаны на гораздо более поздних диалектах, при чем между диалектом манихейских памятников и диалектом христианских также есть значительная разница; сверх того манихеи и христиане, кроме национально-согдийского алфавита, употребляли также алфавиты, принесенные в Среднюю Азию проповедниками обеих религий.

О культурном влиянии иранской Средней Азии на кочевников в эпоху ахеменидов, Александра, его преемников и греко-бактрийских царей нет точных данных. Следы торговой и культурной деятельности согдийцев начинаются только со времени, так называемой, индо-скифской державы, основанной во 2 в. до Р. Х. тохарами или кушанами, пришельцами с востока (по всех вероятности, это был также народ иранского происхождения), разрушившими греко-бактрийское царство. В том же 2 в. в Туркестан проникли китайцы, что также содействовало оживлению торговли. Есть мнение, что древнейший из известных нам турецких**) алфавитов, енисейско-орхонский (на обеих реках были найдены надписи; среди них особенное значение имеют датированные орхонские исторические надписи 8 в.), происходит от согдийского, при том более древней формы его, чем даже дошедший до нас алфавит 1 в. Более ясно согдийское происхождение второго по времени турецкого алфавита, уйгурского, принадлежавшего народу, около ста лет (744—840), господствовавшему в Монголии и потом владевшему, в продолжении нескольких веков, той частью Китайского Туркестана, где теперь находятся города Хами (Камул), Турфан, Гучен и другие. Не смотря на связь принятия письменности и в Средней Азии, как везде, с религиозной пропагандой, влияние согдийского национального алфавита оказалось сильнее, чем влияние алфавитов, прине-

*) Учение манихеев возникло в 3 в. по Р. Х. и основано на сближении идей древне-персид. религии (зороастризма) с будд. и христианской.

**) Слова „турки“ „турецкий“ употребл. здесь, как вообще в русск. науке, в том же значении, как в Туркестане и Закавказье чуждые живой русской речи, искусственно придуманные учеными слова „тюрки“ и „тюркский“.

сенных миссионерами—буддийскими (индийский алфавит), христианскими (сирийский) и манихейскими (арамейский курсив). Все более одерживает верх мнение, что уйгурский алфавит, от которого потом образовался монгольский (от монгольского—манджурский), происходит не от христианского сирийского, как думали прежде, но от национального согдийского, сохранённого преимущественно буддистами, но употреблявшегося также, наряду со своими религиозными алфавитами, христианами и манихеями. Сходство между согдийскими и уйгурскими буквами, по замечанию Готьо, так велико, что даже невозможно провести границу между этими двумя алфавитами. Надпись на согдийском языке, найденная в Монголии вместе с китайской надписью уйгурского хана 9 в., где говорится о принятии уйгурами манихейства в 762 г., по форме букв совершенно похожа на уйгурскую. Согдийцам, таким образом, семитский алфавит был обязан своим распространением до Великого океана.

Временем высшего расцвета согдийской торговли был 7 в., когда родина согдийцев подчинялась верховной власти то турецких ханов (политическое преобладание турок в современном Туркестане было установлено в 6 в.), то китайских императоров. Политическое могущество тех и других содействовало успехам караванной торговли; согдийцы пользовались этим не только для путешествий с торговой целью, но и для основания торговых колоний в отдаленных странах. Об этом, помимо археологических находок, сохранились письменные известия как китайских современников, так и более поздних мусульманских авторов. В китайских источниках упоминается о согдийской колонии на Лоб-Норе, основанной в 7 в. и еще сто лет спустя пользовавшейся некоторой автономией. Китайский путешественник Сюань-Цзян, проезжавший через Туркестан в 630 г., об'единяет под названием Су-Ли (предполагают, что Сулик—буддийская и манихейская форма слова Согд, ввиду диалектического перехода д в ль) всю страну от долины реки Чу до Шахрисябза включительно; везде был один литературный язык, одна письменность; писали (как впоследствии уйгуры) сверху вниз. Из слов Сюань-Цзяна видно также, что буддизма в стране согдийцев в то время не было; таким же образом при исламе среди согдийцев, кроме последователей национальной религии иранцев, зороастризма, оставались манихеи и христиане, но буддистов не было. Следовательно памятники буддийской литературы на согдийском

языке, если они действительно относятся к 7 в., были написаны не на родине согдийцев, но в более отдаленных согдийских колониях. Других известий о сплошной согдийской территории до берегов Чу, кроме рассказа Сюань-Цзяна, нет, но о колонизаторской деятельности согдийцев до долины р. Чу говорит мусульманский автор XI в. Махмуд Кашгарский: он замечает о народе *Сугдак*, что это «люди, поселившиеся в Баласагуне*): они из того Согда, который между Бухарой и Самаркандом, только они приняли одежду турок». В другом месте того же сочинения сказано, что «жители Баласагуна говорят по согдийски и по турецки; таким же образом жители Тараза**) и жители белого города***)».Повидимому, жители Баласагуна и других мест переживали в 11 в. последнюю стадию утраты своего языка, под влиянием отуречения; были еще люди, говорившие по согдийски, но уже не было людей, говоривших только по согдийски. О согдийских колониях дальше к востоку Махмуд Кашгарский не упоминает, но анонимный персидский географ конца 10 века говорит о пяти согдийских деревнях в стране тогузгузов или уйгуров, т. е. в той именно части Китайского Туркестана, где были найдены памятники согдийской религиозной литературы. Тот же автор прибавляет, что среди этих согдийцев были христиане, гебры (зороастрийцы) и «сабии»; последнее название употреблялось в то время для язычников вообще, в частности для буддистов; в Самарканде так называли и манихеев. Из этого видно, что согдийские колонии были основаны еще в до-мусульманский период. Даже память о согдийском происхождении турецкого алфавита сохранилась у автора начала 13 в. Фахр-ад-дина Мубарек-Шаха.

Южную границу Согда и владений до-мусульманских князей Самарканда мусульманские источники помещают там же, где Сюань-Цзян, т. е. у «Железных Ворот» или прохода Бузгала. За этим проходом начиналась страна тохаров, Тохаристан, в состав которой входили области как к северу, так и к югу от верхнего течения Аму-Дарьи. При Сюань-Цзяне в Тохаристане еще господствовал буддизм, вытесненный из страны согдийцев; был особый алфавит—писали слева направо, из чего видно, что имеется в виду авфавит индийского происхождения. Была ли связь между этим алфавитом и другими

*) Точное местоположение этого города остается спорным, но во всяком случае он находился в долине реки Чу.
**) Или Таласа—ныне Аулие-Ата.
***) Вероятно этот город был к западу от Аулие-Ата.

индийскими алфавитами, употреблявшимися в Восточном Туркестане—в Куче и Хотане, из слов Сюань-Цзяна не видно. Из мусульманских авторов о до-мусульманском алфавите Тохаристана говорит только один, Сам'ани (12 в.): при описании города Вашгирда (ныне Файзабад бухарский) он упоминает о «буквах, бывших там в начале ислама, известных, записанных в книгах». Сам'ани, таким образом, говорит не об открытом им новом факте, но о факте, хорошо известном его современникам; но до нас дошло только это одно известие; упоминаемые у Сам'ани «книги», повидимому, бесследно исчезли.

2.

Арабское нашествие 7—8 в. в. по Р. Х. изменило этнографический состав иранского населения Туркестана и создало для него новый термин. В до-мусульманской Персии, при династии сасанидов (3—7 в. в.), ближайшим географически к Персии бедуинским племенем было племя Тай; им же был построен город Хира, к западу от Ефрата (близ Хиры при исламе, как известно, возникла Куфа), впоследствии столица арабского княжества, находившегося в вассальской зависимости от Персии. Уже в 3 в. по Р. Х. один из сирийских авторов, писавший в Эдессе, употреблял слово «Тай», наравне со словом «саракины», для обозначения всех вообще бедуинов. От названия того же племени образовано средне-персидское или пехлевийское (пехлевийским называется персидский литературный язык эпох парфянской и сасанидской) и армянское *тачик* в смысле «араб»; в мусульманскую эпоху мы видим более поздние формы *тазик* и *тази*; от первой образовано турецкое *теджик*. Чередование букв з и дж указывает на звук ж; и действительно мы находим у Махмуда Кашгарского форму *тежик*. Махмуд Кашгарский, как и другой турецкий автор XI в., Юсуф Баласагунский, употребляет это слово уже в значении «перс», но раньше турки называли таджиками арабов, на что указывает китайское *да-ши* «араб».

По понятиям того времени, принявший ислам тем самым становился арабом; когда бухарские вельможи в 728 г. сообщили арабскому наместнику Ашрасу об успехах мусульманской пропаганды в Туркестане, они употребили выражение: «все люди сделались арабами». Вполне естественно, что для турок теджиками (по турецкому произношению) были не столько люди арабской национальности, сколько приходившие к ним в степь представители ислама и мусульманской культуры, среди которых численный перевес, несомненно, скоро перешел к западным иранцам, так как число арабов, переселившихся в Среднюю Азию, не было значительно. Оттого для турок «теджицким» языком сделался персидский; когда турки завоевали мусульманские области и ближе ознакомились с двумя главными мусульманскими народами, арабами и персами, они сохранили слово «таджик» только для персов и стали отличать «таджиков» от арабов, хотя первоначально персы и, по их примеру, турки именно арабов называли таджиками. Очень вероятно, что и для согдийцев таджиками были не только арабы, но и персы-мусульмане, но примеров такого употребления слова «таджик» местными иранцами мы не знаем.

Присоединение культурных областей Туркестана к халифату совершенно изменило характер местной жизни. При всех успехах согдийской торговли в 6 и 7 в. в. общественный строй оставался и в этот период таким же, каким был при Александре Македонском. Период в тысячу лет слишком, отделяющий эпоху Александра от эпохи мусульманских завоеваний, прошел для Туркестана в этом отношении почти бесследно; как македонцы в 4 в. до Р. Х., так и арабы в 7 в. по Р. Х. застали в Туркестане господство землевладельческой аристократии, жившей в укрепленных замках; городов было сравнительно немного и размеры их были невелики. Все это изменилось уже в первые века ислама; размеры городов быстро увеличивались, преобладание все более переходило к торговому сословию. Носителями новых начал были, повидимому, в значительной степени переселенцы из Персии, где ислам, уничтожив сасанидскую монархию, поддерживавшую освященный религией устарелый сословный строй, открыл более широкий простор экономическому и культурному прогрессу персидского народа. В то же время, однако, персы из патриотизма поддерживали традиции своей государственности, представителями которой были сасаниды, и эти традиции, вместе с персидским языком, усваивались средне-азиатскими иранцами. Когда в мусульманской политической жизни Туркестана приняли участие представители местной аристократии, сначала в качестве наместников халифа, потом в качесте наследственных правителей, они стали производить свой род от сасанидов; так поступали и представители самой могущественной из этих династий, саманиды, правившие в X в. из Бухары Туркестаном и Хорасаном; так поступали еще в XII в. местные правители области Хуттал, современного Куляба. Население

даже в Бухаре говорило в X в. еще по согдийски, но языком официальных документов в государстве саманидов был, наравне с арабским, только персидский, называвшийся «придворным» (дери). Один из поэтов самаркандского происхождения, Рудеги, даже принадлежал к числу классических поэтов мусульманско-персидской литературы. Постепенно согдийский язык был вытеснен и из речи народных масс; единственным остатком его считаются в настоящее время два наречия долины речки Ягноб, одного из источников Фан-Дарьи. Ягнобские наречия не являются прямыми потомками известных нам литературных согдийских языков, но ближе всего подходят к языку христианских памятников.

Очень вероятно, что еще в до-мусульманский период делалось различие между жителями равнин и горцами. В эпоху ислама мы встречаем термины, судя по звуковому составу, очень древнего происхождения—*гар* «гора», *гарча* или в современном произношении *гальча* «горец», *Гарч* или *Гарчистан*—«горная область». Специально называли Гарчистаном область верховьев Мургаба (мервского), составлявшую до начала 11 в. особое княжество; кроме того Сам'ани в 12 в. говорит о «самаркандском Гарчистане», понимая под этим, очевидно, горную область верховьев Зеравшана. Примеров применения того же термина к жителям горных областей верховьев Аму-Дарьи в средневековой литературе, насколько известно, нет. С представлением о гарчах или гальчах у мусульманских писателей, повидимому, не соединялось представление об особом, непонятном для других языке; о наречии мургабского Гарчистана говорится только, что оно, как и следовало ожидать по географическому положению этой области, представляло нечто среднее между наречиями Герата и Мерва. И в новейшее время слово «гальча» употреблялось в Средней Азии в смысле «горец», а не для обозначения особой лингвистической группы. Русский посол Мейендорф слышал в 1820 г. в Бухаре, что гальчами называли бедный и независимый народ, живший к востоку от Бухары и к северу от Гисара, т. е. на верхнем Зеравшане, говоривший по персидски и не знавший другого языка, но по наружности сильно отличавшийся от таджиков. Наиболее широкое употребление термина «гальча» мы находим у английского исследователя Шоу (1876), по словам которого под таким названием известны «у своих турецких соседей» жители Куляба, Матчи, Каратегина, Дарваза, Рошана, Шугнана, Вахана, Бадахшана, Зейбака или Санглича, Минджана

и др. В немецком своде данных по иранской филологии, в статье В. Гейгера, слово гальча рассматривается, как общее название иранских жителей долин Памира, говорящих на особых наречиях; из этой области исключаются Дарваз, Куляб, Каратегин и Бадахшан, где говорят на том же таджицком языке, как в равнинах. Во всяком случае в слове «гальча», по его этимологическому происхождению, нет ничего оскорбительного, но вследствие низкого уровня культуры горцев оно употребляется жителями равнин с оттенком презрения. В персидских словарях слову «гарчеги» (существительное, образованное от «гарча») придается значение «глупость, невежество»; слову «гальча»—значение «бродяга». Вполне естественно, что горцы верхнего Зеравшана (в других местностях слово «гальча» самим горцам, повидимому, неизвестно) не хотят, чтобы их так называли. Одному из русских исследователей, С. Д. Масловскому, говорили на Зеравшане, за Пенджикентом, повидимому в Фальгаре: «мы не гальча; гальча—это на Ягнобе, это—в Матче, там—дурные таджики, а мы—не гальча». Повидимому, со словом «таджик» у некоторых горцев связано представление об усвоении ислама или мусульманской культуры; тот же С. Д. Масловский слышал «в восточном Дарвазе, Шугнане, Рошане» выражение: «мы недавно сделались таджиками» (к сожалению, исследователь, повидимому, не спросил своих собеседников, чем они были раньше).

В конце X в. политическое преобладание в Туркестане снова и окончательно перешло к туркам. Для обозначения покоренного иранского населения, кроме слова «таджик», употреблялось также слово «тат», не вполне ясное по своему происхождению. В этом случае имелись в виду не столько люди нетурецкого происхождения, сколько люди оседлой культуры; татами были не только иранцы, но и уйгуры. В таком смысле употребляют его и теперь туркмены, для которых татом является и узбек-хивинец; этнографическое значение слово «тат» имеет в Закавказье. В Туркестане местные иранцы никогда не называют себя татами, но, под влиянием своих турецких господ, стали называть себя таджиками. Примеров такого употребления слова «таджик» в эпоху саманидов мы еще не встречаем; но в 11 в. иранцы, говоря с турецкими владетелями, употребляли выражение «мы, таджики». Историк Бейхаки приписывает такое выражение одному знатному иранцу, говорившему в 1039 г. с султаном Мас'удом газневидским (известно, что к династии газневидов, вышедшей из турецкой

гвардии саманидов, перешло наследие саманидов в областях к югу от Аму-Дарьи).

С 11 в. иранские области все больше переходили под власть турок, при чем, конечно, дольше всего сохраняли свою самостоятельность области горные или защищенные горами. Из династий иранского происхождения притязания на великодержавие заявляла только одна—*гуриды* (12—13 в. в.), вышедшие из горной области Гур в западной части Афганистана и овладевшие обширной страной, в том числе некоторыми областями к северу от Аму-Дарьи, например, долиной Сурхана.

В борьбе за первенство в восточной части мусульманского мира гурские султаны потерпели поражение в начале 13 в. от турецких владетелей Хорезма, хорезмшахов. Хорезм в это время уже был турецкой страной не только в смысле политического господства турок, но и по языку большинства населения, хотя еще в 11 в. не только говорили, но и писали по хорезмийски. К сожалению, ни литературных памятников, ни документов на хорезмийском языке до нас не дошло.

Помимо борьбы между династиями, проявлялась также рознь между народами. В рассказе о борьбе хорезмшаха Джелаль-ад-дина с монголами говорится о столкновениях между турецкими и гурскими военачальниками хорезмшаха; предложенное турецким военачальником соглашение было отвергнуто гурцами со словами: «Мы гурцы, а вы турки; вместе жить мы не можем». Когда один из хорезмшахов заключил союз с владетелем Мазандерана, современники не верили в прочность этой дружбы, говорили: «между турком и таджиком пути темны, трудно избежать гибели, дружба и родство всегда оканчивались неприязнью» (Мазандеран, действительно, был потом завоеван хорезмшахом). Когда один из хорезмийских царевичей потерпел поражение в борьбе за престол и был вынужден покинуть Хорезм, его предупредили, чтобы он не отправлялся в Мазандеран: «у таджика никогда не будет доверия к турку». Тем не менее турки не могли обходиться без таджиков; уже Махмуд Кашгарский приводит поговорку: «Нет турка без тата, нет шапки без головы». Положение таджиков под властью кочевников, конечно, было иногда очень тяжело. По словам историка Рашид-ад-дина, прославляемый за свою справедливость монгольский властитель Персии Газан-Хан (1295—1304) говорил своим монголам, что ограбить таджиков легко, но им же потом труднее будет достать пищу; они бьют жен и

детей таджиков и не вспоминают, как им самим дороги их жены и дети, а между тем таджики—«тоже люди».

Таджики были нужны туркам, как представители иранской промышленности, торговли и вообще культуры. Персидский язык оставался и при турецких властителях языком государственного делопроизводства и литературы; иранские торговцы все больше расширяли район своей коммерческой и колонизаторской деятельности. Турецкие авторы 11 в. Махмуд Кашгарский и Юсуф Баласагунский в смысле «купец» употребляли слово *сарт*, слово, как теперь доказано, индийского происхождения; по всей вероятности, первыми торговцами, с которыми имели дело турки, были индийцы, и с успехами индийской торговли были связаны успехи буддийской религиозной пропаганды. Возможно, что и исчезновение буддизма было связано с переходом роли торговцев от индийцев к иранцам. Таджики в этом отношении настолько успешно продолжали деятельность своих предшественников, согдийцев, что термин «сарт» был перенесен монголами, и, вероятно, еще раньше восточными турками на весь народ средне-азиатских иранцев, из которого выходили купцы, на их государственность и культуру. Монгольскими формами слова «сарт» были «сартаул» и «сартактай»; монгольским эпосом был создан образ богатыря Сартактая, строителя чудесных плотин и запруд, из чего видно, что иранцы были в степи не только торговцами, но и носителями материальной культуры, в особенности оросительной техники. С другой стороны, таджики-мусульмане не были, как прежде согдийцы, миссионерами своей религии; среди монгольских племен были христиане, но не было мусульман, хотя мусульмане были главными представителями торговли. Признак принадлежности к определенному культурному типу был в глазах кочевника важнее, чем признак национальности и языка; Чингиз-хан назвал Сартактаем, т. е., по словам историка Рашид-ад-дина, таджиком первого из подчинившихся ему мусульманских владетелей—Арслан-хана карлукского (в северной части Семиречья), хотя карлуки были турецким народом и, конечно, говорили по турецки. В надписи времен Чингиз-хана говорится о его возвращении из похода на страну сартаулов, т. е. государство хорезмшаха Мухаммеда и его сына Джелаль-ад-дина. Тот же поход имеет в виду францисканец Плано Карпини, бывший в Монголии в 1246 г., когда он говорит о покорении монголами «сартов». В сочинении анонимного арабского филолога 14 в. о монгольском языке слово «сарта-

аул» переводится словом «мусульмане», но чаще слова «сарт» и «сартаул» употреблялись в государствах, образованных монголами в Средней Азии и Персии и в конце 14 в. об'единенных под властью Тимура, как синоним слова «таджик». При потомках Тимура говорится уже о языке и литературе «сартов» в противоположность языку и литературе турок, т. е. под сартами понимаются вообще персы. Совершенно одиноко стоит свидетельство Бабура (начало 16 в.), отмеченное недавно А. Н. Самойловичем, где сарты отличаются от таджиков. При описании Кабульской области Бабур говорит, что там «на лугах и солончаках живут турки, аймаки (кочевники смешанного происхождения) и арабы, в городе и в некоторых деревнях *сарты*, в некоторых других деревнях *таджики*, афганцы» и еще представители трех других народностей. В чем Бабур видел разницу между таджиками и сартами, неизвестно; едва ли имеется в виду разница в языке, так как при перечислении языков, на которых говорили в Кабульской области, не упоминается ни сартовский язык, ни таджицкий, а только персидский (фарси)—вероятно общий язык таджиков и сартов. В других местах сочинения Бабура таджики не упоминаются; при описании, например, Ферганы туркам и их языку противополагаются только сарты и их язык.

После завоевания Туркестана узбеками (в том же 16 в.) название «сарт» было присвоено покоренному оседлому населению, как сохранившему персидский язык, так и говорившему по турецки. Особенно ясно и последовательно «узбекам» противоставлялись «сарты» в Хорезме, как в труде автора 17 в. Абулгази, так и в новейшее время. Замечательно, что Абулгази употребляет слово «сарт» исключительно в тех случаях, когда речь идет о Хорезме; везде, где говорится об иранцах вообще и их языке, употребляется слово «таджик»; «таджиками» Абулгази называет и современное ему население Бухары. В 19 в. слово «сарт» употреблялось часто кокандскими историками, при чем неоднократно упоминаются вместе «узбеки, таджики и сарты», сарты, следовательно, отличались от таджиков, но понимали ли под словом «сарт» исключительно отуреченную часть местного оседлого населения (такое значение стремились присвоить слову «сарт» представители европейской и русской науки), из слов историков не видно. Часто и в Фергане в смысле «все население»—употреблялось выражение «узбеки и сарты», т. е. сарты более определенно отличались от узбеков, чем от таджиков. Лучший знаток жизни

Ферганы, покойный В. П. Наливкин говорит, что оседлое население Ферганы, носящее общее название *сартов*, состоит из узбеков и таджиков, но ввиду того, что «в пределах Ферганы сарты-узбеки значительно преобладают над таджиками», Наливкин под «сартовским» языком понимал преимущественно «тюркский». Вообще, по мере перехода узбеков к оседлости, сартам стали противополагать уже не узбеков, как прежде, а казаков. В новейшее время слово «сарт» признано оскорбительным для туземцев и исключено из употребления, хотя в его первоначальном значении ничего оскорбительного не было; представление о его оскорбительности возникло только потому, что кочевник вносил в него оттенок презрения к земледельцу и горожанину. С таким же презрением турок иногда говорил о таджике, но это менее отразилось на языке, так как слово «таджик» остается и до сих пор более тесно связанным со своим первоначальным, лингвистическим значением.

3.

Из областей с иранским населением совершенно не был затронут монгольским нашествием Бадахшан. В прежнее время Бадахшан не оставался в стороне от завоевательных движений; турки проникли туда еще в до-мусульманский период. Турки-карлуки, живущие в Бадахшане и теперь, упоминаются уже в истории арабского завоевания; карлукский князь был тогда верховным владетелем Тохаристана в обширном смысле, в состав которого входил и Бадахшан. Несколько позже упоминается лицо с турецким титулом, как владетель Бадахшана и Шугнана. Незадолго до появления монголов Бадахшаном владели гуриды, тем не менее в монгольский период существовало представление, будто Бадахшан не только при монголах, но и раньше не подчинялся никаким завоевателям и в течение 3.000 лет (о хронологии, очевидно, не было ясного представления) управлялся потомками Александра Македонского.

Европейские ученые были склонны видеть в этом предании отголосок исторических фактов—действий Александра в горных областях Бактрианы и его женитьбы на местной княжне Роксане, но мы видели, что в до-монгольский период местные иранские владетели в Средней Азии хотели быть потомками сасанидов; предание о происхождении бадахшанских владетелей от «царя Александра и дочери царя Дария» впервые встречается в 13 в. у Марко Поло. Впоследствии потомками

Александра называли себя владетели целого ряда областей как по верхнему течению Аму-Дарьи от Вахана до Дарваза и Каратегина включительно, так и по верхним притокам Инда (Читраль); мусульманские литературные свидетельства 15—16 в. в. говорят только о происхождении от Александра бадахшанских князей. Говорится, что советники Александра написали руководство для его потомков, оставленных им в Бадахшане, и что этим руководством была обеспечена независимость Бадахшана, которую, повидимому, связывали с его культурной обособленностью от соседей. Когда последний бадахшанский князь Султан Мухаммед (в 15 в.) стал увлекаться персидской литературой и сам писать стихи по персидски, то в этом видели нарушение заветов, оставленных Александром; с тех пор Бадахшан перешел под власть потомков Тимура. Нашествие узбеков (в начале 16 в.) вызвало в Бадахшане национальное движение, памятником которого остается до сих пор крепость Кала-и-Зафар на левом берегу Кокчи, возобновленная (под другим названием здесь крепость была и раньше) одним из предводителей восстания, Мубарек-шахом Музаффаром, принадлежавшим к числу вельмож бывших бадахшанских князей. Мубарек-шаху удалось оттеснить узбеков, но потом он погиб в борьбе с своим соперником Зубейром Раги. Раздоры среди предводителей национального движения послужили на пользу тимуридам; одному из них, Мирза-Хану, удалось устранить Зубейра и потом одержать победу под движением исмаилитов, во главе которого стоял Шах-Рази-ад-дин.

Господство тимуридов в Бадахшане продолжалось до 1584 г., когда бухарскому хану Абдулле удалось завоевать Бадахшан, с тех пор остававшийся под властью узбеков до завоевания всех узбецких владений к югу от Аму-Дарьи афганцами. После распадения узбецкого ханства в конце 17 в. в Бадахшане правила особая династия миров (эмиров), основателем которой был Яр-бек,строитель нынешней столицы Бадахшана, Файзабада; эти узбецкие князья также считали себя потомками Александра Македонского. Под верховной властью бадахшанцев находились Ишкашим и Вахан, вследствие чего этот период называется там «временем узбеков». Независимыми от узбеков оставились, повидимому, трудно доступные области Дарваз и Каратегин. Историк Махмуд-ибн-Вели говорит, что только в 1047 г. (1637—8) узбекам в первый раз подчинилась крепость в области Хутталян,

Калаи-Хум (Кала-и-Хумб, главный город Дарваза); во главе узбеков был Бакы-аталык, из рода ойратов; владетель Шах-Гариб был убит, и его голова была отправлена в Бухару; вместо него был назначен, очевидно, в качестве вассала узбеков, его брат Шах-Кыргыз, с малых лет живший при узбецком дворе (в Балхе). Отголоском этого события, может быть, является рассказ, слышанный в конце 19 в. С. Д. Масловским; ему говорили, что город Кала-и-Хумб получил свое название «в 16 в. во время правления Дарвазом Кыргыз-хана, наместника эмира Абдулла-хана». Хронологическая неточность, конечно, вполне естественна, тем более, что в Туркестане предание склонно относить все выдающиеся события к времени Тимура или Абдулла-хана. О Каратегине в том же источнике говорится, что в реджебе 1045 г. (11 декабря 1635 г.—9 января 1636, т. е. зимой, когда Каратегин вообще считается непроходимым) через Каратегин прибыли в Гисар 12.000 семейств киргизов (кара-киргизов), считавшихся кафирами, под начальством 12-ти предводителей, которые все в начале следующего месяца были приняты узбецким ханом в Балхе. И в новейшее время иногда приводилось предание, по которому Каратегин принадлежал прежде кара-киргизам и только недавно был занят таджиками; это был-бы один из редких примеров перехода власти, уже захваченной турками, вновь к иранцам. Несмотря на то, что Каратегин, под названием «Рашт», был мусульманской областью еще в 10 в., еще в 1820 г. о нем говорили в Бухаре Мейендорфу, как об области кафиров, хотя и не злых: средоточием грозных (redoutables)кафиров был, по словам Мейендорфа, Кала-и-Хум. В действительности религией населения и в Дарвазе, и в областях к юго-востоку от него давно уже был ислам.

Об истории таджицких княжеств в XIX в. мы находим довольно много известий у путешественников, западно-европейских и русских; как и следовало ожидать, в них много противоречий, особенно хронологических. Было бы необходимо собрать и критически рассмотреть этот материал, но эта сложная работа до сих пор еще не исполнена. Еще труднее, при почти полном отсутствии в областях по верховьям Аму-Дарьи письменности и при малом числе людей, знакомых с прошлым своей страны, сопоставить рассказы путешественников с рассказами местных жителей. Исключение представляет очерк истории Шугнана, составленный в конце 1912 г. на персид-

ском языке шугнанцем Сеид-Хайдар-Шо и переведенный на русский язык А. А. Семеновым; в примечаниях переводчика приводятся также известия из рассказов путешественников и в особенности из русских официальных документов. Кроме того существует, также на персидском языке, «Путеводитель по Катагану*) и Бадахшану» Бурхан-ад-дин-хана Кешкеки, составленный в Афганистане за последние годы, уже при эмире Аманулле, по случаю путешествия военного министра Мухаммед-Надир-хана; в состав этой книги, кроме географического описания, входят исторические очерки, именно общая краткая история (стр. 12—18), история Бадахшана (162—173), история Шугнана (336—348), история Дарваза (356—365). Очерки составлены очень поверхностно и часто сбивчиво. Знакомством с этим сочинением я обязан И. И. Зарубину.

Не останавливаясь на подробностях и не пытаясь разобраться в противоречивых показаниях об именах и датах, ограничусь сопоставлением главных фактов. Общее подчинение бадахшанским узбекам не спасло таджицких княжеств ни от войн между собой, ни от войн с Дарвазом, не подчинявшимся ни Бадахшану, ни правившему в 20 и 30 годах кундузскому владетелю Мурад-беку, которому на некоторое время покорились Бадахшан и области к востоку от него, также Читраль на юге и Куляб на севере. Действия Мурад-бека в горных областях были неудачны; в Шугнане он раз потерял около ста человек из-за снежного обвала, хотя поход имел место в летнее время. Дарвазский шах содержал, по словам путешественника Вуда (1837—38), значительную армию, по крайней мере, по сравнению с войсками его более слабых соседей. О Каратегине Вуд говорит (только по слухам, из европейцев туда впервые проникли русские, притом только в 1878 г.), что он в вопросе о подчинении колеблется между Кокандом и Кундузом. Известно, что Каратегин был завоеван кокандским ханом Мадали (1822—1842); есть известие, что тогда же кокандский предводитель Мухаммед-Шариф-аталык завоевал и Дарваз; «хаким» Дарваза, Султан Махмуд-хан, был увезен в Фергану, умер по дороге и был похоронен в Шахимардане. Во время смут в Кокандском ханстве после 1842 года Дарваз и Каратегин, очевидно, вернули себе свою независимость, хотя от притязаний на Каратегин кокандские ханы не отказывались, но в 70-х годах Дарваз и Каратегин были завоеваны бухарцами; по словам Семенова, последний правитель Дарваза из потомков Александра, Сирадж-хан, умер в плену в Бухаре; его брат Махмуд-хан был великим визирем у афганского эмира Абдуррахмана (1880—1901); так рассказывали Семенову в Дарвазе «местные туземцы и некоторые бухарские чиновники». По Бурхан-ад-дину «Шах Махмуд» был владетелем Дарваза, имел сношения с Абдуррахманом еще в то время, когда тот был в Самарканде (1869—1879), до и после завоевания Дарваза бухарцами. Поэтому Абдуррахман после вступления на престол вызвал Шах-Махмуда и его брата Шах-Афзаля из Маргелана, где они жили после своего изгнания из Дарваза, в Кабул, где они через несколько лет умерли. Семенов видел в Кала-и-Хуме «разбитый на части каменный трон» бывших владетелей Дарваза из потомков Александра. Масловский упоминает о «сохранившемся и до теперешнего времени, вытесанном из гранита, котле работы, как говорят, сподвижников Александра Македонского»; от этого котла будто бы, по словам туземцев, получил название Кала-и-Хум или Кала-и-Хумб (буквально: «крепость котла»).

*) Катаган — название того узбецкого рода, которому с начала 18 века принадлежал Кундуз.

Судьба Каратегина могла представляться более спорной; он некоторое время принадлежал кокандцам, и потому русское правительство, пред'являвшее притязания на бывшие владения кокандских ханов на Памире и в Кашгарии, могло об'явить своим владением и Каратегин; но этого не случилось. В августе 1876 года, после присоединения Ферганы к России, Скобелев заключил договор о пограничной линии с беком Каратегина, который был оставлен в зависимости от Бухары.

Более южные области по Аму-Дарье, таджицкие и узбецкие, постепенно подчинились афганцам. Этот процесс, начавшийся еще в 1850-х годах, при афганском эмире Дост-Мухаммеде, закончился почти сорок лет спустя, в конце 80-х годов. Несколько раз местные владетели подчинялись афганцам и при благоприятных условиях вновь восставали против них. Афганцами иногда принимались меры для укрепления своей власти под влиянием действий русских. Вследствие прибытия в Шугнан летом 1882 года врача и ботаника Регеля эмир Абдуррахман отправил в Шугнан Гюльзар-хана, которому удалось уговорить местного владетеля Юсуф-Али-хана (он упоминается еще в 1871 году; его брат Шах-Амир-бек, лишенный наследства в Шугнане своим отцом Абд-ар-Рахимом за склонность к исмаилитству, еще в 60-х годах некоторое время владел Ваханом) явиться в Бадахшан, где его и его сына Кубада, правителя Рошана (сам Юсуф-Али управлял Рошаном

при своем отце), задержали и отправили в Кабул. При таких условиях едва ли верно замечание англичанина Иета в 1886 году, что Рошан в то время оставался под властью своего наследственного эмира. Последнее восстание произошло в 1888 году, когда афганские войска очистили Шугнан вследствие восстания против эмира Абдуррахмана его двоюродного брата Исхака, наместника Афганского Туркестана (потом бежавшего в Россию); в Шугнан тогда прибыл из Гисара Мухаммед-Акбар-хан, потомок бывших шугнанских владетелей. После поражения Исхака афганцы вернулись в Шугнан и другие области; по словам М. С. Андреева, между 1889 и 1891 г. г. афганцам подчинились Зебак, Вахан и Ишкашим. Памирское разграничение 1895 года довершило процесс уничтожения политической независимости таджиков и разделения их областей между Россией, Афганистаном и Бухарой. Экономически это разграничение было невыгодно для населения уже потому, что Бадахшан был отделен в политическом отношении от областей, с которыми он всегда был связан экономически: от Куляба на западе, от Шугнана на востоке.

Из трех узбецких ханств Туркестана таджицкий язык больше всего оставался языком государственного делопроизводства и культуры в Бухарском ханстве, меньше всего в Хивинском; Кокандское в том и другом отношении занимало середину. По сравнению с Хивой таджицкий элемент был в Бухаре так силен, что хивинский историк называет даже бухарское войско таджицким, хотя и в Бухаре господствующим, особенно среди военного класа, элементом были узбеки. Таджицкий язык оставался государственным языком не только в Бухарском ханстве, но и в учрежденной в сентябре 1920 года Бухарской Республике.

По мере перехода узбеков к оседлости, таджики и их язык все более оттеснялись к горам; создавалось существующее положение, которое привело Наливкина к неверному заключению, что «одной из характерных национальных черт таджиков является их тяготение к горам». Какое значение имел для всего Туркестана факт перехода узбеков к оседлости, отразилось, например, на судьбе слова *«кышлак»* (по турецки «зимовка»). В документе, написанном в январе 1598 года, т. е. накануне смерти Абдуллы-хана бухарского, проводится различие между *дех-нишин*, *кышлак-нишин* и *сахра-нишин*—между живущими в деревнях, живущими в кишлаках и живущими в степи; живущие в кишлаках, для которых зимовка постепенно ста-

новилась единственным жилищем, занимали, таким образом, среднее положение между вполне оседлым земледельцем и кочевником. Теперь, как известно, *кышлак* есть именно деревня вполне оседлого земледельца, и так называют свои деревни не только узбеки, но и таджики, даже горные.

Русское завоевание избавило таджицкие селения от грабительских набегов турецких кочевников. Селение Пискон (Пскем) в верховьях Чирчика в последний раз было разграблено кара-киргизами в эпоху взятия Ташкента русскими, т. е. около 1865 г. При господстве русских такие грабежи сделались невозможными; с другой стороны, под влиянием установления порядка и улучшения путей сообщения, язык большинства, узбецкий, все больше становился языком всего населения. В эпоху завоевания, как мне говорили, в горных селениях в верховьях Чирчика никто не понимал по турецки; лично мне во время моих путешествий по Туркестану только один раз, в Бухаре, пришлось слышать слова: «Турки немидонем» (по турецки не знаю). Академик Радлов в 1868 году слышал на улицах Самарканда почти исключительно персидскую речь; при мне (например, в 1904 г.) там гораздо больше говорили по турецки, чем по персидски. На этом языке легче, чем на персидском, можно было об'ясняться с русскими властями, так как русские привели с собой переводчиков из татар и киргиз; по этой причине впавший в немилость бывший самаркандский казы-келян Кемаль-ад-дин в 1871 г. написал оправдательную записку не на своем родном персидском языке, а по турецки, чтобы ее содержание могло быть об'яснено русским. Когда, около того же времени, было признано необходимым издавать при официальных «Туркестанских ведомостях» приложения на местных языках, к этим языкам первоначально был причислен и таджицкий, наряду с «джагатайским» и киргизским; потом вместо этого говорилось о «приложениях на тюркском (сартском) и киргизском наречиях», на этих двух языках и выходили приложения с 1871 года 4 раза в месяц, 2 раза на сартском языке и 2 на киргизском; с 1883 г. вместо этого стала издаваться небольшая газета на одном «сартском» языке. Когда в 1920 г. была утверждена конституция Туркестанской Республики, то «коренными национальностями» ее были признаны только киргизы, узбеки и туркмены; древнейшие жители края, таджики, были забыты. В какой мере будет способствовать возрождению таджицкой национальности национальное размежевание 1924 года, покажет будущее.

Материальные памятники арийской культуры.

А. А. Семенов.

Таджики, составляя большинство населения современного государственного образования, называемого «Таджикской автономной республикой», являются, как известно, потомками древнейших аборигенов страны, арийцев Азии, принадлежа к иранской группе великого арийского племени. В своих многовековых исторических переживаниях они разбросали следы своей материальной культуры едва ли не по всему востоку Иранского плоскогорья. И если здесь во многих местах арийское население ныне совершенно исчезло, то памятники прошлого властно говорят нам об этом населении, как бы указывая, что арийская культура выходила бесконечно далеко из рамок современного Таджикистана. Ее яркие следы мы поныне встречаем в автономных республиках и областях прочего Туркестана (Узбекской и Туркменской, Киргизской, Кара-Киргизской и Кара-Калпакской). Всюду здесь—колоссальная археологическая сокровищница не только не изученная, но и в должной мере не обследованная. Современная же Таджикская республика заключает лишь незначительную часть богатого археологического инвентаря арийцев Средней Азии; на общей картине минувшей жизни страны эта часть есть лишь одна из ее деталей и, как таковая, не может быть рассмотрена вне связи с прочими частями картины.

Оставляя в стороне некоторые находки каменных орудий в разных местах края, от Семиречья на востоке до Мангишлака на западе включительно, находки, свидетельствующие, что Туркестан имел свой каменный век с его последующими эволюциями, мы должны отметить единственные пока в крае планомерные раскопки в области доисторической культуры, произведенные в 1904 г. под Асхабадом, в Закаспийской об-

ласти (Туркменская республика), американской экспедицией Р. Пёмпелли (Pumpelly). Они дали любопытную картину наслоения различных культур, из которых древнейшая восходит не меньше, как за 2000—3000 лет до Р. Х. Материальные же памятники этих отдельных цивилизаций, особенно глиняная посуда, обнаружили большое сходство с предметами так называемой «трипольской культуры» (или культуры «погребальных площадок»), имевшей весьма обширное распространение: от Черниговской губернии, чрез Киевскую и Подольскую—в Галицию, Бессарабию и славянские земли Балканского полуострова. Трипольская же культура, по мнению некоторых современных ученых, есть создание индо-европейского населения, достигшего в Дунайско-Днепровской области оседлой жизни и положившего начало той цивилизации и художественной керамике, которые так пышно расцвели потом на греческой почве в странах южной Европы и на побережьи Средиземного моря (Последние данные, впрочем, отводят этой культуре еще большее значение во влиянии ее на азиатские культуры).

Эпоха персидских царей—ахеменидов, во владения которых в VI—IV в.в. до Р. Х. входили культурные области бассейнов Аму-Дарьи, Зеравшана и Сыр-Дарьи, и краткое время греко-бактрийского царства (IV по II в. до Р. Х.), судя по случайным находкам, оставили здесь в песках, в старых руинах и в заброшенных городищах немало превосходных образцов древнего быта в виде монет, гемм, терракотовых статуэток, мелких предметов из благородных металлов и т. п. Замечательное сокровище из золотых и серебряных вещей этих эпох, найденное в 1877 г. на правом берегу Аму-Дарьи, около Тахта-Кувадской переправы, или, по другой версии, около города Кубадиана (что в долине р. Кафирнаган-Дарьи, верстах в 70 к северу от Аму-Дарьи), является одним из драгоценных собраний Британского Музея. Нет сомнения, что систематические раскопки так называемых развалин „Кайкубада", вблизи Кубадиана, могли бы дать немало интересного, относящегося к домусульманской эпохе*).

Пробные раскопки покойного проф. Н. И. Веселовского на Афросиабе, под Самаркандом, в 1885 г., по замечанию академика В. В. Бартольда, «обнаружили следы влияния на мест-

*) В 1917 г. бывший Кубадианский бек, Мирза-Мехди-бий, рассказывал мне о замечательных здесь находках (в одном из подмытых рекою холмов старого города), состоявших из металлических вещей, судя по описанию, ахеменидской или сасанидской эпохи.

ную жизнь греческого искусства, развивавшейся под влиянием греко-римского запада стеклянной промышленности и т. п.» Эти «следы влияния» были усмотрены за последнее время и в отдаленном Джетысу, где случайная находка в январе 1923 г. серебряных вещей в с. Покровском, Пишпекского уезда (чашки с рельефными, в медальонах, головами греческого типа, кушина и плоского блюда), служит подтверждением этого положения.

К столь же отдаленным временам относятся и находимые почти везде в Средней Азии, от Джетысу до Закаспийского края, небольшие глиняные ящики—гробы (почти всегда с крышками) то овальной, то четыреугольной формы, с человеческими костями. Эти, так называемые «оссуарии», принято думать, служили хранилищами для костей после искусственного отделения их от мяса, и такой способ погребения, повидимому ,был свойственен древнему населению страны, исповедывавшему религию Зороастра, быть может, не везде в ее первоначальной чистоте. Эти оссуарии, почти всегда украшенные орнаментацией то выдавленной, то накладной, нередко с тонко исполненными, барельефом, головками людей, представляют собою целую серию различных художественных достижений, от примитивов до более совершенных произведений с несомненными следами влияний греческого и сасанидского искусства. Таковы замечательные «Бия-Найманские оссуарии», открытые в 1908 г. инженером Б. Н. Кастальским в Катта-Курганском уезде Самаркандской области, где был в течение нескольких веков, в домусульманскую эпоху, центр культурной жизни всей Зеравшанской долины с главным городом Кушанией (у Катта-Кургана). Таковы разнообразные фрагменты оссуариев, найденные в Самарканде и бывшие в богатой коллекции И. Т. Поспелова. Подробное изучение орнаментики оссуариев, этих любопытных памятников религии и искусства древнего населения Средней Азии, есть дело будущего, интересное еще и потому, что оссуарии, подобные средне-азиатским, нигде в других странах найдены не были. Такою же задачею будущего является и выяснение других древних культов страны, пока загадочных, но, несомненно, интересных по немногим вещественным памятникам из случайных находок. К числу их относятся находимые иногда в разных местах бронзовые фигурки неизвестных божеств, открытое в 1893 или 1894 г. в селении Сох (Кокандского уезда, Ферганской области) изваяние из черного камня двух змей (ныне в Ташкентском музее),

такое же изображение из глины, найденное вблизи Ташкента и бывшее в коллекции Пославского, и т. п.

К эпохе оссуариев, возможно, относятся и те загадочные полуциклопические постройки, искусственные пещеры и древние городища, что встречаются во многих местах Средней Азии, от низовьев Сыр-Дарьи до Памиров включительно, и приписываются народными преданиями многочисленному и могущественному народу «муг», каковое слово в персидском языке означает последователя религии Зороастра, огнепоклонника *(маг)*. Такого же неизвестного происхождения и многочисленные курганы речных долин в горах Каратегина, Дарваза и других местностей Восточной Бухары. По внешнему виду— это насыпные из земли, мелкой гальки и камней довольно высокие холмы, в которых некоторые путешественники видят естественные возвышения геологического порядка. Однако произведенные нами в 1898 г. поверхностные раскопки некоторых из таких холмов в Дарвазе обнаружили в них угли; а в одном было найдено перержавевшее железное кольцо.

Во II веке по Р.Х. в Средне-Азиатское Междуречье проникает буддизм и центром его делаются области по верхнему и среднему течению Аму-Дарьи, так называемая «страна тохаров» (санскритское *тухара*, китайское *ту-хо-ло* и *Тохаристан* арабских географов). Она простиралась от гор Цун-Лин на востоке до Персии на западе, на юге прилегала к Гиндукушу, а на севере—к Железным Воротам (в горах Байсун-Тау). Аму-Дарья протекала по средине Тохаристана, направляясь на запад.

Влиянию буддизма подвергаются и те небольшие области, которые лежали на восток и северо-восток от Тохаристана: Термез, Чаганиан (долина Сурхана и местность к Денау), современный Каратегин, Куляб, Кубадиан, Вахш, Хутль (Хуттальян и Хуттальь—арабских географов) и Кумид (отожествляемый с Дарвазом и Рошаном). Прочно державшийся до VIII в. по Р. Х. буддизм внес свои культурные достижения в жизнь этих стран и с его эпохою связывается высокий прогресс Средне-Азиатского Междуречья.

Проникновение сюда в IV в. несторианства, державшегося среди турок до XIV в., и распространение манихейства, возникшего в Иране в III в., также не могло не отразиться на материальной культуре страны. И даже случайные находки указывают, какие интересные результаты могли бы дать планомерные археологические исследования в области местной культуры за время господства всех этих трех религий, таковы: найденная в 1903 г. В. Л. Вяткиным на Афросиабе, у Самарканда, фреска буддийского или манихейского типа, к сожалению, не сохранившаяся; открытая З.—Ш. Дашковым в Хиве, в старом Ургенче, половинка изразца с человеческими фигурами того же типа; различные буддийские статуэтки из терракоты и металла, находимые в разных местах; graffiti на камнях в Вахане, Шугнане и вообще по верхнему Пянджу, в которых путешественники (гр. А. А. Бобринской) видят санскритские буквы и буддийские символы; покрытая сирийскими христианскими письменами скала к юго-западу от Ургута, в Самаркандской области, где по письменным источникам был еще в X в. несторианский монастырь, и многочисленные несторианские кладбища Семиречья, давшие богатый эпиграфический материал в виде надгробных камней с сирийскими надписями,—разобранные ленинградскими и московскими учеными они проливают известный свет на культурное состояние и устройство местной несторианской церкви.

Многочисленные клады местных монет, так называемых «бухар-худатов», парфянских аршакидов, индо-скифов и сасанидов, печати и геммы индо-скифские и сасанидские, бесчисленные курганы,—остатки бывших замков местной арийской феодальной знати (*дихканов*) или древние могильники, огромные насыпные валы и остатки далеко тянувшихся стен*),—дополняют общую картину необыкновенного археологического богатства домусульманской эпохи.

Появившийся в VII в. Ислам, как религия торжествующих победителей—арабов, постепенно и неуклонно подчиняла своему воздействию разные местные национальности и налагала свои нивеллирующие начала на разнообразные проявления их быта. Строились новые мусульманские храмы, превращались языческие в мечети, старые культы заменялись новыми. Однако прошлое все же властно царило над духовной стороной населения, потому что все минувшее и веками слагавшееся оказывалось сильнее современных течений и тре-

*) Среди последних заслуживает большого внимания колоссальная стена неизвестного происхождения в Закаспийском крае, называемая туркменами „Кызыл-Алан". Сложенная, в большинстве, из жженых кирпичей и таких же огромных кирпичных плит, она начиналась от теперешнего Гюмюшь-Тепе на Каспийском море, и шла далеко на восток: по уверениям туркмен ее остатки видны в районе Каахка, (Археологическая рекогносцировка для обследования этой стены сделана Н. Ивмудским, по поручению Туркест. комитета по охране памятн. искусства и стар., в 1923—24 г.).

бований. Насильственно отодвигавшиеся назад старые культы, привычки и бытовые особенности упорно не сдавались и старались проникнуть в мусульманство под его оболочкой, скрыв в ней свое внутреннее содержание, ничего общего с Исламом не имеющее. Отсюда—сохранившееся до наших дней существование своеобразных, крайне архаических, пережитков прошлого в нравах и укладе жизни населения, отсюда—разные секты, странные и загадочные в своих исканиях и в основе совершенно чуждые мусульманству. Точно также и ближайшее рассмотрение вещественных памятников мусульманской эпохи в известных случаях наводит на мысль, что некоторые остатки домусульманского времени были использованы и в новой обстановке, возникшей под влиянием учения Аравийского Пророка. К таким, едва ли мусульманским, памятникам древности относится, например, большое каменное изображение «Бобо-и-Мардак» (или, в просторечии, «Боя-Мардак»), близ сел. Аблык, Ташкентского уезда, весьма почитаемое местными таджиками и другими народностями, ежегодно устраивающими здесь большие сходбища; такова, может быть, та интересная резная деревянная колонна с замысловатою капителью в виде головы животного, что до последнего времени подпирала потолок в мечети сел. Об-Бурдон, Самаркандской области; такова подземная мечеть Могак в Старой Бухаре, таковы формы плана некоторых мечетей, имеющихся в древнейших пунктах оседлой жизни, таков знак раскрытой ладони—пятерни, встречающийся повсюду в верховьях Пянджа высеченным на камнях и скалах, в нем, вопреки верованию местных горцев, что это—символ мусульманства, некоторые не без основания видят эмблему более древних верований, и т. п.

Так как Ислам существует в Средней Азии до наших дней, об'единив, как религия, все разноплеменное население страны, то и связанных с эпохою мусульманства памятников прошлого оказалось здесь больше всего. Оседлое арийское население Средней Азии, являвшееся носителем высокой местной культуры в доисламскую эпоху, продолжало сохранять культурные традиции прошлого и во времена мусульманства, поэтому все наиболее выдающиеся постройки этого времени были созданы или непосредственно местным арийским населением, или при ближайшем участии и культурном воздействии как его самого, так и привлекавшихся к этому персидских (а м. б. иногда и китайских) мастеров. И обширная

территория современных средне-азиатских советских республик и автономных областей, раскинувшая от Кашгара до Каспийского моря и от районов по Сыр-Дарье до южной приграничной полосы с Персией и Афганистаном, заключает бесчисленное множество таких памятников прошлого. К сожалению, при отсутствии у нас подробной археологической карты и при крайней скудности и отрывочности данных по местной археологии мы сможем здесь отметить лишь главнейшие из памятников мусульманского периода, сгруппировав их по районам до—национального размежевания.

Джетысуйская (Семиреченская) *область*. Башня *Бурана* в 12 верстах от Токмака, внутри древней четыреугольной крепости на берегу речки того же имени; высотою в 77 футов, в диаметре—30, суживающаяся кверху, она имеет облицовку поясами: пояс гладкой кладки, за ним—пояс орнаментированной. Вся башня сложена из превосходного жженого кирпича квадратной формы, внутри—на глине, а облицовка—на извести. Со входа ведет (вернее—вела) спиральная лестница кирпичной кладки с арчевыми ступенями. На половине лестницы есть отверстие в виде окна, выходящего на восток; на левой стороне окна—надпись в небольшую строку. С внутренней стороны лестницы, по бокам,—тоже надписи; одна из них представляет некоторый палеографический интерес, как образчик того арабско-сирийского шрифта, который встречается в Джетысу на некоторых могильных камнях. Характер постройки, особенно орнаментика, заставляет предполагать, что башня сооружена мусульманами. Последние сведения, имеющиеся о ней в Ташкенте, относятся к концу 1922 г. и рисуют самую безотрадную картину систематического ее разрушения и расхищения с целью использования ее строительных материалов. Верстах в полутора от башни Бурана в 80-х годах прошлого столетия было открыто несторианское кладбище с намогильными камнями с надписями, сирийским алфавитом, на сирийском и турецком языках.

К северо-западу от крепости с названной башней встречаются небольшие холмы, а в верстах 5—6, в местности *Ак-Пешин*, расположены огромные четыреугольники, стороны некоторых тянутся версты на две, с валами до 5 сажен высоты. Ак-Пешин, повидимому, представляет остаток обширного города. По словам акад. В. В. Бартольда, «замечательно оригинальное устройство цитадели, состоящей из трех частей; такое расположение валов нам не пришлось видеть ни в каком дру-

гом укреплении ни ранее, ни после». По мнению некоторых ориенталистов, развалины башни Бурана с крепостью и Ак-Пешин могли быть остатками города Баласагуна,—столицы сначала караханидов (XI—первая половина XII в.), а потом (во второй половине XII в.)—кара-хитайских гурханов. Впрочем точное местоположение Баласагуна до сих пор пока не определено.

Известное озеро Иссык-Куль скрывает в своих водах развалины какого то города, повидимому, поглощенного при какой то сейсмической катастрофе. Волнами озера издавна выбрасываются на берег кирпичи, предметы утвари, кости, оружие и т. п. Остатки и следы построек из жженого кирпича, каменные кладки, встречавшиеся прежде каменные бабы, курганы, следы старых оросительных каналов, обширные мусульманские кладбища и проч. памятники старины на берегах Иссык-Куля свидетельствуют о былой здесь оживленной культурной жизни в разные эпохи. Упоминаемое еще в VII в. по Р. Х. китайским путешественником Сюань-Цзяном, как большой водный бассейн, под именем озера T s i n g - h a i (прозрачное море), Иссык-Кульское озеро было известно у монголов и калмыков как T e m u r t u - n o r, т. е. железное озеро. У мусульманских авторов оно начинает встречаться с X в., когда берега озера принадлежали двум народам: карлукам (халлухам) и джикилям. Во владениях последних был большой и торговый город Сикуль (на границе с карлуками). Этот город, повидимому, был тождественен с упоминаемым впоследствии городом Иссык-Кулем: на так наз. «Каталонской карте» 1375 г. город Иссык-Куль обозначен на северном берегу озера, там же приведено известие, что в этом городе находится армянский монастырь. (Существование армянской колонии в Семиречьи в начале XIV в. подтверждается также фактом нахождения на Пишпекском кладбище в 1892 г. надгробного камня с армяно-сирийской надписью, бывшего на могиле армянского епископа Иоанна). Кроме того, на берегах Иссык-Куля, возможно, находились и колонии манихеев, так как среди найденных в прошлом столетии на берегу озера предметов особенно интересна небольшая лампа с письменами, принадлежащими неизвестному алфавиту, одна буква в них сильно напоминает манихейское письмо.

Хотя Джетысу считалось исконной страной турецких кочевников (китайцы во II в. до Р. Х. застали там

только кочевую жизнь), однако уже в сасанидскую эпоху, при развитии торговли Китая с средне-азиатскими областями (а через них и с западными странами), кочевая жизнь и уклад быта местных турок, можно думать, потерпел сильные изменения. Возникшие на всех путях в Китай, от самого южного, через Хотан и южную часть Восточного Туркестана к Лоб-Нору, до самого северного, через Джетысу (Семиречье), колонии средне-азиатских арийцев-согдийцев, очевидно, в значительной степени повлияли на переход местных турок—кочевников к оседлости. Вышеназванный китаец Сюань-Цзян в VII в. по Р. Х. уже видел здесь обработанные поля и торговые города. И, говоря об остатках минувшей жизни Джетысу (Семеречья), не следует забывать этого культурного воздействия иранства на бывшую здесь жизнь. Многочисленные остатки пока надлежащим образом никем не обследованных древних городов, крепостей и оросительных систем, разбросанные по Джетысу особенно в ее северной части, по р. Чу, при археологических раскопках в них, несомненно, дали бы достаточно материала для суждений о подобном воздействии.

Прилегающая к Семиречью *Фергана* хотя и лежала в районе великого торгового пути древности из западных стран в Китай, но она тем не менее не была всецело захвачена потоком ярких исторических событий и осталась от них как то в стороне. Поэтому и памятники прошлого не выделяются здесь своею грандиозностью, монументальностью и великолепием, как в областях на запад и юго-запад от Ферганы. Тем не менее из того, что более или менее обследовано и зарегистрировано, заслуживает внимания следующее.

Древности *Узгента*, теперешнего селения Узгент (Узген) в Андижанском уезде: башня—минарет с находящимися подле нее остатками какой то большой постройки и тремя старыми мазарами. Башня эта находится на новом базаре, вблизи мадрасы Ариф-бая; она—из красного жженого кирпича, сложенного на цементе чрезвычайной крепости, лишь нижний восьмигранный пояс ее сделан из тесаного мелкого камня. По измерениям, сделанным в 1897 г., ее высота 25 аршин, окружность у основания—39 аршин 4 вершка, а окружность верхней площадки с следами парапета—28 арш. Круглая часть башни имеет шесть поясов, выложенных в узор. Внутри башни, как и в башне Бурана, витая лестница с сорока истертыми людьми и временем ступенями, с выходом в центр

верхней площадки. Вход в башню—с южной стороны; никаких надписей не сохранилось. К сожалению, за последние революционные годы эта башня подвергалась весьма основательному и недостаточно умелому ремонту. В том же 1897 г. видны были к югу от башни—минарета, на пространстве сажень пятидесяти, остатки какого то большого сооружения в виде стен из тесаного камня (длиною 12 вершков, шириною 8 и толщиною 3 вершка). Указанные остатки можно было проследить как на площади между башней и мадрасой Ариф-бая, так и под лавками узгентского базара, раскинувшегося вокруг башни.

По близости башни—три мазара с красивыми терракотовыми рельефными орнаментами и надписями; они сильно пострадали от времени и в 1897 г. купол на одном из них уже был обрушившимся. Могильные камни с надписями, указывающие на погребенных здесь некоторых исторических лиц (правителей и шейхов), относятся к XII—XIV в. нашей эры.

Узгент принадлежал к числу древних городов Ферганы и отмечался арабскими географами еще в X в., как важный торговый и административный государственный пункт; он упоминается потом неоднократно в истории Средней Азии. Лучшею для него эпохою было время первых караханидов (X—XI в.), когда город был столицею всего Маверан-Нахра; потом он был главным городом Ферганы, к этому времени (к концу XII в.) относятся некоторые сохранившиеся в нем памятники древности. А. П. Федченко, первый европеец, посетивший в 1871 г. Узгент, застал его уже в развалинах.

В 30 верстах к северо-западу от Намангана, на месте теперешнего селения Касан, существовал город того же имени. *Касан* принадлежал, повидимому, к числу древнейших городов Ферганы и в VIII—X в. в. был столицею ферганских царей. Его арийское население сохранилось до наших дней: Касан и теперь заселен таджиками. До сих пор сохраняющиеся там старые мазары с пока известными намогильными плитами XIII века напоминают о его прошлой культурной жизни. Среди мазаров—руины трех мазаров Султан Сейид-Джелал-ед-Дина; в 1896 г., когда их осматривал художник Щербина-Крамаренко, они еще сохраняли остатки прекрасной рельефной чадписи с переплетающим буквы орнаментом из обожженой терракоты. Эта надпись окаймляла наружную входную арку; последняя внутри обработана нишей, в которой сохранились

кое-где изящные изразцы, по выработке своей нисколько не уступающие самаркандским. Остатки старой крепости (урды) в центре селения Касана и в расстоянии около 2-х верст на север от Касана, по дороге в селение Алабука, развалины древнего укрепления из сырцового кирпича «Муг-Курган», местами сохранившего стены высотою до 10 аршин,—дополняют общую картину развалин Касана, давно уже потерявшего свое значение (уже Султан Бабур, писавший свои мемуары в конце XV века, отмечает Касан, как незначительное место, лежавшее на север от Ахсикета, столицы Ферганы).

Ахсикет (также *Ахсикент*) лежал в северной части Ферганы, на правом берегу Сыр-Дарьи, и вместе с Касаном, повидимому, был известен китайцам еще в VI в. по Р. Х. Арабские географы X в. говорят о нем, как о большом и торговом городе, бывшем резиденцией местного правителя.

Надписи на скале близ сел. *Варух* Исфаринской волости, Кокандского уезда, открытые в 1894 г. М. С. Андреевым, уже не раз привлекали внимание ученых. Одна из этих надписей (нижняя), на арабском языке, имеет датировку мусульманскую, национальную персидскую и греческую (сирийскую) и относится к 29 декабря 1041 г. по Р. Х.; конец ее писан, повидимому, уйгурскими письменами и не разобран, а верхняя надпись, в виду трудности ее точной с'емки, до сих пор не прочитана. Между тем эти надписи являются весьма ценными историческими данными, пополняющими наши скудные сведения о так называемых караханидах (илек-ханах, иль-ханах).

Древний город *Ош*, известный китайским путешественникам еще в буддийскую эпоху, с его незначительными остатками прошлого, *Андижан* (старый *Андиган*), кратко упоминаемый ранними арабскими географами, и *Коканд* с их позднейшими посредственными постройками общественного значения, среди которых выделяется Кокандская «урда» Худояр-Хана пестротою, посредственностью рисунка в орнаментации, плохими изразцами и безвкусием общего ансамбля, некоторые бедные мазары и старые, заброшенные кладбища (вроде того, что против сел. Янги-Наукат, Ошского уезда, с надписями XIII—XIV в.),—завершают этот краткий перечень памятников мусульманской Ферганы.

На запад от Джетысу (Семиречья) *Ташкентская* (Сыр-Дарьинская) область с своими обширными степными про-

странствами, с кочевым, населением заключает гораздо больше остатков древности мусульманского характера. Ближайший к Семиречью Аулиэ-Атинский уезд в значительной своей части когда то входил в состав древней провинции *Исфиджаб* (к ней причислялась вся местность на восток до долины Таласа включительно, на северо-запад-до Саурана или Сабрана). Берега Таласа издавна привлекали к себе как кочевое, так и оседлое население, и потому в долине реки немало различных остатков старины, принадлежавших разным народам. Один из древнейших городов Средней Азии—*Талас* или *Тараз* (упоминается еще в VI в. нашей эры у византийского посла к туркам, Земарха), важный торговый пункт в раннюю эпоху мусульманства на границе владений турок-карлуков, центр христианства. Талас лежал подле теперешнего Аулиэ-Ата или, быть может, на месте Аулиэ-Ата (т. к. в этом городе имеются следы земляных валов, много небольших четыреугольных укреплений, курганов, развалин из жженого кирпича и т. п.). Остатки различных старых городов, сохранивших до сих пор, в большинстве, свои названия, встречаются по всей долине Таласа в виде разнообразных валов, стен, развалин башен и зданий из сырцевого и жженого кирпича,—во многих—обломки глиняной посуды простого обжига, матовой и глазурованной, разных цветов,—и указывают на бывшую здесь жизнь, окончательно замершую в XVI веке, когда все города долины Таласа лежали в развалинах, как следствие смут в джагатайских владениях и нашествия узбеков.

В самом г. Аулиэ-Ата сохранился довольно интересный памятник мусульманской эпохи, *мазар Кара-Хана*. Местное предание в нем видит мавзолей над могилой Кара-Хана, основателя династии караханидов (X в.), который из тюрков первый принял ислам. Мазар этот находится в черте города и интересен в том отношении, что вход в него с южной стороны, а гробница имеет направление с юга на север. В конце 90-х годов прошлого столетия он был уже с обрушившимся куполом, но хорошо сохранились его два минарета, украшенные цветною глазурью. Весьма интересный архитектурный памятник, по имени *Айша-Биби*, находится южнее селения Головачевского. О его происхождении и назначении существуют разные предания: подвергающийся большему разрушению он, тем не менее, обращает на себя внимание оригинальностью архитектуры и сплошною облицевкою квадратными карнизами с своеобразной орнаментацией, основной мотив которой на портале и боковых минаретах составляют взаимно пересекающиеся прямые линии в маленьких квадратах (в форме андреевского креста), а две колонны входной арки и боковые стены орнаментированы четырехконечными крестами.

Развалины старых городов, крепости, курганы и другие остатки прошлого встречаются и на древнем кавааванном пути из Тараза через Семиречье в Восточный Туркестан. Среди их обращают внимание остатки городов-крепостей: *Кулан* (у почтовой станции «Тарты»), *Марки* и *Ашпара* (на реках того же имени, где теперь селения Мерке и Чалдавар).

Самый гор. *Исфиджаб*, по туземному преданию, лежал на месте теперешнего Сайрама, который при надлежащем обследовании и раскопках должен заключать немало интересных памятников древности. Различные остатки древности встречаются и далее на запад, северо-запад и юго-запад от Сайрама, при чем виденные акад. Бартольдом в 1893—94 г.г. развалины Чимкентского уезда находятся восточнее нынешней почтовой дороги и только от сел. Тюлькибаш развалины и курганы начинают встречаться у самого тракта. Об'ясняется это тем, что древний путь из Шаша (Ташкента) в Исфиджаб шел восточнее нынешнего почтового тракта и совпадал с горной дорогой через Турбат.

Безуездный город *Туркестан*, лежащий в 5 вер. от жел. дорожной станции того же имени, замечателен своею мечетью, построенной Тамерланом над прахом знаменитого местного мистика, шейха Ходжи - Ахмеда - Есевийского (ум. в 565/1169—70 г.). Она представляет одно из величественных и обширных зданий во всем крае и единственное, которое хранит в своих стенах вещественные памятники тимуровской эпохи, работанные хорошими персидскими мастерами: огромные бронзовые подсвечники с надписями, инкрустированные серебром и красною медью, колоссальный бронзовый котел для питьевой воды, тоже с надписями и рельефными орнаментами, и две резных деревянных двери с мозаикою.

Подвигаясь далее на северо-запад, в Ак-Мечетском (Перовском) уезде, мы находим по Сыр -Дарье длинный ряд развалин различных древних городов, как-то: *Сыгнак (Сунак)*, в 53 в. на восток от Джулека или в 8—10 в. от б. почтовой станции «Тюмень-Арык»; *Биш-Там*, в 20 верстах на север от пос. Скобелева; *Барчинлигкент*, и

Узгент—оба, приблизительно, в 20 верстах от «Яны-Кургана», на левом берегу Сыр-Дарьи; *Ашнас*, на том же берегу, верстах в 25 от него, в низовьях арыка «Ак-Арык»; *Сырлы-Там*, верстах в 80 от развалин Ашнаса, в Куткенченской волости, и *Джсенд*, повидимому, на том же берегу, против г. Ак-Мечеть (Перовска), в 25—30 в. от него*). Почти во всех этих развалинах видны остатки стен, башен и различных зданий как из сырцевого, так и из жженого кирпича, сохраняющие еще фрагменты лепных и глазурованных орнаментаций, склепы, кладбища с намогильными камнями, заброшенные обширные оросительные системы, черепки простой глиняной и глазурованной, с орнаментацией, посуды, стекло и т. п. По близости Сыгнака (верстах в 8 по направлению к «Тюмень-Арыку») находится высокое здание своеобразной архитектуры из жженого кирпича с орнаментацией из синей поливы, с холмами вокруг него,

ытыми кореньями и саксаулом, оно носит у местных киргиз название *Кок-Кесене*. Большинство этих лежащих в развалинах городов, повидимому, запустели и потом окончательно заброшены со времен монгольского нашествия.

Развалины встречаются и дальше по Сыр-Дарье в пределах Казалинского уезда, из них заслуживают быть отмеченными остатки города *Шехркента* (*Яныкент* или *Джаныкент*) в 22—25 верстах ниже г. Казалинска, на левом берегу Сыр-Дарьи, где в 1867 г. ориенталист Лерх произвел интересные археологические разведки, выяснившие, между прочим, существование здесь надгробного памятника лица, умершего в 763/1362 г., а художник В. В. Верещагин дал ряд рисунков с найденных им в том же году в развалинах Джаныкента некоторых древностей мусульманского периода, судя по типу, дотимуровской эпохи.

Остатки древних сооружений есть и по берегу Аральского моря в том же уезде, среди них заслуживает внимания высокая башня (в 15 сажен) *Бегим-Мунара*, обложенная жженым кирпичем квадратной формы на сырцовой кладке и очень напоминающая внешним видом известную башню Кабуса на р. Гюргене, но без характерных граней последней.

Наконец, вверх по Сыр-Дарье,от Туркестана до границы с Самаркандскою областью, также встречается немало сле-

*) По словам В. А. Каллаура, отожествляющего развалины Кыс-Кала с Джендом (в своей статье „О следах древн. гор. Дженда", в „Протоколах Т. Кр. Л. Арх.", г. 5 й). Покойный Лерх помещал Дженд на правом берегу Сыр-Дарьи, на сев.-зап. от почтовой ст. „Хорхут".

дов древних поселений, оросительных каналов и развалин больших городов, из последних обращают на себя внимание развалины города *Отрара* (место смерти Тимура) в 13 верстах от станции «Тимур» Ташкентской железной дороги, у впадения р. Арыси в Сыр-Дарью. Они представляют собой бугры, валы, насыпи и ямы, заросшие диким бурьяном и сорными травами, местами сплошь усеянные жженым кирпичем и битой глиняной посудой; над всем доминирует громадный холм, до 6 сажен высотою, цитадель былого Отрара. В долине р. Ангрена лежал разрушенный монголами город *Бенакет* (при устьи реки), восстановленный Тимуром и названный в честь его сына *Шахрухией*. Развалины Шахрухии (на правом берегу Сыр-Дарьи) своими подземными ходами, выложенными жженым кирпичем, и некоторыми случайными в них находками привлекали иногда к себе внимание местных археологов, но напор вод капризной реки с каждым годом размывает берег и уносит старые бугры с остатками былой жизни на них и в них. Неподалеко, сравнительно, от Шахрухии, на одном из рукавов р. Кара-су, впадающем в Ангрен, лежат грандиозные развалины одного из обширных городов Средней Азии, *Канка*, историческое прошлое и судьбы которого, к сожалению, в должной мере наукою не выяснены.

В долине р. Чирчика (древний Парак), правого притока Сыр-Дарьи, вблизи его устья, в трех фарсангах пути от Бенакета, лежал город *Неджакет*, развалины которого, повидимому, тождественны с развалинами, ныне известными под именем *Иски-Уджакент*. По Сыр-Дарье (на левом берегу) лежало несторианское селение *Винкерд*. Одним из самых значительных и древнейших городов области *Шаш* (в долине р. Парак) был ее главный город *Шаш* (у арабов) или *Чач* (у персов), хорошо известный в домусульманскую эпоху и китайцам (Че-чи), он назывался также и *Бинкет*; его местоположение, повидимому, совпадало с теперешним Ташкентом.

В современном туземном г. Ташкенте сохранилось немного остатков древностей, из них наибольшего внимания заслуживают: мадраса с мечетью *Ходжи-Ахрара* (в кв. «Ишк-Абад» или «Махкама»,—когда то носившем назв. «Хаузи-Сангин»,—в Кукчинской части), построенное самим знаменитым мистиком (806/1404—895/1490) и интересное своими мраморными импостами для подпирающих крышу колонн; мадраса *Барак—хан* (в квартале «Парчабаф» или «Хазрати-Имам», Сибзарской части) с своими высокими воротами, построенное по местному

преданию, около 375 лет тому назад, ташкентским правителем Барак-ханом: мадраса *Кукельдаш* (в квартале «Чарсу», Бешагачской части), неоднократно ремонтировавшийся и разрушавшийся памятник XVI века с остатками старой, очень хорошей глазурованной орнаментаций, и *мазар Имама Каффаля Шаши* (ум. в 365/975 или в 366/976—77 г.) в квартале «Хазрати-Имам», Сибзарской части.

В состав смежной с Ферганскою и Ташкентскою (Сыр-Дарьинскою) областью, *Самаркандской*, входили в мусульманское средневековье, как естественное продолжение наиболее культурной части Средне-Азиатского Междуречья, область *Согдиана* (долина Зеравшана) и *Осрушана*, занимавшая почти все пространство между Самаркандом и Ходжентом. Богатая историческими событиями и громкими именами деятелей на разных поприщах, современная Самаркандская область поэтому сохранила много блестящих и интересных памятников прошлого; из них находящиеся в *г. Самарканде* известны всему образованному миру.

Мавзолей *Гур-и-Эмир (Гур-Эмир)*, в котором находится гробница Тамерлана и усыпальница некоторых членов его семьи и близких к нему лиц, построена при Тамерлане в начале XV века персидским зодчим Мухаммедом, сыном Махмуда из Испагани. Несмотря на ряд неблагоприятных условий, пережитых городом, на его упадок и на полное пренебрежение к этому памятнику, он до сих пор поражает своим огромным рубчатым куполом и разноцветными изразцами, местами переходящими в тонкую мозаику из вышленных кусочков майолики, представляющую ряд восхитительных панно с стилизованной растительной орнаментацией и многочисленными надписями. Внутри усыпальницы—яшмовая панель, остатки былой орнаментировки купола бумажными пальметками и нефритовое надгробие над местом погребения Тамерлана, обнесенное ажурной мраморной решеткой, дополняют общую картину былого величия. Соборная мечеть эпохи Тимура, *Биби-Ханым*, построенная в течение 1399—1404 г.г., была когда-то одним из величественных и богатейших по отделке зданий Средней Азии. До наших дней сохранились лишь ее развалины, величественные и прекрасные, в которых остатки голубого купола в яркие солнечные дни все еще излучают столь приятный мягкий свет, как-бы сливающийся с небесной лазурью. Беспободное по художественным достижениям, здание в конструктивном отношении оказалось столь небрежно построенным, что еще при жизни Тимура с него падали камни и присутствие на богослужении в этой мечети оказывалось не безопасным. Последующие века небрежного отношения к этому памятнику и землетрясения довершили его разрушение. В огромном дворе мечети—колоссальный каменный пюпитр для Корана, когда-то находившийся в мечети, и небольшой, полуразрушенный мавзолей над прахом Биби-Ханым, той жены Тимура, по имени которой называлась мечеть.

Мечеть-мавзолей *Шахи-Зинда* над главною святынею Самарканда, над могилою двоюродного брата пророка Мухамеда, Кусам-ибн-'Аббаса (убитого в Самарканде в 52/672 г.), в ней также гробницы сестры и жены Тимура и других исторических лиц. Представляя собою целую систему отдельных построек, возникших в течение, приблизительно, трех четвертей века (1360—1435 г.), Шахи-Зинда является в то же время как-бы одним общим зданием, через которое проходит до Афросиаба длинная открытая галлерея, с широкой кирпичной лестницей по средине. И все это разнообразие зданий и эффектных куполов сливается в одной общей гармонии восхитительной разноцветной майоликовой облицовки, оригинальность рисунков которой ,свежесть красок и цельность композиции вызывают неподдельные восторги у всех видевших это.

Другие памятники эпохи Тимура: мазар над могилою *Чупан-Ата* и мазар над могилою шейха *Бурхан-ед-Дин-Сагарджи*, называемый «Рух-Абад», принадлежат к тому же типу блестящих построек, что и вышеотмеченные, на которых несравненные персидские мастера, вывезенные из Персии Тимуром, запечатлели свои удивительные художественные достижения в виде интересных архитектурных форм и деталей и неподражаемых рисунков яркой и чистой майолики, секрет которой до нас не дошел.

Окружающие Самаркандский *Ригистан* (городскую площадь) три величественных мадрасы с мечетями: *Улуг-Бека* (построена в 821—823 г. Хиджры) с своими двумя «падающими» минаретами, *Шир-Дор* и *Тилля-Кори* (построены правителем Яланг-Туш-Бий-Аталыком: первая в 1028 г. Х., а вторая—в 1056 г. Х.)—представляют собою великолепные образцы послетимуровского времени. Первая была сооружена лучшими персидскими мастерами и, не уступая по красоте и художественности памятникам Тимура, она в конструктивном отношении оказалась гораздо лучше их построенною; когда то имела два этажа, но верхний был разрушен (вероят-

но, в начале XVIII в.) при узбеках, так как в стратегическом отношении представлял ту невыгоду, что, благодаря ему, мадраса командовала над городскою цитаделью.

Две остальные мадрасы (Шир-Дор с остатками изображений двух тигров на фасаде и Тилля-Кори с богатейшей внутренней позолотою) изяществом изразцовой отделки, легкостью и красотою форм представляют интересные подражания (и при том в обширном масштабе) подобного рода сооружениям тимуровской эпохи.

Помимо этих немало и других, интересных в историческом и в художественном отношениях, монументальных памятников находится как в черте города, так и вне его, таковы усыпальницы: Шейбани-хана, Абу-Са'ид-хана, сына Кучкунджи-хана (умершего в 940/1533 г.), иначе называемая *Чиль-Духтеран*, и Султан-Хавенд-бика, дочери тимурида Абу-Са'ида (1452—1469 г.), здание, более известное под именем *'Ишрат-Хоны*, мазар *Ходжи-Ахрара* с мадрасою Надир-Диванбегия, построенною при аштарханиде Имам-Кули-хане в 1040/1630—3 г., мазар шейха *Ходжа 'Абди-Даруна*, мечеть *Намазгах* и проч., и проч. Остатки *обсерватории Улуг-Бека*, открытые В. Л. Вяткиным в 1908 г. на холме каменной породы у арыка «Аби-Рахмат», с сохранившеюся частью так наз. „стенного квадранта", и старое городище, входившее в состав колоссального города, так наз. «Афросиаб», где был расположен до тимуровский Самарканд, Самарканд эпохи саманидов и до нашествия Чингиза, с заключающимися в нем драгоценными памятниками былой материальной культуры,—дорисовывают общую картину большого богатства и разнообразия древних памятников когда то блестящей и великолепной столицы Тамерлана.

Среди множества монументальных памятников мусульманской эпохи, разбросанных по другим местам Самаркандской области, следует отметить *мазар-шейха Ходжаки Касани*, более известного под именем «Махдум-и-А'зама» (ум. в 949/1542 г.) в сел. *Дахбид*, в 9 вер. от Самарканда. По близости мазара находится обширная ханака, построенная известным строителем самаркандских мадрас Тилля-Кори и Шир-Дор, Яланг—Туш-Аталыком, и мадраса эпохи первых мангытов, из жженого кирпича с чудесными резными дверями. В горах Пенджакентского уезда, с селении *Мазар-и-Шериф*, верстах в 25 от Пенджакента, существует чтимый мазар Ходжа-Мухаммад-Башшара, известного знатока хадисов в первые

века Ислама (родился в 167/782—83 г., сконч. в 252/866 г.). Здание мазара, воздвигнутое почти в средине XIV в. (1342—43 г.), замечательно порталом, по бокам арки которого—превосходная терракотовая кайма арабской вязи с растительной орнаментацией, а внутри за решеткою—две старых гробницы с оригинальною, с глубоким рельефом, майоликою зелено-голубоватого цвета.

Город *Ходжент*, бывший еще в до исламскую эпоху значительным городом, в мусульманскую эпоху был одним из больших городов Средней Азии, торговым и цветущим, с многочисленным населением. Повидимому, изменения капризной Сыр-Дарьи и связанные с этим страшные наводнения не раз заставляли жителей менять свое местожительство и город переносился, по преданиям, неоднократно с одного места на другое. И теперь показывается несколько мест, где стоял старый Ходжент, в которых нередко находят древние вещи и остатки сооружений .Около версты от Ходжента, вниз по Сыр-Дарье, находится остров, по преданиям туземцев, на нем храбро защищался против монголов мужественный Тимур-Мелик, начальник Ходжента эпохи Мухаммед-Харезмшаха. Вся поверхность острова изрыта туземцами—кладоискателями, потому что остров обилует находками всяких вещей: металлических (медных и серебряных), глиняных, стеклянных и проч. Столица Осрушаны Бунджикет (Пяндкет), повидимому, лежал на том месте, где ныне указываются развалины *Шахристана* (верстах в 25 к юго-западу от Ура-Тюбе). Здесь наблюдаем то же явление, что и в Ходженте: слой с остатками старины ныне занесен глиной и круглым речным булыжником, что указывает, что местность подвергалась в былое время сильным наводнениям. В развалинах Шахристана туземцы близлежащего селения того же имени не раз делали разные ценные находки. Другие древние города Осрушаны, как *Заамин* и *Дизак*, существуют и поныне, один, как селение, другой—город. В селении Ура-Тюбе, бывшим большим и известным в истории Средней Азии городом, сохранилось немало остатков старины: часть крепости с цитаделью, мечеть и мадраса *Кок-Гумбаз*, сохраняющая остатки превосходной изразцовой облицовки с великолепными резными деревянными дверями (Ура-Тюбе искони славился своими резчиками по дереву). Внутри мечети, рядом с михрабом, сквозь штукатурку неясно проступает как бы человеческое лицо с приподнятыми красными руками... Позднейшей по-

стройки, начала прошлого века, полуразрушенная *мадраса Рустам-бека*, хотя и не представляет ничего выдающегося, но по своему подражанию старым хорошим образцам монументальной архитектуры заслуживает внимания науки.

Закаспийский край (Туркменская область), включающий ныне главную часть старой и обширной персидской провинции Хорасана, обширный северный район средневекового Джорджана и районы предгорий Копет-Дага и по рекам Теджену и Мургабу, всем своим прошлым тесно связан с судьбами Персии, поэтому нигде в Средней Азии в памятниках мусульманской эпохи так не чувствуется эта органическая связь с исконным Ираном, как здесь, и нигде так живо не витает дух старой персидской культуры, как здесь, среди этих многочисленных остатков минувшего, разбросанных по самой обширной из всех туркестанских областей и вместе с тем самой пустынной и безотрадной, где в спаленных солнцем песках лежат полузасыпанными обширные мертвые города и селения. Отметим лишь главнейшие, в направлении с востока на запад. *Старый Мерв*, близ станции «Байрам-Али» Ср.-Аз. жел. дороги, представляет развалины, занимающие площадь в 40 кв. верст; они состоят из остатков старых городов, крепостей, валов, домов, мечетей, кладбищ, надгробий, ледников и оросительных каналов. Все эти остатки принадлежат разным эпохам и могут быть подразделены так. Древнейшие, т. наз. *Гяур-Кала*—это Мерв арабских географов и путешественников, столица Хоросана в эпоху сасанидов и первых арабских намест ников (в 1904 г. американской экспедицией Пёмпелли здесь была найдена посуда с пехлевийскими письменами и терракотовые статуэтки буддийской культуры). Так. наз. *Султан-Кала* с величественным куполообразным мавзолеем Султана Санджара и с могилами Абу-'Абдуллы Бурейды и Алхакама, сына Амра, сподвижников Пророка,—это город сельджуков, в котором было так много мечетей, дворцов, кладбищ и библиотек, он был стерт с лица земли монголами в 1219 г. Третье городище состоит из двух частей: крепости *Байрам-Али-хана* (западная), и крепости *'Абдуллы-хана* (восточная), это Мерв, возведенный сыном Тамерлана, Шахрухом, приказавшим восстановить Мургабскую плотину и заселить место после ужасного монгольского нашествия; в этом городе имели место все последующие события, связанные с Мервом в эпоху тимуридов, сефевидов, узбеков и бухарцев, вплоть до его

постепенного падения при последних и перенесения совсем на другое место при хивинском владычестве. За пределами этих городищ также находится немало развалин, но более всего вокруг третьего городища, среди них выделяются: мечеть «Мухаммед-ханапья», гробницы: Пехлеван-Ахмеда и Мизраб-Шаха, надгробие Кыз-Биби, мечеть Ходжи Юсуфа и городище или военный стан монголов 1221 г.

Много развалин разбросано и вверх по Мургабу до самой Кушки, при чем в Пендинском оазисе, в отвесных обрывах правого берега реки Мургаба, находятся загадочные обширные подземелья, расположенные друг над другом в несколько ярусов с широкими корридорами, многочисленными и просторными комнатами, амбарами и сухими колодцами.

Развалины городов, крепостей и проч. встречаются и по берегам р. Теджена, в прилегающем к Мервскому Тедженском уезде. Так, например, в развалинах старого Серахса, города, лежавшего на большой дороге из Багдада в Мерв, сохранились большие красивые мавзолеи двух знаменитых мистиков XI в. по Р. Х.: Абуль-Фазля и (повидимому) шейха Локмана Серахского. Первый находится на русской стороне, а второй—на персидской (Теперь существует два Серахса: русский и персидский, разделяясь рекою, они лежат друг против друга). К Серахскому району в древности примыкал округ *Хаверан*, в котором существовали города: *Мехне* или *Мейхене* (главный город), *Абиверд* или *Баверд*, *Рохне*, *Чехче*, и друг.; по близости развалин первого и последнего ныне существуют туркменские аулы Меана и Чаача (Атекского района, Тедженского уезда). Особенный интерес представляют развалины Мехне, в 6—7 верстах от ст. «Душак» Средне-Азиатской железной дороги. Из древних зданий наиболее сохранились две мечети с весьма изящными изразцовыми орнаментами и надписями, в одной из них могила знаменитого хорасанского суфия Абу-Са'ида Мейхенейского (ум. в 440/1049 г.). Развалины Абиверда лежат в 5 верстах от б. ст. «Каахка.» (Гинсбург) Средне-Азиатской железной дороги. Большинство их хорошо видно даже из вагона, особенно крепость с глинобитными стенами, внутри которой была мечеть с превосходными изразцами.

В 18 верстах от теперешнего г. Полторацка (*Асхабад*), близ аула Багир, лежат развалины одного из древнейших и знаменитых городов Хорасана, *Нисы*, который в IX—XI в. в по Р. Х. славился в мусульманском мире таким обилием раз-

личных ученых, что город называли за это «Малой Сирией». Два громадных холма с остатками стен доминируют над окрестностью и видны за несколько верст. Ближайшая к горам крепость почти совсем сравнялась с землею, крепость же, выходящая на равнину, до сих пор сохранила свои стены и башни, внутри ее провалившаяся местами почва обнаруживает толстые стены зданий из сырцевого и жженого кирпича. На поверхности почвы встречается много черепков глиняной и фарфоровой посуды. С западной стороны этой крепости, вне ее стен,—старое кладбище Нисы, на некоторых могилах уцелели древние памятники. В 12 верстах от гор. Полторацка, неподалеко от полотна жел. дороги, лежат развалины города, ныне по-туркменски называемого *Аноу* (по близости аул того же имени), по-русски *Аннау*. Среди многочисленных остатков разных построек из сырцевого и кое-где жженого кирпича привлекает внимание большой холм со стенами бывшей на нем цитадели, в ней—руины когда то великолепной мечети с остатками примыкавших к ней худжр (келий для студентов). В полусферических треугольниках мозаичного портала мечети—изображения двух огромных императорских драконов Китая, исполненных с удивительной экспрессией. Мечеть построена у гробницы шейха Джемаль-эд-Дина правнуком Тимура, Султаном Абуль-Касым-Бабуром, в конце первой половины XV века.

Дальше, по направлению к Красноводску, у ст. «Геок-Тепе», лежат остатки недавнего прошлого, туркменской крепости Геок-Тепе, с огромным холмом *Денгиль-Тепе* среди нее; по своей структуре, множеству черепков глиняной и фаянсовой посуды этот холм, несомненно, представляет древнее городище (как и холм под Полторацкою (Асхабадскою) крепостью, где прежде помещались казармы 5 Закаспийского стрелкового батальона). Вблизи ст. «Бахарден», на север от нее,—ряд развалин старых крепостей и городов, из которых наибольшего внимания заслуживает занесенный песками город *Шехри-Ислам*. Развалины одиночных сооружений, башен, водоемов, акведуков и проч. остатки былых населенных мест, городов и больших селений во множестве встречаются не только в районе Ср.-Аз. жел. дороги, но и ближе к горам Копет-Дага и дальше вглубь песков, как-бы указывая на то культурное оживление, которым так выгодно отличалась эта предгорная полоса в раннее средневековье от прилегавшей к Хорасану и Джорджану пустыни турок-гузов. Прилегающая к юго-восточным берегам Каспийского моря и граничавшая на востоке с Хорасаном область Джорджан сохранила большинство остатков своего прошлого в персидских пределах, по берегам реки Гюргеня (там же лежал и главный город области *Джорджан*), в русских же пределах, в Чикишлярском районе Красноводского уезда, лежал округ *Дехистан*, где граница владений мусульман соприкасалась с границей владений турок-гузов. В этом районе, в безводной и пустынной местности, на пути от укрепления Чатлы к караванной дороге от Чикишляра к станции «Айдин» Ср.-Аз. жел. дороги, верстах в 50 от реки Атрека, лежат грандиозные развалины *Мешеди-Мисриан* (или *Мест-Довран*, *Местриан* по-туркменски), занимающие площадь в 120 дес., с пятиугольной стеной из жженого кирпича, с бастионами и башнями, с двумя минаретами и развалинами мечети внутри, с остатками больших ирригационных и других сооружений, тоже из жженого кирпича, вне стен. Уцелевшие глазурные надписи на портале крепостной мечети указывают, что она была построена при Султане Мухаммед-Харезмшахе, обширные владения которого были разрушены и завоеваны Чингиз-ханом. На кладбище, верстах в 7-ми отсюда, на насыпном холме—чтимая местными туркменами—иомудами древняя мечеть, покрытая внутри белой майоликой и лепными надписями и орнаментами. Вокруг и между всех этих руин—груды кирпича и масса битой фаянсовой, фарфоровой, стеклянной и глиняной посуды. Арабская надпись на одной из башен минарета, что в крепости, указывает, что этот обширный и сильно укрепленный город был пограничной крепостью. К сожалению, эти интересные развалины, как впрочем и все древности Закаспийского края, исключая развалин Мерва, до сих пор никем подробно не обследованы и научно не описаны, хотя именно здесь бился пульс жизни старого, высоко культурного Хорасана.

Пределы *бывшего Бухарского ханства* (включая, разумеется, сюда и его восточную часть, современную *Таджикскую автономную республику)* заключают едва ли не больше археологических памятников, чем наиболее прославленные в этом отношении прочие туркестанские области. И это вполне понятно, потому что фокус истории всего края был, главным образом, здесь. К крайнему сожалению, необследованность бухарских памятников прошлого столь же вопиюща, что и в

прочих областях. Попробуем отметить хотя бы наиболее известные.

В долине Зеравшана, продолжающего свое течение и в пределах Бухары, мы встречаем несколько старых городов. В 12 верстах от ж.-дорожной станции «Зиа-ед-Дин» находится город того же имени, к востоку от которого лежат развалины одного из древнейших поселений Туркестана, *Кал'а-и-Дабус* (также—*Кал'а-и-Дабуси* или *Дабусия*, смотря по произношению и написанию), известного еще в доисламскую эпоху и часто упоминаемого в истории Средней Азии до XVII в. включительно. Здесь же, на высоком уступе к долине Зеравшана, стоит построенная из жженого кирпича красивая «ханака-и-Имам Бахр» (название, впрочем, требует проверки, т. к. у разных русских авторов оно показано по разному). В 16 верстах от ж.-дорожной станции «Кермине» лежит *г. Кермине*, под другим названием существовавший еще в доисламскую эпоху. Это—родина многих известных на разных поприщах лиц и место успокоения известного мистика Касым-Шейх-'Азизана (ум. в 979/1571—72 г.), чей мазар с ханакой, построенной в 966/1558—59 г., до сих пор привлекает много богомольцев. С южной стороны мазара—гробница эмира 'Абдул-Ахада (ум. в 1328/1910 г.). Верстах в 15—16 отсюда лежат развалины *Рабат-и-Малик*, относящиеся к XI в. по Р. Х. и таким образом принадлежащие к числу ранних памятников мусульманской эпохи. Большие постройки (стены собственно рабата, арки, водоем и проч.) сделаны из отличного жженого кирпича и местами украшены изящной терракотовой орнаментацией. Благодаря пустынности места, эти остатки старины до сих пор еще хорошо сохранились. В направлении к г. Бухаре, верстах в 60 от нее на северо-запад, на границе с Кызыль-Кумами, находятся до сих пор, кажется, никем не обследованные развалины древнего города, известного у бухарцев под именем *Хаджи-Абан*. Английский путешественник Бёрнс, бывший в Бухаре в 30-х годах прошлого столетия, покупал доставлявшиеся оттуда превосходные греко-бактрийские монеты, печати и геммы, резанные на разных камнях. За последние дореволюционные годы из Хаджи--Абана привозились не только подобные предметы, но и литые бронзовые вещи с глубокой растительной орнаментацией, иногда с куфическими надписями весьма архаического типа (ступки, чашки и проч.). Верстах в 27—30 от г. Бухары, по дороге в Хиву, расположен высокий холм *Варахш* с обширными развалинами, где, повидимому, был г. *Варахша* или *Фарахша* (у арыка того же имени), более древний, чем Бухара. Здесь до X в. по Р. Х. была резиденция бухар-худатов, в которой находился их старый и красивый дворец, простоявший, по преданиям, более тысячи лет. В развалинах Варахша до сих пор часто находят монеты и мелкие вещи. Близ Варахша, ближе к Бухаре, верстах в 18—20 от нее, находится значительное селение *Рамитан*, расположенное на возвышении, внутри старых стен одного из древнейших городов Согда, Рамитана, который до основания г. Бухары был исконной столицей правителей Бухары, а в мусульманскую эпоху отмечался, как значительный город. Из старых зданий в Рамитане сохранился мазар знаменитого бухарского шейха Ходжи 'Али-Рамитани'я или Шейха 'Азизана (ум. в 715/1315 г.), квадратное здание (12×12 кв. аршин при полторасаженной высоте) из жженого кирпича с невысоким куполом. Находящийся за стенами Рамитана высокий продолговатый холм весь усыпан обломками жженого кирпича, глиняными черепками и частью небольшими кусками довольно грубого зеленого стекла. Верстах в двух отсюда, к северо-западу, где *селение Семаси*, находится другой мазар славного ученика Шейха 'Азизана, Ходжи Мухаммед-Баба-и-Семаси'я (ум. в 755/1354 г.). В районе же Рамитана видны далеко уходящие остатки великой *стены Кампир-Дувал*, ограждавшей в древности Бухару с окрестностями и пересекавшей Хорасанскую дорогу. Холмы, следы редутов, башен и проч. развалины отмечают направление этого гигантского сооружения. Верстах в 50 на северо-запад от г. Бухары (в 7 верстах от станции «Кызыль-Тепе») лежит большое селение *Гиджду-ван* на месте древнего города того же имени. Остатки старых зданий и стен сохранились до сих пор, как и старинный мазар с гробницею другого знаменитого шейха, «ходжи ходжей», 'Абдул-Халика Гиджуванского (ум. в 575/1179—1180 г.).

Древний центр арийской культуры в Средней Азии, игравший столь большую роль в просветительной и политической истории страны, г. *Бухара*, является ныне единственным городом, сохранившим свою топографию неизмененною в течение тысячилетия, и в этом отношении он заслуживает всяческого внимания. Расположенная на равнине, на небольшой возвышенности, обнесенная высокими глинобитными стенами (в среднем до 5 саж. высоты и до 2 саж. толщиною), с многочисленными башнями (131) и 11-ю воротами, Бухара сохранила в себе и в прилегающей к ней местности множество остат-

ков старины. На одном из обособившихся в черте стены городских холмов расположен «арк» (кремль), доминирующий над городом своими высокими глинобитными стенами*). В нем искони жили потентаты Бухары и их наместники: здесь же было центральное управление страны, где до последнего времени бился пульс всей ее административно-политической жизни, где был монетный двор, государственная казна и проч. Из остатков далекого прошлого в арке до последнего времени указывали могилу принца Сиявуша, убитого мифическим царем Афросиабом, на смерть которого древние бухарцы, по словам старого местного историка, сложили «удивительные песни». (Термин «Кин-и-Сиавуш», обозначавший эти песни, до сих пор сохранился в приложении к одной из тридцати основных мелодий персидской музыки). Вблизи площади перед арком *(ригистан)* расположена главная мечеть города *Масджид-и-Калян* или *Кок-Гумбаз* с голубым куполом и с орнаментацией из зеленоватых и голубых изразцов; она построена в 947/1540 г., при ней обширный двор, окаймленный галлереей из колонн и сводов. Против нее—*мадраса Мир-Араба*, построенная в 944/1537—38 г. или, по другой версии, в 942/1535—36 г. ближайшим и знаменитым учеником Ходжи Ахрара, эмиром 'Абдуллой Еменским, известным под именем Мир-Араба, на средства шейбанида 'Убайдуллы хана. Здесь же возвышается самое высокое здание в городе—большой минарет (52 метра) из прекрасного жженого кирпича, построенный в до-монгольский период, в первой половине XII в., Арслан-хан-Мухаммед-бен-Сулейманом и известный у русских под именем «*Башни Смерти*». Из других многочисленных памятников бухарской старины следует упомянуть: мечеть Незр-Диван-беги, построенную визирем Имам-Кули-хана в 1027/1619—20 г., и мадрасу того же имени, построенную при мазаре Ходжи-Ахрара в 1041/1631—32 г. и весьма интересную в архитектурном и художественном отношении; мадрасы 'Абдуллы хана и его матери (XVI в.), расположенные друг против друга по близости Ригистана, к юго-западу от него, с остатками богатой изразцовой облицовки; интересную по архитектурным деталям и орнаментации мечеть Паенде-Аталыка, у Ригистана; подземную мечеть Могак, при входе на базар «'аттаров», по видимому, до исламского происхождения; находящийся у во

*) Указание в некоторых источниках, что холм арка носит название *Нумишкенд*, нам лично не было подтверждено никем из прежде живших в аркелиц. И вообще это название никому на месте не было известно.

рот «Талипач» мазар шаха Исмаила Саманида (ум. в 907 г. по Р. Х.), по своей архитектуре и орнаментации относимый к к числу древнейших памятников мусульманской эпохи; мазар Абу-Хафса великого, знаменитого ученого имама (ум. в 217/832 г.) на Имамском кладбище, рядом с большим курганом, считаемым за могилу Афросиаба, и много других памятников прошлого. К крайнему сожалению, события в Бухаре в 1920 г., закончившиеся государственным переворотом, тяжело отозвались на многих таких памятниках и последовавшее потом исправление разрушений было сделано не всегда искусно; однако несравненно опаснее современные постройки и расширение улиц старого города, сопровождаемые иногда разрушением древних зданий, так как в погоне за новой, более утилитарной буржуазной цивилизацией запада приносится в жертву драгоценный музей-город, подлежащий, казалось бы, всемерному сохранению.

Вблизи г. Бухары, верстах в 4-х на восток от нее, лежит местечко *Фатхабад*, где находится гробница шейха Сайф-од-Дина Бахарзи'я, более известного у местного населения под именем «Шейх-ул-'Алам'а» (ум. в 659/1261 г.). Сюда обычно являлись «на поклонение» все бухарские эмиры тотчас же по вступлении на престол. Здесь старинная ханака с мечетью довольно незаурядной архитектуры, с изразцовой орнаментацией внутри; такая же старая мадраса, надгробья похороненных здесь членов семейства шейха Сайф-од-Дина и разных лиц и прочие сооружения, характерные для таких «святых мест». Верстах в 8 к северо-востоку от Бухары лежит селение *Баха-од-Дин* (прежде—«Каср-и-Арифан»), при котором находится другое прославленное место, мазар патрона Бухары, шейха Баха-од-Дина (ум. в 791/1389 г.), с мадрасой, могилами некоторых бухарских эмиров и пятью мечетями: главная ,так наз. «Намоз-и-Джум'а», с ханакой, и с куполом в сорок аршин высоты, построена в 951/1544 г.; две, так называемые «Аппак-Аим», сооружены 'Абдуллой ханом, а две—в прошлом столетии. Самый памятник Баха-од-Дина имеет форму прямого параллелипипеда, установленного по странам света, с длиною боков, по направлению с запада на восток около 10 шагов, а с севера на юг—9, при высоте около 3½ аршин. Бока облицованы отшлифованными мраморными плитами с надписями. Такая же мраморная решетка окружает надгробие. В Баха-од-Дине до последнего времени особенно оживленно и продолжительно

(целый месяц) праздновался в апреле общетаджикский праздник цветов, так называемый «гул-и-сурх». Вблизи ж.-дорожной станции «Яккатут» лежат большие развалины *Старого Пейкенда*, большого и богатого города, известного еще в доисламскую эпоху и заброшенного, вероятно, с XII в. по Р. Х. Раскопки, произведенные здесь Л. А. Зиминым в 1913—1914 г.г., обнаружили, повидимому, город эпохи саманидов, отличавшийся высокими достижениями в области материальной культуры (найдена прекрасная глиняная посуда, превосходный жженый кирпич, резьба по кости и по меди и т. п.). На северо-запад от г. Бухары, в сторону Хивы, и на юг, на юго-восток и на юго-запад от него также почти всюду встречаются следы былой жизни, былых цивилизаций, в виде курганов, развалин рабатов, водохранилищ-холодильников *(сардоба)*, караван-сараев, городов и т. п., щедро разбросанных среди безлюдных песков и безводных пространств. Вероятно, систематические и планомерные раскопки в некоторых из этих развалин могли бы дать много интересных данных для выяснения быта минувших веков. Даже работы по культуре песчано-укрепительных растений близ станции «Фараб» (не доезжая Чарджуя со стороны г. Бухары) и самые работы по укреплению песков в полосе железно-дорожного отчуждения дали немало предметов старины, извлеченных из занесенных ныне песками пространств (образцы их можно видеть в Фарабском музее). Среди монументальных памятников этих пустынных районов следует отметить хорошо сохранившийся, верстах в двух от станции «Караул-Базар» (по Бухарской ж.-дороге), обширный, из жженого кирпича, рабат—караван-сарай с большим числом кирпичных купольных перекрытий над помещениями, группирующимися ввиде четыреугольника, каждая его сторона имеет до ста шагов. Это был, повидимому, центральный укрепленный караван-сарай для всей Каршинской степи. На наружных глухих стенах—ряд полукруглых выступов вроде башен, местами соединенных стрельчатыми арками, и фальшивые двери в виде ниш. Находящиеся в северной и южной стенах огромные ворота (до 8 саж. выс.) ведут внутрь, где находится множество помещений для путников. На стенах еще сохранились остатки изразцовой облицовки с преобладающим желтым цветом. Рядом с рабатом находится водохранилище-холодильник. Вся постройка приписывается местным преданием шейбаниду ʻАбдулле-хану (991/1583—1006/1598 г.). Верстах в шестнадцати отсюда, между

г. г. Бухарой и Карши, лежат развалины другого рабата, известного под именем *Бузачи* и столь же хорошо выстроенного из жженого кирпича, как и рабат «Караул-Базар». Он расположен вблизи небольшой речки, откуда когда то вода отводилась к двум *сардоба'м*, расположенным подле здания. Главные ворота находятся в северной стене и имеют в высоту 6 сажен, другие ворота—на южной стороне. Длина здания 23 сажени, ширина—16. Внутри, во дворе, ряд помещений под купольными крышами. Следов изразцовой облицовки не видно. Еще дальше, по направлению к Карши, на 133 версте Бухарской ж.-дороги, у ст. «Касан», лежат на протяжении двух верст большие развалины в виде валов, остатков укреплений и разных построек; это так называемый *Старый Касан*, упоминаемый средне-вековыми мусульманскими авторами (под формою «Касâн»), как значительное городское поселение в округе Несефа (Карши), родина некоторых выдающихся людей. Современный *г. Карши* (древний *Нахшеб*, со времени арабского завоевания до нашествия монголов известный под именем *Несеф*ʻа) сохранил много остатков своего прошлого: большой холм Шуллюк-тепе (верстах в 16 от теперешнего города), представляющий остатки цитадели, бывшей в разрушенном виде уже в X в., и главную группу развалин с цитаделью (к югу от р. Кашка-Дарья); крепость же более позднего периода (XIV—XVI в.), повидимому, находилась к югу от современного Карши и ее большие развалины в виде высоких валов, глубоких рвов и доминирующей над всем цитадели ныне известны под именем *Зоххак-и-Морон*. Отсюда до самого Касана тянется ряд огромных курганов неизвестного происхождения. Из памятников мусульманского времени в самом г. Карши следует отметить мечеть «Номоз-и-Джум'а» и мадрасу ʻАбдулла хана, на главных воротах которой, между прочим, сохранились две железных пластины с вырезанными одна над другой рыбами. Ряд всевозможных развалин тянется от г. Карши и в сторону Аму-Дарьи и к Гисарскому хребту. В том месте, где воды Аму-Дарьи прорвали довольно высокую каменную преграду, на правом берегу реки лежат развалины крепости, называемой поместному *Каркича*; против них, на левом берегу,—укрепление *Керки*, где обращает внимание холм с остатками, видимо, мечети и с страшно обезображенными каменными надгробиями, сохраняющими следы очень художественной резьбы. Большая городская мечеть, не представляющая в строительном отношении ничего особен-

ного, едва ли основательно соединяется с именем суфия первых веков Ислама, Ма'руфа Кархи, в действительности умершего и похороненного в Багдаде (в 200/815—816 г.). В сторону отсюда, за культурной прибрежной полосой, находятся интересные развалины мазара *Астана-Баба* с замечательною изразцовою орнаментацией*).

Исторический *Кеш* (современный *Шахрисябз*), —родина Тимура,—заключает остатки его великолепного дворца «Ак-Сарай» (построен в 787/1385 г.) в виде двух уцелевших боковых устоев главного фасада со следами прекрасной изразцовой облицовки; заключенная между ними арка имела уже разрушенный замок в 1870 г., когда ее впервые видел А. Л. Кун. О роскоши Ак-Сарая можно судить по его описанию у испанца Клавихо, посетившего Кеш незадолго до смерти Тимура. Другие постройки тимуридской эпохи: «Кок-Гумбаз» (построен Шах-Рохом в 839/1433 г.), «Гумбаз-и-Сайидин» или «Гумбаз-и-Сайид-'Абдул-Ма'оли» (ум. в 859/1454—55 г.) с четырьмя надгробиями, «Маркад-и-Шейх-Шемс-од-Дин» и «Маркад-и-Хазрат-и-Имам», которые еще в 1870 г. находились, по словам осматривавшего их Куна, в полуразрушенном состоянии; на них сохранялись тогда разноцветные изразцы орнаментов и надписей. Лежащий вблизи Шахрисябза *г. Китаб* (верстах в 9) также богат развалинами старого города Китаба**).

Дальше на юго-восток от этой прямой линии *Керки-Шахрисябз*—целый ряд древних городов и больших населенных пунктов. До последнего времени поддерживавшиеся и сохранявшие всю прелесть средневековья внушительные цитадели Керки, Гисара, Ширабада, Байсуна, Кубадиана и друг. городов на путях из равнинной Бухары в горную, сам по себе интересный *г. Файзабад* на Кафирнаган-Дарье (домонгольский *Вашгирд*, по величине не уступавший Термезу), более бедные «курганы» в горах Каратегина и Дарваза, интересные и стильные замки и крепости Рошана, Шугнана и Вахана, эффектно вырисовывающиеся на окружающем горном пейзаже с заоблачными высями, надписи на скалах, огромные курганы—остатки древних городов, искусственные

*) Их, кажется, единственное воспроизведение – в акварельном альбоме Б. Н. Литвинова, хранящемся в Туркестанской Государственной Библиотеке.

**) Даже поверхностные археологические разведки студента Маджи в 1924 г. обнаружили в этих развалинах присутствие, повидимому, очень древних остатков весьма тонкой терракотовой цветной стеклянной посуды, железных вещей и т. п. Тем же лицом был констатирован грустный факт крайнего разрушения и запустения исторических памятников Шахрисябза за последние годы

пещеры и проч. бесчисленные следы бывшей здесь когда то жизни развертывают перед нами целую археологическую панораму, пока никем не обследованную ни в общем, ни в частностях. Особенно интенсивное скопление развалин наблюдается ближе к р. Аму-Дарье, в той прилегающей к ней местности, что лежит в низовьях Кафирнаган-Дарьи, и в той, что когда то входила в состав древнего *Хутталя* или *Хатлана* (т. е. между р. р. Вахшем и Ях-Су). Если современный Куляб ничего не представляет по внешности интересного в археологическом отношении, если за ним по Кызыл-Су расстилается безотрадная бухарская равнина, где зрительно ничего не говорит о предполагаемой здесь столице Хатлана, *г. Хульбук'е*,—то тем ярче выступают следы прошлого ближе к берегам Аму. У большого селения Сарай (в 202 верстах от Термеза вверх по Аму-Дарье) всюду видны следы заброшенных поселений и оросительных каналов, а в 2-х верстах от Сарая—большой курган *Мурза-Тепа* со следами старого города или крепости; по его склонам-современные кладбища. Верстах в 16 отсюда обращают на себя внимание *развалины г. Файзабада*; большой насыпной холм (вероятно, цитадель) виден издали за несколько верст, на верху его и по склонам масса глиняных черепков, при небольших раскопках сверху наталкиваешься на слой пепла и мелких углей. Вокруг этого бугра и дальше по реке—невысокие холмы, правильное расположение которых напоминает улицы; в дождевых размывах порой видны кладки из жженого кирпича, встречается много черепков битой посуды. По дороге к г. Кубадиану, к северу от переправы через Вахш, у туркменского селения Джилли-Куль, лежат значительные развалины *Утен-Кал'а*, а еще выше, верстах в 25 к юго-западу от Курган-Тюбе, на берегу Вахша, находятся развалины старинной крепости *Легман* с остатками тройного ряда окружавших ее стен. Широко раскинувшийся современный *г. Кубадиан*, лежащий вблизи уже упоминавшихся нами развалин Кайкубада (по дороге из Кал'а-и-Хума в Кубадиан), так же, видимо, богат остатками прошлого: в саду «Ильчи-Хона», что вблизи мощной Кубадианской цитадели, даже при поверхностном раскапывании почвы попадаются разнообразные куски глиняной поливной посуды с арабскими надписями, цельные глиняные лампочки, детские игрушки и т. п. Несколько выше Кубадианской переправы через Вахш — развалины *Баш-Чарбаг*, а в 30—40 верстах от Кубадиана, рядом с селением

Туркмен,—хорошо сохранившиеся остатки не то крепости, не то большого замка—рабата, *Бишкенд*'а. Его высокая толстая стена на большом кургане видна далеко издали; вокруг ее глубокий ров с остатками воды. Через полуразрушенные внушительные ворота проникаешь внутрь стен,—там обширные дворы и переходы, валяется большая и гладкая каменная колонна с отлетевшею капителью. Куполообразные дома в 1898 г., когда я был в Бишкенде, все почти были настолько хорошо сохранившимися, что при небольшом ремонте в них можно было бы жить; большинство из них внутри были отлично выштукатурены, имели богатую лепную орнаментацию по стенам и небольшие изящные камины с лепными решетками; всюду лежал настолько толстый слой мусора из перегнивших и полусожженных тканей, пепла, черепков посуды и проч., что он на значительную высоту заполнял в домах полы, а вне их—все пространство между домами и стенами крепости. Нигде не видно ни надписей, ни изразцов. На запад отсюда, верстах в 35—38, огромные развалины *Хатун-Рабат* со стенами, с башнями, цитаделью и разными постройками, где немало находят монет, терракотовых статуэток, гемм и проч. предметов; в их районе—огромное, верст в 6—8 длиною, пространство, все сплошь усеянное черепками самой разнообразной глиняной посуды как по технике выполнения, так и по орнаментации. Последующая местность до самого Термеза представляет то плодородные места, то пески, где опять встречается целый ряд развалин, опять попадаются обширные пространства, усеянные черепками глиняной и частью фарфоровой посуды, последняя китайского происхождения и, судя по надписям, есть, видимо, и ранней мусульманской эпохи. Развалины значительного, с крепостью, города находятся также у поста Айвадж, в 14 в. от Термеза. Перед современным укреплением *Термез* и прилегающим к нему селением Патта-Кисар—целое мертвое царство заброшенных городов и поселений вперемежку с современными кишлаками и полями. Площадь, занимаемая этими развалинами—десятки кв. вер.; почти все развалины относятся к древнейшему из средне-азиатских городов, Термезу, характеризуя наиболее выдающиеся этапы его исторической жизни. Ближайшие к Патта-Кисару развалины, где находится обширный склеп-усыпальница владетельных термезских сейидов (*Султан-Садат*) со следами майоликовой облицовки, с мечетью, с комнатами, полными низких надгробий, с обширным двором,—

принадлежат, вероятно, к послемонгольскому Термезу. Верстах в 5 от этих развалин, вниз по Аму-Дарье, лежит вторая группа развалин настолько засыпанных жженым кирпичем, что местами по ним затруднительно проехать верхом, кое-где кажутся очертания и остатки стен, как будто разобранных до земли и сравнявшихся с ее поверхностью. Эта часть занимает возвышенность, вплотную примыкающую к реке и видную за 10—12 верст. За крепостной стеной, с башнями и бойницами из жженого кирпича, местами сохранились нижние части зданий с арками, спуски под землю, колодцы, обложенные кирпичем. С башни превосходный вид на северную и северо-восточную часть горизонта, где всюду, насколько хватает глаз, вырисовываются в туманной дали очертания куполов, башен, стен и т. п. Остатки кирпичных башен и других сооружений замечаются в этом месте и в водах Аму-Дарьи. В северо-западном углу этой возвышенности находятся остатки древнего здания, где помещается саркофаг многоученого суфия Абу-'Абдуллы Мухаммед-бен-'Али-Хеким-и-Термези'я (ум. в 255/869 г.). Саркофаг длиною в полторы сажени и вышиною в сажень и сделан, по словам И. Т. Пославского, из белого мрамора, а по словам проф. И. В. Мушкетова—из мраморовидного известняка; он представляет одно из самых красивых надгробий во всей Средней Азии, так как камень такой белизны и тщательность работы покрывающих его узоров и надписей такова, каких нигде здесь нет. В этой местности, повидимому, был Термез разрушенный монголами, так как, по словам арабских географов, город этого времени лежал на берегу Аму. Приблизительно, в версте от этих развалин, у реки, находится огромная возвышенность, хотя и без видимых остатков прошлого, но по неровностям, разбросанным правильными рядами, видно, что этот колоссальный бугор, несомненно, скрывает в себе не мало интересного. Отсюда же очень хорошо виден покрытый зеленью большой продолговатый остров на Аму-Дарье, называемый туземцами „Арал-Пейгамбар», на котором, как говорят, находится большая старинная мадраса-ханака, пока никем не описанная (здание видно в бинокль с берега).

Лежащий в устьи Аму-Дарьи *Хивинский оазис* является одною из древнейших населенных местностей Средней Азии, искони известной под названием *Харезм*'а, с господствовавшим в нем арийским населением, говорившим особым языком, имевшим свою письменность и достигшим высокого культур-

ного развития. Хорезм рано подвергся воздействию турецких народностей и ныне от былой арийской культуры у населения почти ничего не осталось, хотя вещественные памятники этой культуры в земле, несомненно, должны существовать и археологические раскопки в некоторых местностях, вероятно, дали бы много важных открытий для неизвестного нам прошлого этой страны. Археологу не придется здесь спускаться далеко в глубь земли, т. к. уровень поверхности последней в Хиве мало изменился за историческое время и вся глубина слоя почвы полтора—два аршина, дальше уже идет подпочвенная вода. Только в некоторых местах, например, от Дарган-Ата до устья Палван-Арыка, мощная толща лессовой равнины выдается террасой над низменным прибрежьем (так называемыми *тугаями*), но на этих возвышенностях населенные места могли возникнуть лишь в виде исключения. Вся жизнь поэтому сосредоточилась в низменности дельты и вдоль берегов реки. Лишенный возможности, вследствие близости подпочвенных вод, углубляться в землю, хивинец или харезмиец употребил все старания, чтобы подняться над ее поверхностью. Древнейшие постройки оазиса поэтому представляют громадные валы из глины, окружающие четыреугольное продолговатое городище. Вследствие вынутой земли вокруг таких городищ образовались низменности, наполняющиеся водою и образующие род озера, при чем самая крепость в таких случаях становилась островом. Таковы г. г. *Хазарасп и Бадрикент*. Кроме их самыми древними местами поселений, по местным показаниям, на левом берегу Аму считаются: *Шахарлык* и *Адак* близ Усть-Урта, к юго-западу от Аральского моря, *Измухшир*, лежащий на самом старом и самом западном русле Аму-Дарьи, называемом здесь «Дауадан» или «Куня-Дарья», *Шахсенем*, верстах в ста от Измухшира, на запад в пустыне, *Кунград*, *Куня-Ургенч* (около него *Мазлум-Хан-Сулу*), *Кят* (выселок из древней столицы страны, Кята) и *Дарган-Ата*. Одной из наиболее сохранившихся крепостей является *Шахсенем*, лежащая в совершенно безлюдной местности, за ее громадными стенами сохранились некоторые здания. Столь же громадные стены, тянущиеся неровной линией, сохранил и *Измухшир* с своими круглыми и четыреугольными башнями и выступами, расположенными на валу из плотной глины. Крепостная стена состоит из двух частей: нижнего массивного лессового вала и построенной на нем стены из сырцевого кирпича громадной толщины. Длина крепости более 500 шагов,

ширина—около 300; ворот двое: с юга и с севера. Внутренность крепости представляет неровную поверхность с холмами и возвышениями; везде масса осколков фарфоровой, фаянсовой, глиняной и стеклянной посуды; мелкие, как могилы, холмики представляют следы систематических раскопок поселившихся вблизи туркмен. Случайно приобретенные в Измухшире в 1907 г. А.Д. Калмыковым мелкие вещи из таких «старательских» раскопок относились к мусульманской эпохе и, повидимому, к парфянскому и сасанидскому периодам. *Бадрикент* (на картах *Батыркент*) представляет крепость на острове, окруженном водою; окружность стен снаружи—1500 шагов при длине в 400 шагов и в ширину больше 200; с северной и южной стороны ворота; внутри крепости несколько холмов. Даже поверхностные раскопки обнаруживают остатки угля, что указывает на следы пожара, уничтожившего здания; местами в земле обнаруживаются кирпичные кладки. *Хезарасп* считается хивинцами одним из самых древних городов и хотя и лежит среди сильно заболоченной и нездоровой местности, но жизнь в нем до сих пор бьет ключем. Главною его достопримечательностью является его цитадель, расположенная на острове (с северной стороны его вода, впрочем, высыхает); вокруг ее, повидимому, очень старые стены, пространство между которыми застроено улицами и базарами. Вход в цитадель через единственные ворота на южной стороне («Дарваза-и-Пашеб» или «Дарваза-и-Миршаб»), защищенные башнями и укреплениями; цитадель имеет около 200 шагов в длину и около 400 в ширину. Налево от входа—новая мадраса, построенная на возвышении, что, видимо, указывает на то, что под ним находится фундамент более старого здания; рядом дом казия, в нем и в мадрасе—каменные основания для деревянных колонн, взятые из другого места. Прямо против входа—пустырь, здесь остатки дворца или павильона, построенного в XIX в. ханом Рахман-Кули'ем; он довольно оригинален и передняя часть его облицована блестящими синими изразцами с белой орнаментацией. По местным рассказам постройка была сделана бухарскими и кокандскими мастерами. Осматривавшего дворец в 1892 г. И. В. Аничкова он поразил своею красотой: издали он казался «как будто кружевным и сделанным точно из фарфора; части его очень пропорциональны и вся постройка указывает на большое искусство мастера». Против дворца вход в какое то засыпанное подземелье, куда никто из хивинцев не решается спуститься из боязни обитающего там

дива (все вообще сооружения старой крепости приписываются дивам, соорудившим ее по приказанию Соломона). Густо заселенная местность вокруг Хазараспа изобилует старыми кладбищами с большими, хорошо сохранившимися, надгробными мечетями. *Куня-Ургенч* (старый Ургенч, древний *Гургандж*)—столица Хорезма до второй половины XII в. Остатки старого города, который путешественник XIII в. Якут считал самым обширным и богатым из виденных им городов Востока, занимают огромное пространство и состоят из бугров, куч мусора, обломков кирпичей и изразцов. Сохранилось несколько пострадавших от времени зданий и два полуразрушенных минарета, когда то покрытых изразцами. Восточный (больший) минарет высотою до 30 сажен при 10 саженях в основании; на половине высоты остатки опоясывавшей его голубой куфической надписи; внутри—лестница в 140 ступеней ведет наверх, откуда открывается необ'ятная панорама оазиса. Судя по найденной здесь в 1900 г. свинцовой плите, минарет построен в 401/1010—1011 г. хорезмшахом Абул'Аббас-Ма'муном II. Большого внимания также заслуживает мечеть Тураб-Ханым, украшенная изразцами и повитая одной из загадочных легенд Хивы. В версте от минаретов (в пределах современного населенного Куня-Ургенча) находится мечеть-мавзолей знаменитого хивинского шейха Наджм-од-Дни-Кубра (по хивинскому произношению «Кубера»), убитого монголами в 618/1221 г. Здание сооружено по приказанию Тимура самаркандскими мастерами; в нем—два памятника: прекрасная изразцовая гробница и четыреугольная, изразцовая же, колонна в сажень высотою, поставленная по преданию, на том месте, где упала срубленная голова Наджм-од-Дина. Расположенная вблизи бухарской границы, на естественной возвышенности, старая крепость *Дарган-Ата* представляет продолговатый четыреугольник шагов 250 в ширину и около 320 в длину; с востока и запада в нее ведут ворота. Внутри крепость разделена стеной и представляет почти ровную площадь с сильно сглаженными буграми, на самом высоком из них (в западной части)—следы угля и виден из под земли помост из красноватого обожженого кирпича. У подножия крепости в начале этого столетия был обнаружен подземный ход с остроконечным кирпичным сводом, но, оставшись совершенно необследованным, он был засыпан землею. Крепость и город, лежавший у ее подножия, повидимому, тождественны с тем городом, который посетил Якут в XIII в. Вне крепости мечеть с высоким фронтоном и островерхим куполом, построенная Мад-Амин-ханом в прошлом столетии, в рядом лежащем с нею куполообразном мавзолее—старые могилы некоторых исторических лиц и святых. В X в. Дарган-Ата считался самым большим городом на левом берегу Аму-Дарьи после гуранджа (Ургенча); в нем была лучшая в стране соборная мечеть с предметами, украшенными позолотой и драгоценными камнями; кругом тянулись виноградники и экспорт изюма в другие места был весьма значителен. Безчисленные остатки древней жизни в виде совершенно необследованных развалин городов, крепостей, башен, рабатов, мазаров и т. п. встречаются не только в дельте Аму-Дарьи, но и идут далеко выше ее, вплоть до самых бухарских пределов, заканчиваясь наиболее внушительною среди ближайших развалин заброшенною крепостью *Дая-Хатын* (в 30 верстах от бухарского г. Кабаклы). Построенная из жженого кирпича на высоком берегу, обнесенная рвом и двойною стеною с башнями по углам, она очень хорошо сохранилась.

На правом берегу реки, по дороге в Чимбай, в 30 в. от Дорт-Куля (Петро-Александровска), лежит селение Шейх-Аббас-Вели, вблизи которого когда то находилась великолепная и вместе с тем грязная столица древнего Харезма *Кят*, существовавшая еще в доисламскую эпоху. В ней была цитадель, окруженная тройною стеною, над которой возвышался дворец хорезмшахов, видимый на расстоянии более 2 верст. В настоящее время подле гробницы Шейх-Аббас-Вели сохранились остатки старой городской стены и некоторых построек. Среди других остатков старых городов, крепостей и местечек, которыми усеяны все пески, прилегающие к восточной окраине культурной полосы правобережья, едва ли не самыми значительными являются развалины *Гульдурсун-Кал'а*, среди песков, по дороге от Дорт-Куля на колодцы Куба. Площадь с остатками построек и с цитаделью окружена очень толстою стеною и занимает около 12 кв. верст; всюду видны следы оросительных каналов. Судя по находимым монетам и посуде, город существовал и при арабах.

Современным главным городом Хивинского оазиса, *Хивою*, приходится закончить этот краткий перечень памятников прошлого древней страны. Принадлежа к числу старинных городов, Хива окружена глинобитной полуразрушенной стеной (длиною около 70 в.) с башнями и бойницами. Из архитектурных памятников заслуживают внимания: главная соборная мечеть Палван-Ата, построенная в 1811 г. Мухаммед-Рахим-

ханом над прахом высокочтимого хивинского святого Палван Ата (шейх Махмуд-бен-Пир-Яр-Вели, ум. в 716/1316—17 г.), здание построено из жженого кирпича и украшено цветными изразцами, в нем находятся гробницы некоторых ханов, и мечеть и мадраса Мад-Амин-хана с громадным, в голубых изразцах, недостроенным минаретом, имеющим 72 шага в окружности и в вышину около 25 саж. Множество древних могил и небольших остатков памятников минувших эпох разбросаны по всему городу.

В заключение нельзя не высказать крайнего сожаления, что если вообще в Средне-Азиатских советских республиках до сих пор не осуществлен подробный «учет» памятников старины, то в Хивинском оазисе вопросы археологической регистрации безнадежно неподвижны и, вероятно, подробное археологическое обследование этого интереснейшего и древнейшего очага арийской культуры дело только отдаленного будущего*).

*) Заканчивая эту статью, не могу не выразить своей глубокой признательности академику В. В. Бартольду, не отказавшему прочитать ее в рукописи и своими ценными замечаниями способствовавшему устранению некоторых в ней недосмотров.

По этнографии таджиков.

Некоторые сведения[1]).

М. С. Андреев.

Таджики являются народностью, входящей в состав обширной иранской группы, принадлежащей к арийской ветви семьи индо-европейских народов. Некоторыми этнографами они определяются, как восточная часть персидского народа—персиян, персов, самого многочисленного среди иранских народов, делящегося в географическом отношении на три основные группы. По определению Деникера, «если, придерживаясь приблизительно границ теперешней Персии, проведем линию от Астрабада к Иезду, то, на восток от нее, найдем *таджиков*, на запад *хаджеми* (между Тегераном и Исфаганью[2]) и *парсов* или *фарсов* (между Исфаганью и Персидским заливом)»[3]).

Таким образом таджики, самые древние известные нам засельники Средней Азии, даже после нашествий ординоземных завоевателей, истребивших или ассимилировавших иранский элемент на значительном пространстве Средней Азии или оттеснивших его в горы, до сих пор еще занимают значительную площадь в Средней Азии. Самые крайние, наиболее выдвинувшиеся на север таджикские селения расположены по системе р. Чаткала (верховья р. Чирчика, Ташкентского уезда), из которых селение Бискан, лежащее под 42° с. ш., является самым крайним предельным пунктом выдвижения таджиков вообще на север в настоящее время. Приблизительно только на полградуса южнее этого, в предгорьях той же горной си-

[1]) Помещаемая под этим заголовком статья была написана мною в виде начала для предположенного к помещению в сборнике „Таджикистан“ краткого этнографического очерка таджиков. Не будучи в состоянии закончить к сроку, чтобы не задерживать печатание, помещаю написанное, не теряя надежды, если представится возможным, закончить свой „очерк“ в следующем выпуске „Таджикистан“. Автор.

[2]) Очевидно из

[3]) Деникер, Человеческие расы, пер. с франц. Е. Ранцова, СПБ, 1902, стр. 502.

стемы, сохранились самые северные таджикские селения в Фергане, лежащие, среди окрестных народностей, говорящих на тюркском языке, как и отдельные небольшие группы таджиков Ташкентского уезда. В восточном направлении самыми крайними аванпостами таджиков, тоже несколько выдвинувшимися вперед от главного ядра, являются одинокие селения, повидимому, ваханцев, или сарикульцев, встречающиеся на северо-восточном склоне Гималаев, в той части, где этот могучий горный хребет подходит к своему соединению с восточным концом Гиндукуша. Что же касается границы южного распространения таджиков, то определить ее представляется труднее. Пространство, почти сплошь заселенное таджиками, простирается к югу от Туркестанского хребта и прилегающей части Алайского, доходит до верховьев р. Аму-Дарьи (р. Пянджа) и на некоторое расстояние продолжается и по прилегающей афганской территории, главным образом по Восточному Бадахшану, занимая здесь северные склоны восточной части Гиндукуша и населяя его долины. В одном только Афганистане, по скромному подсчету английского газеттира, таджиков насчитывается около 900.000, занимающих первое после афганцев место по численности среди народностей, входящих в состав этого государства[1]).

Между прочим, таджиков много также и в составе Герат-ской провинции Афганистана. К югу, или точнее, к юго-востоку от Гиндукуша таджики, снова начинающие идти вкрапинами среди других народностей, встречаются по мере приближения к индийской границе все реже и реже, хотя таджикский элемент, видимо, довольно значительно ощущается еще в кабульском округе. По достижении индийской границы, как можно предположить, таджики почти совершенно исче-

[1]) Официальный английский газеттир по Индии (Imperial Gazetteer of India, Calcutta, 1908) в описании Афганистана, базируясь на других работах по этой стране, исчисляет все население Афганистана приблизительно между $4^1/_2$ и 5 миллионами. Однако близко наблюдавший Афганистан Тэт (C. P. Tate) в своей книге „Tne Kingdom of Afghanistan", Bombay, 1911, основываясь на наблюдениях сеистанской комиссии в 1904 г., считает все население Афганистана в 12,000,000. Последнее до некоторой степени подтверждается еще тем, что хорошо знавший свою страну и в общем очень практичный Абдуррахман-Хан мечтал о том, чтобы накопить в Афганистане оружие для одномиллионного афганского ополчения, которое он мечтал поднять в случае нашествия сильного внешнего неприятеля—план, могущий, конечно, быть построенным только при принятии для населения Афганистана значительно большей цифры, чем $4^1/_2$—5 миллионов. Но если это так, то и приведенную цифру таджиков в Афганистане придется для соответствия с действительностью по крайней мере удвоить, т.-е. следует считать в таком случае общее число таджиков в Афганистане не в 900,000, а приблизительно около 2 миллионов.

зают, хотя признаки их присутствия местами неподалеку от границы можно все же видеть в отметках, наприм. на английской карте Восточного Нинграгара (под 34° 5. с. ш. и 70° 35' в. д.)[4]). В прилегающей дальше за пограничной чертой полосе Индии таджиков уже нет, но между юсуфзаями Пешеверского округа, напр., таджики, видимо, уже подвергшиеся ассимилированию с окружающим патанским населением, но сохранившие среди строго наблюдающих за родословной патанов и свое племенное название, хотя и изредка, но местами все же попадаются.

Как мельком упомянуто выше, таджики являются древнейшими известными засельниками Средней Азии, где иранский элемент занимал когда то доминирующее положение. На громадном пространстве, покрываемым теперь Северным Афганистаном, Закаспийской областью (по последнему переопределению—Туркменистан), Хорезмом, Бухарскими владениями, Западным и даже Восточным, т. е. Китайским Туркестаном, далеко продвигаясь на восток по последнему,—пространстве, примыкавшем непосредственно и сливавшимся с теперешней Персией, жили различные иранские народности, уцелевшие остатки которых, в тех случаях, когда они продолжают говорить еще на иранских наречиях, известны в Средней Азии в настоящее время под общим именем таджиков. Мировая культурная роль этих предков теперешних таджиков очень велика и определяется Лауфером следующим образом:[5])... «Мы знаем, что иранские народы покрывали когда то необ'-ятную территорию, простиравшуюся через весь Китайский Туркестан, переселялись в Китай, вступали в сношения с китайцами и оказывали глубокое влияние на народы другого происхождения, в особенности на тюрков и китайцев. Иранцы были великими посредниками между Западом и Востоком, передавая наследство эллинских идей в Центральную и Восточную Азию и препровождая ценные растения и произве-

[4]) „The Second Afghan War 1878—80. abridged official account". London, 1908, p. 60 (карта № 3).

По сведениям индийского газеттира (Оксфорд, 1908, т. XVI. стр. 150) таджикское население имеется даже в округе Лаш-Джувейн, граничащем с Гамуном р. Гильменда, т.-е. доходит на юг в этой части Афганистана до 30° с. ш. Здесь таджики проживают вместе с коленом shakzai афганского племени дурани, составляющим преобладающее большинство.

По словам Bellew „таджики распространены по всему равнинному пространству Афганистана—от Герата до Хайбера и от Кандагара до Оксуса" (The Races of Afghanistan, Calcutta, 1880, стр. 110).

[5]) Berthold Laufer. Sino-iranica, Chicago 1919.

дения Китая в средиземноморскую арену. Их деятельность имеет мировое историческое значение, но без записей китайцев мы не могли бы вполне охватить положение».

Последовавшие волны нашествий иноземных завоевателей, накатывавшиеся от времени до времени на Среднюю Азию, видимо, всегда являвшуюся перекрестком больших дорог, через который проходили переселения народов, крайне гибельно отразились здесь на аборигенах-иранцах, уничтожая их, ассимилируя с завоевателями или загоняя их уцелевшие и спасающиеся остатки в труднодоступные для завоевателей горы, не манившие к тому же завоевателей отсутствием накопленных там богатств, в противоположность богатым большим пунктам равнинной оседлости.

Очень характерным в этом отношении указателем для определения характера захватных интересов завоевателей является также то, что таджики живут, т. е. оставлены жить в настоящее время только там, где *не имеется больших хороших пастбищ*. Последними, естественно, стремились завладеть кочевники-завоеватели.

Но самым убедительным и красноречивым источником, свидетельствующим перед внимательным взором об исторических превратностях таджикской судьбы, является карта расселения таджиков в настоящее время. Уже при первом взгляде, хотя бы на приложенный при этом набросок частей бывшей Сыр-Дарьинской, Ферганской и Самаркандской областей, видно, как отдельными островками, оазисами, прижавшись к горам, сохранились таджики в окрестностях тех равнинных районов, где они существовали еще при монгольском нашествии, каковы, наприм., долина р. Чирчика, носившего в старину за свое быстрое течение таджикское название «Парак»—«Летящий», р. Ангрена (тадж. «Ахангяран»—«Кузнецы»), где монголы из одного только разрушенного города Бинакета, находившегося при впадении р. Ангрена в Сыр-Дарью, увели, по свидетельству историка Джувейни[6]), 50.000 таджиков на осадные работы против Ходжента, а также др. места, не исключая и теперешнего г. Ташкента и его окрестностей, где старые названия каналов в ирригационной системе, имена различных пунктов и урочищ ясно говорят о былой таджикской культуре.

Самыми первыми пунктами, населенными таджиками на

[6]) Любезно указано мне В. В. Бартольдом.

равнинах в сев.-восточном направлении, являются большое селение Хавас (около узловой станции того же имени, где сходятся ж. д. пути из Ташкента, Самарканда и Ферганы, бывш. ст. Урсатьевская) и гор. Ходжент с его окрестностями. Еще живы старожилы, которые помнят остатки таджиков, проживавших на их памяти в Бисценте (большое селение на прямом колесном пути из Ташкента в Ходжент), но в настоящее время таджиков там уже нет. За этими выдвинувшимися вперед аванпостами, главным образом к югу и к востоку от них, начинают попадаться в разных местах, окаймленные населением, говорящим в настоящее время на тюркских диалектах, таджикские селения Ура-Тюбинско-Ферганского района, встречаясь от времени до времени или в одиночку или группами—последние больше в предгорьях. Это сохранившиеся длинной полосой, вытянутой здесь с востока на запад вдоль сплошного таджикского пространства, следующего далее на юг (к югу от Туркестанского хребта) сохранившиеся до наших дней разбросанные кусочки, являются остатками того, когда-то сплошного и здесь иранского населения, бывшего значительно более многолюдным именно здесь в равнинах—сплошного подобно тому, которое уцелело непрерывной полосой теперь только дальше в горах, способных прокормить только редкое население.

Глядя на это пространство, можно сказать, что была битва, длившаяся долгие столетия и не замершая окончательно и теперь (ассимилирование таджиков местным населением, говорящим наречиями тюркского языка, еще продолжается) и вот ее результаты:

Иранское протяжение на равнинах в смысле сохранения языка сметено с поразительной силой. В равнинах уцелели только наиболее сильные центры таджикской жизни в виде больших городов Самарканда и Бухары, а далее на юго-восток, возможно, подвергшись меньшему напору завоевателей, остались оазисами примыкающие географически к сплошному в настоящее время таджикскому пространству равнинные и предгорные пункты Ферганы—Ура-Тюбе. Последний существовавший этап прямой связи между иранским пространством Туркестана и Бухары, с одной стороны, и Хоросана и Персии, с другой, а именно, древнейший иранский оплот в Мерве был разрушен сравнительно недавно (в конце XVIII в. и в нач. XIX в.) бухарским эмиром Маасумом, переселившим остатки его жителей в Бухару и Самарканд

и, в силу этого, очистившим данную территорию для последовавшего занятия ее туркменами (сарыками в 1790—91 г. и теке в 1834)[7]). Таким образом связь между иранцами Туркестана и Бухары, с одной стороны, и Персии, с другой, сильно ослабленная и до того, благодаря религиозной розни, была еще более уменьшена и географически.

Рассматривая и теперь еще широко раскинувшуюся общую массу таджиков, естественно приходится остановиться подробнее при этом над вопросом—что именно определяет собою слово «таджик» в этническом отношении? Не останавливаясь над различными и в общем, видимо, недостаточно убедительными об'яснениями значения самого слова[8]), можно отметить некоторую неравномерность в толковании того, кто именно таджик и кто не таджик в различных местах Средней Азии.

Обычно население Бухары и Туркестана, говорящее на тюркских языках, называет в настоящее время таджиками коренное население Средней Азии, которое говорит иранскими языками (диалектами), безразлично—будет ли это диалект персидского языка или, напр., одно из неперсидских иранских наречий верховьев Пянджа. Житель Хорасана и пухтун-афганец, напр., одинаково будут исключены из этой рубрики—первый, как «ирани» или «персиян» (последн. уже заимствовано с русск.), второй, как «афган», хотя афганский таджик останется в их глазах все же таджиком. Что касается самих таджиков, то такой общности в определении у них не наблюдается.

Начать с того, что, как приходилось наблюдать в верховьях Пянджа, тамошнее население, говорящее *неперсидскими* наречиями, таджиками склонно называть (напр., в Шугнане, Рушане) *только себя*, считая, напр. соседей дарвазцев, как и прочих, говорящих диалектами персидского языка, как «порсигуй» (فارسی گوی), т. е. «*говорящие по персидски*»[9]). В другом

[7]) Данные, касающиеся этого периода, имеются в прекрасном исследовании покойного В. А. Жуковского ,,Развалины старого Мерва'', МАР № 16, СПБ., 1894, а также у В. В. Бартольда в его статье ,,К истории Мерва'' ЗВО. т. XIX, 115—138 и 0218—0219 и в его капитальном вкладе в ирановедение—,,Историко-географический обзор Ирана", СПБ., 1903.

[8]) Об'яснения слову ,,таджик'' см., напр., в обширном ,,примечании'' Ханыкова, приложенном к сделанному им на русский язык переводу Риттирова ,,Ирана'' (СПБ, 1874)—стр. 507—520, а также в их современном освещении, в помещаемом одновременно историческом очерке В. В. Бартольда.

[9]) Последнее определение также совпадает и с определением значительной части самих таджиков, говорящих на персидском языке: в Афганистане, по словам английских исследователей, таджики сами себя называют парсиванами (فارسی بان)

случае, а именно с Ягнобом—небольшой горной страной, расположенной по одному из притоков р. Зеравшана, жители которой говорят особым языком, считающимся остатком древнего согдийского,—дело обстоит наоборот. Соседи ягнобцев, говорящие на диалекте персидского языка (фальгарцы, матчинцы), называют таджиками только себя, а ягнобцев называют гальча[10]), наделяя их этим именем, обычно, заглазно, чтобы не оскорбить, т. к. это название считается обидным. Ягнобцы сами тоже признают своих соседей за таджиков, определяя себя, как «ягноби», т. е. «ягнобцы» и, видимо, отделяя себя от таджиков.

Население Ходжентского района, лежащего на равнине, составляющей вход в Фергану, и говорящее на диалекте персидского языка, обычно себя называет тоже таджиками, но среди стариков, пишущему приходилось натыкаться на следы старого определения, сохранившегося в исчезающих воспоминаниях, что они *сарты*, а что касается их языка, то он таджикский. Настоящими же таджиками они были склонны считать горцев (напр., в Матче, Дарвазе).

В последнем случае мы находим любопытное подтверждение не раз отмечавшимся указаниям, что раньше, в старом употреблении, слово сарт обозначало население, говорившее на таджикском языке и, видимо, скорее таджиков горожан, равнинных таджиков[11]). Этим об'ясняется, почему «сарты»,

[10]) Слово ,,гальча'' обычно широко употребляемсе ориенталистами и этнографами для общего обозначения горных таджиков, самими таджиками, видимо, применяется редко и только в очень ограниченных районах и вряд ли оправдывает в этом отношении его широкое применение европейцами. В довольно многих местах, и в горах (наприм., в странах по Пянджу) и на равнине, таджикское население не употребляет и не знает этого слова. В Туркестане и Бухаре более всего, видимо, оно применяется самаркандцами—для обозначения горцев верховьев Зеравшана.

[11]) Напр., Бабур, говоря о том же ходжентско-уратюбинском районе, а именно, о селении Дих-Кят, лежащем на северном склоне Туркестанского хребта, неподалеку от пер. Обурдан, говорит: ,,его население, хотя и сарты, живут в селении, но являются владельцами стад и пастухами, подобно тюркам'' (за не имением под рукой оригинального текста перевожу с англ. перевода A. Beveridge, в. I, стр. 149). Бабур не мог не знать очень хорошо, что жители Дих-Кята были таджики, говорящие диалектом перс. яз., как они остались и *до настоящего времени*.

Подробные сведения о слове ,,сарт'' и его значении в различные эпохи приведены в помещаемой одновременно статье В. В. Бартольда.

Очень любопытным отзвуком старого обозначения слова ,,сарт'' является, возможно, также то обстоятельство, что население верховьев р. Пяндж, т.-е. шугнанцы, рушанцы, ваханцы и др., до сих пор еще между собою, как любезно сообщил мне А. М. Дьяков, говоря о населении равнин Туркестана, обозначает словом сарт безразлично, *как равнинных таджиков, так и ,,сартов'', т.-е. таджиков отуреченных*. Живущих же рядом с ними узбеков верхнепянджцы отделяют и называют ,,юзбак'', т.-е. узбек.

по существу иранцы, таджики, в тех случаях, когда потом подверглись, главным образом в отношении языка ассимилированию с завоевателями, приняли их тюркский язык (отступив и в нем от тюркской гармонии гласных и сохранив в значительной степени свою иранскую фонетику[12]), сохранили свое племенное название. Так как численно масса таких изменившихся в отношении языка равнинных сартов (таджиков в основе) была велика и в Хиве, и в Сыр-Дарьинской обл. и в Ферганe—то, в конце концов, их наречие стало пониматься, как тюркское, а сами они, как народ, говорящий на данном тюркском наречии. С другой стороны, равнинные таджики, сохранившие таджикский язык, вероятно и сами себя почему то называвшие раньше часто сартами, как мы видели из случая с ходжентским районом, постепенно перестали себя так называть, переходя на применение в отношении себя термина *таджики*.

Таджики по районам своего пребывания, а отчасти и по типу могут быть разделены на две категории: на равнинных и горных. В первых, естественно, попадается, сравнительно большая примесь крови позднейших завоевателей, а также, возможно, имеется заметная разница в типах, по сравнении с горными, имеются также свои особые типовые области и между различными равнинными районами, но точно установить это можно только после солидных специальных исследований, чего до сих пор в достаточной степени сделано не было. То же самое может быть сказано в значительной степени и относительно горных таджиков. Благодаря лучшему сохранению в них арийской крови горные таджики в общем, сравнительно, больше совпадают с типами европейских народов, чем равнинные. В особенности в этом отношении часто поражают горцы верховьев Пянджа, среди которых нередко попадаются лица, которые в переодетом виде совершенно свободно могли бы сойти за европейцев и, скорее, за германцев и других европейцев севера. Встречаются типы, приближающиеся на вид к народностям Кавказа (к осетинам и др.). Высокого роста, стройные, часто с рыжеватой или русой бородой, с карими глазами (следует все же отметить, что преобладают больше черные или темно-русые волосы и темно-карие или черные глаза), с светлым цветом кожи, они в особенности выделяются своими физическими расовыми особенностями при

[12]) Как выяснено Е. Д. Поливановым.

сравнении с окрестными кочевниками киргизами. В общем же следует отметить, что грани между различными племенами таджиков в Средней Азии в смысле разницы в типовом отношении не разработаны и точно не установлены[13]), но что такая разница местами существует, показывает то, что сами таджики иногда могут определять по типу принадлежность встречного таджика к той или другой племенной группе.

Равнинные таджики на север и северо-запад от Таджикистана, могут быть разделены для удобства обозначения в главных чертах на «бухарцев», т. е. население Бухары и окрестностей, в такой же форме «самаркандцев», «ура-тюбинцев», «ходжентцев» и, более расплывчиво,—«ферганцев», т. е. на таджиков различных пунктов Ферганы. За отсутствием сколько-нибудь точных данных приходится воздержаться от высказывания мнения о разнице в типах между этими различными районами, хотя трудно отделаться от впечатления о существовании некоторой разницы на взгляд. В отношении же языка, о том же самом, можно говорить более уверенно.

При существующем общем положении, что все таджики принадлежат к иранской филологической семье, таджики Средней Азии, могут быть по своему языку разделены на две части: 1) говорящие наречиями персидского языка—«фарси», «парси» и 2) говоряще языками иранскими, но не персидскими. Последняя категория численно занимает по сравнению с первой значительно меньшее место и географически, видимо, может быть свободно разделена на два тоже очень неравных в численном отношении района. Первый—группа языков или диалектов в верхней части бассейна Аму-Дарьи (Пянджа), при чем в очень небольшом числе и несколько разбросанно отдельные пункты этой группы простираются и дальше в восточном направлении, доходя даже до восточных склонов северо-западного окончания Гималаев[14]).

Вторая группа представляется случайно уцелевшим в виде реликта до наших дней остатком согдийского языка, выраженном в удивительно небольшой в численном отношении группе *ягнобцев* (всего около 1000—1500 душ), расположенной

[13]) Имеется в этом отношении работа С. Д. Масловского „Гальча, первобытное население Туркестана“ (Русск. Антропологич. Журнал, 1901, № 2), но, к сожалению, пишущему познакомиться с ней не удалось за неудачей попыток достать ее в Ташкенте.

[14]) Характеристика этой группы в антропологическом отношении имеется в работе T. A. Joyce—Notes on the Physical Anthropology of Chinese Turkestan and the Pamirs (journal of the Royal Anthropological institute, V. XLII, 1912).

на маленьком протяжении, в глуши трудно доступных гор, по одному из притоков р. Зеравшана—Ягнобу и окруженный со всех сторон пространством таджиков, говорящих наречиями персидского языка[15]).

За неимением точных материалов и систематических исследований трудно судить в настоящее время о мозаике иранских (таджикских) говоров и диалектов Туркестана и Бухары, но приходится отметить, что обычное деление горных персидских наречий на «кара-тегинское», «дарвазское», «матчинское» и др. наречия, т. е. деление по административным организмам или долинам, может не всегда соответствовать действительности. То же самое приходится сказать и относительно равнинных районов. Только подробное обследование систематический разбор, своего рода ститистическая перепись, разных говоров с их отличительными признаками может дать более ясную и точную картину того, что представляют из себя иранские (таджикские) диалекты и говоры Средней Азии. Обычно, касаясь горных стран—напр. Матчи, Каратегина, Гиссарского края и даже маленького Ягноба, отнюдь нельзя говорить об одном «наречии» в каждой из этих стран. В разных местах такой страны, часто довольно прихотливо на первый взгляд, разбросаны различные говоры и даже наречия по отдельным группам селений, а иногда и по отдельным селениям. Настолько разные—возьмем для примера Матчу (верховье р. Зеравшана), что в Верхней и Нижней Матче они даже выходят из общего круга, в данном случае *матчинских* говоров, как групповое название являющихся в целом скорее географическим определением. В действительности, филологически, верхне-матчинские говоры в очень вытянутой в длину Матче приближаются к соседним каратегинским, а нижне-матчинские более разнятся от верхних по сравнению с этим, подходя в свою очередь ближе, напр., к соседним фальгарским (Фальгар расположен ниже по течению Зеравшана, являясь в физико-географическом отношении продолжением той же долины Матчи). Та же картина наблюдается и в соседнем с Матчей Каратегине, отделенном от Матчи массивным горным хребтом и вытянувшемся почти параллельно последней. Напр., нижне-каратегинские говоры с их чрезвычайно усиленным применением уменьшительной частицы «*акь*» («будакакь», «наздікакь» и пр.), конечно, скорее входят в соседнюю гиссарскую группу говоров (район окрестностей Ромита), чем относятся к средне-каратегинским и, тем более, к верхне-каратегинским говорам.

[15]) За самое последнее время выяснено еще существование небольшой группы ягнобцев, недавних (лет 50—60 тому назад) выселенцев из Ягноба, проживающих на южном склоне Гисарского хребта, отделяющего Ягноб от Гисара. Как сообщил мне А. М. Дьяков, их всего четыре селения—Зуман (30—35 домов), Гяроб (10 дом.), Рог (20 дом.) и Кок-Тепе (15—20 дом.). Кроме того имеются еще два селения, населенных наполовину ягнобцами: Лой-Об и Хоронгон. Последние лежат от Дю-Шамбе верстах в 10. Первая группа приблизительно верстах в 50—55. Все эти выходцы между собою говорят по ягнобски некоторые даже сохранили за собой в Ягнобе участки земли. Считаясь с этой группой ягнобцев число всех ягнобцев, повидимому, следует принять приблизительно в 1500—2000 душ.

Но что кажется довольно естественным в горных странах при имеющейся там трудности сообщения и сравнительной отрезанности отдельных групп селений или одиноких селений, значительно более поражает в равнинах. Здесь наблюдается во многих местах тоже значительная разница в говорах, иногда на очень небольшом даже расстоянии. Возьмем для примера Дальянскую волость Ура-Тюбинского уезда, где рассеяно довольно много таджикских кишлаков. Местные жители уверяют, что разница в отношении языка здесь между некоторыми отдельными селениями или группами селений настолько велика, что они по говору могут часто сразу определить, из какого населенного пункта в окрестностях происходит незнакомый им собеседник, часто даже по первым его словам. Как говорят местные жители, на данном пространстве наблюдается совершенно ощутительная разница иногда часто даже между двумя соседними селениями. При наличности подобной разницы в говоре меж близлежащими селениями, расположенными к тому же в равнине, мы должны допустить, что исторический процесс переселений и, в связи с ним, прослоек населения в Средней Азии не прекращался еще в сравнительно очень близкое время, чем только и может быть об'яснено существование такой резкой филологической разницы в соседних селениях на равнине[16]).

Таким образом одновременно приходится отметить, что Средняя Азия, основная часть древнего Ирана, в отношении

[16]) Уже после того как были написаны вышеприведенные строки, вернувшийся из поездки в Ура-Тюбинский район и Ягноб д-р А. М. Дьяков очень любезно сообщил мне, что в Дальянской волости района Ура-Тюбе (т.-е. как раз там, где я, проезжая, обратил внимание на резкую разницу в говорах между некоторыми селениями) имеются четыре селения, заселенных выходцами из долины Ягноб, но не ягнобцами, а говорившими и у себя в долине Ягноба наречием персидского языка. Они переселились в район Ура-Тюбе *сравнительно недавно*. Это как раз подтверждает высказанное предположение и об'ясняет встреченную разницу.

сохранившихся в ней до настоящего времени иранских языков и наречий видимо, представляет собою такую же пеструю картину, как и естественное ее продолжение в Персии, выяснению которого там так много способствовали труды покойного В. А. Жуковского, изданные Российской Академией Наук[17]).

Касаясь всей филологической картины, представляемой иранскими языками и диалектами Средней Азии, приведу следующее распределение их на основные группы, сообщением которого я обязан любезности А. А. Фреймана:

А. Ягнобский язык принадлежит к северной (скифской) ветви иранских языков вместе с осетинским и памирскими из живых—и согдийским, сакским и, вероятно, авестийским—из мертвых. Сравнение ягнобского языка с мертвым согдийским показывает их чрезвычайную близость; следует думать поэтому, что ягнобский язык является прямым потомком согдийского, или же языка, диалектически мало отличающегося от согдийского. В ягнобском языке можно заметить присутствие двух говоров: восточного и западного.

Б. Среди памирских диалектов следует отличать памирские диалекты в тесном смысле этого слова (шугнанская группа); недостаточная исследовательность этих диалектов затрудняет более точную их классификацию. Мунджанский диалект по некоторым признакам может быть сближаем с авганским. Некоторые ученые (Рейхельт, Моргенстиерн) считают предком памирских диалектов сакский язык, памятники которого найдены в начале этого столетия в Хотане.

В. Все северно-иранские языки представляют тесную группу языков, несмотря на географическую отдаленность их носителей ныне: от гор Осетии—до Памира. Близость эта устанавливается как интимной стороной морфологии, так и лексикой.

Г. Таджикский язык представляет собою развитие персидского (южно-иранского яз.), занесенного на север Ирана благодаря культурно-политическому влиянию Персии—на почве местных диалектов с привнесением некоторых особенностей языков народов, позже осевших в данной местности (турецких).

Культура предков и великое историческое прошлое не могли не отразиться на характере таджика и его занятиях, даже по миновании ореола его политической славы. Типич-

[17]) В. А. Жуковский. Материалы для изучения персидских наречий, ч. I.—СПБ, 1888, ч. II и III—Петрогр., 1922.

нейший и усердный земледелец с незапамятных времен, носитель высокой старой земледельческой культуры, он и до сих пор на фоне прочих народов Средней Азии выдается ее утонченностью в местных условиях, а созданные им ирригационные системы, среди которых нельзя не упомянуть о замечательных каризных сооружениях[18]), удивляют видевших одинаково и в Афганистане, и Персии, и в Восточном Туркестане. Принимая во внимание размеры доступной таджику техники и древность первоначальных построек, они поражают своей продуманностью, гениальностью и упорным трудолюбием.

Теми же основами старой культуры об'ясняется любовь таджика к домашней чистоте, уюту, комфорту, к какой то особой приятной и практичной распланировки деревьев кругом своего жилища, в зажиточных семьях часто к разбивке цветника перед домом. Этим же импульсом созданы красивые поэтические, обычно глинобитные, площадки-возвышения, устраиваемые в тени деревьев, на берегу искусственного водоема—(«хауз»)—место для кейфа, летнего отдыха, приема гостей и обычного летнего пребывания обитателей дома в часы досуга, исключая самое жаркое время дня, когда прохлада сохраняется лучше в темных комнатах дома. «Ляб-і хауз-у бог-у шамоль!»... («берег пруда, сад, ветерок»)—идеал обстановки для летнего времяпрепровождения таджика.

Старой же культурой отчасти об'ясняется также склонность таджика к поэзии, создавшая на широком пространстве Ирана не мало поэтов, имена которых известны в мире, любовь к музыке, танцам, к общественности. Таджик любит говорить и очень любит общественные собрания. Это красной нитью проходит на всем строе таджикской жизни, выражаясь ярче всего зимою, когда в распоряжении больше свободного вре-

[18]) Каризы устраиваются в безводной или маловодной местности, где каждый кариз представляет из себя длинный ряд колодцев, идущих обыкновенно по прилегающей к равнине возвышенности, захватывая внутренние водоносные слои земли. Вся линия колодцев, дренирующих почву, соединяется по дну одним общим подземным каналом, выводящим другоценную воду на поверхность равнины для орошения. На подобных каризных системах бывают расположены большие оазисы или существующие только одной каризной водой, как напр., Ханду, Кара-Ходжа Кориз, Сынши, и др. в Восточном Туркестане—первоначальный труд древних иранцев, или имеющие каризные системы в дополнение к ограниченному притоку воды обычного типа, как большие каризные сооружения в Люкчуне, Турфане и др. местах. Головные колодцы, по словам Грум Гржимайло (Путешествие в Западн. Китай, т. I, СПБ., 1896) в некоторых случаях доходят, как в Хандуйских каризах, до сорока сажен глубины. На одну версту кариза приходится в среднем от 100 до 120 колодцев.

мени, не занятого полевыми и садовыми работами и домашними хлопотами. В равнинах—в городах или больших селениях—среди мужчин на зиму подбираются особые клубные товарищества, своего рода артели—«джура», где участники сходятся в определенное время на устраиваемое в складчину угощение или, под предлогом такового, прямо посидеть, покоротать время в веселой компании, где сыпятся шутки, раздаются взрывы характерного дружного хохота, кто-нибудь играет на тамбуре или другом музыкальном инструменте, поют, иногда выступают танцоры, обычно под звуки бубна и пения. Этим же об'ясняется популярность чай-хана, тоже играющих в больших селениях и городах своего рода роль клубов. Даже горцы-таджики, уходя на заработки в равнины и проживая в больших городах и их окрестностях, раз в неделю, обычно по пятницам, собираются своими землячествами вместе и устраивают себе в складчину угощение. Но чаще всего, в более полной старой форме сохранились общественные собрания этих же горных таджиков у себу на родине, по своим селениям. В Дарвазе, Каратегине, Гиссаре, напр., т. е. в большей части теперешнего Таджикистана, в каждом селении при мечети имеется особое общественное помещение, называемое «алау-хона»—«дом огня», т. е. место, где разводят огонь, в которое в определенное время сходятся ежедневно взрослые мужчины селения[19]). Обычно они приходят или утром или вечером, приурочивая свои собрания к совершению соответствующих намазов (молитв). Во многих местах каждый приносит при этом пищу, которая и с'едается при общей трапезе. В Дарвазе (в Ванче) напр., где такие собрания происходят главным образом по утрам, каждый, проснувшись, приносит с собой по лепешке и, после утреннего намаза, устраивается общее чаепитие, после которого все расходятся по своим делам. Зимою, по очереди, сюда же каждый доставляет дрова, топливо, необходимое для разведения общественного костра, вокруг которого сидят, коротая вечера за беседой и шутками, мужчины селения. Днем такое помещение иногда служит школой, где имам находящейся рядом мечети учит сельских ребят. Здесь же устраиваются часто общественные угощения или в складчину, или, чаще, присутствующие с'едают «худоі», т. е. угощение, устраиваемое по тем или иным соображениям с

[19]) В Дарвазе, напр., только такие мечети называются ,,масджід'', т.-е. ,,мечеть'', три которых имеются ,,алау-хона''. При неимении последнего помещения мечеть называется ,,хонако'' (خانقاه).

богоугодной целью, чаще всего, как умилостивительная жертва для удаления или предотвращения несчастья, болезни.

В горных селениях до сих пор еще широко сохранился древний обычай общественного гостеприимства, и прохожий, останавливающийся на ночь в открытом для всех помещении при мечети, обыкновенно бесплатно снабжается пищей поселянами, приносящими ее из своих домов в «алау-хона» или в летнее время на площадку около мечети для того, чтобы с'есть ее вместе с странником, заботливо угощая последнего, чтобы он наелся. Там, где нет общественных домов, прохожий может остановиться, если у него нет выбора, в любом доме селения, так как отказать в гостеприимстве, согласно обычаю, если только нет особых причин, считается неудобным. На этой почве в Матче, напр., местная молва создала жителям одного или двух селений недобрую славу, указывая, что они «*продают*» пищу проезжим, в силу чего за ними установилось насмешливое прозвище «кульча-фрушо», т. е. «продавцы хлебов».

Таджики во многих случаях проявляют большую мягкость характера. В особенности это ярко сказывается в обращении с детьми, где ласкание взрослыми ребенка, в особенности начинающего понимать, подрастающего, поражает посторонних. Но и взрослых детей таджики наказывают мало по сравнению с другими народностями. Мягко также и отношение таджика к женщине, хотя в глуши горных селений при повышенной впечатлительности арийцев-таджиков крайне редко, но бывают случаи самоубийства и, именно, среди женщин, чаще всего на почве преследований мужа. Обычный способ в таких случаях—бросаться со скалы в кипящую внизу реку, закрыв лицо частью одежды. Мрачные черты сурового обращения когда-то со становящимися в тягость стариками при истощении припасов в семье, что случается нередко в годины голодовок в горных селениях, видимо, в настоящее время как и у других народов, отошли в область преданий.

Любовь к цветам, поэзии, пению, музыке, некоторая тщеславность, склонность к нарядам не мешают таджику оставаться человеком дела и очень твердо ходить по земле в житейских вопросах. Обыкновенно он очень сообразителен, быстро и прекрасно ориентируется в обстоятельствах и, благодаря своей живости и практичности, скоро приспособляется к новому для него положению. В городах он настолько же прекрасный ремесленник, посколько—в поле земледелец. И в Афганистане,

и в Туркестане и Бухаре, как показала жизнь, он успешно идет по ступеням административной иерархии и является часто здесь почти незаменимым человеком. Торговля, в соответствующих местностях Афганистана и Туркестана, тоже оказывается совершенно подходящей для него сферой в тех случаях, когда он решает ею заниматься, и отрасли мелкой торговли в особенности процветают в руках таджиков. В более крупных торговых предприятиях ему выступают в виде конкуренции иногда представители других народностей, в Туркестане часто туземные евреи и др.

Сохраняя в тех местах, где они живут, более высокий уровень культуры по сравнению с окружающими их более молодыми расами—узбеками, киргизами, афганцами, хазарейцами[20]), таджики, естественно, менее воинственны и, по мнению описывающих их исследователей, представляют из себя обычно очень мирное население и обладают в меньшей степени воинственным задором, чем их перечисленные соседи. Однако, это не везде, видимо, одинаково и в разных местах возможны исключения. Так, напр., афганские таджики в Исталифе (расположен в 30 верстах к северу от Кабула) пользуются довольно неожиданно, по словам англичан, репутацией одного из самых буйных элементов в стране. Они славятся также, как лучшие солдаты-пехотинцы в Афганистане и являются здоровым к красивым народом, любящим спорт и войну[21]).

Женщина среди таджиков занимает в действительности значительно менее приниженное положение, чем можно было

[20]) Привожу для характеристики афганских таджиков следующие интересные строки из книги C. P. Tate „The Kingdom of Afghanistan", Bombay, 1911, стр. 15:

„Таджики выказывают и в настоящее время все те качества, которые отличают земледельческое население долины Оксуса, которое было известно китайцам, как Ta-hia. Они живут в домах и образуют дисциплинированные деревенские общины. Они оценивают блага образования и приятность цивилизованного существования и в своих домах поддерживают более высокий уровень комфорта по сравнению с тем, который преобладает среди афганцев и хазарейцев. Они повсюду считаются землеробами, потомками древней расы, которая владела землею. Несмотря на столетия дурного управления и угнетений в руках хищнических варваров, они упорно держатся за земледелие и занимаются также хорошо торговлей. Где бы только ни оказалась годная для обработки земля, там постоянно найдется потомок этой древней расы. Называемые различными именами в различных местностях, будут ли они известны, как дехвары или дехканы („жители селений"), таджики или парсиваны („говорящие по-персидски",—персидский язык для них является материнским языком), они представляют собою один народ и, по всей вероятности, являются иранской или арийской расой, среди которой Зороастр проповедывал свое учение".

[21]) Afghanistan and Nepal (Provincial Cazetteers of India). Calcutta, 1908, стр. 68.

бы ожидать[22]). На равнине она, конечно, ходит, закрывая лицо от посторонних мужчин, но в горах, в особенности в глухих горных долинах, куда еще не так проникло мусульманское правоверие и где жизнь проще, она часто ходит с открытым лицом, в особенности при своих односельчанах.

Среди горных таджиков женщина является серьезной помощницей своему мужу. На ней лежит целиком домашнее хозяйство и, кроме того, она участвует в полевых работах: в некоторых горных местностях женщины рядом с мужчинами жнут, молотят (обычным средне-азиатским способом, гоняя скот по сложенным на гумне снопам) и исполняют некоторые другие работы.

Способность женщины к самостоятельной работе, может быть, несколько подчеркивается требованием женщин на летних пастбищах, когда они удаляются со скотом и детьми в горы, обычно в начале лета. Там они живут отдельными женскими колониями, часто при полном отсутствии мужчин. Последние, имея свою работу в селениях, только от времени до времени отправляются навестить семью в горах. В некоторых местностях (напр., в Рушане и в Ургуте) сохранились еще остатки древнего обычая, когда после отправления женщин в горы, никто из мужчин не имел права некоторое время их навещать. В долине Хуф (в Рушане), где этот обычай, называемый Яджвинь, исполняется до сих пор, запретный срок определяется в одну неделю. Для наблюдения за тем, чтобы никто из мужчин не нарушил обычая, в надлежащем месте ставится караул и устраивается застава. Если же кто из мужчин отправился, несмотря на предосторожности, хотя бы и к своей жене и об этом узнали в селении, то арбоб распоряжается, чтобы привели корову или быка и закололи, чтобы умилостивить разгневанных духов. Животное берется из имущества виновного. Если ж такового не оказывается, то расходы на покупку жертвенного животного ложатся на селение, а виновный должн потом выплатить следуемую стоимость. Кроме того он подвергается еще наказанию. В седьмой день отправляются в Девлох (так называемая местность с летними пастбищами, означая буквально «местоприбывание дивов»—ديولاخ—только мужья, имеющие там своих жен. На восьмой день идет весь народ. Там устраивается празднество, продолжающееся в течение трех дней, во время которого имеющие

[22]) Приводимыми сведениями о таджичках я обязан Е. М. Пещеровой.

лошадей предаются игре в поло (polo), называемой «гуй-бози». на третий день все отправляются к находящемуся поблизости мазару, принося свои подношения. Общиной закалываются две коровы или два быка. Мужчины и женщины разделяются на две партии и каждая ест свареное мясо одного из животных. Только после этого все возвращаются к своим делам.

В семейной жизни таджичка пользуется значительной долей самостоятельности. Всеми зарабатываемыми лично ею деньгами распоряжается она сама[23]). Обычным средством для заработков служит ей рукоделие, ремесла; в горах, например, на ней лежит занятие гончарным ремеслом, в равнинах — приготовление ниток для собственного употребления и для продажи, а также изготовление тюбитеек и других мелких принадлежностей к костюму. Заработанные ею деньги являются ее личной собственностью и часто *добровольно* даются ею на поддержку хозяйства своего мужа. Бывает, хотя и довольно редко, что особенно усердные и искусные работницы среди равнинных таджичек одеваются исключительно только на зарабатываемые ими деньги, получая от мужа только изредка подарки материей и другим. Даже случается, что такие жены делают, в свою очередь, подарки мужьям.

В горах, при ведении молочного хозяйства, ввиду малого количества скота таджички об'единяются в очень любопытные молочные товарищества, повидимому, очень древнего происхождения[24]). Так как при малом количестве молока трудно скопить его в достаточном количестве для приготовления из него масла, то несколько таджичек соединяются в подобного рода товарищество, число членов которого в разных местах бывает разно, колеблясь в общем приблизительно от 3 до 15 участниц, видимо, в зависимости от имеющегося количества молока и некоторых других условий. Все члены артели сносят свои удои ежедневно по очереди и в установленном порядке той или другой из участниц, которая, получив сразу много молока,

[23]) В этом отношении таджичка часто занимает даже более благоприятное положение в семье, чем ее муж. Например, если патриархальная таджикская семья состоит из нескольких братьев, неразделившихся и живущих общим хозяйством, как это часто бывает в горах, то весь заработок каждого из них передается старшему в семье и тратится на всех. Между тем собственный заработок их жен, получаемый последними вне исполнения их домашних обязанностей, также как и доходы от их имущества, является исключительно собственностью этих женщин и, в случае их смерти, переходит к их детям и ближайшим родственникам.

[24]) Видимо, можно провести параллель этого обычая с ,,ханулоба'' грузинских крестьянок.

имеет возможность заготовить молочные продукты впрок. Окончательный расчет происходит осенью, при чем оставшиеся долги переносятся на следующую весну и уплачиваются обязательно молоком.

Почти все таджики, живущие на территории бывшего Бухарского ханства, Русского Туркестана и Афганистана являются мусульманами-суннитами. Исключение составляет только население верховьев р. Пянджа, начиная с Бартаньга и Рушана и заканчиваясь в восточном направлении Ваханом и Сарикулем, сплошь исповедывающие исмаилизм[25]) — вероучение, возникшее на почве ислама, главным образом шиизма, и вылившееся в особую секту с довольно, видимо, эластично толкуемыми догматами и правилами, приспособляемыми к составу и мировоззрению адептов: «понимай слова веры согласно толкованию учителя», говорит одно из исмаилитских правил. Заимствовав учение о космической эманации у неоплатоников, исмаилиты верят в периодические проявления мирового интеллекта, последовательный ряд которых, начиная с Адама и продолжаясь в Ное, Иисусе и Мухамеде заключается на седьмом шиитском имаме Исмаиле (откуда и ведет свое название секта), непризнаваемым, как таковой, прочими мусульманами. В настоящее время преемственным главой исмаилизма, которого исмаилитская масса склонна рассматривать, как воплощение божества, является потомок вождей исмаилитов, эмигрировавших около столетия тому назад из Персии в Индию известный под именем Ага-Хана. Последнее наименование, бывшее первоначально собственным именем деда настоящего Ага-Хана, перешло теперь уже, повидимому, в титул для главы исмаилитов. Ага-Ханы производят себя от одной ветви династии фатимидов и в числе своих предков указывают на известного во время крестовых походов «старца горы», главу ассасинов, тоже являвшихся исмаилитами. Настоящий Ага-Хан, по их счету 48-й преемственный имам исмаилитов, человек довольно светский, получил европейское образование, до мировой войны пользовался влиянием среди индийских мусульман (был председателем всеиндийской мусульманской лиги), являясь сторонником английского владычества в Индии. Он, видимо, был склонен также к некоторому сглаживанию шероховатостей, отделяющих исмаилизм от остального мусульманства. От англичан он имеет титул «его высочества».

[25]) Есть основание предположить, что имеется также некоторое, видимо небольшое, число исмаилитов около Куляба.

Таджики - исмаилиты внимательно прислушиваются в религиозных вопросах к указаниям из Бомбея—религиозная резиденция Ага-Хана—и отправляют последнему периодически «закят»—религиозный сбор с доходов и имущества членов своих общин, как это делают и прочие исмаилиты, разбросанные в разных странах[26]).

[26]) Ага-хан во время процесса 1908 года на суде в Бомбее, отвечая на вопрос судьи, имеет ли он много последователей кроме ,,ходжа'' (так называют обычно б. ч. исмаилитов в Индии) и где они живут, произнес следующее определение:

,,Большое число гупти проживает в Индии и Африке. Имеется также большое число исмаилитов в Персии, Афганистане, русской Средней Азии, китайском Туркестане, Сирии, Египте и Северной Африке, буквально у Средиземного моря. Мир может считать гупти за индусов, я же считаю их за шиитов имам-исмаилитов. Ходжа встречаются в Индии и в Восточной Африке. В Персии они известны, как ,,ата-илляхи'' (,,Богом дарованный народ''). В Средней Азии и в китайском Туркестане их знают, как мауляви, в Египте их называют исмаилитами, в Сирии—также друзами. В Афганистане их зовут мауляви, а когда они приходят в Индию, то в разговоре их называют бадахшанцами. Все они приносят мне подношения. Обыкновенно они посылают представителей в Индию, когда я бываю там. Они приносят мне деньги и предметы из их стран. Они преклоняются предо мною и кладут предо мною деньги. Представители из Сирии приезжают и подносят приношения таким же образом. Народ из Персии и из Афганистана делает то же самое. Последователи (мои) в Северной Африке находятся в небольшом числе, и, когда я езжу в Европу, они приезжают в Марсель увидеть меня. Раньше до того они приезжали в Индию. Что же касается до моих последователей из Восточной Африки, то они платят мне, когда я езжу туда, или по моим приказаниям посылают деньги моим банкирам''.

Можно думать, что в разных местах исмаилиты в вопросах основных религиозных книг несколько разнятся во взглядах друг от друга, и правило ,,понимай слова веры согласно раз'яснению учителя'' толкуется довольно широко. В бывшем Кулябском бекстве, напр., поклонники Ага-хана более склонны к суннитским религиозным книгам, чем в других местах. Пригиндукушские горцы с особым почтением относятся к ,,Умм-уль-Китаб'' (,,Мать книг''), сочинение которой приписывается имаму Бакыру—пятому имаму исмаилитов. Книга почитается настолько священной и содержащей такие тайны веры, что читать ее рекомендуется только людям, отрешившимся от земной суеты. Несколько меньшим почтением среди таджиков-исмаилитов пользуются более доступные для чтения ,,Хафт-Баб'', ,,Иршад-ус-Саликин'' и некоторые другие книги. Главной книгой исмаилитов, живущих в Индии, является ,,Дасавтар'' (,,Десять воплощений''), читаемая по большим праздникам, а также при смерти исмаилита. ,,Дасавтар'' трактует о десяти ,,аватарах'' или воплощениях божества. Первые девять—воплощения Вишну (одного из лиц индийской триады), а десятая—воплощение божества в Али. Уже из этого видно, насколько исмаилизм не гонится за формами верований своих адептов, среди которых, напр., гупти, о которых упоминал Ага-хан в приведенной выше речи, сжигают тела своих покойников, что с чисто мусульманской точки зрения, конечно, неодобрительно. Очень характерно также отношение исмаилитов к корану, который ими игнорируется, как это выяснилось на суде в Бомбее в 1908 г., и не считается за божественное откровение.

Несмотря на сравнительно небольшое число исповедывающих исмаилизм, его замкнутость и труднодоступность, эта религия давно привлекала некоторое внимание исследователей, и по исмаилизму уже создалась небольшая литература. На русском яз. можно отметить статью А. А. Бобринского: ,,Секта Исмаилья в русск. и бухарск. пределах'' (Этнограф. Обозр., 1902, № 2) и ряд статей А. А. Семенова, из которых самая последняя—,,Противоречия в учении о переселении душ у памирских исмаилитов и у Насыр-и-Хосрова''—появилась недавно (Бюллетень С.А.Г У., № 9, 1925). Самой последней известной новинкой за границей является ,,Ismailitica'' В. Иванова, вышедшая на англ. языке в Индии.

Таджик, как мусульманин, не отличается большим фанатизмом, как и вообще население Средней Азии, в особенности, напр., по сравнению с мусульманами Индии или Персии. Более фанатично и ортодоксально, пожалуй, население больших городов, как например, Бухары, Самарканда, гораздо дольше находившихся под постоянным влиянием ученого и духовного сословий (мулл, ишанов). Среди ученого сословия, центром которого являются муллы сосредоточения благочестия в «благородной» Бухаре, ислам сохранился в наиболее ортодоксальной суннитской его форме. Из Бухары муллы, с'езжавшиеся отовсюду из Средней Азии на ученье в ее мадрасах, разносили далеко ее систему духовного мировоззрения Но чем дальше от этой сферы к простонародью, к широкой массе, раскинутой по кишлакам, тем слабее и поверхностнее формы книжных верований ислама и тем чаще встречается, приклеившись к мусульманским обрядам или приняв для видимости мусульманскую форму, иногда только даже название, примесь старых верований из языческого прошлого страны. Не касаясь сути и форм ислама, как общеизвестного явления[27]), можно сказать вкратце несколько слов о том, что сохранилось до сих пор среди таджиков из их древних верований до-мусульманского периода, позволяющее нам определять характер их прежних религиозных мировоззрений.

Сколько-нибудь полную картину прежних верований, при очень малой разработанности таджикского фольклора, по разбросанным и во многом уже утерянным мелким фрагментам восстановить пока еще невозможно, тем более, что под понятием «до-мусульманского языческого периода» скрываются в сущности остатки верований целого ряда различных эпох и культур, докатившиеся до наших дней в очень запутанных и перемешанных народных представлениях. В общем же вкратце можно отметить по более заметно сохранившимся следам, следующие черты.

Среди древнего пантеона выделяется божество грома, молнии, северный древне-европейский Тор, называемый таджиками «Тундур» (تندر), соотв. англ. thunder. Как и в первобытных воззрениях многих других народов, это божество двоится: в верованиях одних таджикских народностей божество грома, подобно Тору, Юпитеру, Зевсу, представляется

[27]) Для желающих ознакомиться с общими сведениями об исламе можно рекомендовать прекрасную книгу И. Гольдцигера—,,Лекции об исламе''. Имеется перевод на русск. яз. А. Н. Черновой. Изд. Брокгауза-Ефрона. 1912

в виде *старика*, извергающего гром, как это представление встречается среди пухтунов (патанов) в Афганистане и по северо-западной индийской границе (гаргару-бобо»—«Дед Громовник»), среди таджиков в Каратегине, в некоторых местах Матчи и в других местностях среди иранского населения Средней Азии. В большинстве же случаев божество грома представлялось, видимо, в образе *старухи*: «Бабушки» («мама») «Бабки-Громовницы» («Гульдур-Мама»), или «Мама-Калдырак» (последнее название у соседних тюркских племен), «Бабушки-Небо» («Мама hawo»). В этой последней форме, очень распространенной в средне-азиатских воззрениях, очень ясно видно тоже представление древних персов, по словам Геродота, обожавших весь небесный свод, который они называли «Зевсом»[28]). Гром в средне-азиатских представлениях обычно производится вытряхиванием божеством части своей одежды. Или божество грома трясет свою шубу—напр., в Яркенде Баба-Яга (Джалмауз-Кемпир) трясет свою нагольную шубу, производя сильный шум (гром). Демены (джины), которым это надоедает, начинают бросать в нее раскаленными углями (молнии), отчего шуба тлеет. Желая потушить, Баба-Яга льет воду (дождь). В некоторых местах Матчи (сел. Сурхкят, напр.) при ударе грома говорят, что «потряс свою шубу праотец Адам»—«бобо-і Одам пустіньша афшундан». В Ягнобе и в некоторых других местах встретилось это верование в более чистой древней форме—это сам бог: «кудрат-і тааля пустіньша ат акуньш» («сила всевышнего потрясла свою шубу»). У туркмен-иомудов гром происходит оттого, что старуха *рвет* свою шубу.

«Бабушка» во многих иранских странах производит гром также выколачиванием, вытряхиванием своих шаровар (в верховьях Пянджа, в верховьях Зеравшана и др. местах). В некоторых местностях, главным образом у соседних тюркских народов—туркмен, киргизов и др., гром происходит оттого, что «бабушка» трясет свой кожаный мех («санач»). В Матче и Ягнобе сохранились остатки старого верования, что от выбивания «Бабушкой» шаровар на землю летят вши, от которых и вырастает после весенних гроз много грибов. Отсюда крик ребятишек в Матче при раскате грома: «пурі, пурі, хорч», т.е

[28]) Но и основным значением слова „Зевс", как и „Юпитер", является как раз „сверкающее ясное дневное небо" (О. Шрадер. Индо-европейцы. Пер. Павлова, СПБ., 1913, стр. 177).

«пури, пури и грибы»[29]). В Ягнобе при ударе грома дети говорят: «катта харчак ман, пулля харчак тау», т. е. «большой гриб мой, маленький—твой». Аналогичное верование в происхождение грибов от выколачиваемого старого меха существует и у туркмен-текинцев. В Фальгаре при ударе грома дети иногда кричат—«кямшір согу гілян кард», т. е. «старуха завертела сосуд для сбивания масла». Там же, однако, рядом имеется представление, что гром происходит оттого, что «Бабушка-Небо» ударяет в бубен—аналогично представлению, встреченному пишущим в Ташкентском уезде среди киргизов (казаков), что «Бабушка» гремит, ударяя в «даул»—охотничий или боевой барабан, подвешиваемый к седлу, т. е. отправляясь на охоту или в битву. В некоторых местах (напр., среди населения ташкентского района) есть следы представления, что «Бабушка» производит гром, катая по небу два больших камня. Аналогично имеется и другое—гром производят дивы, устраивая весеннюю борьбу на небе или (вариант) катая по небу большие жернова.

Древний арийский миф о тучах-коровах, доставляющих молоко-дождь жаждущей влаги земле, широко распространен в остатках верований на всем пространстве древнего Ирана.

В разных местах представление об этом, конечно, принимает несколько различные формы. В Ташкенте, например, пишущему пришлось слышать следующий народный образ: Тучи--это нечто вроде громадных мешков, покрытых *шерстью*[30]). Ими заведывают семь ангелов, подчиненных архангелу Дардаилу. По указанию последнего они то гонят тучи на водопой, заставляют их спускаться к реке, к озеру, к морю, где тучи втягивают в себя воду, то гонят их обратно по небу, по пути указанному архангелом. Он же назначает места, где нужно пролить дождь. Последний происходит оттого, что ангелы замахиваются бичами-молниями на тучи. Тучи в испуге вздрагивают, встряхиваются, и тогда с каждой шерстинки падает по капле и идет дождь. Среди ангелов есть один, Караил, обладающий очень громким голосом. Гром—это его крик, который он испускает, крича на тучи.

[29]) Словом „пурі" в Матче называется одно растение с очень толстым стеблем, которое вырастает только весною и потом засыхает. Пури с'едается в сыром виде, очищенном от кожицы, при чем едят корень и стебель.

[30]) Как нетрудно угадать в этом месте рассказа влияние ислама, изгнавшего самое название коровы из древнего народного верования. Но „шерсть" здесь именно как раз и осталась от коровы и след совершенно ясен.

Что дождь—это *молоко* от коров-туч древних верований ясно сквозит также в словах стихов, которые поют таджики в случае засухи, собираясь для общественного моления о дожде в определенно месте и принося при этом жертву. В Фергане, Ходженте, Самарканде, Бухаре народ поет при молитве, часто с плачем:

О, боже, пошли ради жизни животных,
Пошли из *груди* облака *молоко-дождь*.

یارب سبب حیات حیوان بفرست
ازسینه شیرباران بفرست

В другом записанном мною варианте, поющемся в школе детьми, тоже во время засухи, при чем пение совершается после намаза, говорится:

О, боже, пошли ради жизни животных,
Пошли из дома милосердия различные блага,
Ради жаждущих губ малюток-растений
Из груди облака пошли *молоко-дождь*.

یارب سبب حیات حیوان بفرست
ازخانه کرم نعمت الوان بفرست
ازبهرلب تشنه طفلان نباتات
ازسینه ابرشیر باران بفرست.

Радуга, лук Брамы в Индии, лук Иеговы у древних евреев, об'ясняется мусульманизированным народным воззрением, как «лук Хасана и Хусейна», сыновей Али, в некоторых местах (напр., в районе Канибадама), как «лук Али» и только там, где древние верования сохранились лучше, как напр., в верховьях Пянджа, попадается старое иранское название «Камон-і Рустам»—«лук Рустама», национального эпического героя Ирана, до-мусульманского периода, воспетого Фирдауси. В некоторых местах, но сравнительно, видимо, очень редко, встречается древнее представление, аналогичное с древне-германским, что радуга—*полотно*, которое разостлало небесному своду для просушки после дождя «Бабушка».[31])

В связи с сохранившимися остатками верования в «Бабушку-Небо», можно упомянуть также о неясно дошедшем образе старухи Оджуз или Оджиз, видимо, отождествляемой с зимой, с холодным ветром[32]). Почти повсюду среди таджиков короткий период из семи дней (в некоторых местах считающийся еще меньше). предшествующий наступлению Наурузадревнего иранского Нового Года, соответствующего весеннему солнцестоянию, называется *«дни старухи Оджиз»*. Это время считается очень ветряным и холодным.—«Ты, Токсан, не можешь сравниться (по холоду) даже с одним моим днем» говорит, по мнению равнинных таджиков, старуха Оджиз, обращаясь к Токсану, девяностодневному периоду зимних холодов[53]). «Семь дней до Науруза жги по сорока полен» («пешь аз Науруз hафт руз чі'ль кунда суз»), говорит другая пословица, указывая на холода этого периода. О роли наступающей в феврале («хут») весны, прогоняющей старуху зиму, свидетельствует довольно распространенная среди таджиков поговорка: *«если февраль начнет делать свое дело, он посадит старуху в ящик»* («агар хут хутті кунад, кямпіра дар кутті кунад»—حوت اگر حوتی کند کمپیررا در قوتی کند В сохранившихся остатках народных верований холода этого периода в Ишкашиме (верховья р. Пяндж), напр., об'яснятюся тем, что «бабушка» («мама»), находящаяся на небе, выбросила из своего очага большое обгорелое полено и что результатом этого является подувший холодный ветер и невыпеченные хлебы у самой «бабушки». В Ягнобе, однако, причиной холодов считают то, что тело только что умершей старухи Холь-Джун остается непогребенным. Как только его закопают, наступает тепло. Как снег в германских представлениях происходит от Берты, выбивающей перину, так среди таджиков встречается выражение, уазывающее на происхождение снега от выбиваемой «бабушкой» шубы. Весьма вероятно, что в древних верованиях к «бабушке» имел отношение также и дождь. В Шугнане, напр., если дождь или снег зарядил слишком надолго, дети делают из тряпок куклу («джін джіч») и выставляют ее сквозь дымовое отверстие в крыше наружу припевая особую песенку. Это считается напоминанием «бабушке» что от такого обильного выделения атмосферных осадков замерзли на оз. Шива находящиеся там ее дети.

«Бабушка», распоряжающаяся холодным ветром, видимо, может насылать также бурю, вредящую посевам. Для пре-

---

[31]) Должен оговориться, что последнее представление я встретил пока только у сартов (селение Карнак, Туркестанского уезда), но думаю, что раийское происхождение этого верования здесь вряд ли оставляет сомнения.

[32]) Склонен был бы предположить, что данное имя (Оджиз, Оджуз) является позднейшего происхождения (от арабск. عاجز) и что более старой формой представляется название „Кямпіри-і Хольджун" (کمپیر خال جان), под каким именем эта старуха известна до сих пор в Ягнобе.

[53]) Данное выражение существует только среди равнинных таджиков, произносится ими на тюркском яз. (سن توقسان بر کونیمچه یوق سن)—отсюда слово Токсан—и, видимо, сложилось при взаимодействии тюрко-таджикских элементов.

кращения ее губительного действия на урожай среди оседлого населения Туркестана устраиваются даже особые заклинательные женские процессии, несомненно, ведущие свое происхождение из глубокой древности.

Помимо описанного в общих чертах выше, видимо, наиболее древнего главного божества, имеется еще целый ряд других членов старого пантеона, до сих пор еще живущих в глазах простого деревенского таджика, окружая его. Эти древние образы, сами по себе еще различных формаций и образований, значительно видоизменены исламом или, может быть, еще бывшими до него религиями, в общем представляют из себя совершенно малоизученную, запутанную и совершенно не разрабатывавшуюся систематически область. Из имеющегося целого ряда особых духов, сверх'естественных существ таджикского мировоззрения, при их кратком рассмотрении можно упомянуть в первую очередь о *дивах*.

Приходится отметить большую неясность и неотчетливость в образе дива в таджикских верованиях, что вполне становится понятным, если мы примем во внимание древнеарийское значение этого слова, обозначавшее «*божество*», в каковой форме оно и до сих пор сохранилось у арийцев, проникших в Индию. На пространстве Ирана при враждебном отношении последовавших религий, вероятнее всего маздеизма, к божествам прежней веры, последние, вместо представления о них, как о добрых, хороших божествах, носителях чистоты, добра, были превращены, как часто бывает на почве борьбы верований, в образы демонов, дьяволов. Эта прежняя роль таджикских дивов совершенно понятна. Но так как в прежних, первоначальных ступенях дивы, очевидно, были разных категорий, то их различные функции, атрибуты и ореолы не могли не отразиться сбивчиво на общем характере теперешнего дива, среди жандусиков, если понимать его, как часто склонны бывают европейские ориенталисты, да часто и сами таджики, за духа одной определенной категории.

Как мы видели из упоминания о летовках, старым «местопребыванием дивов» «dewlox» (ديولاخ) у таджика являются самые красивые, хорошие с его скотоводческой и хозяйственной точки зрения места в окружающих горах, покрытые зеленой травой и цветами.

Но див (возможно, первоначально дивы другого разряда, другой категории) может торчать также за каждым камешком кругом дома таджика, превращаться во что ему угодно—

в козла, кошку, теленка и пр. (как опасно поэтому брать под вечер, напр., встреченного вдали от жилья одинокого козленка, на вид заплутавшегося—это может быть див, который повредит потом при наступлении сумерек взявшему его человеку). Див может превращаться в камень, кочку и пр., невидимо сидеть, напр., на выброшенной куче золы (на ней вообще очень часто сидят джины, пари и пр. духи) и наказать тяжкой болезнью человека, который вышел, напр., ночью и нечаянно наступил на дива и т. п. Следует, однако, отметить, что образы персидских книжных представлений о дивах, как диких, грубых великанах, вооруженных вырванными ими с корнями деревьями, мало подходят к обычному характеру народных таджикских представлений.

Див может всячески вредить человеку. Во многих случаях поврежденный, одержимый дивом, теряет рассудок, сходит с ума и становится «diwona», т. е.«одержимый дивом». Средств для борьбы с дивом много—заклинания, заговоры, амулеты и пр. О них следует упомянуть особо.

Очень любопытно отношение к дивам в самых глухих, заброшенных уголках Таджикистана, где древние обычаи и верования могли сохраниться чище всего. В Ягнобе, напр., как отражение видимо очень древних арийских верований, еще до-маздеистского периода, дивы, как можно предполагать, в некоторых местах *не считаются нечистыми*. По крайней мере «Белый Див», «Diw-i Сафід», упоминаемый в Шах-Наме уже, как демоническое существо, очень популярен в Ягнобе и рисуется в представлениях ягнобцев, как существо «*чистое*» («покіза»), хорошее. Про человека, у которого бывает удача, говорят: «Dewi Сафет-таст: аркь даррау буд аву» («у тебя имеется Белый Див: быстро закончилось твое дело»). В основных арийских верованиях «*Белый Див*», как «*Бел-Бог*», и не мог быть дурным.

Экономический очерк Таджикистана.

Ю. И. Пославский.

I. ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ.

Существуют два Таджикистана: один прошлый, другой будущий. То, что представляет из себя страна в настоящее время, в период бандитизма—остатка гражданской войны (1925 г.), сложных миграционных движений (хотя бы в связи со значительным притоком в край европейцев—гражданских и военнослужащих)—все это является выражением или последствием огромного хозяйственного сдвига. Определяющие черты этого переходного периода, основные элементы хозяйственного уклада весьма смутны, изменчивы, почти не уловлены статистически и могут быть описаны по преимуществу «на глаз». Но и данные о сравнительно недавнем прошлом Таджикистана, касающиеся состояния народного хозяйства, тоже не отличаются полнотой и надежностью. Между тем, для того, чтобы суждения о современном экономическом положении Таджикистана были хоть мало мальски обоснованы, нужно новейшие частные сведения сличить с данными более об'емлющими (в территориальном отношении), относящимися к моменту более устойчивого равновесия.

Таджикистан, составленный из районов, входивших в различные гособразования (Туркреспублику и Бухару), ни разу не подвергался однообразному сплошному, переписному обследованию. Единственным исходным моментом для ориентации современных сведений о хозяйственном положении Таджикистана являются данные 1917 года, когда были произведены по разным программам с разными техническими средствами сплошные переписные работы в Туркестане (Всероссийская перепись 1917 года) и Бухаре (перепись через туземную бухарскую администрацию, произведенная бухарским эмиром по настоянию русского правительства). Переписные работы охватили только сельское хозяйство. Более ранними данными

являются материалы русской административной статистики по Туркестанским районам (весьма ценны работы поземельно-податного характера), данные военно-статистических описаний по восточной Бухаре. Но связать эти данные и приурочить к одному периоду времени чрезвычайно затруднительно. По восточной Бухаре кроме того имеются данные по первой Бухарской переписи 1914 г., произведенной эмиром также по настоянию русского правительства. Кроме данных о числе жителей, посевных площадях и скоте в материалах переписи 1914 года, сведенных в итоги по бекствам, содержатся данные о числе базарных пунктов и итоги базарных оборотов. Данные о сельском хозяйстве, собранные в 1914 году, впервые подверглись обработке П. П. Введенским в 1918—1919 года. Предпринятая в период времени 1921-1923 годов частичная проверка материалов переписей 1914 и 1917 годов на месте в Бухаре привела автора настоящего очерка к убеждению о крайней дефективности материалов 1914 года и большей доброкачественности материалов 1917 года. Средствами поверки служили данные систематически произведенных в некоторых участках статистических работ русских изыскательских партий и выписи из хераджных книг, собранные в экспедиционном порядке в 1921 году экспедицией по финансово-экономическому обследованию Бухары под руководством автора. Хераджные записи относятся к эмирскому времени и имеют характер примитивно-кадастровых описаний. Они оказались очень близкими в районах, обследованных европейскими статистическими партиями (наприм. по Зеравшану), к данным этих партий, и по ним можно было корректировать данные переписи 1917 г.

Но тут встретилось затруднение в связи с отсутствием подлинных переписных материалов и наличие лишь сводок по бекствам, при чем имелось много списков без оригинала. В частности автору и работавшим под его руководством сотрудникам (студентам С. А. Г. У. и Вост. Инст.) удалось получить до 4 списков от официальных учреждений и частных лиц с различными итогами. Пришлось выбирать из разных вариантов данные, казавшиеся более точными. Эту работу автор проделывал в 1921 и в 1923 годах, опираясь на данные экспедиционных обследований и на сведения весьма авторитетных представителей прежней эмирской администрации. В частности весьма ценные указания были даны ныне покойным, в свое время весьма известным, Астанкулом, бывшем так называемым «верхним куш-беги».

Для характеристики пестроты сведений по бекствам, вошедшим ныне в состав Таджикистана, можно привести сведения о численности населения, посевных площадях и скоте. (Таблицы №№ 1, 2, 3).

Источниками являются: а) материалы военно-статистических списаний, сведенные воедино и обработанные агр. И. В. Шумковым, относящиеся к 1908—1910 годам, б) материалы переписи 1914 года, обработанные П.П. Введенским, и в) материалы переписи 1917 года в двух редакциях—официальной и прокорректированной автором настоящего очерка.

ТАБЛИЦА № 1.

Численность населения.

Название современных округов	Входящие в состав округов бывшие бекства	Данные генштаба 1908/09 г.г.	Данные 1914 г.	Официальные данные 1917 г.	Данные принятые окончател.
I. Гарм	—	—	—	348,878	348,900
	Дарваз.	53,000	22,800		
	Каратегин . . .	74,000	92,100		
II. Дюшамбе . .	—	—	—	234,940	234,900
	Гиссар	120,000	117,670		
III. Куляб. . . .	—	—	—	297,335	295,300
	Бальджуан . . .	68,000	99,900		
	Куляб	75,000	85,100		
IV. Курган-тюбе.	—	—	—	58,250	58,300
	Кабадиан . . .	13,500	16,000		
	Курган-тюбе . .	16,000	52,000		
V. Сары-Ассия .	—	—	—	63,040	61,000
	Сары-Ассия . .	25,000	35,500		
	Денау	35,000	48,400		
ВСЕГО	—	479,500	568,670	1,001,843	998,400

ТАБЛИЦА № 2.

Посевные площади.

Название современных округов	Входящие в состав округов бывшие бекства	Данные генштаба 1908/09 г.г. в десятин.	Данные 1914 г. в танапах	Официальные данные 1917 г. в танапах	Данные принятые окончател. в десятин.
I. Гарм	—	—	—	2,336,900	200,400
	Дарваз. . . .	20,000	21,620		
	Каратегин . . .	40,000	60,390		
II. Дюшамбе . .	—	—	—	1,907,131	381,300
	Гиссар	90,000	263,300		
III. Куляб. . . .	—	—	—	1,883,700	252,400
	Бальджуан . . .	35,000	282,050		
	Куляб	40,000	255,600		
IV. Курган-тюбе.	—	—	—	1,711,700	184,200
	Кабадиан . . .	5,000	38,700		
	Курган-тюбе . .	8,000	53,200		
V. Сары-Ассия .	—	—	—	328,315	94,800
	Сары-Ассия . .	12,000	78,280		
	Данау	15,000	35,420		
ВСЕГО	—	265,000	1,083,080 [1]	8,167,746 [2]	1,113,160

См. табл. 3 на следующей странице.

Подробная группировка данных 1917 года дана в главе о сельском хозяйстве. Здесь надлежит отметить основные трудности при обработке материала. Это прежде всего неопределенность меры исчисления площадей. Бухарский танап варьирует в пределах от 0,15 до 0,3 дес. Кроме танапа, твердо измеряемого более дробными квадратными мерами, существует земельная

Примечание [1]) в десятинах—12.16.616.
[2]) в десятинах— 1.633.789.

мера батман, достигающая до 1½ десятины в зависимости от площади высева одной об'емной меры. Обычно батманами измеряются площади, не требующие искусственного орошения. В какой мере является по отдельным районам правильным перевод из батманов в танапы сказать трудно. В данной работе приходилось пользоваться уже готовыми переводами из батманов в танапы и переводить их лишь в десятины по отношению: официальный танап=0,2 десятины.

ТАБЛИЦА № 3.

Численность скота.

Название современных округов	Входящие в состав округов бывшие бекства	Данные генштаба 1908/09 г.г.	Данные 1914 г.	Официальные данные 1917 г.	Данные принятые окончател.
I. Гарм	—	—	—	147,960	147,400
	Дарваз. . . .	43,890	47,960		
	Каратегин . . .	125,953	181,558		
II. Дюшамбе . .	—	—	—	399,128	398,000
	Гиссар	361,388	523,760		
III. Куляб. . . .	—	—	—	409,169	408,200
	Бальджуан . . .	223,647	436,104		
	Куляб	405,000	268,550		
IV. Курган-тюбе.	—	—	—	144,146	103,400
	Кабадиан . . .	37,740	15,900		
	Курган-тюбе . .	99,075	185,300		
V. Сары-Ассия .	—	—	—	75,286	158,700
	Сары-Ассия . .	52,190	93,800		
	Данау	81,064	812,390		
ВСЕГО	—	2,321,047	1,386,067	1,175,689	1,493,500

Основой для характеристики народного хозяйства вообще пришлось брать сельское хозяйство как отрасль, относительно которой имеются статистические материалы. Наименьшей учетной единицей является бекство. Специфической особенностью

хозяйственного быта дореволюционного Таджикистана является своеобразный земельный режим. Вся земля официально составляла собственность эмира, находясь в пользовании населения, платящего подать, по существу являющейся арендной платой или рентой. Она начислялась не на площадь, а на доход (урожай). Сведения об урожайности населением скрывались и искажались. Искажать же данные о площадях не имелось особых оснований. Эти сведения имелись у администрации и использовались не столько с податными целями, сколько при распределении воды, льготах для военнослужащих и т. д.

Административные единицы бекства являлись в то же время податными округами. Они в результате стихийного развития народного хозяйства были приспособлены к наиболее полному податному охвату населения определенного участка. Примитивное финансовое управление требовало учета дохода в натуре: мерой, числом, счетом продуктов, находящихся на поле или на гумне. Такая система могла существовать лишь сравнительно на небольшой территории с более или менее сходными условиями хозяйствования. С другой стороны, финансовое управление эмирского времени приводило к дальнейшей нивеллировке сельско-хозяйственного производства. Поэтому отдельные бекства, приближаясь к Туркестанским волостям, представляют собой единицы с одинаковым направлением хозяйства. Границы бекств обычно приурачиваются к долинам рек с вариантами в направлении хозяйственной деятельности в зависимости от расположения на разных ступенях течения реки. Поэтому вполне целесообразно сведение бекств в более пространные образования по моменту территориальной смежности: таково, повидимому, происхождение современных округов—вилайетов, включающих бекства соседние и похожие друг на друга. Рассмотрение хозяйственной деятельности населения в этих рамках представляется вполне естественным.

Наибольшие трудности встречает изучение тех народно-хозяйственных отраслей, которые не учитывались так в натуре, как посевы, скот.

Здесь мы располагаем по преимуществу описательным материалом. Но он чрезвычайно случаен и часто слишком тенденциозно подобран, чтобы оправдать очередное мероприятие в области экономической политики. Опасность в пользовании текущими материалами часто заключается именно в том, что сначала намечается мероприятие, для него подгоняется

цифра и последние выдаются как единственная характеристика действительности. Вот почему обычно приходится официальный цифровой материал заменять бытовым описательным.

Такими статистическими и описательными источниками для составления настоящего очерка кроме вышеуказанных материалов служили: 1) материалы Всероссийской сельско-хозяйственной переписи 1917 и 1920 г. г. в поволостных итогах Самаркандской области (изд. ЦСУ ТССР. Ташк. 1924 г.), 2) Статистический ежегодник ЦСУ, изд. в 1924 г., вып. I и II, 3) материалы комиссии Рахматулина, любезно предоставленные через П. П. Введенского полпредством Таджикистана, в Ташкенте, 4) официальные сводки по Таджикистану имеющиеся в делах УполСТО, 5) материалы экспедиционных обследований автора 1921 и 1923 годов (конечные пункты проникновения сотрудников—Дюшамбе и Кабадиан). Кроме своих личных наблюдений быта горных таджиков, относящихся к дореволюционному времени, автор располагал чрезвычайно ценными впечатлениями, относящимися к 1923 году, которыми с ним поделился статистик Смирницкий, об'ехавший восточную Бухару в 1923/24 годах. К сожалению автор не мог воспользоваться материалами экспедиции 1924 года, организованной ЦСУ Туркреспублики.

Из материалов литературно-описательного характера кроме упоминаемых далее в тексте удалось воспользоваться следующими работами:

1) А. А. Семенов.—Этнографические очерки. Москва. 1903 г.

2) Полк. Муханов.—Памирский район. Ташкент. 1912 г.

3) Изв. Р. Г. О. Том. LV. 1919—1923 г., вып. II (статья П. Гаевского о Курган-Тюбинском бекстве). ГИЗ. 1924 г.

4) Сборники материалов по Азии изд. Военно-Учебн. Комит. Гл. Штаба с 1880 по 1895 г.

5) Справочные книжки Самаркандской области с 1886 по 1892 г.

6) Г. А. Арандаренко.—Досуги в Туркестане. СПБ. 1884 г.

7) Кап. Кузнецов.—Дарваз, 1893 г.

8) Ежегодник Ферганской области. 1903 г.

9) Материалы для статистики Туркестанского края под ред. П. А. Маева с 1872 г. по 1879 г.

10) В. В. Дынин—Очерк, быта горцев верховья Зарафшана. Изв. Турк. отд. ИРГО т. X, вып. I, 1914 г.

II. ОСНОВНЫЕ ТИПЫ РАССЕЛЕНИЯ В СВЯЗИ С НАПРАВЛЕНИЕМ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.

В своей известной работе о «Распределении населения земли в зависимости от природных условий и деятельности человека» акад. А. И. Воейков*), уясняя место России на мировых колонизационных путях, противопоставлял промышленно-городскую Европу—сельско-хозяйственной деревенской Азии. По истолкованию Э. Реклю**) *Азия*—это искаженное ассирийское обозначение «Assia», прилагавшееся к континентальной стране, где поднимается «крыша мира», центральный горный узел Евразии. Грандиозные нагорья Средней Азии, по словам того же автора, являются ключем ко всей архитектуре континента, центральным пунктом всего материка и в то же время местом, неблагоприятным для развития культуры, как бы центром отталкивания, а не притяжения для народов,—в этом отличие от плодоносных районов в низовьях крупных рек передней Азии.

Таджикистан в целом представляет собою как раз небольшой угол таких мало привлекательных нагорий, ущелий, предгорных и долинных пространств, составляющих центр Азии.

Являясь древнейшими аборигенами Ср. Азии, таджики сохранили такие черты хозяйственного уклада, которые позволяют считать Таджикистан типической страной сельского хозяйства, страной деревенской, крестьянской. В этом отношении Таджикистан резко отличается не только от своеобразной земледельческой, промышленно-торговой полосы среднего и нижнего течения главнейших водных магистралей Средней Азии (Аму-Дарьи, Сыр-Дарьи, Зеравшана, Мургаба, Теджена и др.), но он также отличается от чисто кочевой скотоводческой периферии Средней Азии (Казакистана) и от земледельческой экстенсивной России. Деревенский характер Таджикистана в целом выражается не в резком преобладании сельского населения над городским (см. очерк демографии), не в том, что в качестве основного источника существования выступают хлебопашество и животноводство, а в формах организации производства, в способах использования сил животного, растительного и минерального царства и, наконец, трудовой энергии самого хозяйствующего населения.

*) В ИЗВ.ИРГО,т. XIII за 1906 г.
**) „Человек и земля", рус. пер. П. Ю. Шмидта, 1906 г. т. I.

Физико-географическая обстановка не содействует до сего времени особенному сгущению населения на общей территории Таджикистана; пока еще здесь отсутствует свойственное промышленным центрам использование недр (горное дело) и механических сил (обрабатывающая фабрично-заводская промышленность). Также отсутствует в Таджикистане, свойственное равнинам узбекской полосы Средней Азии, огромное сгущение населения на единицу посевной площади с интенсивно-промышленным, приспособленным к сбыту уклоном земледелия. Вместе с тем отдаленность от других культурных районов и замкнутость населения Таджикистана в трудно доступных горных ущельях и долинах препятствует экстенсивному кочевому хозяйствованию с использованием широких пастбищных просторов. Здесь они более ограничены на неполивных землях и более просторны на площадях орошенных. Стиснутое между склонами горных массивов около непроходимых горных потоков или в маловодных горных предгорьях на границе пустыни (Ура-Тюбинский, отчасти Курган-Тюбинский и Кулябский вилайеты), лишенное возможности постоянного и свободного хозяйственного общения с прочими хозяйственными центрами Средней Азии, население Таджикистана выработало своеобразный стиль хозяйства. Хозяйствующее население направляет свою энергию лишь на те богатства страны, которые находятся непосредственно на поверхности земли.

Естественные условия, в которых приходится заниматься населению Таджикистана хозяйственной деятельностью, весьма разнообразны и суровы и требуют затраты значительного количества трудовой энергии на создание обстановки, необходимой для самого примитивного существования. Хотя внимание хозяйствующего населения направлено на богатства, лежащие на поверхности, тем не менее и они трудно доступны. Затрата труда на единицу продукта весьма значительна, потому что велика территория и трудно передвижение по местности, где эти продукты добываются.

В этом отношении и земледелие, и животноводство, и минералообрабатывающая деятельность населения сходны в основных чертах.

Самый внешний вид таджикских селений вскрывает примитивный характер хозяйственной экспансии населения, направленной на поверхность занимаемой территории.

Постройки с большим употреблением камня. Послед-

него много, в то время как лессовой—пластичной и вязкой глины мало, а она часто бывает нужней на полях. От камней приходится очищать поля, дороги (особенно после дождевых весенних потоков с гор—силей); камни используются и на постройку жилых помещений и особенно заборов-дувалов. Свойственный Средней Азии недостаток строительного материала одинаково присущ и Таджикистану, но горы дают обильный кустарник (особенно, боярышник, барбарис, разные виды шиповника). Таджик не так заинтересован, как равнинный узбек, в широких незатененных деревьями полевых площадях под промышленные культуры; отсюда, наряду с продуктовыми деревьями, кустарниками (шелковица—тут, абрикос—урюк, джида, орех, боярышник, слива; где доступно по климатическим условиям—гранат, винные ягоды—инжир, виноград и др.)—искусственно выращиваются чисто декоративные: платан (чинар), карагач. Отсюда же при недостатке строительного леса для сооружений и при наличии больших запасов кустарника-дувалы строятся из камня и кустарника (колючего или с примесью высушенных горных колючек). Это тоже одна из особенностей чисто таджикских поселений в отличие от обычных глиняных дувалов башенного типа с орнаментом, свойственных оседлому населению в районах с менее чистым этническим типом: узбекам и таджикам далеких равнин (Самарканд—Бухара). Наконец, обилие воды, а в некоторых местностях развитие болотной и тугайной растительности, в особенности камышей, позволяет таджикам быть щедрыми в употреблении камыша, который идет не только на подстилки, цыновки, перегородки в жилье, потолки (все это можно видеть и в равнинной Средней Азии), а в качестве основного материала для крыши и дувалов. Тростниковая крыша с крутыми скатами часто не замазывается глиной; так создался своеобразный стиль построек в долинах верховьев Сурхана, Кафирнигана, Пянджа, Вахша. Декоративность таджикистанских поселений поддерживается не только бесплодными деревьями, в виде столетнего чинара с огромной тенистой кроной, но и побеленными стенами жилых строений. В этом опять-таки своеобразие глухих поселений Таджикистана. Известняка и алебастра много, он лежит на поверхности; в качестве топлива берутся колючки, которыми в изобилии покрыты склоны долин и предгорий. Поэтому развивается обжигание извести. Это занятие является довольно ярким примером зависимости населения от использования растительных и минеральных

богатств, лежащих опять-таки непосредственно на поверхности. Так удовлетворяется и примитивное эстетическое чутье горного жителя, покрывающего белыми пятнами, полосами, иногда орнаментами, редко сплошной покраской свои незатейливые жилища. Другой столь же зависящий от использования растительного поверхностного топлива промысел—выпаривание нашатыря и соли.

Распространенный в Таджикистане промысел углежжения и собирания орехового наплыва и лесоплодов, для непосредственного употребления и с промышленными целями, также опирается на пространную территорию с редко разбросанными древесными насаждениями, естественными и искусственными. Даже железоделательная промышленность (в тех районах, где имеется руда на поверхности) обслуживается колючками и кустарником в виде топлива отчасти.

Естественно, что разбросанность на поверхности земли в трудно-проходимых долинах и по скату гор сырья и материалов, необходимых для хозяйства, в том числе строительной деятельности населения, и сами свойства материала (колючка, кустарник, камни, корни деревьев и т. д.) обуславливает выбор транспортных средств, обслуживающих хозяйственные нужды населения—это осел—ишак, необходимая принадлежность почти всех таджикских хозяйств. Характер перевозимого груза на ослах предопределяет и мертвый транспортный инвентарь. Таджикские седла,—«паланг», покрывающие осла, имеют вид покрышек, скрывающих почти все туловище животного от головы до хвоста, с низко опущенными по бокам краями, что предохраняет животное от сучьев, колючек, трения камней и, давая упор в шею животного, не приводит при под'емах и спусках к сдвигам и постоянным падениям груза. В отличие от маленького седла равнины, таджикские седла велики и на них может поместиться большой об'емистый груз в переметных тростниковых сумах, в отличие от преимущественно ковровых, мало грузоемких (годных для более ценного груза) сум-курджинов долин.

Об ослах потому приходится говорить при общей характеристике хозяйственного уклада страны, что осел является наиболее универсальным и распространенным животным, не требующим почти ухода, обслуживающим почти все разнообразные, хотя и примитивные нужды таджика. Осел весьма приспособлен к передвижению по горам, к подножному корму почти круглый год.

Оригинальным транспортным средством, опять-таки резко бросающимся в глаза, в горных селениях Таджикистана являются деревянные сани-полозья — «чигина», обслуживающие таджика, главным образом, летом; на них в нижние долины со скатов свозят или, вернее, сволакивают так же, как вьюком на осле, грубые об'емистые грузы.

Примитивность хозяйственного уклада Таджикистана обнаруживается в употреблении весовых и поверхностных измерителей. Площади измеряются по весу продукта, который можно на них засеять или собрать. Вместо танапа с определенным числом шагов, здесь чаще встречается мера земли батман (мешок зерна).

Весовые единицы, в свою очередь, повидимому, определяются грузопод'емностью транспортных средств. Малый батман или мешок, погруженный на осла, наполненный доверха, или «калапуш» (тюбитейка)—для более ценных грузов, ссыпаемых в поясной платок и так перевозимых,—на этом строится об'емное и весовое измерения распространенных в обиходе продуктов*).

К числу внешних, также довольно резко бросающихся особенностей, в которых опять-таки проявляется направленность внимания населения на естественные богатства поверхности земли относится собирание и промывание различных употребляемых в пищу и с техническими целями корней дико-растущих растений. Здесь используется женский и детский труд по преимуществу, приобретающий часто массовый коллективный характер (берег реки или родника бывает усеян женщинами, протирающими и промывающими корни).

Примитивному хозяйственному укладу Таджикистана весьма подходит распространение охотничьего промысла. Заслуживает внимания наличие во многих таджикских поселениях вида довольно породистых собак гончих «тазы», с коими таджик обращается весьма бережно и с любовью, в отличие от оседлых узбеков равнины, для которых все собаки поганы. Эти «тазы», имеющие, повидимому, весьма древнее происхождение, распространены в районе Таджикистана и у полукочевых горных тюрков там, где существует охота на диких животных.

*) Примечание. Экономической оценке метрологических данных Средней Азии посвящена небольшая, но весьма содержательная работа А. Г. Сахарова, научного сотрудника САГУ, в материалах комиссии по экономическому об'единению 1922 г., в Ташкенте.

Необходимо отметить способ, коим таджик освещается. Керосин недоступен, лучина за недостатком леса не принята. Между тем долгие месяцы в глухих горных ущельях используются населением для домашних промыслов при искусственном освещении. В качестве осветительного материала употребляют в нижележащих районах растительное масло из клещевины (бандаджир), льна, конопли, а выше из коровьего масла.

Примитивно-потребительский характер товарной экспансии таджикских горных и предгорных поселений определяет тип расселения хозяйствующего населения. Базар и широкий рынок снабжения и сбыта—то, что делает равнинную оседлую полосу Средней Азии своеобразным промышленно-земледельческим целым—не играет значительной роли в Таджикистане. В равнинной оседлой полосе тип расселения в значительной степени зависит от условий водоснабжения, обычно ограниченного для нужд земледелия. Только предгорные полосы северного маловодного Таджикистана, напр., современный Ура-Тюбинский вилайет,—создают сгущение населения с большой развитостью торгово-промышленных занятий: город Ура-Тюбе, селение Шахристан и др., приближающиеся к обычным скученным селениям Средней Азии с широким окружением садов и виноградников, ромбов и квадратов поливных полей и, наконец, богарной пашни. Но этот участок, являющийся естественным продолжением Ферганской долины и служащий переходом от одной народно-хозяйственной формации в другую, мало показателен для всего Таджикистана.

Совершенно резко выражен собственно-таджикский тип расселения в среднем и верхнем течении больших и малых источников рек, стекающих к Аму-Дарье и Зеравшану с их притоками и пересекающих Таджикистан в различных направлениях.

В связи с перечисленными выше специфическими особенностями таджикских поселений надлежит более подробно остановиться на расположении и хозяйственной устойчивости населенных пунктов с довольно разнообразным названием «дэх», «кент», «кишлак», об'единяемых в тюмени или амлякдарства.

В порядке расселения очень отчетливо сказывается чрезвычайно сильная обусловленность хозяйственного быта и общего строя страны факторами физико-географического порядка.

Население гор, подобно естественно-произрастающим, размножающимся и развивающимся растениям и животным, приспособляется к основному фактору зонального рассеяния жизни—солнцу. Так, здесь в глухих долинах—в низинах, и на склоне гор население группируется по признакам солнечного («дэх-и-автобру») и теневого («дэх-и-сойру») расположения*). При чем можно подметить более интенсивный по земледелию и скотоводству характер хозяйственной деятельности теневых поселений и более экстенсивный и часто хищнический стиль хозяйствования поселений солнечных. К числу последних относятся и нижележащие зимовки кочевых узбекских племен (локай, катаган, тюрки и др.), выбирающих зимнее жилье в местах, где земля освобождается скорее от снежного покрова и допускает свободный выпас скота. Оседлый таджик приспособляется так к солнцу только в верхних частях долин с суровой, долгой и многоснежной зимой. В среднем течении постоянные жилища сгущаются в местах, защищенных от весенних потоков (силь) или снежных лавин с удобными условиями водоснабжения для орошения и водопоя.

На высоких нагорьях, в местах зарождения рек из ледников и в высоколежащих узких ущельях Вахша, Сурхоба, Ягноба, Магиана, Фана, Фароба, Матчи и других рек в их верхнем течении таджик прежде всего ценит солнечное тепло и тянется к нему, как растение, не заботясь о малоплодоносной земле, безразлично, орошенной или неорошенной. Он еще не оценил значения водной энергии в ее колоссальных, но не взятых в работу запасах. Таджик же среднего и нижнего течения тех же рек в местах, щедро одаренных солнечным теплом, ценит больше всего землю и кое-где начинает ценить воду.

Отсюда тип расселения одинаков для всего Кохистана («страны гор») в верхних частях Вахана, Рушана, Шугнана, Орошара (в Бадахшанском округе), Дарваза (в Гармском округе), Бальджуана (в Кулябском округе), Кара-тага (в Сары-Ассийском окр.), Файзабада (в Дюшамбинском окр.).

Это небольшие хутора-дворы, располагающиеся по возможности на солнечной стороне около родников; всячески избегается затенение, а потому жилища менее скучены, по

*) 1) Статья Н. Г. Маллицкого о ягнобцах в Изв. Турк. отд. РГО за 1924 г.

Ряд аналогичных, но не обобщенных наблюдений и замечаний содержатся в материалах воен. стат. описаний, начиная с 70 г.г. XIX в. у офицеров штаба Мелева, Кузнецова, Галкина и др.

отдельным дворам, семьи многочисленны. Эти большие горные дворы-семьи, и в то же время селения, весьма устойчивы и по сво им названиям: поселенный пункт, состоящий из одной семьи в 13—15 человек, твердо сохраняет свое название и состав в продолжении многих десятков лет, чего не наблюдается в районах более низко лежащих. В горах нет тех мотивов к выделению из семьи членов в самостоятельные хозяйства, с чем, например, связывается получение водо-земельного надела в районах нижнего маловодного течения рек.

В Таджикистане соответствующие раздробительные тенденции действуют лишь в маловодных предгорных частях Ура-Тюбинского и Курган-Тюбинского округов, в замкнутых бассейнах, разбираемых полностью на орошение рек. Особенность раздробительных тенденций еще выражается в том, что они свойственны не столько таджикам, а по преимуществу туркменам и узбекам, проживающим в Таджикистане в районах маловодных и уплотненных. Таджикские же горные селения не имеют особых экономических стимулов к выделу членов семьи в самостоятельное хозяйство и меньше всего в верхнем течении рек. Выделение здесь сопровождается эпизодическим передвижением эмигрантов в нижележащие части долин.

Для среднего течения рек характерным является иной тип нехуторских поселений. По мере понижения рельефа, более обеспеченный водой и солнцем горец начинает беречь землю. Там, где долины рек несколько расширены и образуют годную для интенсивной обработки почву, площадки жилищ группируются внизу под самые скаты, чтобы освободить как можно больше места для пашни. Селения Каратегина (в современном Гарме), в нижнем течении Ягноба, по Пянджу, ниже устья Ванча и Язгулема, также в нижнем течении Ягноба, Искандера и друг. горных рек—всюду здесь встречаются небольшие поселения гнездового типа, расположенные амфитеатром по склонам гор и над обрывами. Дворы примыкают друг к другу, численность отдельных хозяйств невелика—до 7 человек. Ограниченность земель, годных для обработки площадей стимулирует выделение членов семьи в данном же селении в самостоятельные хозяйства и отпуск в другие места, находящиеся по близости. Отсюда ряд одноименных названий селений—характерная черта для Таджикистана—по имени того селения, из которого выделилось основное ядро. Так, на расстоянии иногда десятка верст с более или менее значительными перерывами следуют

селения одинаковые по имени, часто лишь с приставкой «паян»—нижний, «балэ»—верхний.

Вокруг этих поселений с хорошо возделанными участками поливной земли («оби») располагаются по склонам гор посевы, орошаемые атмосферною влагой—«ляльми» и пастбища. Эти места оседлости являются наиболее выразительной и характерной для Таджикистана особенностью. Сюда стягивается население не только посезонно, особенно поздней весной и летом, в порядке ли возвращения с отхожих промыслов, или выезда из заболоченных и нездоровых низин, сюда в периоды острых неурядиц собираются со своим скарбом, хлебными запасами более зажиточные слои нижних частей долины. Здесь ищут естественной защиты в глубине труднодоступных ущелий от врагов не только внешних, но, главным образом, внутренних.

Такое сгущение населения в глубоких долинах Таджикистана наблюдается как раз в годы революции, начиная с 1919 г. и особенно после свержения эмира в Бухаре, в 1920 г. когда гражданская война перекинулась из равнин в глубь предгорий и долин.

Но это новейшее миграционное движение не является оригинальностью. Аналогичные явления наблюдались и раньше. С момента водворения в крае русских неоднократно отмечалось значение глубоких долин современного Таджикистана, как места имиграции кочевников и полукочевников из Самаркандской обл. (в особенности Джизакский уезд) и Ферганской обл. (особенно Ходжентский у.). Эти предгорные и равнинные иммигранты в Таджикистане располагались зимовками в широких частях долин, грабили оседлых аборигенов таджиков и оттесняли их в горы.

Но проходит смутный период. Колонизационная волна в нижней части бассейна оседает, рассасывается, распыляется, переходит к мирному труду, тогда начинается обратный процесс: выделение таджиков из перенаселенной горной лощины в предгория и широкие долины. Но в связи с новыми людскими массами и обычным понижением интенсивности сельского хозяйства и здесь чувствуется сильное переуплотнение. Однако, здесь имеются благоприятные данные для роста площади поливных земель и интенсификации сельского хозяйства и таджик выступает в качестве мелиоратора земель, поступающих в пользование смешанных по этническому составу групп—узбеков и таджиков. Таково, напр., происхождение некоторых оросительных сооружений в Пенджакентском вилайете, построенных в первой половине XIX века выходцами-таджиками из Каратегина, и населенных каратегинцами, матчинцами и кштутцами. [1]) Помимо таких миграционных движений длительного и устойчивого порядка—население узких долин выбрасывает кадры сезонных выходцев-рабочих в Ферганскую, Самаркандскую области и даже в Афганистан.

Начало последней колонизационной волны, выведшей Таджикистан из состояния равновесия, относится к 1916 г. после восстания в Фергане и Джизакском уезде и ухода значительной части восставшего населения в Восточную Бухару или современный Таджикистан.

Таджики с 1917 г. стали уходить в глубину долин, в места трудно доступные. Ниже же идет борьба между аборигенами, пришельцами и группами, случайно попадающими на эту территорию.

Благоприятные условия вегетации, изобилие воды, но недостаток земли заставляют таджика узких долин быть чрезвычайно бережливым с землей в этих частях Таджикистана. Это отражается и на расположении жилых строений и на состоянии дорог. Последние сплошь и рядом служат целям стока воды. Поэтому в этих многоводных селениях наблюдается превращение пути в многоводную реку; с другой стороны тропинки не пересекают территорию по наиболее коротким линиям, а вьются часто по самому краю арыка в местах неудобных для использования под посев.

Чем ниже по течению рек, чем шире долины и чем они доступнее,—тем разнообразнее этнический состав хозяйствующего населения, тем более многочисленными и сгущенными являются отдельные поселения. Если население, вышесидящее, путем устройства жилья и служб приспосабливалось к наиболее удобному использованию даров солнца, почвы, растений, животных в их естественном состоянии, то в широких многоводных частях долин селения имеют значение защитных пунктов от нападения. Они превращаются в сельские города.

Этот характер расселения наиболее свойственен вилайету Сары-Ассия в полосе между рекой Каратаг-Дарья после ее выхода в широкую часть долины Сурхана вплоть до бас-

[1]) Г. А. Арандаренко „Досуги в Туркестане" СПБ. 1889 г.

сейна реки Халкаяра. Здесь расположен ряд городов—Денау, Юрчи, Регар, Сары-Джуй, Сары-Ассия, Каратаг и довольно крупные кишлаки. Такого же рода селения, правда, несколько реже встречающиеся и менее населенные наблюдаются в средней части бассейна Кафирнигана с примыкающим к нему стоком Илек в современном Дюшамбинском вилайете с городами Дюшамбе, Кафирниган, Файзабад. Полоса между рекой Шур-об прежнего Денаусского бекства вплоть до селения Чилян-горон на Кафирнигане и города Файзабада, в бассейне Илек представляет собой одну хозяйственную полосу, однотипную в отношении порядка расселения и форм хозяйственного использования естественных сил. Хозяйственная деятельность населения становится более разнообразной. Появляется совершенно не связанные с земледелием и животноводством группы, занятые торговлей и обрабатывающей промышленностью. Чисто городским элементом являются бухарские евреи, индусы, занимающиеся торговлей и растовщичеством. Эти же города являются звеньями торговой связи между оптовыми центрами спроса и сбыта прежней Бухары, районными собирателями экспортных и крупными распылителями импортных товаров.

В общем направлении хозяйственной деятельности населения и здесь сказывается общая для Таджикистана черта—использование даров природы, в частности, водной энергии в самых примитивных и часто хищнических формах. Водные запасы основных водных артерий остаются неиспользованными. Хозяйственная жизнь опирается на использовании речек и ручьев, вытекающих из узких долин на широкие низины, часто разбирающихся полностью на поливы, не доходя до своих естественных стоков и образующих в низинах долины болота, туган. Отсутствие рационального сброса, дренирования—в одних случаях; недостаток воды в конце оросительной сети—в других случаях все это создает в этих частях Таджикистана пестроту хозяйственных форм, наряду со сравнительной этнической пестротой. Хищническое экстенсивное водопользование приводит к заболачиванию или засушиванию почвы. В летние периоды жизнь в этих районах привлекательна лишь для хозяйств с определенным рыночным уклоном, строющим свое благосостояние на торговле. Но для хлебопашца, для скотовода и для кустаря-промышленника жизнь в этих местностях в период времени с лета до поздней осени становится невозможной. Поэтому многие поселения здесь

летом пустуют. Таджики и узбеки разных родов переходят в более благоприятные для жизни места.

Не приходится удивляться, что экспедиции последних лет (1921, 1923, 1924 г.г.), производимые большей частью в летний период, говорят о запущении городов и селений по Сурхану, Кафирнигану и Вахшу (в районе Курган-Тюбе). Гражданская война в Восточной Бухаре несомненно сыграла здесь значительную роль, но не исключительную. Военные события придали обычным сезонным перемещениям населения более затяжной характер. Просматривая же материалы военно-статистических описаний, начиная с 70 г.г. XIX века, можно встретить те же указания на заброшенные пашни, разрушенные стены селений и т. д. Все это признак экстенсивности хозяйства вообще, когда население не связано достаточно прочно с землей. Признаком слабой связи населения с землей служит разнообразие географических названий у местного населения и измерение топографии населенных пунктов в отличие от устойчивости местоположения и названий в вышележащей полосе. За период в последние 50 лет можно подметить замену одних названий другими, или одно селение называется по разному. В этом сказывается отсутствие прочной культурной традиции.

Еще большую пестроту в типах расселения и в направлении хозяйственной деятельности населения можно заметить еще ниже по течению реки в местах, наиболее поздней колонизации. Прежние Кулябское, Курган-Тюбинское, Кабадианское бекства (современный Курган-Тюбинский вилайет полностью и часть Кулябского) содержат на своей территории кроме таджиков, полукочевых узбеков, киргиз, туркмен и выходцев из Афганистана. Ни одна из этих народностей здесь не представляет резко выраженного большинства. И в этническом составе и в постройках (афганского типа с куполообразными крышами) обнаруживаются множество влияний.

Такая же пестрота обнаруживается в системах расселения.

Процесс перехода от хуторов в верхнем течении рек, к сгущенным поселениям в среднем течении, здесь осложняется своеобразными формами хозяйств полукочевого земледельческого типа. Вместе с тем оседлое коренное население, располагаясь ближе к удобным путям сообщения и рынкам сбыта, склонно к более рациональному использованию даров природы и своих собственных сил одинаково в области земледелия,

скотоводства, как и промышленности. Это прежде всего выражается в более сложном характере ирригационных сооружений. Отсюда тип расселения таков: сгущенные поселения таджиков и оседлых узбеков между ними и вокруг одиночные дворы аульных общин и зимовки (кишлаки) узбеков, киргизов и туркмен. Средняя численность распыленных дворов узбеков и кое-где киргизов достигает до 20 человек, при численности таджикских хозяйств 7—8 чел. Внешний вид оседлых смешанных таджикско-узбекских селений приближается к обычным средне-азиатским.

В этих частях Таджикистана сочетание интенсивных и экстенсивных форм еще более приводит народное хозяйство края к состоянию весьма неустойчивого равновесия. Неурожай, военно-политические события или изменения сбыта (напр., перерыв сообщения по Аму-Дарье) обостряют хозяйственную борьбу, проявляющуюся и в этнических антагонизмах. Процессы неурядиц принимают крайне обостренный характер, но в то же время, в силу значительной эластичности и приспособляемости оседлого населения равнин к новой обстановке, изживание этой неурядицы обычно происходит быстрей. Во всяком случае в этих периферических частях Таджикистана деревенская физиономия является менее выразительной; хозяйственная деятельность населения начинает приобретать настолько усложненный характер, с приспособлением продукции к условиям сбыта, с развитой торговлей, что чисто природные факторы расселения начинают играть все меньшую роль. Эти низменные части являются другим полюсом по отношению к самым высоким нагорьям Таджикистана — Памиру.

Таким образом в Таджикистане можно установить четыре основных типа расселения:

I—тип мелко-гнездовой, семейно-дворовой в поселениях горцев Матчи, Фальгара, Дарваза, Рушана, Шугнана наличием числа селений до 15 дворов, обычно семья велика, свыше 10 человек.

II—тип крупно-гнездовой, горцев Каратегина, Искандеровской, Кштутской волостей, селений долины Каратаг-Дарьи выше Каратага и выше Бальджуана по притокам Кизыл-су и в других районах с расширяющимися небольшими площадями в глубине горных долин; число хозяйств в селении чаще превышает 20, а число членов в хозяйстве обычно не выше 6—8 человек.

III тип деревенско-городской (кентский, кишлачный) с преобладанием таджикского населения, но и с примесью узбеков, широкие долины среднего течения Сурхана и Кафирнигана. Селения достигают до тысячи человек; хозяйства, сгущаясь в местах зимнего пребывания, имеют вторую резиденцию либо в прилегающих, хорошо орошенных полях, разбрасываясь на значительное пространство, либо в горах. Размер хозяйств приблизительно 5—7 человек. Зимовки узбеков встречаются, но редко.

IV тип, совмещающий в себе крупно-кишлачные поселения с малолюдными хозяйствами до 6 человек и их значительной сгущенностью, с одной стороны, и более многолюдные хозяйства с семьей до 15 человек, полукочевников узбеков, туркмен и киргизов; переходный тип к равнинному общему для всей Средней Азии типу поселений промышленно-сбытового характера, окруженных курганами и кунградами.

III. Особенности сельского хозяйства Таджикистана.

О сближении границ административных единиц—вилайетов—с границами экономических районов по признаку общности территории говорилось выше (гл. I). Поскольку хозяйственная энергия населения направляется на использование находящихся на поверхности земли даров природы, по преимуществу путем культивирования довольно разнообразного ассортимента растений и выращивания животных, постольку земледелие и животноводство могут быть признаны главнейшими занятиями населения, и потому разделение всей территории Таджикистана на сельско-хозяйственные районы в зависимости от направления и характера земледелия и животноводства,—такое разделение должно быть признано основным. К сожалению не только недостаток и дефективность статистических материалов препятствуют такой перекройке территории Таджикистана; более серьезными являются трудности, обусловленные неразработанностью методики сельскохозяйственного районирования вообще. Если строить районы путем соединения воедино наиболее мелких учетных единиц на основании повторяемости одних и тех же признаков, т.-е. по признаку сходства и подобия, то административные границы не совпадут с границами сельско-хозяйственных районов. Предпринятая выше попытка установления основных типов

расселения Таджикистана показала, как один тип расселения и, естественно, общие формы хозяйствования распространяются не только на смежные, но и довольно отдаленные территории, находящиеся в сходной физико-географической и социальной (в частности условия сбыта) среде. Районирование по сходству и смежности должно быть дополнено районированием по контрадикторности (противоположности). Особенно такое районирование важно для Таджикистана, где специализация продукции сельского хозяйства при плохих путях сообщения обусловлена физико-географической средой (условия вегетации и вызревания в горах и долинах, наличие естественных и искусственных кормов, определенный выбор растений и животных) и в то же время хозяйственный уклад при оторванности отдельных частей хозяйственной территории друг от друга,—носит натурально-меновой характер. Примером замкнутости отдельного района с сочетанием на разных ступенях течения одной реки различных видов сельско-хозяйственной продукции, соответствующей специализации земледелия и животноводства, и тесной зависимости нижележащих частей от верхних и наоборот,—примером такого района, определяемого по признаку противоположности и вытекающей отсюда зависимости составных частей друг от друга, может служить почти любая из рек, стекающих в долины Сурхана, Кафирнигана, Пянджа и верхнего течения Зеравшана.

Поскольку современные административные единицы приближаются к оросительным районам с учетом связи отдельных частей долин друг с другом, постольку можно пользоваться административными границами вилайетов для сводной характеристики сельско-хозяйственного уклада в органически цельных рамках отдельных оросительных систем и всего Таджикистана, но нельзя, конечно, забывать, что эти сводные цифры характеристики скрывают за собой чрезвычайное разнообразие хозяйственных форм и что в задачу ближайшего будущего входит раскрыть все это разнообразие и более подробно проследить свойство междухозяйственных связей, скрепляющих отдельные мелкие разделы, более частные районы и подрайоны в более пространные хозяйственные единства с четкими очертаниями их границ и ярко выраженными особенностями их хозяйственной формации.

Сейчас же приходится оперировать над Таджикистаном с очень грубыми масштабами, предполагая, что факты сохранения устойчивыми ряда этнических особенностей среди населения и значительная устойчивость границ сгущения и распространения таджикской народности, служат признаками общности отдельных частей территории и в хозяйственном отношении.

При выяснении общего направления сельского хозяйства, прежде всего необходимо выяснить характер связи крестьянина с землей. В прежних статистико-обследовательских работах, произведенных в бывшей Туркреспублике, все население подразделялось на три основные рубрики: туземное оседлое, туземное кочевое и русское. Пришлый европейский элемент в Таджикистане пока еще случаен и численность его ничтожна. Существенно важным является деление хозяйствующего населении на оседлое и кочевое. К последнему по статистическим обследованиям, относятся только хозяйства совершенно определенного кочевого цикла, совершающие последовательный переход от зимовок («кстау») через весеннее пастбище («коктау») на летовки («джайляу») и возвращающиеся на зимовки через осенние пастбища («кузеу»), при чем исключаются из числа кочевых хозяйств те, которые сохраняют круглый год связь с зимовкой, поручая выпас скота вне призимовочной территории другим хозяйствам.

Если для туземца-казака (казак-киргиза) и киргиза (кара-киргиза) характерна цикловая подвижность хозяйства, делающая его действительно хозяйством кочевым, если для оседлого жителя равнины сфера перемещения ограничивается весьма тесными границами территории припоселочных и пригородных дач, то для обитателей Таджикистана наиболее свойственно соединение постоянной усадебной площади с широкой и в достаточной мере неопределенной территорией выпаса скота. Общий хозяйственный стиль Таджикистана с ориентацией деятельности населения на пространство, на территорию с использованием естественных даров ее поверхности по преимуществу, выражается в распространении полукочевых хозяйств, занимающих промежуточное место между хозяйствами оседлыми и кочевыми. Поэтому по переписям 1917 и 1920 годов все волости Туркреспублики, вошедшие в состав современного Таджикистана, кроме Памира, современного Горного Бадахшана, были признаны чисто оседлыми; по данным же переписей 1914 г. в Бухаре было учтено значительное число кочевых хозяйств; какой признак отделял кочевые хозяйства от оседлых установить

не удалось. Принимая во внимание крайнюю дефективность бухарских материалов 1914 г., пришлось определить количество кочевого населения лишь по данным, относящимся к мужскому населению. По материалам переписей было исчислено %-ное отношение кочевых мужчин к общему количеству мужчин.

На основании указанных подсчетов, имея данные статистических переписей, можно весь Таджикистан разбить на три пояса распространения кочевого и полукочевого населения.

I. Горный Бадахшан (Памир)—кочевое население 20%.
II. Округа: Сары-Ассийский ,, ,, 7%.
Курган-Тюбинский ,, ,, 6%.
Дюшамбинский ,, ,, 3%.
III. Округа: Пенджакентский, Кулябский, Ура-Тюбинский, Гармский } кочевое население не зарегистрировано

Но имеется еще один признак, который можно привлечь для выяснения подвижности населения—это обеспеченность населения баранами. Овцеводство строится в Средней Азии вообще и в Таджикистане в частности на использовании широких пастбищных площадей; поэтому число баранов может служить подсобным признаком для определения степени подвижности населения. Можно подметить соответствие между распространением кочевого населения и распределением баранов:

I пояс—с наличием чисто кочевого населения:
Горный Бадахшан на 100 чел.—299 бар.
II пояс—с наличием смешанного полукочевого населения:
Сары-Ассийский округ на 100 чел.—143 бар.
Курган-Тюбинский ,, ,, ,, ,, —103 ,,
Дюшамбинский ,, ,, ,, ,, — 94 ,,
III пояс—с отсутствием выраженных признаков кочевания:
Пенджекентский округ на 100 чел.— 94 бар.
Кулябский ,, ,, ,, ,, — 66 ,,
Ура-Тюбинский ,, ,, ,, ,, — 38 ,,
Гармский ,, ,, ,, ,, — 17 ,,

Не вполне ясными представляются причины обусловленности сравнительно низких цифр обеспеченности мелким скотом Гармского и в особенности Кулябского вилайетов.

Район бывшего Кулябского бекства, так же как и район Курган-Тюбе, характеризовался в прежнее время, в особенности по данным военно-статистических описаний, вплоть до начала настоящего века значительным количеством кочевых узбеков.

Во всяком случае отсутствие подробного статистического материала о кочевом населении Таджикистана не мешает обнаружить различную степень подвижности населения, обусловленную хозяйственными причинами. Таджикистан является с древних пор районом, куда стекаются эмигранты из отдаленных частей средне-азиатских равнин. Таджикистан привлекал к себе не только древнейшее оседлое население; туда же в разные периоды направлялись тюрки, узбеки—родов «Лэкай», «Катаган», «Марка», «Дурмон», славящиеся своей независимостью и ревниво охраняющие свой хозяйственный и бытовой уклад: экстенсивное земледелие с крайне незначительными посевными площадями и экстенсивное скотоводство с огромной территорией выпаса.

В Таджикистане до последнего времени находилось место для таких сочетаний, особенно в широких и низких частях долин Сурхана, Кафирнигана, Вахша и Пянджа с их притоками.

Данные об абсолютных размерах посевных площадей и численности скота даны в приложении к настоящему очерку.

В следующей таблице № 4 приводятся относительные данные о пропорции полевых культур на поливных землях («оби») и посевов под дождь («ляльми») по различным вилайетам Таджикистана *).

ТАБЛИЦА № 4.

Для всего Таджикистана		Горно-Бадахшанск.	Гармский	Ура-Тюбинский	Кулябский	Пенджекентский	Сары-Ассийский	Дюшамбинский	Курган-Тюбинский
81,7	Продовольствен.	96,5	95,2	94,3	82,9	74,0	70,7	69,7	52,8
6,9	Промышлен.	—	0,8	0,4	5,7	3,1	13,0	13,2	17,9
4,0	Рис	—	—	—	3,5	12,6	11,7	7,3	5,4
2,9	Корловые	—	1,9	3,0	3,1	6,2	1,7	3,6	7,3
2,7	Бахчи и огороды	3,5	0,6	1,9	2,6	4,1	2,1	3,9	10,2
1,8	Прочие.	—	1,5	0,4	2,2	—	0,8	2,3	6,4
100	Всего	100	100	100	100	100	100	100	100
3,3	На десятину поливных посевов («оби») приходится посевов под дождь («ляльми»)	—	2,6	0,8	2,3	1,4	3,0	4,7	15,7

*) Абсолютные цифры даны в приложении на стр. 244.

И по характеру полеводства все вилайеты можно разделить на три основные группы: первая группа — с решительным преобладанием продовольственных культур (пшеница, ячмень, маш, горох, просо, кунак)—это Горный Бадахшан; другая полоса—со значительными посевами продовольственных, при чем по мере сокращения площадей под зерно-злаками возрастает площадь кормовых; округа по порядку возрастания кормовых площадей: Гармский, Ура-Тюбинский, Кулябский и Пенджакентский; и, наконец—со значительной ролью в севообороте промышленных и риса. Для последней группы примечательна (как и в других оседлых районах Средней Азии) прямая зависимость между ростом богарных посевов и площадей под хлопком и кормовыми и обратная зависимость между продовольственными, кроме риса, и хлопком, с одной стороны, и рисом—с другой. Рис конкурирует с хлопком. Последний же распространяется на территории Таджикистана параллельно с распространением богарных посевов, кормовых, бахчей и огородов.

Развитие посевов кормовых, особенно джугары, означает несомненно переход от архаических форм скотоводства к более прочной связи с землей, обрабатываемой для содержания скота. Джугара является трудоемкой культурой не только в силу значительных затрат на обработку земли, но и в силу значительного количества женского и детского труда затрачиваемого на борьбу с вредителями (птицами). Аналогичных, но в меньшем количестве, усилий требуют просо и кунак (местная разновидность проса).

Несомненно существует связь между составами культур и составом стада у хозяйствующего населения.

Пропорция стада в % % приводится в следующей таблице № 5. *)

И здесь можно подметить группировку, сходную с группировкой по пропорции культур.

Вилайеты со значительными промышленными клиньями являются районами с решительным преобладанием овцеводства этой наиболее экстенсивной отрасли скотоводства. Исключение составляет Горный Бадахшан, но в нем земледелие играет второстепенную роль.

В другую группу—с весьма значительным % крупного рогатого скота в стаде—входят вилайеты—Гармский, Кулябский, Ура-Тюбинский и Пенджакентский.

*) Абсолютные цифры см. на стр. 243.

ТАБЛИЦА № 5.

Для Таджикистана		Гармский	Кулябский	Ура-Тюбинский	Пенджакентский	Горно-бадахшанский	Дюшамбинский	Курган-Тюбинский	Сары-Ассийский
17,9	Крупный рог. скот	30,6	24,3	21,2	16,0	15,8	13,5	8,4	7,3
50,2	Овцы	39,9	46,9	40,7	43,0	54,5	55,6	58,8	54,9
23,9	Козы	21,7	18,9	19,6	33,0	26,1	24,0	26,2	32,1
4,5	Лошади	5,0	5,1	7,0	2,0	1,9	4,8	4,8	4,2
3,2	Ослы	2,4	4,8	10,6	6,0	0,8	2,0	1,5	1,4
0,3	Верблюды . . .	0,4	—	0,9	—	0,9	0,1	1,1	0,1
100	Всего . . .	100	100	100	100	100	100	100	100

Общая тенденция, обнаруживаемая в таблицах: понижение % крупного рогатого скота в стаде сопровождается повышением численности овец и лошадей; чем больше в хозяйстве промышленный и кормовой клин, тем значительно больше потребность в крупном рогатом скоте и тем меньше необходимости и возможности разводить овец, нуждающихся в очень широкой территории выпаса, и лошадей, необходимых для передвижения вместе с овечьим стадом.

Вообще, можно подметить своеобразную и, повидимому, только в Таджикистане столь явственно наблюдаемую, прямую зависимость между обеспеченностью населения посевами и рабочим скотом.

Гармский и Горно-Бадахшанский вилайеты с особым хозяйственным стилем должны быть выделены.

ТАБЛИЦА № 6.

НАЗВАНИЕ УЧАСТКОВ	Обеспеченность культ. землей на 10 чел.	Обеспеченность крупн. рог. скот. на 10 чел.	Обеспеченность рабоч. скот на 1 дес. посева
Пенджекентский	0,5	13	1,6
Кулябский	0,7	8	3,6
Ура-Тюбинский.	0,8	8	4,8
Сары-Ассийский	1,5	7	9,4
Дюшамбинский	1,6	6	9,8
Курган-Тюбинский	3,1	5	25,1

Заслуживает внимания обратная зависимость между обеспеченностью землей, с одной стороны, и обеспеченностью населения и посевов рабочим скотом, с другой.

Для других частей Средней Азии обычно свойственна прямая зависимость между обеспеченностью крупным рогатым скотом и посевами: чем больше у населения рабочего скота, тем больше оно может распахать; или иначе, чем больше землевладение, тем больше нужда в скоте. В Таджикистане с зерновым и преимущественно внутренне-потребительским направлением полеводства, при плохих путях сообщения, натуральном обмене—отсутствуют стимулы к расширению промышленной пашни. Рогатый скот здесь уже не играет подсобной при земледелии роли; он получает не только внутренне-потребительское, но самостоятельное промышленно-сбытовое значение. И сельский хозяин, увеличивая стадо, более всего заинтересован в естественных пастбищах, лугах и в кормовых посевах. Чем больше крупного рогатого скота, тем крестьянин лучше и разносторонне питается, тем больше размер денежных поступлений в хозяйство, тем меньше он заинтересован в расширении площади продовольственных и кормовых посевов.

Пенджакентский округ издавна являлся районом производства коровьего масла, обслуживая долину Зеравшана с центром сбыта в Самарканде. Весьма значительная обеспеченность горных и предгорных таджикских селений Самаркандской и Ферганской областей бывшей Туркреспублики коровами делала этот район центром довольно значительных заготовительных операций для скупщиков живого скота и коровьего масла. По мере расширения посевов продовольственное и промысловое значение скотоводства ослабляется, и рогатый скот начинает фигурировать, как земледельческий живой инвентарь.

Наряду с разведением крупного рогатого скота другой специальностью скотоводческого промысла в Таджикистане является овцеводство.

К крупному рогатому скоту, кроме быков и коров, неважных кровей и экстерьеров, относятся яки-кутасы, о которых придется говорить ниже. Крупный рогатый скот в таджикских селениях по нагорьям и высоким горным ущельям имеет

продовольственно-удобрительное и отчасти транспортное значение. Для земледелия он необходим, как источник удобрения. Вместе с понижением % крупного рогатого скота наблюдается понижение интенсивности обработки земли. Высоко расположенные районы, дорожащие землей, усиленно унаваживают пашню, не прибегая к перелогам. Условия вегетации здесь ограничивают выбор растений продовольственными по преимуществу. Имея молочный скот, таджик нагорий располагает животным маслом и занимается масличными культурами меньше, чем житель нижерасположенных районов. Отсутствие посевов хлопка горец компенсирует разведением малорослого бескурдючного барана—«гадика» и козы, дающих высокоценные шерсть и пух, идущие на выработку шерстяных тканей. Последние вырабатываются горными таджиками со значительным совершенством и пользуются известностью и распространением и в нижележащих частях долин и в равнинах. Население широких долин, более пестрое по этническому составу, располагает большим выбором культивируемых растений и скота: здесь встречаются хлопок, разные масличные, рис; сильно развитое овцеводство выработало особую породу больших бесхвостых овец (до 3-х пудов чистого мяса и сала), так называемых «гиссарских», дающих также и шерсть. Знаменитого бадахшанского барана, еще большего веса, можно найти лишь на нагорном плато Памира. Овцы из современных билайетов Сары-Ассии, Дюшамбе, Курган-Тюбе издавна проникали огромными гуртами через Гузарский базар на рынки Бухары, Самарканда и Ферганы. И ныне овцеводство сгущается в предгорных местностях Таджикистана, смежных с Байсунским уездом по рекам Каратаг-Дарье и Кафирнигану.

Для уяснения изменения в состоянии производительных сил сельского хозяйства в самое последнее время приходится основываться, с одной стороны, на данных 1917 г., а с другой на составленных комбинационных, путем данных переписи 1920 г. и экспедиционных обследований 1921—23 г. г., цифрах, формально признаваемых, как современное состояние Таджикистана (главным образом по материалам Комиссии по нацразмежеванию при УполСТО в Средней Азии).

Численность населения сократилась с 1.126.800 чел. до 720.600 чел., последняя цифра составляет 62,3% от численности 1917 г.

Изменения в посевных площадях для всего Таджикистана таковы:

ТАБЛИЦА № 7.

Посевы на поливных землях.

ГОДЫ	Хлебные	Просо и кунак	Рис	Джугара и кукуруза	Маш и горох	Табак
1917	203,6	6,9	11,8	1,0	3,7	0,2
1923	182,9	6,2	7,3	3,2	5,0	—
Отношение 1923 г. к 1917 г.	89,8	89,8	61,8	320,0	135,1	—

Продолжение таблицы № 7.

Хлопок		Масличн.	Бахчи и огороды	Люцерна	Прочие	Всего	„Ляльми“
Туземн.	Амер.						
4,4	3,2	10,9	7,3	7,2	4,9	265,1	920,0
1,5	—	4,8	5,6	6,0	5,2	227,7	428,4
34,0	—	44,0	76,7	83,3	106,1	85,7	46,6

Больше всего уменьшились посевы хлопка и масличных. Эти две культуры имеют в Таджикистане промышленное значение. Последствия революции и гражданской войны—разрыв прежних междурайонных и междухозяйственных связей, не могли не отразиться на более приспособленном к удовлетворению непосредственных потребительских нужд, выборе растений. Сократились также значительно площади посевов под атмосферную влагу—«ляльми». Площади под остальными культурами уменьшились меньше, чем население. Иначе говоря, на человека приходится большая земельная площадь. Сокращение посевов трудоемкого хлопка компенсируется расширением посевов также трудоемкой джугары. Последняя имеет кормовое значение. Увеличение площади кормовых является признаком изменения в составе стада. Здесь нужно ожидать в связи с увеличением посевных площадей умножение численности крупного молочного и рабочего скота, употребляемого на полевые работы. Для содержания этого скота в отдельных районах приходится прибегать к искусственным кормам, так как естественные луга и выпасы, находящиеся вне селений, так же как и неполивные посевы (ляльми), более доступны

для разбойничьих нападений, чем приусадебные поливные посевы.

Пребывание со скотом вне поселений наблюдается в случаях распашки земли под дождь, где прибегают к рабочей силе волов больше, чем при обработке «оби», где ручной труд часто играет решающую роль. Бараны также требуют широкого района выпаса. Но пребывание вне поселений особенно опасно для владельцев скота. Последний становится главным предметом разбойничьих посягательств.

Можно ли, основываясь на цифрах о большой относительно обеспеченности населения посевами и скотом, говорить о под'еме производительных сил сельского хозяйства и об обогащении населения? Отнюдь нет. Революция и война изменили быт населения, лишив его прежней подвижности. Неимеющий возможности передвигаться и пользоваться естественными пастбищами, обитатель широких долин и предгорий увеличивает запашку от бедности, от необходимости спасти свое хотя бы уменьшившееся стадо. Последнее же составляет основное имущество узбеков, населяющих Таджикистан; они славятся тем, что сумели спасти свой скот, эмигрировав из прежнего Туркестана в Восточную Бухару, и стремятся к спасению скота и сейчас.

Сокращение посевов «ляльми» (обычно ячмень и пшеница) —в части, правда, ничтожной—компенсируется увеличением посевов маша и гороха (площадь дает увеличение 135,1%). Центр внимания сельского населения переносится с культур, дающих сырье для обрабатывающей промышленности,—хлопок, масличные—на кормовые и от экстенсивных посевов под дождь на более трудоемкие посевы хлебов на орошенных землях. Во всем этом сказывается новая организация сбыта и спроса по сравнению с 1917 и прежними годами. Важнейшим фактором является рост потребления хлеба и особенно скоропортящихся продуктов—мяса—новыми потребителями Таджикистана—военными частями и расширяющимся административным аппаратом. Отсюда рост цен на хлеб и мясо и, что весьма важно, не только баранье, но и говяжье.

Развитие мясной продукции можно ожидать, рассматривая данные о посевных площадях. Совершенно ясно этот процесс перестройки, часто весьма болезненный, сельского хозяйства на более интенсивный лад подтверждается данными об изменении стада.

Так, мы имеем два ряда цифр:

Таблица № 8.

Годы	Овцы	Козы	Крупный рог. скот	Лошади	Ослы	Верблюды	Всего
1917	750,3	357,5	266,5	66,9	48,5	3,8	1.493,5
1923	466,0	255,0	247,0	45,0	44,0	3,0	1.060,0
отношение 1923 к 1917 в %	60,7	71,3	92,7	67,2	90,7	78,9	71,0

Наибольшее сокращение коснулось экстенсивного скотоводства—здесь аналогия с сокращением посевов «ляльми»—и наименьшее сокращение—скота по сравнению с сокращением численности населения и посевных площадей «оби».

Все эти данные служат подтверждением факта коренных изменений в хозяйственном укладе страны, несомненного разложения архаических форм хозяйствования.

Уже прослеживая наблюдения путешественников и обследователей, начиная с 70-х годов прошлого столетия, включительно до годов революции, можно заметить усложнение земледелия (развитие хлопководства) , переход к оседанию скотоводов (вытеснение кошомной юрты вследствие недостатка шерсти-войлока камышевыми и глиняными постройками), расширение торговли в связи с наплывом денежных знаков (в порядке финансирования армии и государственных заготовительных операций). Для установления изменений в стиле сельск. хозяйст. в новейшее время можно взять два ряда цифр:

ТАБЛИЦА № 9.

ГОДЫ	Плотность насел. на 100 д. пос.	Обеспеченность посевами			Обеспеченность скотом	
		Поливными на 100 чел.	% «ляльми» в состав общ. посевн. площади	Трудоемкими в % по всей поливн. площади	Всяким в переводе на крупный, на 100 ч.	% баранов в составе стада
В 1917 г.	94,4	24,3	77,7	9,8[1])	42,4	50
в 1923 г.	106,9	34,0	65,3	7,6	53,4	44

Всеми этими цифрами приходится пользоваться с осторожностью, но общая тенденция в изменении направления сельского хозяйства, замеченная раньше, подтверждается более явственно.

[1]) Трудоемкие: рис, хлопок, джугара, бахчи и огороды.

В годы революции можно заметить тенденцию земледелия в сторону его большей интенсификации. Резкое сокращение овцеводства связывается с переходом населения к более прочной связи с землей. А сравнительно повышенная обеспеченность скотом вообще вскрывает тенденцию и возможность перехода к более интенсивному земледелию и усилению промышленного скотоводства, имеющему перед собой достаточные перспективы развития.

Причины относительно малого сокращения скота в Таджикистане можно искать в иммиграционных движениях предреволюционных и революционных годов. Колоссальное сокращение стада в бывшей Туркреспублике—особенно Джизакский уезд—не может быть об'яснено непосредственным истреблением скота. Последний был отогнан от Туркреспублики. Местом его сосредоточения явился Таджикистан (бывш. Восточная Бухара). Новые волны эмигрантов, борьба за пашни и пастбища, за хлеб и скот, новые потребители, новые линии торгового тяготения,—все это продолжает влиять на изменение сельского хозяйства.

В итоге ознакомления с данными, характеризующими подвижность сельского населения, направление полеводства и скотоводства, можно установить три основных хозяйственных зоны.

I зона: нагорные плато и горные узкие ущелья—с весьма кратким вегетационным периодом, с ледниковым, дождевым и родниковым режимом источников, используемых с ирригационными целями, с недостатком удобной земли, покрытой камнями, с продовольственным характером полеводства при значительной трудоемкости его, обусловленной необходимостью систематической очистки поля от наносимых весенними водами (при таянии снегов и дождях) камней, пополнения почвы, подвозом земли (размываемой и смываемой весенними дождями) и удобрения; с молочно-продуктовым животноводством, с развитием внескотоводческих и внеземледельческих промыслов, по преимуществу связанных с добычей минеральных богатств и охотой на диких животных.

II зона глубоких, но нешироких долин и предгорий—с продолжительным вегетационным периодом, ограниченностью земли и иногда воды, в связи с использованием, главным образом, источников родникового и дождевого происхождения, ледниковых же—в нижнем течении по выходе из ущелий;

с большим разнообразием полеводственных культур и скота, менее трудоемких характером полеводства и скотоводства, чем в нагорной зоне при плохих условиях сообщения; здесь также развиваются внеземледельческие и внескотоводческие промыслы, главным образом связанные с использованием естественных растительных богатств.

III зона широких многоводных долин в устьях горных ледниковых и родниковых стоков (по выходе их из узких ущелий в широкие долины)—при длинном вегетационном периоде, дающем возможность значительного выбора растений, и благодаря большему удобству сообщения, обеспечивающему развитие промышленных культур, не имеющих здесь особенно трудоемкого характера; ввиду изобилия воды и земли здесь имеются естественные угодья, годные для переложного риса и заливных лугов; скотоводство экстенсивное с использованием крупного рогатого скота для земледельческих работ, внескотоводческие и внеземледельческие промыслы менее развиты, чем в вышележащих районах.

Следующая таблица представляет собою опыт сводной характеристики отдельных административных округов Таджикистана в сельско-хозяйственном отношении, с целью отнесения их к одной из трех зон, в зависимости от основных тенденций сельского хозяйства. В основу группировок положен признак плотности на единицу посевной площади.

ТАБЛИЦА № 10.

Плотность на 100 дес. посевов	Зоны с входящими в них округами	Обеспеченность посевами			Обеспеченность скотом		
		«Оби» в десят. на 100 челов.	«Ляльми» в % ко всем посевам	Промышл. интенсив. в % к полив. посев.	Всяким (голов) на 100 чел.	Быков на 100 дес. посева	Баранами в % ко всему стаду
	I зона:						
762	Горный Бадахшан . .	13,1	—	3,5	111,7	113,4	55
	II зона:						
182	Пенджекент	23,0	60,3	17,7	64,7	25,1	43
174	Гарм	15,6	73,1	0,6	17,6	8,4	40
117	Куляб	26,0	70,9	7,1	52,0	9,8	47
115	Ура-Тюбе	49,2	46,8	1,9	35,5	9,4	41
	III зона:						
64	Сара-Ассия	38,7	75,4	16,8	65,9	4,8	55
62	Дюшамбе	28,4	82,6	19,1	50,6	3,6	56
32	Курган-Тюбе	18,8	94,1	32,0	48,5	1,6	58
94	Для Таджикистана .	24,3	77,7	9,8	42,2	6,4	50

К зоне нагорных плато и узких горных ущелий (I) можно отнести Горный Бадахшан по преимуществу. Внутри этого района существует два подразделения: восточная и западная части. Восточная или нагорная часть является чисто скотоводческой страной, где земледелие совершенно невозможно по природным условиям. Здесь кочуют киргизы. Западная же часть, изрезанная узкими долинами, дает возможность комбинировать скотоводство с весьма ограниченным земледелием, при чем крутизна гор и долинных склонов и значительная высота их над уровнем моря вообще не позволяют развиваться земледелию под дождь—«ляльми». Здесь земля почти вся сосредоточена в глубине ущелий—«оби». Трудные условия сообщения с остальным миром, недостаток тепла, краткий период вегетации—обуславливают весьма ограниченный выбор культур: всюду пшеница, ячмень повыше и участки под сады, бахчи и огороды в более низких и глубоких частях долины,— вот основной тон земледелия этой части Таджикистана.

Весьма важной особенностью Горно-Бадахшанского района является весьма высокое отношение числа быков к посевной площади. Это отношение имеет, однако, иллюстративное значение. Быки на земледельческие работы здесь не употребляются. Особая порода крупного рогатого скота—яки-кутасы—служит целям транспорта по высоким нагорьям Памира, где слишком холодно для верблюда и где он по каменистому грунту не может пройти; где лошадь гибнет от разрыва сердца при высоких под'емах; где осел оказывается слишком слабым для длинных переходов по горным пустыням, и где кутас, боящийся жары, но приспособленный к памирским холоду и ветрам, является совершенно незаменимым животным транспортного и продовольственного значения. Значительная обеспеченность скотом вообще сопровождается сравнительно равномерным распределением его между крупным и мелким. Процент баранов в стаде при относительном богатстве района этим скотом уравновешивается высоким процентом крупного скота и коз.

Молочно-продуктовый характер таджикского скотоводства обнаруживается в Горно-Бадахшанском районе очень ясно. В этом основное отличие горного Таджикистана от оседлых районов Узбекистана, где рогатый скот играет, главным образом, роль рабочей силы.

В Таджикистане вообще, и особенно в высоких горных ущельях Бадахшана, Дарваза, бык мало пригоден в качестве

рабочей силы: он не может пройти туда, куда проходит осел, нагруженный незатейливыми земледельческими орудиями: сохой («аспор», «омач», «дандана»), заступом («бель»), киркой («килянд»), и используемый не только для переноски тяжестей, но и в виде рабочей силы при пахании, при обмолачивании зерна. Бык не может ходить и по усеянному камнями полю горного Таджикистана. Он участвует с ослом в земледельческих работах только при обмолачивании зерна на ровном гумне, вытаптывая зерно из колосьев и волоча за собою молотильную колоду—«чапар»—и сани—«чигина». Корова же имеет огромное значение в хозяйстве горного таджика. Количество коров на 1 хозяйство в Шугнанской волости достигает 2,6 гол., Лянгарской—4,6 гол., Ишкашимской—2,4 гол.[1]). Норма обеспечения—максимальная для Средней Азии, в несколько раз превышающая нормы обеспечения оседлого коренного населения Узбекистана и более высокая, чем норма обеспечения специализирующихся в молочном деле хозяйств русских поселений Джетысуйской области. Разведение крупного рогатого скота в горном Таджикистане имеет, повидимому, значительные исторические корни, что выражается и в географических названиях, производных от слова «гоу»—корова (Гоу-хана, Гоу-кушан и др.), и в нищевом режиме горного таджика, и в значительном сбыте коровьего масла из горных таджикских селений в пределы областей с узбекским, туркменским и даже киргизским населением.

Наиболее же, быть может, важное значение крупного скота в горных высоколежащих ущельях Рушана, Вахша, Шугнана, отчасти Дарваза, Фана и Ягноба заключается в том, что помет скота служит топливом (кизяк). Ничтожные заросли горного леса в этих районах изрядно вырублены, в топливо идут колючка (терескен) и главным образом кизяк.

Недостаток годной к обработке земли весьма остро чувствуется в Западном Бадахшане, как раз в связи с скотоводством. Посевные площади имеют тенденцию к расширению за счет лугов, в которых еще в предвоенное время чувствовался недостаток. Поэтому обычный севооборот горных таджиков—пшеница, ячмень, горох, смешанный с рожью, и просо—начинает осложняться искусственными кормами. Недостаток годной к обработке земли стимулирует развитие охоты на диких козлов и баранов (ахраров), медведей, лисиц, куниц, сурков,

[1]) По данным комиссии районирования бывш. Туркреспублики. Материалы, вып. II, изд. ТЭСА'а Ташк. 1924 г.

сусликов и зайцев. Охотятся с ружьями, капканами и гончими породистыми собаками («тазы»); сбыт продуктов охоты производится в Куляб и далее на Аму-дарью или через таджикское население Ферганы на Коканд и Ура-Тюбе.

К зоне глубоких ущелий и предгорий (II) относятся округа с плотностью от 115 до 182 человек на 100 дес., со значительным разнообразием хозяйствующей деятельности населения: Пенджакентский, Гармский, Кулябский, Ура-Тюбинский. Хотя горцы Пенджакентского, Ура-Тюбинского, Гармского округов (особенно матчинцы, ягнобцы, дарвазцы) приближаются по направлению своего хозяйства к горцам Горного Бадахшана, но по мере снижения обрабатываемых площадей изменяется господствующий стиль сельского хозяйства. В этом отношении все эти округа, особенно Пенджакентский и Ура-Тюбинский, могут служить примером смыкания двух самостоятельных сельско-хозяйственных поясов—нагорного и долинного.

В сельско-хозяйственном отношении эти переходные районы—бедны. Земли поливной здесь мало и она поддается с трудом обработке. Особенно в этом отношении заслуживает внимания Гармский округ с его малой обеспеченностью поливной землей, не особенно высоким % баранов в стаде. Если в Горном Бадахшане слабость земледелия уравновешивается развитием скотоводства, то селения Каратегина и Дарваза должны ориентировать свою хозяйственную деятельность на внеземледельческие и внескотоводческие промыслы. После окончания полевых работ оседлые горцы Таджикистана, особенно, каратегинцы и дарвазцы, значительными массами направляются в качестве сезонных рабочих в равнины как самого Таджикистана, так и современного Узбекистана—Зеравшанскую, Самаркандскую и Ферганскую области (в качестве чернорабочих в хлопкоочистительной и маслобойной промышленности) и в Афганистан, в связи с развитием там обрабатывающей промышленности, особенно оружейной и меньше текстильной. В годы войны и революции направление сезонных миграционных движений на Афганистан приняло более постоянный характер в связи с постепенной индустриализацией Афганистана и недостатком там столь выносливой и доброкачественной рабочей силы, как горные таджики. Еще одним признаком бедности населения служит развитие употребления опиума, преимущественно в этом районе. Опий здесь идет из Афганистана и Индии, меньше из Шахризябского и Каршинского округов (в предреволюционные годы); есть посевы мака в Куляб-

ском вилайете. В годы революции в связи с явочным открытием границ увеличились приток и потребление опия таджиками, главным образом, Гармского и Кулябского вилайетов, отпускающих в Афганистан свои рабочие руки и частью сырье (в частности каракулевые шкурки из Куляба, где соответственным образом несколько выше % баранов в стаде) и ввозящих с возвращающимися рабочими опий. Устранение этого порока в значительной степени связано с общим под'емом благосостояния страны.

Сочетая в себе довольно разнообразные в физико-географическом отношении части—горные, предгорные и отчасти долинные,—все четыре округа, с плотностью населения свыше 100 чел., но не превышающей 200 чел. на 100 посевных десятин, менее уплотнены, чем оседлые части Средней Азии, где соответствующая плотность достигает 600 чел. (в Кара-калпакии) и почти всюду превышает 200 человек. Этим об'ясняется экстенсивный характер и земледелия, и животноводства, выражающийся не только в сравнительно низком % трудоемких культур, зерно - злачном направлении полеводства, но и в чрезвычайно высоком % неиспользуемой поливной площади. В этом отношении необходимо различать районы богатые водами (Кулябский) и бедные (Ура-Тюбинский). В последнем округе цифра обеспеченности населения землей «оби» (поливной) весьма значительная и достаточна обеспеченность посевов рабочим скотом, но родниковый по преимуществу режим рек, орошающих предгорья, полное использование воды рек ледникового происхождения в вышележащих частях бассейна ограничивают возможность выбора растений преимущественно зерно-злачными, а не промышленно-трудоемкими. Посевы «ляльми» на северных склонах Туркестанского хребта при малом количестве осадков весной имеют меньшее распространение, чем в других частях Таджикистана. Ограниченные посевы хлеба «ляльми» (46,8%) уравновешиваются развитием зерно-злачных посевов «оби» (поливных). Там, где поливной максимум бывает в периоде весеннего и зимнего выпадания осадков и сопровождается почти полным отсутствием воды летом и ранней осенью—другого выбора и быть не может. Здесь не только не возможны рис и хлопок, но вполне естественен высокий % неиспользованных поливных земель, что вообще служит признаком либо низкой поливной и земледельческой техники, либо маловодья.

По данным переписи 1917 г. в местностях, вошедших в

Таджикистан из состава бывш. Туркреспублики, % пара и перелога в составе поливной пашни достигает:

Горно-Бадахшанский округ	. . . . .	21,6
Пенджекентский	»	42,6
Ура-Тюбинский	»	47,7

Такие значительные площади неиспользованной поливной земли показывают, что население может строить поливное полеводство, не прибегая к усиленным затратам труда, удобрений и т. д. на одну и ту же площадь, и переходить по мере истощения от одного участка к другому. В Ура-Тюбинском окр. достаточно земли, но не достает воды для ее орошения. Отсюда зерно-злачный характер полеводства при наличии запаса рабочей силы, используемой во внеземледельческих и внескотоводческих промыслах населения.

В Пенджекентском участке большие запасы воды, поэтому здесь при значительном % пара и перелога возможно развитие более трудоемких культур (до 17,7%) и в частности риса и меньшая промысловость населения.

Степень внеземледельческой и внескотоводческой промысловости выше в Ура-Тюбинском и ниже в Пенджекентском округе с его хорошо развитым экстенсивным скотоводством, значительной обеспеченностью скотом вообще, баранами в частности. Для Пенджекентского участка характерна высокая обеспеченность посевов крупным рогатым скотом.

Выше намечались изменения в направлении сельского хозяйства для всего Таджикистана. Соответствующие изменения должны найти свое отражение и в районах предгорной по преимуществу зоны Пенджекентского, Гармского, Ура-Тюбинского и Кулябского округов. Однако, переписных силошного или выборочного характера работ после 1917 г. во всех этих районах не велось. К моменту написания очерка оказалось возможным проследить изменения лишь в очень ограниченных участках Пенджекентского округа—волости Афто-Бруинская, Магиано-Фарабская и Пенджекентская; Гарм ского округа—по данным комиссии Рахматуллина всего учтено до 14.114 дворов, или не свыше 20% всего населения; Ура-Тюбинского округа—одна Ура-Тюбинская волость.

ТАБЛИЦА № 11.

		Пенджакентский участок			
		Население в тыс. чел.	Посевы „оби" десятин	Посевы „ляльми" десят.	Скота всякого голов
I	В 1917 г. . . .	21,410	7,426	11,957	41,431
II	В 1920 г. . . .	16,434	4,882	6,496	24,952
	„ 1923 г. . . .	—	—	—	—
	В % II к I-му .	76,7	65,6	54,3	60,0
III	1923 в % к 1913.	—	—	—	—

Продолжение таблицы № 11.

		Гармский участок				Ура-Тюбинский участок			
		Население	Посевы „оби"	Посевы „ляльми"	Скота всякого голов	Население в тыс. чел.	Посевы „оби" десятин	Посевы „ляльми" десятин	Всякого скота голов
		сведений нет	Танапы						
I	В 1917 г. . . .		2.000	7,000	124.000	15,223	5,232	811	4,605
II	В 1920 г. . . .		—	—	—	7,247	1,983	711	5,141
	„ 1923		5.000	5,000	112.000	—	—	—	—
	В % II к I-му .		450,0	71,4	90,3	217,6	37,9	87,0	111,6
III	1923 г. в % к 1913		294,4	71,4	87,5	—	—	—	—

Основные тенденции в изменении таковы: в хозяйствах обследованного участка Пенджекентского округа—уменьшение населения и обеднение оставшегося населения больше всего посевами ляльми, затем скотом и меньше всего поливными посевами. В Гармском округе сведений о изменении численности населения не имеется, но по данным о расширении посевов, особенно поливных, и значительном количестве сохранившегося скота можно судить о перестройке хозяйства на более интенсивный лад, что возможно при значительной уплотненности населения. Гарм является, несомненно, районом, куда стягивается более зажиточное население среднего течения Кафирнигана, отчасти Вакша и Пянджа, попавших в полосу военных действий. Наоборот, обследованный участок Ура-Тюбинского округа разделял в 1920 г. судьбу сельского населения большинства оседлых районов бывшей Туркреспублики; сельское хозяйство здесь экстенсифицировалось; так как обследованные участки находились вне полосы военных действий и разбойничьих нападений, то естественно здесь относительно увеличилась обеспеченность населения богарными посевами за счет поливных и главное последовало значительное увеличение, абсолютное и относительное, скота (пригон из других районов).

К другим сельским промыслам узко-долинной и пригорной хозяйственной зоны Таджикистана, кроме описанных выше при характеристике нагорной зоны, относятся прежде всего промыслы, связанные с использованием естественных и искусственных древесных насаждений. Если к таджикским поселениям высокой горной зоны примешиваются кочевки киргизов-скотоводов и промысловая энергия населения преимущественно направляется на использование естественных животных богатств (охота), то для нижележащих частей характерным является существование наряду с таджикскими селениями таборов туземных цыган «люли». Промысловая энергия населения направляется на использование естественных растительных богатств. Последние в частях Таджикистана, переходных от высоких горных плато к широким и низменным долинам, весьма многообразны. Сравнительно густо усеяны растительностью северные склоны хребтов. Объяснение этому нужно искать не только в естественных условиях произрастания, но и в условиях расселения и хозяйствования на солнечной и теневой сторонах гор, о чем говорилось выше (в главе II). Южные склоны гор раньше освобождаются от снежного покрова весной и позже им покрываются осенью. Периоды осени и ранней весны после опадения листвы являются сезоном сбора лесоплодов и особенно рубки деревьев. Поздняя осень—наиболее удобный период для транспортирования деревьев, орехового наплыва, лесоплодов, угля. С осени же появляется спрос на топливо. Южные склоны ввиду их доступности до самой зимы и раннего освобождения отснега весной

больше всего используются под хищническое истребление с целью получения угля и орехового наплыва. Цыгане «люли» являются той народностью, которая в пригорных частях Таджикистана славится своим деревообделочным искусством и своим хищническим отношением к лесу. Но спрос на лес и обусловленные им порубки лесных насаждений развиваются и среди чисто таджикских селений. Не только земледельческий инвентарь (особенно соха) и домашняя утварь делаются из твердого орехового дерева. Значительное количество дерева затрачивается на строительство жилищ и главное горных путей («овринги») и мостов. Для устройства горных карнизов пользуются по возможности прочным и мало поддающимся гниению материалом.

После истребления растительности на южных солнечных склонах население переходит к порубке и северных склонов. Однако здесь леса еще много. И население Каратегина, Бальджуана, Фальгара занимается собиранием и сбытом грецких орехов, фисташек и бузгунча (наросты на фисташковых листьях дающие прочную краску). Это же население занимается собиранием травы, дающей краску «руйян», и ароматического корня «сумбуль». Вообще собирание корней растений, употребляемых в пищу или с лекарственными целями, наблюдается среди таджикских поселений повсеместно.

Из искусственных насаждений, используемых с разнообразными целями, кроме универсальных шелковицы и ивы заслуживает внимания гранат. Гранатовые корки употребляются в туземной медицине, экспортируются и имеют значение в качестве источника ценных темных красок. Изготовление красок из растений имеет широкое распространение в связи с производством таджиками кустарных тканей, чулок, вышивок. Сырьем для пряденья служат шерсть и пух баранов и коз и в более низких местах шелковые коконы. Шелководство, особенно распространенное в Кулябском вилайете (в части прежнего бекства Бальджуан), потерпело в годы революции значительный ущерб в связи с вырождением и порчи грены. Шелковичное дерево—тут—в Каратегине, Пенджекентском, Ура-Тюбинском и Кулябском округах служит выше по течению рек целям питания, ниже—используется со строительными и поделочными целями и для выкормки червей. Развитое в этой зоне углежение по мере хищнического истребления естественных насаждений переходит к более рациональному использованию искусственных насаждений,

особенно фруктовых деревьев, переводимых на уголь лишь по мере их старения.

Из домашнего скота со сбытовыми целями в Кулябском районе ранее разводились каракулевые овцы. Ныне почти все каракулевые стада откочевали за пределы Таджикистана в Афганистан.

Из промыслов, имеющих косвенную связь с использованием растительных ресурсов страны, нужно отметить добывание железа и нашатыря. Железная руда собирается в долинах Ванча, по Вахшу и Пянджу, прокаливается с употреблением в огромном количестве растительного топлива. Также идет много топлива на выпаривание кристаллического нашатыря.

Излишек свободных рук в зимнее время—особенно женщин—используется в хозяйстве—для производства глиняной и деревянной (из тала, ореха, явняка) посуды. Своими деревянными изделиями славится Дарваз с центрами производства по среднему Пянджу и Пенджекентский округ. Глиняная посуда почти полностью дело женских рук и в Дарвазе и в Ура-Тюбинском округе. В последнем наряду с глиняной посудой издавна вырабатываются металлические и особенно тыквенные изделия с металлической инкрустацией—кальяны или чилимы (для курения). Славится ура-тюбинское сукно («басма чиканы»), мраморные блюда, ножевые изделия. Ткачество строится на сочетании мужского и женского труда. Женщинами вырабатывается пряжа, а мужчины занимаются собственно ткачеством.

По верховьям Зеравшана и Пянджа горцы занимаются также промывкой золота весьма примитивным способом. Около Бальджуана, кроме золота, население добывает соль; то же около Куляба; здесь же добывается известь. В Дарвазе собирается еще алебастр, белая глина и горючий сланец.

К зоне широких многоводных долин (III) с удобными путями сообщения и близостью широкого рынка спроса и сбыта на продукты местной сельско-хозяйственной продукции (хлопок, рис) относятся вилайеты Сары-Ассия, Дюшамбе и Курган-Тюбе. Сплошная культурная полоса от городов Файзабада и Кафирнигана вплоть до Денау, будучи одним хозяйственным целым, издавна известна под общим именем Гиссарского края. Реки, орошающие этот район, имеют ледниковый режим с наибольшей подачей воды на поля в летние месяца, что особо важно для хлопка и риса. Ирригационная техника здесь весьма

примитивна, так как реки по выходе из узких ущелий сами стекают к основным водным магистралям по широким и отлогим скатам долины и самотеком орошают всю полосу между Гиссарскими и Байсунскими горами, с одной стороны, реками Илаком, Кафирниганом, Сурханом—с другой. Их использование для нужд орошения не встречает таких трудностей как в равнинах Узбекистана. Типичные для Средней Азии вообще оросительные веера рек Ширкан-Дарьи, Оби-Заранг, Тупалан-Дарьи, Сангардака и друг. здесь, однако, не исчезают в безводной пустыне, а стекают в могучие горные стоки. В Кабадианском участке помимо использования рек, стекающих к Кафирнигану, и в Курган-Тюбинском участке помимо использования притоков Вахша—имеются довольно сложные ирригационные сооружения, использующие воду главных водных артерий. Соответственным образом Курган-Тюбинский вилайет характеризуется высокой пропорцией промышленных трудоемких культур в составе поливных посевов. В связи с обилием воды и земли возможен переход от одного участка к другому. Размер пара и перелога на поливных землях точно не учитывался, но о его значительной величине можно судить по заброшенным пашням удручавшим в разное время своим видом путешественников по Гиссарскому краю и Курган-Тюбе. Экстенсивный характер поливного земледелия выражается в дурном содержании арыков, в небрежной обработке полей, в недостатке точных границ—межей—между отдельными полевыми клиньями; отсутствуют и заботливо рассаженные по границам земельных участков деревья.

Наряду с такой довольно необычайной для Средней Азии картиной экстенсивности поливного земледелия последнее пользуется естественными угодиями—болотами для посевов риса. По данным переписи 1917 года рис в Сары-Ассийском округе достигает 11,7% поливной пашни, в Дюшамбинском—7,3%, в Курган-Тюбинском—5,4%. Но это отношение характерно для округов в целом, со включением в общую посевную площадь районов, не производящих рис. По дореволюционным же данным С. К. Кондрашева*), относящимся к бассейну реки Сангардак (Денаусское бекство), рис занимает 31% поливной площади.

Наряду с рисоводством, этой наиболее требовательной к воде и живому труду полевой культурой, в широкодолинной зоне Таджикистана наблюдается развитие и неполивного экстенсивного земледелия—«ляльми» и экстенсивного скотоводства—овцеводства. Наряду с пестротою системы расселения сосуществуют рядом хозяйства весьма разнообразные по направлению: есть сельские хозяйства чисто промышленного типа с весьма специализированной продукцией на сбыт, и есть хозяйства узбеков-полукочевников, построенные на началах полного самообслуживания и удовлетворения всех потребностей предметами собственной продукции. В силу такой пестроты хозяйственных форм естественно ожидать разнообразных сдвигов в сельском хозяйстве в новейшее время.

*) „Водопользование Ширабадской и Сурханской долин“ жур. „Турк. Сел. Хоз“ 1918 г. №№ 3-6 и его же „Вода в орошаемом хозяйстве“. Москва 1922 г.

Имеются данные лишь по небольшим сравнительно участкам вилайетов Сары-Ассия (в данном очерке использованы сведения, относящиеся к 3.292 дворам) и Дюшамбе (по 3.290 дворам), собранные комиссией Рахматуллина (1924 год).

Абсолютные цифры весьма сомнительны. Однако приуроченные к одним и тем же населенным пунктам, эти данные говорят об изменениях и в сторону уменьшения и в сторону увеличения и потому, можно думать, отражают хотя бы грубо общую тенденцию.

А она весьма характерна для иллюстрации перегруппировки элементов сельско-хозяйственного производства.

Дюшамбинский вилайет находится более глубоко в стране, непосредственно примыкая к другой хозяйственной зоне—к Гармскому вилайету. Туда сдвигается оседлое коренное население, расширяя площадь поливных посевов. И вполне естественно обратное движение скота, для которого и места становится мало (посевы вытесняют постбища и луга) и опас-

Общие тенденции изменения.

ТАБЛИЦА № 12.

	Сары-Ассия					
	Посевы „оби“		Посевы „ляльми“		Скота всякого	
	Танап	В % к 1913 г.	Танап	В % к 1913 г.	Голов	В % к 1913 г.
1913 г.	2000	100	3000	100	34000	100
1917 г.	—	20	—	9	—	312
1923	—	10	—	67	—	379

Продолжение таблицы № 12.

	Дюшамбе					
	Посевы „оби"		Посевы „ляльми"		Скота всякого	
	Танап	В % к 1923 г.	Танап	В % к 1913 г.	Голов	В % к 1913 г.
1913 г.	700	100	930	100	105.000	100
1917 г.	—	2	—	83	—	68
1923 г.	—	125	—	75	—	48

ности увода больше. Скотовладельцы, повидимому, сдвигаются в более безопасную полосу глубоких ущелий Дарваза либо ближе к Байсунским горам и предгориям вилайета Сары-Ассия.

Наряду с количественным изменением посевов в сторону сокращения, но вероятно меньшим, чем сокращение населения, наблюдается изменение в пропорции культур.

Данные комиссии Рахматуллина относятся лишь к трем основным полеводственным клиньям: зерно-злакам (пшеница и ячмень), рису и хлопку. Следующая таблица содержит сравнительные данные переписи 1917 г., относящиеся к целым округам, и данные 13, 17 и 23 г. г., относящиеся к одним и тем же обследованным участкам.

Таблица № 13.
Изменения в пропорции культур.

	Годы	САРЫ-АССИЯ				ДЮШАМБЕ			
		Хлеб	Рис	Хлопок	Всего	Хлеб	Рис	Хлопок	Всего
Перепись . . .	1917	82,6	13,8	3,6	100	81,4	8,9	9,7	100
Участок обслед.	1913	80,4	—	19,6	100	84,9	8,6	6,5	100
Тоже	1917	81,9	4,2	13,9	100	53,1	38,0	8,9	100
Тоже	1923	70,7	2,5	26,8	100	47,1	47,1	5,8	100

Бесспорно замечается сокращение клина зерно-злачных. Это сокращение тем более знаменательно, что оно сопровождается еще более энергичным сокращением посевов «ляльми».

Возрастают посевы под трудоемкими промышленными культурами. Возрастание цифр, относящихся к хлопковому клину в округе Сары-Ассия, отнюдь нельзя отнести за счет дефектности материала. Развитие хлопковых посевов в этом районе не останавливалось, как это наблюдалось в Узбекистане, в годы революции. Наоборот, прекращение привоза русской мануфактуры, кстати в этом районе дорогой вследствие транспортных расходов, стимулировало развитие хлопководства и матового производства. Город Каратаг, лет 50 тому назад больше славившийся, как производитель гиссарских сабель и ножей с рукоятками из орехового наплыва, а в начале XX века и в 1921 году и особенно в 1923 году был известен главным образом, как производитель туземной шелковой и полушелковой ткани (известная «каратагская алача»), распространяемой на весь Гиссарский край. Ножевое же производство почти сошло на-нет за отсутствием подвоза железа местного производства и со стороны Бухары из России.

Изменения в составе полевых культур указывают не только на более полное использование наличных рабочих рук, но и свободных запасов воды. Огромный рост рисовых посевов указывает на свободные рабочие руки и главное—на более полное использование воды, которая до сего времени вызывала заболачивание огромных просторов земли, создавала заросли камыша, в котором прятался не только кабан, но и до начала XX века тигр.

Но все эти изменения происходят достаточно медленно, и только расширение экономической связи, устройство транспорта с вывозом гиссарского и ура-тюбинского сырья в долины Аму и Зеравшана могут ускорить дальнейшую интенсификацию сельского хозяйства широкодолинной зоны.

Экстенсивный характер этой полосы Таджикистана выражается в распространении тех же полухищнических промыслов, которые наблюдаются в вышележащих зонах. Жители Кабадиана помимо занятий земледелием собирают бузгунч, орехи, фисташки. Во всей полосе развито шелководство; размеры продукции и изменения происшедшие в новейшее время, трудно установить. Как общее правило, шелководство больше распространено не среди таджиков, а узбеков данной хозяйственной зоны. Поэтому наибольшее развитие шелководства свойственно Кабадиану, этому периферическому участку Таджикистана, примыкающему к границам Узбекистана и Туркменистана.

Из других побочных промыслов заслуживает внимания ножевое производство в Дюшамбинском округе. Своеобразие промыслов этого округа вообще выражается в том, что они носят подвижной характер. Зимой кустари работают в долинах, летом перебираются ближе к горам; особенно к гор. Каратагу; по реке Каратаг-Дарье собирается красный железняк. В предгориях Гиссарского хребта, около Сары-Ассия и по Вахшу в районе Курган-Тюбе значительно распространен известко-обжигательный промысел. Залежи соли около Гиссара в последнее время используются мало и почти не используются озокеритовые залежи.

Весьма значительные минеральные богатства этой полосы используются сельским населением на тех же принципах хозяйствования, как и другие дары природы. Собирается лишь то, что лежит на поверхности, и обычно лишь то, что не требует для переработки топлива. Последнее здесь только растительное и его мало.

Каменный уголь собирают в Байсунских горах, но он дурного качества; горючий сланец добывается населением уже не в долинной полосе, а в горах выше по Пянджу. С лекарственными целями по преимуществу собирается выступающая на поверхность нефть вблизи Каратага. Промывка золота производится в Курган-Тюбинском вилайете.

Главу о «сельском хозяйстве» Таджикистана правильней было бы назвать главой о «хозяйственной деятельности сельского населения». К сельскому хозяйству обычно относятся такие занятия, предметом коих являются растения и животные. Но земледельческое и скотоводческое производства могут быть организованы и в крупных городских масштабах. Важнейшим же признаком для признания хозяйственной деятельности *сельской* нужно принять, во-первых, особый разреженный тип расселения хозяйствующего населения, в отличие от «городского» торгово-промышленного, более сгущенного. Более точных признаков для установления различных типов сельского хозяйства следовало бы искать в размерах и способах установления доходности. Но ответить на вопрос—что и как ценностно создается в хозяйствах, иначе говоря, как и сколько зарабатывает население,—на этот вопрос было невозможно ответить за отсутствием материалов бюджетных описаний по сельскому хозяйству Таджикистана. Но основной принцип

отнесения стоимости продуктов производства к ценообразующим факторам (не к единице капитала,—безотносительно к той территории, которой свободно располагает хозяйство—принцип городской коммерческой калькуляции)—*к площади земли*, с которой собирается или через которую получается продукт,—этот принцип является решающим в Таджикистане для различных по своему предмету производств. Поэтому все перечисленные занятия населения—земледелие, скотоводство и так называемые побочные промыслы—отнесены к сельскому хозяйству.

По данным ЦСУ Узбекистана*) валовая доходность сельского хозяйства Таджикистана распределяется в рублях и процентах следующим образом:

Таблица № 14.

Валовая продукция сельского хозяйства.

	ПОЛЕВОДСТВО		Животноводство	Огородничество	Садоводство	Виноградарство	Птицеводство	Всего
	Вообще	В том числе хлопок						
В довоенных руб. тыс. . . .	15,365	309	1,659	236	2,154	974	18	20,406
В %	75,3	2,0	8,1	1,2	10,5	4,8	0,1	100

В среднем на одного человека приходится 28,3 рубля в год. Способы исчисления доходности, которыми пользовалось ЦСУ, конечно, неточны, и вообще такой конструктивный способ определения доходности имеет очень условное значение. Но этими цифрами подтверждается бедность страны. Там, где на десятину поля приходится всего 23,7 руб. годового валового дохода, а на единицу скота в переводе на крупный—4,3 рубля там можно вероятно проследить наличие серьезного хозяйственного кризиса свойственного аграрным странам в первый период их вовлечения в более сложный капиталистический оборот.

IV. Междухозяйственный оборот.

Примитивному деревенскому стилю деятельности населения Таджикистана (область производства и потребления)

*) Бюллетень № 1 янв. 1925 г.

соответствует своеобразный характер междухозяйственного оборота*).

Ориентация деятельности отдельных хозяйств, на использование по возможности большей территории, эксплоатация сил и даров природы рассеянных по поверхности земли— это сопровождается значительной редкостью населения и по отношению к культурной (действительно обработанной) и ко всей площади. В виду этого казалось бы естественным ожидать значительного, если не полного самодовления отдельных, рассеянных по территории Таджикистана хозяйств.

Но на самом деле, даже в районах наиболее редкого расселения с наиболее экстенсивным уклоном хозяйствования не наблюдается самодовления хозяйств.

Народное хозяйство Таджикистана является натурально-меновым со значительной ролью наряду с натуральным обменом и разнообразных платежных отношений. Развитие последних в дореволюционное время вызывалось необходимостью для населения содержать не только официальных представителей администрации: беков, амлякдаров, дарга—в Восточной Бухаре, волостных управителей, сельских старшин, управляющих хлебо-запасными магазинами—в бывшей Самаркандской области; платежи от населения еще шли на содержание бухарских гарнизонов, школ (напр., русско-туземных школ в Пенджакенте) и, быть может, самое главное представителей внутреннего религиозного управления (имамов, широв, шейхов и т. п.).

Междухозяйственный оборот слагается в Таджикистане из междухозяйственных связей, развертывающихся в сравнительно узких и локально-замкнутых районах и связей интерлокального характера, через которые происходит включение отдельных районов Таджикистана и всей страны в целом в мировой хозяйственный оборот.

*) Вместо популярного, но недостаточно отчетливо употребляемого термина „Товарно-меновое хозяйство“ правильнее было бы говорить о хозяйственном строе, понимая под этим совокупность существующих хозяйств, связанных разнообразными нитями между-хозяйственного оборота. Эти связи могут быть и натурально-меновыми—товар на товар—и денежно-меновыми—опосредствованными деньгами обмен. Но междухозяйственные связи не исчерпываются меновыми отношениями: в междухозяйственный оборот входит совокупность платежных и расчетных связей, слагающихся из взаимоотношений по разным платежам без эквивалентных поступлений: между частными хозяйствами и государственными органами, хозяйствами-кредиторами и хозяйствами-должниками. Только совокупность всех этих связей формирует междухозяйственный оборот данного хозяйственного строя, как конкретного народно-хозяйственного образования.

Но до 1925 г. развитию интерлокального оборота ставились значительные препятствия: естественной разобщенностью районов (горы, реки), отсутствием хороших путей и средств сообщения. Таджикистан до сего времени является страной с решающим значением вьючного транспорта. Ближайшими к южной главной части Таджикистана, но вне его находящимися пунктами, которые связаны механической тягой с остальным миром, являются: железнодорожная станция Гузар и пароходная пристань в Термезе. До ближайших значительных центров Таджикистана от Гузара около 200 верст (Сары-Ассия) очень трудной колесной дороги, а далее гужевой транспорт. Несколько короче колесная дорога от речной пристани в Термезе до Кабадиана, но и она не разработана, а переправы через реки Сурхан и Кафирниган делают ее еще менее удобной для передвижения грузов, чем по колесной дороге от Гузара через Дербент на Сары-Ассия или Юрчи. Еще ближе к железной дороге находятся северные периферические части Таджикистана—Пенджакент (от станции Самарканд около 60 в.) и Ура-Тюбинский вилайет (от ст. Урсатьевская до 40 в.). Но и связь этих пунктов с остальным Таджикистаном гужевая и очень трудно поддерживаемая. Во всяком случае стоимость транспорта всюду весьма велика. Так, в 1924 г. расход на перевозку 1 пуд. груза от Гузара до следующих пунктов равнялся:

Сары-Ассия.	4 р. 95 к.	и время пути	6 сут.
Каратаг.	5 р. 98 к.	» »	8 сут.
Дюшамбе.	6 р. 93 к.	» »	10 сут.

Правда, современные транспортные расходы много выше дореволюционных, но и расходы в прежнее время были настолько велики, что делали невыгодным провозку в глубь Таджикистана большинства товаров массового потребления и ограничивали сбыт местного сырья. Попытки в конце XIX века предпринимателей с Кавказа развить более широкий сбыт лесоплодов и лесоматериалов сплавом по Сурхану и Кафирнигану не увенчались успехом. Существовавший в XIX веке сплав леса по Зеравшану из Пенджакентского района также прекратился со времени развития железнодорожного транспорта и подвоза леса из Европейской России.

Но при слабости интерлокального менового оборота и малой включенности Таджикистана в широкую торговую сеть, распространявшуюся на всю Среднюю Азию в предвоенные и

предреволюционные годы, внутренний локальный оборот был довольно сильно развит.

Бухарское правительство располагало хорошим учетным аппаратом по определению торгового оборота, взимая сборы с базарных сделок и продуктов, предназначвемых к сбыту. Так, все товары, поступавшие в оборот облагались 2½% сбором зякетом; на мостах, особенно на известном «Пули-сенги» около Нурака существовали заставы, взимавшие другие пошлины («бодж») и сборы, охватывавшие почти все отношения междухозяйственного и, в частности, торгового оборота. По приблизительным исчислениям размер налоговых сборов, падавших на бывшие бухарские части современного Таджикистана, определялся до 950 тыс. рублей, включая сюда и прямое обложение сельского населения—амляк, херадж, зякет-савоим и некоторые другие. До 200 тыс. уплачивалось деньгами, остальное натурой. Характерно, что в Каратаге и Дарвазе отсутствовали совершенно так называемые земли хераджные и земли вакуфные. Все земли были амляковыми—чисто государственные, обложенные только рентным сбором с урожая. Хераджные же земли допускали обложение с площади (больше их было в при Аму-Дарьинских частях Таджикистана). Вакуфные земли—учреждения целевого назначения—так же, как и земли амляковые числились состоящими в наследственном арендном пользовании; они имелись в современном вилайете Сары-Ассия.

Таджикистан в бухарской части являлся страной амлякового землевладения по преимуществу, в чем выражалась его данническая зависимость от Бухары. Интересный для характеристики поземельного оборота -Бухары податной режим, существовавший в южной части Таджикистана, позволяет довольно точно определить и размеры торгового оборота.

Такого подробного учета в русских владениях не велось. Здесь только можно было установить приблизительный размер оборотов по данным ветеринарного надзора о прогоне скота и податной инспекции о постоянной торговле.

Имея данные Бухарской переписи 1924 г., в которой содержатся сведения о числе базаров, оборотах их по Восточной Бухаре, располагая данными административной статистики о торговле в Самаркандской обл., материалами переписей можно установить следующие данные о междухозяйственном обороте Таджикистана в довоенное время:

ТАБЛИЦА № 15.

Вилайет	Число базаров	Довоенный оборот в тыс. руб.
1. Гарм	3	35
2. Горный Бадахшан	1	сведений нет
3. Дюшамбе и Сары-Ассия	12	689
4. Куляб	11	2,455
5. Курган-Тюбе	7	1,209
6. Пенджакент	4	250
7. Ура-Тюбе	4	320
Всего в Таджикистане	42	4,958

Если в основу группировки положить признак густоты базаров по отношению ко всей занимаемой вилайетом территории, то получится следующая таблица:

ТАБЛИЦА № 16.

Приходится 1 базар на кв. верст	НАЗВАНИЕ ВИЛАЙЕТОВ	На 1 базар населения в тыс.	Довоенный оборот	
			На 1 базар в тыс.	На 1 челов в руб.
50.000	Горный Бадахшан	22,1	—	—
8.960	Гарм	116,3	11,7	0,10
2.050	Пенджакент	11,4	62,5	5,50
1.320	Ура-Тюбе	15,2	80,0	5,20
1.170	Курган-Тюбе	8,3	172,7	20,70
960	Куляб	26,8	223,2	8,30
950	Дюшамбе и Сары-Ассия	21,6	57,4	2,30
2.870	По Таджикистану	26,8	118,0	4,40

Как и при рассмотрении особенностей сельского хозяйства здесь можно заметить особое положение, занимаемое частями

Кохистана (страны гор), входящими в состав Бадахшанского и Гармского вилайетов.

Если даже, исключить эти районы с весьма малым оборотом, то размер внутреннего оборота по Таджикистану достигал кругло 4.900 тыс. рублей.

Существовали и существуют причины физико-географического и социального характера, обуславливающие довольно значительный размер междухозяйственного оборота.

Значение физико-географических факторов особенно резко сказывается в горных и предгорных районах. На сравнительно незначительном расстоянии друг от друга по течению реки (выше или ниже) или на склонах гор (южных и северных) наблюдаются резкие различия в условиях вегетации и органической жизни вообще. Население оказывается связанным не только в выборе ассортимента культивируемых растений, но и скота: в зависимости от условий выпаса, напр., более удобных на южных склонах, более тяжелых на северных, где населению приходится долее выдерживать скот на стойловом содержании. Отсюда создается специализация продукции делающая невозможной самодавляющее существование отдельных хозяйств и целых селений. Но этот локальный оборот по преимуществу носит натурально-меновой характер. Заслуживают быть отмеченными натуральные средства оборота, имевшие наряду с деньгами расчетное значение: в западном Бадахшане до недавнего времени сохранилось значение расчетного знака за быком. Еще в 90-х годах цена раба из Рошана и Шугнана определялась в сумме до 115 руб. серебром=10 быкам=5—8 кутасам=2 ружьям. В Каратегине с деньгами конкурируют в расчетной функции куски ткани бязи или алачи. Строение денежной массы, находившейся в обороте до 1923 г. (унификация) отличалось чрезвычайной пестротой. Наряду с русским серебряным билионом предвоенной чеканки фигурировали афганские рупии, бухарские теньги, китайские ямбы. В качестве мелких расчетных знаков употреблялись весьма разнообразные монеты до старых медных русских монет чеканки первой половины XIX века включительно.

Существование наряду с натуральной меной денежного обмена было вызвано требованием денег в порядке уплаты налогов и торговых сборов в эмирскую казну через беков. По примерным исчислениям, произведенным в 1921 и 1923 г. г. размер сборов в денежной форме, падавших на Таджикистан, в эмирское время, достигал в год 150 тыс. рублей (при 800 тыс. сборов натурой). Эти деньги ежегодно извлекались из оборота и переводились в Бухару. Обратно на территорию Таджикистана в порядке выплаты государственных расходов эти деньги не поступали.

Отсюда естественна чрезвычайно острая потребность в деньгах вообще, наличие лажа на монеты определенных образцов, принимаемых по преимуществу в уплату сборов (особенно русский биллон и прежние кредитные билеты), и стихийное приспособление оборота к получению денежной наличности извне. Путями служили отхожие промыслы населения в Фергану и Самарканд. Сезонные рабочие обратно несли те монеты, в которых чувствовалась острая нужда при уплате податей. Деньги наряду с товарами поступали в обращение от скупщиков сырья, пушнины, лесоплодов. Такими спущиками, как общее правило выступали не местные жители, а владельцы транспортного инвентаря, особенно, верблюдов—тюячи—узбеки равнины из призеравшанской, приаму-дарьинской, присыр-дарьинской полос и Каршинского округа. Здесь же действовали и скупщики зерна—амбардоры.

В порядке распыления импортных и концентрации экспортных товаров существовали значительные особенности в районах более чистого этнического состава—таджикских и районах смешанного населения.

Как видно из таблицы № 16 средний оборот базаров, расположенных на территории вилайетов Курган-Тюбе, Куляб, значительно выше, чем оборот базаров в остальном Таджикистане.

В хозяйственной зоне узких ущелий издавна существовала специализация продукции отдельных хозяйств и постоянный обмен между ними; но при одноплеменности и культурно-бытовой общности населения этот локальный оборот был мало подвижен, он почти целиком зависел от физико-географических факторов.

В горном Таджикистане таких базаров, как в равнинах средней Азии нет. Имелись немногие постоянные торговые пункты, происхождение которых связано с наличием определенного круга потребителей: эмирской администрации и армии. Так, например, Гарм, Кала-и-Хумб развивались как торговые местечки с *постоянной* мелкой торговлей. Бухарские солдаты—узбеки равнин—выступали не только в качестве покупателей, но и как продавцы-посредники между коренным населением, занимаясь торговлей профессионально (кроме 2—3 часов в

неделю, когда происходили военные упражнения больше декоративного свойства). Приблизительно также складывалась торговля в Хороге на Памирах, где стоял русский гарнизон, но здесь солдаты выступали только как покупатели.

Как общее правило торговцами, посредниками и покупателями в горной полосе Таджикистана являются не местные уроженцы горные таджики, а предприимчивые жители широких долин и выходцы из равнин Средней Азии. Кроме военнослужащих и административных лиц, зарабатывавших в качестве поставщиков на армию и скупщиков сырья, выступают купцы чаще узбеки и равнинные таджики, постоянно проживающие в равнинах. Они снабжают крайне несложным ассортиментом товаров местные лавки, собирают сырье, снабжая оборот деньгами. Последние поступают в хозяйство горца таджика, весьма нуждающегося в деньгах для различных платежей, в форме задатков под сырье—старая и хорошо известная форма эксплоатации населения окраин. Профессиональные ростовщики индусы и туземные евреи встречались в горах, как редкость.

Ближе к Аму-Дарье наблюдался иной характер оборота. Там, где крупные поселения оседлых таджиков окружены селениями, зимовками и кочевками узбеков, туркмен, а иногда и киргизов, там становится более разнообразной специализация продукции, более пестрыми и усложненными междухозяйственные связи. Постоянные торговые места—гузары имеют ничтожное значение. Центр хозяйственной жизни составляют базары, на которые один, два, редко три раза в неделю с'езжается население не только округа, но и весьма отдаленных мест, даже из горного Таджикистана. Свои закупки население гор обычно производит не по месту жительства, а на базарах широких долин.

В базарной торговле полосы предгорий и широких долин можно наблюдать два типа: в районе Гиссарского края и в приаму-дарьинской части Таджикистана.

Смежная территория прежних бекств Сары-Ассия (Сары-Джуй), Денау, Юрчи, Гиссар не поддается разделению на отдельные районы по особенностям оборота. При этнической пестроте в составе населения таджикская народность преобладает; наблюдается сочетание оседлых и полукочевых селений и постоянные сезонные перемещения жителей при отсутствии резких естественных границ между отдельными частями этой единой в хозяйственном отношении территории;

поэтому и междухозяйственный оборот здесь весьма оживлен, но элементарен. Примечательна та особенность, что население не прикрепляется к определенным базарам, а передвигаясь из долин в горы и обратно, пользуется услугами многих базарных пунктов. Все это приводит к большому числу базаров, но с весьма малым оборотом; базары имеют распределительное значение, хотя собирались здесь и партии, но не крупные, экспортных товаров, шедших отсюда на Аму-Дарью и реже на Карши. В частности в Дюшамбинском районе до 1917 года работала фирма Дюршмидт по заготовке кишек.

Иной, более крупный характер принимал оборот ближе к Аму-Дарье, где образовывались более крупные партии экспортных товаров. Также и импортные товары на базары Гиссарского края везлись в главной массе со стороны Аму-Дарьи и меньше из Карши, Гузара, Ура-Тюбе.

Приаму-дарьинская часть Таджикистана является центром массового перераспределения экспортных, импортных товаров и продуктов местного производства и сбыта. Главные предметы оборота: скот, зерно, мануфактура. Экспортное сырье собиралось и на базарах и вне их в порядке натурального обмена через раз'езжих узбеков и равнинных таджиков скупщиков; постоянными агентами и комиссионерами этих лиц являются те лавочники в глухих ущельях Таджикистана, о которых говорилось выше.

Этническая принадлежность скупщиков к узбекам обуславливается особенностью экспорта и транспортных средств. Ореховый наплыв, лесоплоды, семена масличных растений, коренья, гранатовые корки, кожсырье, кишки—все эти продукты перевозятся либо на лодках («каюк», «кимэ») по Вахшу, Пянджу и Аму, либо на верблюдах. Перевозка мертвых грузов на верблюдах очень дорога и верблюжий транспорт могут выдержать очень немногие высокоценные и малообъемные экспортные грузы. Наиболее транспортабельными являлись живые товары: в прежнее время рабы, позже личные услуги (рабочая сила) и скот. В передвижениях со скотом из Гиссарского края в Пенджакентский, Ура-Тюбинский, Гузарский, Шахризябский районы принимали и принимают участие исконные скотоводы узбеки.

Скот для экспорта собирается не только в самом Таджикистане, но и из Афганистана. Перераспределение и отправка крупных партий происходила с базаров бывших Кулябского, Курган-Тюбинского и Кабадианского бекств. Отсюда же про-

изводилась массовая отправка пшеницы, ячменя, лесоплодов, растительных красок и т. п. речным транспортом: от Джилikуля по Вахшу и от Сарая по Пянджу. Базары здесь более редко расположены, но оборот их значительно выше, чем в Гиссарском крае не только в среднем на 1 базар но и из расчета на 1 жителя: агентами базарного торга выступают кроме местного населения и пришлые люди: афганские подданные, туркмены, бухарские, персидские, хивинские купцы, даже кавказцы.

Из произведенного обозрения междухозяйственного оборота видно наличие зависимости между платежно-меновыми отношениями и производственной деятельностью населения. Иначе говоря в Таджикистане, в этой стране примитивного, но своеобразного хозяйствования, факторы зонального характера, обуславливающие направление продукции влияли и на торговые связи. В силу указанных причин междухозяйственный оборот Таджикистана отличался значительной косностью и постоянством организационных форм.

Но таков облик Таджикистана уже в прошлом.

В новейшее время произошли коренные сдвиги в хозяйственном укладе страны, правда еще не приведшие к устойчивым хозяйственным формам, но во всяком случае достаточные для радикальной перегруппировки производительных сил страны.

Резкие изменения в междухозяйственном обороте Таджикистана стали совершаться уже в период времени 1918—1922 г. г. В это время последовало явочное открытие границ с Афганистаном. Не только прекратился завоз фабрикатов из России, но незначительные запасы, оставшиеся в Восточной Бухаре от прежнего импорта, стали вывозиться в Туркреспублику.

Сокращение подвоза фабрикатов, особенно мануфактуры и железа, отразилось в частности на переходе населения от кустарной обработки железа к ткачеству. Развитие последнего сопровождалось и ростом хлопковых посевов. Вместе с исчезновением изделий русской промышленности в современный Таджикистан стали проникать англо-индийские, японские и даже шведские (спички) фабрикаты. Эта тенденция продолжала действовать вплоть до 1925 года.

Но действительный переворот в группировке локальных и интерлокальных хозяйственных связей последовал лишь после

1920 года. Решающими моментами явились: денежная реформа 1923 года—унификация денежного обращения Туркестана, Бухары и Хорезма и валютная реформа 1925 года—внедрение в оборот червонца и советского биллона (серебра и меди).

До 1922/23 года втеснение русских фабрикатов сопровождалось частичным замещением их англо-индийскими фабрикатами. Импорт товаров по афгано-бухарской границе оплачивался вывозом драгоценного металла и в небольшой доле таджикского сырья. От этих обстоятельств зависело относительно равномерное сокращение товарной и денежной массы. Но существовали еще дополнительные обстоятельства, содействовавшие более резкому сокращению товарной массы по сравнению с денежной: военные отряды—красноармейские и басмаческие, действовавшие в современном Таджикистане, снабжались натуральным довольствием, не всегда оплачивая его; а когда продовольствие и фураж оплачивались, то,главным образом, бумажными деньгами образцов РСФСР и БНСР (в Бухаре существовала собственная бумажно-денежная казначейская эмиссия, плоть до 1923 года). Выбрасываемые по платежам армии бумажные деньги почти не принимались населением. Покупательные силы населения и об'ем денежной массы, сокращались, но еще более резкое сокращение наблюдалось в об'еме товарной массы, особенно в группе продовольствия.

Несмотря на наличие в обороте и официальное признание законным платежным средством советских бумажно-денежных знаков, фактически все расчеты по прежнему производились на теньги, афганские рупии, старый русский биллон. Только после реформы 1923 года был осуществлен ряд валютных интервенций в Бухаре, оказавших свое влияние и на оборот Таджикистана. Эти интервенции, широко развивавшиеся как раз в приаму-дарьинской полосе, имели целью укрепление курса червонца, какевая цель и была достигнута.

С 1923 года наряду с переходом на твердую валюту изменяется порядок продовольственного и денежного снабжения армии: последняя оплачивает все свои потребности в продовольствии и т. п. валютой,уже принятой оборотом. Советское серебро имеет хождение наряду с теньгой и афганской рупией. К первой половине 1924 года размер денежной массы, находившейся в обращении, не превышал 300 тыс. довоенных рублей. С этого времени начинается непрерывное увеличение

денежной массы с постепенным вытеснением советскими дензнаками (по преимуществу казначейскими билетами, мелкими бумажными купюрами и очень мало серебром) остальных дензнаков. Курс червонца в оценке на афганские рупии падает по мере продвижения от центральных и северных районов к Аму-Дарье.

Главнейшими факторами, оказавшими влияние на рост денежной массы и на перераспределение междухозяйственных связей, явились:

а) Расходы на содержание армии и новых органов гражданского управления.

б) Расходы по строительству—дорожному, жилищному, санитарному, школьному.

в) Кредитование сельского хозяйства, промышленности, торговли в банковском порядке.

г) Экспортно-импортные операции госорганов, кооперации и частных лиц.

Дефицит по госбюджету на 1924/25 год был исчислен в сумме 1.335.630 рублей (при доходных поступлениях 350.000 р.) Этот дефицит покрывается ввозом наличности в дотационном порядке из Узбекистана. Вместе с другими, не покрываемыми обратными доходными поступлениями, расходы Таджикистана на гражданское и военное управление превышают 3.000.000 р. Таков прирост денежной массы, обусловленной военно-гражданскими расходами потребительного значения (по пункту а).

Госрасходы производственного значения, кроме расходов, проходящих по госбюджету, слагаются из расходов на изыскания и постройку железной дороги, создание других средств сообщения, сооружение новых мостов, исправление существующих путей и т. п. Эти расходы производятся из бывшего фонда Бухреспублики и достигают 400 тыс. рублей (пункт б).

Изменения в состоянии оборота, обусловленные поступлением в обращение денег по госрасходам в сметном порядке, здесь не могут быть указаны точно: количественно, предметно и локально. Можно лишь пока сослаться на авторитетное мнение современного руководителя Таджикского Госплана т. М. А. Мухитдинова*), что «Красная армия, ликвидировавшая самоснабжение и неполную оплату поставок, является центром, притягивающим к себе население, и фактором возрождения хозяйства и увеличения производства Восточной Бухары».

*) «По Восточной Бухаре», статья в журнале „Народное хозяйство Средней Азии“ № 2—3 за 1924 год.

То, что наблюдалось в предвоенные годы в небольших масштабах, эпизодически в пунктах с наличием военных гарнизонов, в новейшее время является явлением огромных масштабов и значения. Расходы госучреждений и армии вызывают прежде всего расширение производства продуктов продовольствия. Цена пшеницы с 60 коп. за пуд в довоенное время, с 80 коп. в серебряном теньговом исчислении к 1922 году, к концу 1924 года в районе Кулябского вилайета достигает 7 рублей. Даже,если сделать скидку на дизажио казначейского знака в рупиевом исчислении,то и тогда цена пшеницы превышает 6 рублей. Меньшие,но все же весьма значительные изменения, наблюдаются в расценке мяса. Отсутствие систематически собранных и разработанных материалов по статистике цен лишают возможности выяснить соотношение сельско-хозяйственного, продовольственного индекса и индекса непродовольственных продуктов. По отдельным же случайным данным можно утверждать резкое относительное превышение продовольственного индекса.

Но денежная инфляция, обусловленная дефицитом по госбюджету и значительными военными расходами, постепенно охватывает рынок фабрикатов в связи с перераспределением покупательских сил и возможностей населения.

Первыми выигравшими на высокой конъюнктуре предметов потребления являются крестьяне-производители, сохранившие свое хозяйство в районах квартирования армии и около крупных населенных пунктов. Но здесь же начинается рост цен и на изделия, коими снабжается сам производитель. Рост цен распространяется концентрическими кругами. В частности, цены на продовольствие понижаются от северной части Таджикистана к южной (Куляб—Курган-Тюбе). Цены же на некоторые фабрикаты (мануфактуру и чай) распределяются в обратном порядке.

Во всяком случае тот платежный спрос, который пред'являют госучреждения Таджикистана, имеет огромное революционизирующее значение для народного хозяйства Таджикистана. Хозяйственная деятельность населения становится более интенсивной. Изменяется характер хозяйственной экспансии населения: последнее становится заинтересованным не столько в охвате побольше территории, чтобы лучше прокормиться, а в сбыте и реализации наибольшей ценностной разницы безотносительно к размерам территории. Правда, при таком положении существует значительная опасность

истребления скота, принадлежащего полукочевникам-скотоводам—при усиленном сбыте его на мясо и кожу. Но как раз до скотоводов, отошедших подальше от военных центров, высокая цена на мясо должна докатиться позже.

В земледелии несомненно замечается вызванное ростом цен более интенсивное использование земельных угодий, о чем говорилось выше (гл. III).

Наряду с влиянием на оборот расходов, вызываемых новыми формами гражданского управления и войной, огромную роль играют кредитные и экспортно-импортные операции.

Капитал, вложенный в банки, работающие на территории Таджикистана к началу 1925 года достигает кругло 2.500.000 р. Первым стал развивать свои операции Сельско-Хозяйственный банк с собственным капиталом 521.076 рублей*) и активом до 800 тыс. рублей, главным образом, по финансированию сельского хозяйства и кооперации.

Позже начал развивать свою деятельность Средне-Азиатский Коммерческий банк с капиталом собственным и коммандитным (государственным для целевых ссуд) до 1.700 тыс. рублей.

Работа Ср.-Аз. банка в стране с архаическими формами торговли представляется весьма своеобразной. Банку приходится искусственно создавать и оживлять оборот. Несмотря на денежную инфляцию размер частных пассивов (по вкладам, текущим комиссионным счетам и т. п.) Ср.-Аз. банка на территории Таджикистана очень невелик—всего в среднем около 60 тыс. рублей в месяц. Столь же невелики активы банка по Дюшамбинскому отделению коммерческого значения (по ссудной, вексельной и товарной операциям). Центр тяжести своей работы Средазбанк перенес на финансирование импорта, открывая значительные кредиты Узбекторгу по своим отделениям, находящимся вне Таджикистана, с погашением ссуд в Таджикистане. Этим стимулируется оборот внутри страны. Но стремление преодолеть денежную инфляцию искусственным форсированием импорта наталкивается на препятствие в виде экспортных операций. Последние (по данным завозного плана) достигают 1.900 тыс. рублей (экспорт скота на 1.500 тыс. руб., хлопка на 360 тыс. руб., кожсырья и кишек на 40 тыс. руб.) и должны влиять на дальнейшее расширение об'ема денежной массы. Учитывая попытки перенесения центра тяжести по финансированию оборота за пределы Таджикистана,

*) По данным „Отчета за 1923—1924 операционный год" Ташк. 1925 год.

об'ем денежной массы может быть определен приблизительно цифрами.

1) Приток наличности по дефициту госбюджета . . . . . 4.000.000 руб.

2) Приток наличности по кредитным и экспортным операциям . . . . . 2.500.000 руб.

Всего . . . . . 6.500.000 руб.

Если в довоенное время внутренний торговый оборот не превышавший 4.900—5.000 тыс. рублей обслуживался находящейся в обращении массой денег на сумму не свыше 1.000 тыс. рублей, то современный оборот несомненно переобременен свободными деньгами. Этот избыток средств обращения в стране, где раньше денег не хватало, имеет огромное значение для перестройки хозяйственного строя Таджикистана в целом.

Однако, приходится быть очень осторожным в экономическом прогнозе для страны примитивных хозяйственных форм да еще находящейся в полосе военных действий.

Пока можно отметить тот факт, что широкое разбитие интерлокального оборота обслуживает нужды незначительных, по преимуществу пришлых, групп населения. Обездоленное коренное население пока только присутствует при обороте, но мало принимает в нем участие. В какой мере удастся сочетать развивающийся в Таджикистане процесс так называемого «первоначального накопления капитала» с интересами различных групп коренного оседлого и полукочевого населения и вызвать рост производительных сил страны—ответ на этот вопрос можно будет дать лишь по окончании остатка гражданской войны—бандитизма и по вовлечении Таджикистана в орбиту широких и устойчивых связей широкого хозяйственного общения.

Ю. Пославский.

Приложение № 1.

СВЕДЕНИЯ

о количестве скота в 1917 г. по Таджикистану в тысячах голов.

НАЗВАНИЕ ВИЛАЙЕТОВ	Овец	Коз	Крупного рогатого скота	Лошадей	Ослы	Верблюды	Всего	В переводе на крупный рогатый ск.
Гармский.	58,8	32,0	45,2	7,4	3,5	0,5	147,4	61,4
Горно-Бадахшанский . .	66,1	31,7	19,1	2,3	1,0	1,1	121,3	24,7
Дюшамбинский. . . .	221,2	96,5	54,0	19,0	8,0	0,2	398,0	119,0
Кулябский.	191,0	77,1	99,9	20,6	19,4	0,2	408,2	153,6
Курган-Тюбинский. . .	60,0	27,0	8,7	5,0	1,6	1,1	103,4	28,3
Пенджакентский	43,0	33,0	16,0	2,0	6,0	—	100,0	29,5
Сары-Ассийский. . . .	87,2	50,1	11,6	6,6	3,0	0,2	158,7	40,2
Ура-Тюбинский. . . .	23,0	11,0	12,0	4,0	6,0	0,5	56,5	21,6
Всего по Таджикистану.	750,3	357,5	266,5	66,9	48,5	3,8	1493,5	478,3

Примечание. Перевод в крупный скот сделан из грубого расчета: 1 кр. скот-1 лошади-2 верблюду-1,2 круп. рогат. скота-4 ослам-6 козам-6 баранам.

Приложение № 2.

СВЕДЕНИЯ О ЗЕМЕЛЬНЫХ ПЛОЩАДЯХ 1917 ГОДА

под разными культурами по Таджикистану (пропорции культур) в тысячах десятин и о населении.

НАЗВАНИЕ ВИЛАЙЕТОВ	Площадь земли, действительно обработанной в 1917 г.	В СОСТАВЕ ОБРАБОТАННОЙ ПЛОЩАДИ ЗАНЯТО ЗЕМЕЛЬ:												Число жителей в тыс. чел.
		Поливных		Под богарными посевами	Всего под посевами	Поливные посевы распределяются между:								
		Под садами и виноградниками	Под посевами			Хлебными и кормовыми			Люцерной	Рисом	Бахчами и огородами	Промышлен.		Масличными (кунжут, лен)	Бобовыми (маш, горох)	Прочими	
						Пшеница, ячмень, рожь, овес	Просо и кунак	Джугара и кукуруза				Хлопчатником	Табаком				
Гармский. . . .	200,4	1,0	53,6	145,8	199,4	49,0	1,5	—	1,0	—	0,3	—	—	0,4	0,6	0,8	348,9
Горно-Бадахшанский	2,9	0,1	2,2	—	2,8	1,8	0,3	—	—	—	0,1	—	—	—	0,6	—	22,1
Дюшамбинский .	381,3	0,5	66,2	34,6	380,8	43,8	2,0	—	2,4	4,8	2,6	5,2	—	3,5	0,4	1,5	234,9
Кулябский . . .	252,4	2,0	72,8	177,1	250,4	57,5	1,3	0,2	2,0	2,5	1,8	0,6	0,1	3,6	1,6	1,6	295,3
Курган-Тюбинский	184,2	0,2	10,8	173,2	184,0	4,6	0,9	0,7	0,1	0,6	1,1	1,1	—	0,8	0,2	0,7	58,3
Пенджакентский .	25,1	0,9	9,6	14,6	24,2	6,6	0,5	0,1	0,5	1,2	0,4	—	—	0,3	—	—	45,6
Сары-Ассийский .	94,8	0,4	23,2	71,2	94,4	16,2	—	—	0,4	2,7	0,5	0,7	0,1	2,2	0,2	0,2	61,0
Ура-Тюбинский. .	52,9	3,8	26,1	23,0	49,1	24,1	0,4	—	0,8	—	0,5	—	—	0,1	0,1	0,1	60,7
Всего по Таджикистану . . .	1194,0	8,9	265,1	920,0	1185,1	203,6	6,9	1,0	7,2	11,8	7,3	7,6	0,2	10,9	3,7	4,9	1126,8

Месторождения полезных ископаемых Таджикской Республики.

И. И. Бездека.

Таджикская Республика представляет из себя преимущественно горную страну. Громадные массивы гор Алайской и Памирской системы покрывают всю территорию Республики и обуславливают оторванность от общей культуры и замкнутость жизни ее населения. Высокие горы, окаймляющие обыкновенно родной кишлак таджика, ограничивают его кругозор и препятствуют его духовному и экономическому развитию. Весь уклад жизни таджиков обусловлен этими мощными горами и протекающими по долинам среди гор многочисленными реками и ручьями, так что рассматривать страну с экономической точки зрения приходится именно по этим долинам, к которым приурочена вся жизнь страны.

Самой северной цепью на северо-западе страны является Туркестанский хребет, принадлежащий своим южным склоном к территории Таджикской Республики, а на участке Ура-Тюбинского вилайета и своим северным склоном.

В Ура-Тюбинском вилайете имеется залежь палеозойского антрацитовидного угля. Месторождение расположено на восток от г. Ура-Тюбе, в 10-ти верстах от него, недалеко от селения Кенагас и приурочено к антиклинали из палеозойских сланцев. Уголь залегает неправильными линзами, имеющими до 4-х метров мощности. Уголь мягкий, так что растирается между пальцами, и разбит, вследствие горообразовательного давления, многочисленными плоскостями скольжения. Месторождение это не имеет промышленного значения.

На юг, в верстах 2—3 от Ура-Тюбе, проходит жила железистого кварца, содержащая медную зелень и синь, серный колчедан и бурый железняк. Жила имеет значительное простирание.

Статья составлена по данным В. Н. Вебера, И. В. Мушкетова, Д. И. Мушкетова, Я. Эдельштейна, Д. В. Наливкина, Р. Клебельсберга и на основании собственных наблюдений.

По южную сторону Туркестанского хребта, ограниченная им с севера и Зарафшанским хребтом с юга, находится долина р. Заравфшана. В верхнем своем течении Зарафшан, после своего возникновения из Зарафшанского ледника, носит название Матча и русло его проходит в глубокой долине, ограниченной крутыми стенами гор. Долина Зарафшана местами расширяется и на таких площадках ютятся селения со своими пашнями. Местами долина суживается и на дне глубокой расселины мчатся через пороги быстрые воды Зарафшана.

В бассейне р. Зарафшана известно несколько отдельных залежей каменного угля. Самая западная из них расположена на р. Гизан, притоке р. Магиан, впадающей с левой стороны в р. Зарафшан. Угленосная свита содержит здесь несколько пластов угля разной мощности. Расположенная в урочище Ляльми-Гизан копь работала только второй пласт (мощностью 1,75 арш.) из имеющихся трех пластов. Копь, находящаяся на участке Чукурак, близ р. Гизан-Пойон, вскрыла три пласта, из которых самый нижний имел мощность 1½ саж. и в нем уголь был лучшего качества. Над ним, на расстоянии 8-ми саж. находился другой, рабочий пласт, 7 фут. мощности. Выше него, на высоте 16 фут., находился третий пласт 8 фут. мощности, содержащий в себе много глинистых прослойков до 1 фута мощности. Угленосная свита имеет в общем простирание с востока на запад и падает под углом около 30° на юг. Запас угля в месторождении небольшой и уже отчасти выработан.

По р. Кштут, левому притоку Зарафшана, находится угленосный бассейн между кишлаками Шурпота и Зауран. Бассейн имеет длину 8 верст, при ширине 1—1½ вер. Угленосная свита содержит 26 пластов, из них 15 пластов имеют мощность каждый около 1½ арш. и больше; общая мощность пластов угля около 12 саж. По Ренгартену запас месторождения около 3½ миллиардов пудов, считая до горизонта воды р.р. Ничната и Зауран.

Месторождение на реке Фан находится недалеко от крепости Сарвада у селения Канти. Угленосная толща имеет общую мощность около 180 саж. и заключает в себе 9 пластов угля общей мощности около 7 саж. Отдельные пласты имеют мощность 1—2,37 арш. Запас месторождения исчислен инж. Ренгартеном в 300.000.000 пудов. Уголь черный, твердый с жирным блеском. На западе угленосная свита размыта.

На юго-востоке от Кантинского месторождения, выше слияния Искандер-Дарьи с Ягнобом, около селения Рават,

расположено по обоим берегам Ягноба месторождение каменного угля. Главное развитие залежи находится главным образом по правому берегу Ягноба в южном склоне горы Кан-Тага. В свите, падающей на юг под углом 50°—60°, содержится много углистых сланцев. Уголь месторождения охвачен пожаром, продолжающимся уже много десятков лет.

Выше по долине Зарафшана известно еще несколько месторождений каменного угля; так, в правом берегу Зарафшана около селения Гузарыбад угленосная свита образует синклиналь и в ней открыто 5 пластов, около ¾ метра мощностью каждый.

В верховьях речки Гузун, левого притока Зарафшана, видны на склонах гор выходы пластов каменного угля. Пласты обнажаются высоко в склонах гор по дороге из кишлака Гузун в кишлак Сурхат.

Самое восточное обнажение угля находится на левом берегу Зарафшана, в 2-х верстах к югу от кишлака Пальдорак.

Зарафшанская группа месторождений угля разрабатывалось несколькими предприятиями. Эксплоатировались Кштутский, Магианский и Сарваданский бассейны, и уголь сбывался большей частью в Самарканд. Главным препятствием развитию дела была дороговизна угля, обусловленная дорогостоящей доставкой, вследствие больших расстояний и плохих дорог. Этот недостаток было предположено устранить сооружением подвесной дороги из Кштутского месторождения до ст. Ростовцево. Дорога была начата постройкой, но не доведена до конца из-за недостатка средств. В настоящее время уголь понемногу добывается жителями долины Зарафшана, где местами чувствуется недостаток в древесном топливе.

С некоторыми месторождениями угля, в частности с вышеописанным месторождением горы Кан-Таг, связаны залежи серы и нашатыря. В горе Кан-Таг (по Ягнобу) выделяются сернистые газы и нашатырь, вследствие подземнаго пожара пласта угля. На склоне горы находится пещера в известняках, имеющая около 7 футов высоты. Выделяющиеся по трещинам пород газы от горения угля содержат с себе нашатырь, который, охлаждаясь, отлагается на стенах пещеры. Пещера эта сдавалась на откуп. Вход в пещеру закрывался кладкой и после трех месяцев открывалось заложенное отверстие пещеры и отложившийся нашатырь, образовавший корки и натеки на стенках, выгребался из пещеры. В год добывалось

от 75 до 120 пудов нашатыря. Этот нашатырь—«зарк»—можно встретить на базарах Бухары, где он покупается золотых дел мастерами.

Сернистые газы, выделяющиеся по трещинам склона горы, отлагают на камнях, которыми закладывают отверстия почвы, кристаллы серы. Налет на камнях собирается три раза в год. Там же разрабатывается земля, пропитанная серой и продуктами окисления серы, и идет для производства квасцев. В селениях Пити, Пеньян и Канти занимаются добыванием квасцев около 90 челов., и они вырабатывают до 350 пудов квасцев в год. Промысла эти имеют и могут иметь и в будущем только кустарный характер.

Для бассейна Зарафшана имеются указания на местонахождение целого ряда месторождений разных полезных ископаемых, неисследованных, которые вряд ли могут иметь в близком будущем практическое значение, вследствие их отдаленности, а некоторые из них—также по причине их незначительности. Так, между кишлаком Фан и крепостью Кштут медная зелень и синь окрашивает кварцевые жилы. Около кишлака Кштут в кварцевых жилах встречаются включения серного и медного колчедана. На северо-восток от кишлака Шинк, на р. Магиан, обнаруживается в пещере известняковая брекчия, также проникнутая медной зеленью. Свинцовая руда находится на ЮЮВ от селения Дарай-Магиан, где в известняках имеются вкрапления свинцового блеска. В 12-ти верстах к юго-западу от селения Гурбек встречаются на р. Оби-Камали, одном из притоков Кштут-Дарьи, жилы кварца, обнаруживающиеся в многочисленных пещерах известняков на значительном пространстве. Жилы кварца с тяжелым и известковым шпатом заключают в себе также прожилки свинцового блеска.

На юг от Пенджакента, в 12—13 верстах от него, около селения Зибан, выделилась по трещинам кремнисто-глинистых сланцев марганцевая руда—пиролюзит. В одном месте мощность пиролюзита доходит до 1 арш.

Железная руда, которая в этих местах не может иметь практического значения, находится на север от кишлака Гизан-Пойон, образуя пластовую залежь бурового железняка в известняках, мощностью около 1 метра.

Около селения Пакшив расположены старинные копи ляпис-лазури.

Против г. Пенджакента и около укрепления Урмитан находятся пласты квасцового сланца и железный купорос.

Красивый мраморный оникс, из которого сделана панель мавзолея Гур-Эмир в Самарканде, добывался по всей вероятности в некоторых из многочисленных пещер гор Заравшанского бассейна.

Интересен факт золотоносности р. Заравшана. Золотоносность его по всей вероятности давно известна, что свидетельствует персидское название реки «Зар-афшан» в переводе «разбрасывающий золото». Золотоносность Зарафшана начинается приблизительно в 16-ти верстах ниже ледника, около мазара Хазрет-Ходжа-Муса-Ам-Али. Ниже золото встречается по всему течению Зарафшана. В русле реки, заполненном гранитной, диоритовой, кварцевой и др. галькой, находятся места, покрытые мелким черным песком, похожим на золотой шлих.

Золото, намываемое из песков Зарафшана, очень мелкое. По рассказам, содержание золота было в прежнее время значительнее, чем теперь.

Помимо Зарафшана моют золото и по Искандер-Дарье. Золотым промыслом занимались главным образом жители Урмитана и Фана. Наиболее богатым местом считается Бишкент. Золото моют главным образом весною, после таяния снегов и содержание его в песках находится в зависимости от быстроты таяния снегов. Промывка золота—промысел невыгодный, вспомогательный. Так, например, в Урмитанском Обществе работали три артели, по 9 человек каждая, и за период зарабатывали по 150 руб. на артель.

По Зарафшану практикуется очень примитивный способ улавливания золота. Во время половодья расстилают в некоторых благоприятных местах в русле реки бараньи шкуры шерстью против течения. Тяжелые зернышки золота задерживаются между волосами и выделяются таким образом из песка, несомого по поверхности шкуры. Коренного месторождения золота на Зарафшану не найдено.

От долины Зарафшана отделяется Зарафшанским хребтом долина р. Ягноба, которая вследствие трудности сообщения по Фан-Дарье с Самаркандской областью тяготеет экономически больше к Гиссарской долине. Здесь имеются вышеописанные залежи Кан-Тага.

С юга долина Ягноба ограничена Гиссарским хребтом, ядро которого построено из метаморфических пород и грани-

тов. К древнему ядру прилегают более молодые слои, из которых большим развитием отмечаются породы мелово-третичной свиты.

Вся юго-западная Таджикия представляла собою в верхне-мелово-эоценовый период морской бассейн, соединенный проливом, идущим по линии течения реки Вахша-Сурхоба-Кизил-Су с морским бассейном Кашгара, с ответвлениями к басейнам Нарына и Ферганы.

Свита верхне-мелово-эоценовых пород, распространенная в юго-западной Таджикии по южному склону Гиссарского хребта и в его строгах горах—Баба-Таг и Ак-Таг, состоит из светло-желтых известняков, зеленоватых и красноватых мергелей, глин, красных песчаников и конгломератов пластов гипса и в общем бедна полезными ископаемыми. В ней встречаются залежи поваренной соли и местами появляется нефть, сопровождаемая иногда горным воском и серой.

Восточнее Каратага, около селения Санг-Миля высачивается из антиклинали, образованной эоценовыми, серыми известняками с сопровождающими их песчаниками, конгломератами, сланцевыми и песчанистыми глинами,—черная, густая нефть в незначительном количестве. Аналогичные выходы нефти имеются в 8—10 верстах на восток от селения Санг-Миля около селения Ходжа-Чильар.

Соль встречается на многих местах и разрабатывается для местных нужд: так около Кабадиана, на юго-запад от него около кишлака Бишкент, в горах Нур-Таг на северо-запад от Бальджуана, около Куляба в горе Ходжа-Мумын и на других местах.

Севернее Дюшамбе, в ущельи реки Варзоба выходят горячие серные источники, температура которых около 75° С.

Такие же горячие источники встречаются и дальше на восток и приурочены они к сбросовой линии громадного распространения, по которой были надвинуты массы гор Алайской системы на слои хребтов системы Памира. Эта сбросовая линия отмечается по южному склону Гиссарского хребта и переходит по речке Оби-Яйляк в долину реки Вакша-Сурхоба-Кизил-Су и тянется на восток в Кашгарию. Несколько горячих серных источников выходит по речке Оби-Яйляк около города Оби-Гарма. Два из них с более значительным дебетом имеют температуру 37,5° и 42° по С.

Озерко, находящееся восточнее Гарма и расположенное на правом берегу Сурхоба, имеет воду повышенной, довольно

постоянной температуры, вероятно под влиянием температуры воды питающего его теплого источника.

На север от этой сбросовой линии Вахша находятся древние породы Алая, о горных богатствах части его, входящей в состав Таджикской Республики, известно только, что в горах между Гармом и Матчей находятся соляные копи Кони-Руган, превосходной солью которых пользуются жители Матчи.

В Каратегине, в окрестностях кишлака Муджи-Харва находятся в гранитах аметисты.

Южнее линии Кизил-Су—Сурхоба простираются цепи хребта Петра Великого, образованные в западной своей части теми же красными породами третично-мелового возраста. В них встречаются залежи соли на левом берегу Сурхоба, против устья р. Яр-Мазара и кишлака Занку, в 5-ти верстах к северу от перевала Люли-Харва, дальше в 15-ти верстах ниже устья реки Хингоу на левом берегу Сурхоба в окрестностях кишлака Бодихо, между рекою и перевалом Тундак. Западные цепи хребта Петра Великого переходят на правый берег Вакша, образуя возвышенности на юг от реки Оби-Яйляка. Они состоят здесь из тех же красных пород верхне-мелово-эоценовой толщи и в них находятся также залежи соли, как вышеупомянутые в горах Нур-Таг, к северо-западу от г. Бальджуана.

На левобережьи Вахша из других полезных ископаемых встречается около селения Чинар по р. Шурак свинцовая руда и в окрестностях Бальджуана—горный лен, с длиною волокна около 1 см., хорошо расщепляющегося и гибкого.

Южный склон хребта Петра Великого омывается рекой Хингоу, протекающей плодородной долиной, называемой Вахия и входящей уже в состав Дарваза. На западе река проходит по тем же красным осадочным породам, описанным выше. Перевал Яфуч, соединяющий Вахию с долиной Вахша, содержит в породах своего юго-западного склона, в пластах серого сланцеватого песчаника – примазки медной зелени.

В бассейне р. Хингоу, по ее левому берегу, около кишлака Минаду, разрабатывается превосходная розовая соль, которой снабжается Вахия и северный Дарваз. Дальше на восток, за кишлаком Лоджирк, по склонам Пир-Яха, в зеленых сланцах восточных цепей Петра Великого, находятся жилы асбеста, который местные жители применяют для фителей масляных лампочек.

В верховьях р. Хингоу, в русле р. Оби-Мазара находятся неважные гранаты, происходящие из слюдяных гранатовых сланцев, входящих в состав метаморфической свиты пород, имеющей здесь большое распространение. В змеевиковых сланцах и диоритах метаморфической свиты, аналогичных тем же породам Саук-Сая Заалайского хребта, содержится обильные кристаллы серного колчедана, могущие иметь связь с золотом, которое здесь промывают. Золото, большею частью мелкое, находится в террасах и современных наносах р.р. Оби-Мазар, Оби-Занку и Арзынга. В Арзынге около кишлака Сыкат находят крупные самородки. Отвалы старых работ видны по реке Оби-Мазар и ниже слияния Оби-Мазара и Арзынга. Золото происходит по всей вероятности из неизвестных коренных месторождений метаморфической свиты.

К югу от долины Хингоу находится гористая страна Дарваз, покрытая громадными цепями Кугитека, Хазрет-и-ша, Мазарских гор, Ванчского хребта. Дарваз славится своимо золотом. Из других полезных ископаемых добывается окол кишлака Равнау нечистая розовая соль, образующая линзы в красной глине на небольшой глубине. Здесь же около Равнау и вниз по реке Равнау имеют значительное распространение медные руды, образующие примазки в жилах известкового шпата и по трещинам красных туффовых песчаников. На юго-западном склоне Хазрет-и-ша, на запад от хребта Иолли-Харва имеется залежь каменного угля на высоком и трудно доступном месте. В ущелье Пянджа около кишлака Киврон, восточнее Калай-Хумба находится в роговообманковых породах залежь асбеста, обладающего длинным волокном.

Северо-западная часть Дарваза покрыта громадными отложениями конгломератов, поднятых горообразовательными процессами в хребтах Кугитек и Хазрет-и-ша на высоту 12.000 фут. и выше. Мощность их громадна, так на Хазрет-и-ша они достигают около 3.000 фут. мощности и замечательны своей золотоносностью. Содержание золота в конгломератах ничтожное, но размывом их оно обогащается в отложениях террас современных рек, образованных перемытым и обогащенным материалом разрушающихся конгломератов. Реки, берущие начало или протекающие через область конгломератов, золотоносны. Золото встречается и в старых террасах рек и в современных отложениях. Содержание старых террас в общем более богатое, чем современных отложений. Разработкой современных наносов занимаются местные жители, применяющие

самые примитивные методы добычи. Старые террасы разрабатывались русскими предпринимателями, обосновавшими в разных местах небольшие приски, малосильные как в финансовом, так и в техническом отношении.

Конгломераты Дарваза налегают обыкновенно непосредственно и согласно на красные эоценовые конгломераты и песчаники, но наблюдается и непосредственное их налегание на породы палеозойского возраста, как, например, на известняки под перевалом Тери-Курган в долине речки Гульба-Дарра. Конгломераты слоисты и образуют банки разной крепости, чередующиеся с прослоями песчаника. Прослойки песчаника становятся более мощными и частыми в стратиграфически более глубоких горизонтах, обнаруживающихся в долине реки Ях-Су, в направлении на юго-запад.

На Хазрет-и-ша пласты конгломератов наклонены к северо-западу, около Талбара их падения на юго-восток. В общем наблюдается, что конгломераты имеют простирание на северо-восток, параллельное направлению хребта Хазрет-и-ша. Если будем подвигаться с юго-востока, из долины реки Равнау на северо-запад через Хазрет-и-ша к Ях-Су, то увидим, что северо-западное падение пластов конгломерата вершин Хазрет-и-ша, при спуске в долину р. Ях-Су, на северо-западном склоне хребта, становится более пологим и, не доходя русла Ях-Су, делается в районе присков по Сафед-Дарье противоположным—юго-восточным. Тоже падение продолжается в правом берегу Ях-Су в тех же конгломератах Кугитека. Таким образом конгломераты Хазрет-и-ша образуют здесь пологую синклиналь с осью на северо-восток. На юго-восточном склоне хребта обнажения пластов конгломерата обрываются круто в долину бассейна реки Равнау. Конгломераты хорошо сцементированы известковисто-песчанистым цементом, крепки, но поддаются довольно быстро выветриванию. Выветриванием и размывом получаются грандиозно-причудливые формы скал: бастионы, крутые стены и утесы, пирамиды, столбы, какие можно наблюдать в верховьях реки Ях-Су около кишлака Талбар, по Сафет-Дарье и др. притокам р. Ях-Су. Валуны, входящие в состав конгломератов, хорошо окатаны и перемешаны, как валуны рек, и состоят из красного и серого песчаника и мергеля мелово-эоценовых отложений, черного крепкого палеозойского известняка хребта Сафедку, гранита, диабаза, красного и зеленоватого цвета пуддингов, кварца, разных контактно-метаморфических пород,

мандельштейнов, брекчий порфиритов, глинистых и слюдистых сланцев и др. Величина валунов разная, в общем средняя, но встречаются и большие валуны, максимальный размер которых бывает 1—2 метра в поперечнике. Такие большие валуны образует главным образом гранит, пуддинги и около кишлака Шугно еще и красный песчаник, имея здесь форму малоокатанных четыреугольных плит. В составе валуна конгломерата в разных мест наблюдается непостоянство, так по р. Равнау и Сафед-Дарье имеется больше гальки тяжелых изверженных и метаморфизованных пород, в то время как под перевалом Зах-Бурси, на его северо-западном склоне, преобладает более легкая галька известняка из серого песчаника. Область конгломератов размывается водами рек бассейна Аму-Дарьи—Мазар-Су, Ях-Су и ее притоков—Сафед-Дарья и др., речкой Равнау и ее притоком Кафир-Бача, реками Возгена, Сары-Об, Таби-Дара, Оби-Ниоу. Все эти речки, более многоводные только в период таяния снегов, представляют из себя быстрые горные потоки с значительным уклоном, русла которых прорыты в мощных наносах, отложенных ими галечников.

Золотые прииски находились по р. р. Мазар-Су, Сафед-Дара. Равнау и Сары-Об. В верховьях реки Мазар-Су, левого притока Кизил-Су, находятся золотые россыпи, большею частью выработанные уже туземными работами, на что показывают многочисленные старые отвалы промытых песков. В нижней части россыпи остались еще невыработанные площади. По Крафту на глубине 5 метр. находится слой глинистого песка с содержанием $^3/_4$ золотн. золота. Этот слой подстилается водоносным галечником, под которым залегает на плотике слой темно-серого до черного цвета песка, с содержанием от 2 до 10 золотн. на 100 пуд. песков. В песках этого слоя, имеющего мощность 0,7—1,4 метр., было встречено содержание до 16 золотн. По Лева содержание меньше—в среднем около 22 долей, а в слое около плотика—70 долей, какое содержание кажется более вероятным. Большая часть вод, размывающих конгломераты Дарваза, собирается рекой Ях-Су. Эта река и большинство ее притоков золотоносны. Золото моют в ее верховьях около Тальбара и ниже его по ее притокам Сафед-Дарье и др. Река Сафед-Дарья, левый приток верховьев р. Ях-Су, берет свое начало на вершинах Хазрет-и-ша и собирает воды и размывает конгломерат его более пологого северо-западного склона. В верстах 6-ти на

юго-восток от кишлака Шугно речка выходит из узкой теснины в конгломератах и образует расширение, длиною $1^1/_2$ версты и шириною около $^3/_4$ версты, суживающееся ниже по течению речки выступами конгломерата и песчаника плотика. Конгломераты образуют здесь вышеописанную пологую синклиналь, размываемую поперек водами реки Сафед-Дарьи. В котловине, находящейся в перегибе мульды синклинали, река отложила мощные, около 20 м. толщиной, наносы галечников, которые служили основанному здесь приску материалом для разработки золота. Старые галечники русла реки вскрыты разносом в 18 м. глубиной, около 50 м. шириной и 250 м. длиной по течению реки. Проведена водоотводная канава и насыпь, защищающая работы от заливания их весенними водами Сафед-Дарьи. Вертикальный разрез отложений, по данным работавшего здесь в течение 20 лет до своей смерти горного инженера Журавко-Покорского, следующий: золотоносность начинается почти с самой поверхности, но содержание бедно—от 2 до 5 долей на 100 пуд. Далее идет:

1. Два метра малоглинистого галечника и песка серого цвета, называемого таджиками «хос», с содержанием 4—18 долей на 100 п.

2. Под «хосом» находится 5 метр. глинистого красноватого песка с содержанием 3 доли.

3. Под ним идет уже водосодержащий слой гальки и валунов.

4. Ниже находится крупный песок черного цвета с хорошим содержанием, названный «сия-риг», непостоянной мощности и под ним красноватый песок. Общая мощность обоих слоев песков—до 5 метр., при чем содержание золота увеличивается с глубиной от 24 долей до 1 золотн.

5. Под слоем песка находится слабоглинистый галечник, названный «джас», мощностью 6 метр., с содержанием 7—10 долей.

6. На самом низу покрывая плотик лежит слой богатого песка, до которого работы Журавко-Покорского не дошли, но который в некоторых местах был вскрыт работами таджиков. Богатый песок, называемый «шух», содержит, по словам таджиков, более крупное золото ,и содержание золота в нем доходит до 6 зол.

Золото рассыпи мелкое, пластинчатое, высокой пробы.

Ниже по течению Сафед-Дарьи в $1^1/_2$ верстах от приска Журавко-Покорского, около селения Поамак-Дара разрабатывали пласт рыхлого конгломерата около 1 саж. мощностью, залегающий между более твердыми и слитными конгломератами, с содержанием до 2 зол. Боковые террасы покрыты местами более или менее мощным слоем серого или желтоватого песка. Песок лежит непосредственно на конгломератах и бывает покрыт растительной землей. Содержание в нем золота $^1/_2$—1 зол. Месторождение разрабатывалось и открытыми и подземными работами. В настоящее время промысла на Сафед-Дарье разрушены, постройки уничтожены и только несколько партий таджиков промывают на игрушечных вашгердах современные наносы реки.

В верховьях реки Ях-Су, около кишлака Тальбар, разведочные работы инженера Журавко-Покорского достигли на глубине 5 метр. пласт мощностью 2 м. с содержанием золота 31 доля. Между Тальбаром и Шугно везде видны многочисленные отвалы, происходящие большею частью от подземных работ, которыми таджики добывали пески на глубине 12—4 м. с содержанием 2—4 зол. золота. Золотые приски находятся и ниже по р. Ях-Су, как, например, около кишлака Чандарон. Третья группа известных, заслуживающих с экономической точки зрения внимания россыпей находится в бассейне реки Сары-Об, левого притока р. Хингоу. Река Сары-Об начинается на вершинах конгломератовых гор между перевалами Сары-Об и Рогак. Долина реки Сары-Об и ее верхних притоков Килимы, Агбы и др. образует характерную, замкнутую со всех сторон высокими гребнями гор, котловину. В результате замкнутости и защищенности котловины здесь образуется мертвое пространство, в котором отлагается атмосферная пыль, которая в течение многих дней года заполняет воздух и затуманивает весь горизонт местности. Отлагающаяся пыль образует слой лесса, покрывающего склоны гор и обуславливающего густоту населения долины, вследствие имеющихся здесь пахотных земель. Склон долины левого берега Сары-Оба крутой и маловодный. Правый берег реки образован старой террасой галечников, высота которой увеличивается вниз по течению реки. Выше террасы склон гор становится пологим и образует широкую малопокатую поверхность, полого поднимающуюся к вершине хребта Джари-Дирида и покрытую богатой растительностью. Здесь в долине одного из правых притоков Сары-Оба расположен

кишлак Сахир-дашт, важнейший из имеющихся в долине Сары-Оба населенных пунктов. Не достигая гребня хребта, склон гор, окаймляющих долину Сары-Оба, делается на юге довольно крутым. На высоте 20—30 м. над современным уровнем реки находятся сильно развитые старые работы, приуроченные к верхним горизонтам галечников древних террас правого берега и не опускающиеся ниже прежнего горизонта воды, ранее более высокого, чем в настоящее время. Такими же отвалами старых работ громадных размеров покрыт правый пологий склон хребта Джари-Дирида, преимущественно там, где поверхность его изрыта руслами стекающих с хребта потоков и ключей. Вся долина здесь покрыта растительностью, так что размыв конгломерата и передвижение освобожденного выветриванием материала не совершается так интенсивно, как на Хазрет-и-ша. Золото террас Сары-Оба очень мелкое, мельче чем на Сафед-Дарье. Более крупное золото осадилось, по всей вероятности, на пологих склонах хребта и разрабатывалось, по мнению жителей во времени Чингиз-Хана. Об интенсивности или продолжительности этих работ свидетельствует вышеупомянутые отвалы. По реке Сары-Обу имелись приски, которые применяли гидравлическую разработку примитивного устройства, затрудненную недостатком напорной воды в летний период.

По речке Равнау, ниже слияния ее с речкой Шакарсы (или Кафир-Бача по сообщению жителей кишлака Равнау) в верстах 2-х вниз по течению речки от кишлака Равнау, находятся россыпи, разработывавшиеся прежде русскими промышленниками. Речка Равнау слагается из двух ветвей, разделенных извилистым узким и острым хребтом Иолли-Харв. В своем верхнем течении правая слагающая реки Равнау течет вдоль подножья хребта Хазрет-и-ша, собирая воды и материал его юго-восточного крутого склона. Русло речки Равнау прорыто в бурых и темно-красных туффовых песчаниках и конгломератах. Течение речки Равнау весьма быстрое и речка сохраняет в своем верхнем течении ЮЮЗ направление. После слияния с речкой Шакарсы, русло реки образует несколько более широких мест. На одном из таких расширений русла, где вследствие уменьшения скорости воды происходит интенсивнее процесс отложения, расположены работавшиеся прежде приски. Речка была отведена канавой и работали галечники русла реки. Водоотводная канава была проведена до плотика, находившегося на глубине около 4—5 м. Плотик

состоит из красных плотных песчаников, образующих выступы поперек русла реки. На плотике лежит пласт галечника неравномерной мощности—в среднем около ¾ м.— с богатым содержанием крупного золота. Золотоносный пласт покрыт красным глинистым слоем в 2—3 м. мощности и на нем лежат современные галечники русла реки. В старых террасах левого берега реки, поднимающихся высоко над ее уровнем и покрытых осыпным материалом склона гор Сафед-Ку, остались следы обрушившихся штолен, которыми разрабатывались галечники этих террас. В долине р. Шакарсы, около самого кишлака Равнау, в галечниках левого берега речки имеются два больших разноса до 7 саж. глубины, отчасти заливщиеся в настоящее время, в нижних горизонтах которых находились самородки. В рассыпях речки Равнау намывали от ½ до 2½ зол. почти преимущественно крупного золота; количество мелкого золота по отношению к крупному было невелико.

Золотоносные россыпи находятся и по другим рекам области распространения конгломератов, как по р. р. Оби-Кноу и Возгена, а также по р. Таби-Дара, левому притоку р. Хингоу, где находятся в современных галечниках крупные золотинки, но в общем седержание золота невелико. В верховьях реки Возгена, на высоко расположенной долине между перевалом Возгена и Сары-Об, шурф, пробитый на глубину трех метр., не доходящий до плотика показал небогатое содержание золота: на поверхности до глубины 2-х метр.—15—20 долей и на глубине третьяго метра—5—10 долей. В гальке имеется много известняков хребта Сафед-Ку вместе с валунами гранита, диабаза, брекчии, зеленых пуддингов, красного и серого песчаника. Золото—пластинчатое, мелкое, но крупнее, чем по Сафед-Дарье; поверхность пластинок—до 6 кв. мм. Речка Возгена идет здесь в довольно пологим уклоном на ССВ среди конгломератовых вершин, по довольно широкой долинке.

Золото моют и по р. Вахшу на протяжении от впадения в него р. Мук-Су до его слияния с Пянджем. Золото Вахша происходит главным образом из коренных месторождений Заалайского хребта и по всей вероятности восточных цепей хребта Петра Великого и приносится р. Мук-Су. Золотом снабжаются россыпи Вахша еще рекой Хингоу, золото которой происходит отчасти из конгломератов Дарваза, но главным образом из неизвестных коренных месторождений, располо-

женных в верховьях слагающих р. Хингоу рек Арзынго (Гармо) и Мазар-Су. Возможно, что и Алай доставляет Вахшу некоторое количество золота, как, например, р. Кок-Су, на которой промывают золото. Золото моют по Вахшу (Сурхобу) выше Гарма, около кишлаков Тут-Каула, Деги-Гулемон, и там где Вахш имеет возможность отлагать свой материал. После принятия реки Оби-Яйляк, Вахш несет стремительно свои воды узким глубоким ущельем и только около Курган-Тюбе в местности Джан-Хураз выходит на равнину. На равнине Вахш отлагает свою гальку, образует отмели, которыми, разбивается на рукава. В долине Курган-Тюбе Вахш прорыл свое русло в красной третично-меловой толще. На головах пластов красного песчаника с крутым падением на юго-восток расположен пласт галечника, находящегося около выхода Вахша из гор на высоте около 3 саж. над уровнем реки и имеющего мощность около 3 саж. Вниз по течению Вахша пласт имеет уклон по течению реки, более крутой, чем современное русло и около кишлака Джиликула уровень его совпадает с уровнем реки и мощность его уменьшается до 2-х арш. Везде в пласте равномерно распылено золото в количестве около 1 доли на 100 пуд., так что практического значения пласт не имеет. Золото моют из современных наносов около Курган-Тюбе, Каун-Тюбе, Лягмана, выбирая для работы участки мелкой гальки с значительным содержанием песка, дающие удовлетворительную пробу при промывке на чашке. Такие наносы отлагаются ежегодно на берегах реки и содержание в них золота находится в прямой зависимости от количеств осадков в горах. Годы с большим количеством осадков считаются благоприятными для приноса золота. Мелкий галечник из такого участка около Джиликуля дал 11 долей на 100 пудов. Последнее, мельчайше распыленное золото уносится в Аму-Дарью и местами подвергается промывке.

Происхождение самих конгломератов, дающих основание золотоносности рек Дарваза, точно не выяснено. Вероятно они образовались в неглубоком водном бассейне после-эоценового периода. Мощность их можно об'яснить опусканием перегруженного наносами материалом участка земной коры, как замечено В. Н. Вебером для участков северного подножия Александровского хребта и других мест. Материал галечников был принесен водными потоками из отдаленных мест, находящихся на восток от современного его расположения,

возможно, что и из Алтая. Отчасти валуны получились разрушением пород, окружавших бассейн, как красных песчаников и третичной меловой свиты, известняков Сафед-Ку и др. Среди разрушающихся пород, давших впоследствии конгломераты, находились и золотосодержащие породы, золото которых распылилось по всей громадной массе конгломератов. После горообразовательных процессов, которыми конгломераты были выдвинуты на значительную высоту и образовали современные горные кряжи, началось и их разрушение. Это разрушение продолжается с разной интенсивностью и до сего времени. Одновременно с процессом разрушения и передвижения материала конгломератов шло и идет обогащение золота, отлагающегося в наносах рек. На пологих склонах конгломератовых гор разрушенный материал был подвержен действию менее сильных водных потоков, чем на более крутых, и менее обильные и менее быстрые воды сумели вымыть и унести только мелкое золото, оставляя более тяжелое на месте или перенося его только на небольшое расстояние. Такие условия мы наблюдаем на приисках по Сафед-Дарье, разположенных около подножия пологого северо-западного склона Хазрет-и-ша и содержащих почти одно только мелкое золото. Аналогичные условия мы наблюдаем на приисках речки Сары-Оба, получающей приносимый водой материал и золото из пологого склона Джари-Дирида. Мелкое золото сносилось в долину речки, а более тяжелое отложилось вероятно на мало покатом склоне, как уже описано выше. Другие условия мы наблюдаем на р. Равнау. Питающий реку Равнау юго-восточный склон Хазрет-и-ша обрывист и обращен к ней лбами образующих его пластов конгломерата. Почти весь выветрившийся материал разрушающегося крутого склона Хазрет-и-ша попадает в воды Шакарсы и Равнау и уносится быстрыми водами их верхнего течения. Крупное тяжелое золото уносится вместе с мелким, но при первом же ослаблении силы воды, вследствие изгиба или разширения русла, тяжелые куски крупного золота отлагаются, как мы наблюдаем в руслах Шакарсы и Равнау.

Восточ. часть Дарваза покрыта Мазарскими горами, спускающимися на юго-вост. в плодородную долину Ванча, довольно густо заселенную, В долине Ванча развита примитивная железо-плавильная промышлен., благодаря имеющ. около кишл. Вичхарва, Потау, Ван-Ван и Техарвы залеж. желез. руд. Руду плавят в мален. печ. в разн. мест., как наприм. около кишл. Сед.

Помимо железной руды имеется выше кишлака Потау залежь марганцевой руды.

Ниже устья р. Ванча, около кишл. Бараун находится месторождение свинцовой руды. В соседней и параллельной Ванчу долине Язгулема, очень мало исследованной, известно только нахождение россыпного золота, промываемого около кишл. Джафак.

Правобережное Припянджье на участке меридионального течения р. Пянджа вместе с долинами его правых притоков называется иногда мало точно «Западным Памиром» и заключает в себе горные страны Рошан и Шугнан. Река Пяндж принимает здесь несколько притоков, долины которых заселены оседлым земледельческим населением.

Из полезных ископаемых известен на р. Пяндж, около кишл. Барзуд, ниже впадения р. Бартанг, графитовый сланец. Дальше на юг, около кишлака Хуф известно местонахождение серного колчедана и железной слюдки; около летовки Пас-Баджу находится также серный колчедан и железный блеск; около кишлака Сачарь—бурый железняк и графит; около кишлака Поршнев—медная руда (малахит). Около Хорога встречаются прозрачные, густого, лилово-красного цвета гранаты. Выше Хорога, в верстах 80-ти, около селен. Кугиляль расположены издавна известные рубиновые копи. Месторождение находится в сером мелко-кристаллическом доломите, который проникнут черткообразными жилами пегматита. Пегматитовая масса растворила в себе магний доломита и выделила его при охлаждении в форме кристалликов шпинели. Жилы пегматита местами сильно разрушены и в разрушенной массе встречаются отдельные кристаллы шпинели в глинисто-слюдистых оболочках. Шпинель обыкновенно розового цвета, прозрачная и менее прозрачная, различных, обыкновенно небольших размеров, но встречаются и большие красивые прозрачные кристаллы. По рассказам таджиков встречаются и камни ярко красного цвета (рубин-балэ). В находящихся под доломитами слюдяных сланцах встречаются бериллы. Месторождение разрабатывалось издавна, на что указывают имеющиеся здесь громадные отвалы. Вскрыто месторождение несколькими наклонными шахтами, теперь обрушившимися.

В пещерах, расположенных в двух верстах на север от Ишкашима встречается английская соль.

В Вахане около кишлака Ямчин встречаются гранаты значительной величины, но малой прозрачности.

По реке Бартангу, около кишлака Басит и его притоку Кударе-Танымасу моют золото. Золото очень мелкое.

Около кишлака Барчидив (Дармарахт) находится магнитный колчедан.

В бассейне р. Гунт, по правому ее притоку,—речке Кумыш-Джилга, встречается серный колчедан.

По речке Ак-Майлак, правому притоку Тогуз-Булака, находится свинцовый блеск.

По притокам р. Шахдара,—реке Виздара, встречаются кристаллы черного гурмалина—шерла и по речке Бадам-дара—ляпис-лазурь.

Вся местность изобилует теплыми и горячими серными источниками, приуроченными к сбросывым линиям, которые до настоящего времени служат очагами землетрясений, часто повторяющихся в этой области. Такие источники имеются по р. р. Тогуз-Булак, Гарм-Чашма, в верховьях р. Ак-Су и в др. местах. В некоторых из них, как в источниках около поста Кизил-Рабата и на р. Гарма-Чашма, выделяется гороховый камень.

Самая восточная часть Таджикской Республики представляет из себя слабо заселенное кара-киргизами, пустынного характера, высокое нагорье с системой хребтов, широких долин и замкнутых водных бассейнов—Памир. С севера Памир ограничен Заалайским хребтом, по оси которого проходит северная граница Таджикистана.

На западном конце Заалайского хребта, на его южном склоне, в бассейне реки Саук-Су, одной из слагающих реку Мук-Су, находится месторождение коренного золота. По правому притоку Саук-Су, речке Джургучак и в соседнем ему ущельице обнаружена целая свита кварцевых золотоносных жил, простирающихся по обе стороны долины речки Джургучак. Кварцевые жилы находятся и по Саук-Саю, в обоих его берегах и имеют распространение в верх по речке до пика Кауфмана. Простирание жил северо-восточное и совпадает с простиранием сланцев, в которых они заключены и падение их крутое. Жилы часто линзо-образной формы и мощность их самая разнообразная,—от совершенно ничтожной до 3-х арш., чаще же всего около ½ арш. Максимальный обнаруженный размер линзы—50 саж. в длину. Кварцевые жилы содержат в себе кристаллы серного колчедана и включения медного колчедана. Охристые участки кварца с оставшимися после окисления и выщелачивания вещества серного

колчедана пустотами содержат крупинки золота. Видимого золота в кварцах довольно много и величина отдельных золотинок доходит до 30 долей. Содержание золота в кварце очень неравномерное,—от нескольких долей до 1 фунта. В среднем для разрабатываемой массы кварца можно считать около 4-х золотн. на 100 пудов. Месторождение разрабатывалось издавна, на что указывают остатки древней золототолчейной фабрики с остатками 12 жерновов. До революции на этом месторождении производились разведочные работы, давшие благоприятные результаты. Освобожденное разрушением кварцевых жил золото отлагается в русле р. р. Саук-Су и Мук-Су и придает золотоносность их отложениям. Золото моют около Алтын-Мазара и ниже по течению реки Мук-Су. Намываемое здесь золото отличается своей относительной хрупкостью. По анализу Тейха состоит оно из 87% золота и примеси серебра и меди. Река Мук-Су славится содержанием золота. Промывкой занимаются киргизы, старающиеся места своих работ сохранять в тайне. Хорошим содержанием отличаются левые притоки Мук-Су, стекающие с сев. склона восточных цепей хребта Петра Великого. Золотосодержащие кварцевые жилы подчинены полосе метаморфических сланцев, гнейсов, диоритов, гранитов и др., которая по данным Д. В. Наливкина и Я. Эдельштейна занимает верховья р. Хингоу, вероятно верховья р. Ванча и Язгулема, верховья Мук-Су, водораздельный гребень между бассейнами Пянджа и Кара-Куля, котловину Кара-Куля, гребень ограничивающий ее с востока, долину р. Кара-Арти уходит в Мустаг-Ата.

Золото р. р. Ванча, Язгулема, Танымаса, Кудары, Бартанга, Арзынга, Оби-Мазара, Оби-Занку происходит, по всей вероятности также, как золото Мук-Су, из кварцевых жил и может быть и других пород вышеупомянутой метаморфической свиты.

В западном Заалайском хребте, в одном из правых притоков Саук-Сая—Сасык-Теке, около устья речки, находится месторождение асбеста в змеевиках. Общая мощность змеевика, заключающего свиту жил асбеста,—около 30 саж. и простирание определено на расстоянии около 100 саж. В свите имеется 15 асбестовых жил с длинным волокном. В разведанном участке волокно мало гибко и плохо расщепляется на отдельные нитки.

Центральный Памир, в отношении его минеральных богатств, мало еще исследован и вряд ли его богатства могут

иметь широкое экономическое значение, вследствие его отдаленности, слабой заселенности и пустынного характера.

В бассейне реки Маркан-Су, около китайской границы, южнее перевала Уч-Бель, находится месторождение медных руд.

Имеются недостоверные сведения о залежах серы на полуострове озера Кара-Куля, близ выходящего здесь теплого серного источника, и о руднике киновари, где то между горами Азбулаш? и Эмератор?, которую прежде разрабатывали и вывозили в Кашгарию и в Бадахшан.

На стрелке полуострова, отделяющего большое озеро Кара-Куль от малого (восточного), выбрасываются в бурную погоду окатанные валуны плотного бурого угля. Можно предполагать, что залежи каменного угля находятся в руслах некоторых из речек, впадающих с севера в озеро с южного склона Заалайского хребта. Вероятность нахождения угольных залежей подтверждается нахождением месторождения угля в юрских отложениях около рабата Бардаба на юг от перевала Кизил-Арта (Кара-Киргизия).

Замкнутый бассейн озер Шор-Куля и Ранг-Куля замечателен своими залежами соли, которой снабжается население Памира.

Выше Мургабского поста, в горах левого берега р. Акбайтал, около слияния с рекою Пшарт, на горе Ташматык имеется залежь серы.

В долине р. Аличура, между Бузулу-Гумбез и Баш-Гумбез, около подножья гор ограничивающих долину Али-Чура с юга, покрыта обильными выцветами соды довольно значительная площадь берега полусухого русла одного из левых притоков Аличура.

В хребте Базар-Дара, в ущелье речки Лянгар, стекающей на север с перевала Лянгар-Куталь, в местности Туз-Куль, среди гранитного массива найдены валуны зеленого полупрозрачного плавикового шпата.

На Памире встречаются и залежи бурого угля, как в урочище Кара-Су, Памирской волости и лигнит в урочище Чаттокай в низовьях р. Пшарта.

При относительно малой исследовательнности страны, можно все-таки заключить, что Таджикская Республика довольно богата полезными ископаемыми и что разработка их должна иметь известное значение в общей экономике страны. Возможность разработки горных богатств затрудняется

отдаленностью страны от промышленных центров, плохим состоянием дорог, недостатком топлива и незначительной внутренней потребностью в продуктах горной промышленности. Для местного потребления имеют значение многочисленные месторождения соли, Зарафшанские месторождения угля, некоторые залежи железных руд, как по Ванчу, где выделывается железо, месторождение нашатыря, серы Кантага, несколько месторождений цветных металлов, разрабатываемых для своих нужд.

С проведением ветки железной дороги в Пенджикент, угольные месторождения Зарафшана приобретают более широкое значение.

О большинстве месторождений полезных ископаемых известен только факт их существования, но их характер, благонадежность, технические и экономические условия их разработки не выяснены и потому судить о них в настоящий момент нет никакой возможности.

Главный интерес представляют из себя месторождения золота. Золото разрабатывалось в стране уже с давних времен и горизонт золотоносных рассыпей до прежнего уровня воды уже отчасти местами выработан. До революции работа по добыче золота велась довольно интенсивно туземными артелями кустарей и несколькими русскими предпринимателями. Существовавшие предприятия применяли примитивные методы разработки и потому добыча их была в общем незначительна. Добытое кустарями золото шло частью на уплату налогов, частью сбывалось в Афганистан и Китай.

Вопрос развития разработки золота находится в тесной связи с вопросом об устройстве дорог. Для выгодной эксплоатации Дарвазских россыпей нужен масштаб покрупнее, чем применялся до сих пор. Требуется массовая добыча, осуществимая только механическими приспособлениями, хотя вопрос о способах разработки отдельных участков не будет иметь для всех россыпей одинакового решения. Для того, чтобы можно было начать разработку в более крупном масштабе, необходимо, помимо дорог, иметь и более исчерпывающие данные, выясняющие благонадежность месторождений и характер будущих работ, настолько, чтобы затрата большого капитала не была рискованной. Данные эти можно получить только возобновлением на приисках разведочных работ и учетом неконтролированной до сих пор деятельности старателей. Желательно применить незанятые руки страны, на-

ходившие прежде применения в соседних странах на отхожих промыслах, для использования тех богатств Таджикии, которые могут улучшить благосостояние ее жителей. Поэтому восстановление горного дела в стране есть важная задача ближайшего времени.

Пути сообщения Таджикистана.

Н. Ф. Колосовский.

Пути сообщения и средства связи — основы экономического возрождения края и культурного развития населяющих народов. В доисторические времена народы Ср. Азии, в том числе и современный Таджикистан, обладавший вьючными тропами и богатый верблюдами, поддерживал торговые сношения с рядом сопредельных народностей. Большие переходы, песчаные пустыни, безводье, оказавшиеся не под силу конскому составу, оказались вполне пригодными для верблюжьего транспорта, переброс грузов на большие расстояния, тдаже при отсутствии хороших вьючных дорог. Откры ие речного пути способствовало увеличению грузооборота, несмотря на несовершенство судов (каюки) и первобытный (бурлачный) способ передвижения. Ввоз и вывоз водного пути занимали одно из первых мест все более и более развивавшейся торговли.

Бездорожье в течение 3—4 зимних месяцев осложняло торговую жизнь Ср. Азии, а единственный водный путь, р. Аму-Дарья, называемая в верховьях Пянджем, имеющая течение с востока на юго-запад, мало отвечала по условиям плавания потребностям момента.

Бедность путей сообщения как в дореволюционный период, так и теперь является основным тормазом экономического возрождения Таджикистана.

Давая описание путей сообщения Таджикистана, вынужден их увязывать с дорогами сопредельных республик, дабы у читателя было цельное представление по затрагиваемому вопросу.

Пути сообщения в Таджикистане делятся: на грунтовые и речные. Грунтовые—на колесные и вьючные. Рассмотрим их последовательно.

Грунтовые дороги, отвечая требованиям колесного или вьючного транспортов, представляют из себя обыкновенные полевые дороги лессовой почвы, местами каменистой, пролегающие иногда по сухим руслам когда-то протекавших рек.

Как правило, дороги или неразработаны совсем, а если и разработаны, то непосредственно жителями, что относится главным образом к вьючным дорогам, но настолько недостаточно, что даже дневное движение по этим дорогам не всегда бывает безопасно. Разработанных колесных дорог, за исключением б. почтового тракта Самарканд—Гузар—Дербент—Ширабад—Термез, не было. Однако и эта дорога до прихода Красной армии, за отсутствием в течение многих лет ремонта, превратилась в непригодное для проезда колесных обозов состояние.

Колесные дороги.

Гузар—Дербент—Дюшамбе—Файзабад. Вся дорога протяжением 320 верст. С образованием Таджикской ССР и перенесением административного центра республики в Дюшамбе дорога приобрела первостепенное значение. Ближайшая железнодорожная станция Гузар Ср.-Аз. ж. д. отстоит от Дюшамбе в 266 верстах. Дорога от Гузара направляется на юго-восток углубляясь в горы, идет вначале по долине реки Гузар-Дарья, затем по ее притокам, постепенно поднимается по отрогам западной части Гиссарского хребта и у быв. почт. станции Акрабат переваливает через перевал Акрабат на высоте 5.100 фут. над уровнем моря. Отсюда дорога, имея направление на восток, проходит через кишлак Дербент в Байсун, расположенный на 102 версте и далее на Дюшамбе, не меняя направления, идет до Файзабада.

Между Байсуном и Денау дорога пролегает по весьма узкому каменистому Ак-Капчагайскому ущелью, протяжением 8 верст, нуждающемуся в расчистке и отводе горько-соленого ручья, пересекающего дорогу 18 раз. Перед Сары-Ассия дорога пересекает р. Тупаланг-Дарью. Мост через реку козловой конструкции, дл. 70 с., весьма ненадежный, которому ежегодно в половодье угрожает снос или значительное повреждение. Переправа вброд в половодье здесь невозможна. Местное население хотя и знает броды, но быстрое течение, достигающее 14—15 фут. в секунду, делает переправу чрезвычайно опасной, и обычно движение прекращалось. В 41 версте от Сары-Ассия, в кишлаке Каратаг дорога пересекает р. Ка-

ратаг-Дарью. Этот мост туземного (кавказского) типа, дл. около 8 саж., является еще менее надежным предыдущего. Мост такой же конструкции встречается через р. Дюшамбе-Дарья.

В общем все значительные реки, встречаемые на пути, обеспечены переправами, за исключением некоторой части арыков и ручьев, легко проходимых вброд во всякое время года. Из Каратага дорога вступает в широкую долину, чрезвычайно густо населенную и плодородную. Долина сплошь засеяна. Произрастает рис, хлопок и хлебные злаки.

Дорога от Гузара до Сары-Ассия (184 вер.) в современном состоянии годна для автодвижения легкого типа (1½ тонны). Встречаемые у Акрабата крутые под'емы, малые радиусы закруглений и недостаточная ширина полотна требуют большой сноровки у персонала, обслуживающего машины. Эта часть дороги является наиболее трудной и утомительной вследствие крутых и длинных под'емов.

От Сары-Ассия и до Файзабада дорога колесная, хотя до прихода Красной армии этой дорогой, как колесной, никто не пользовался. Местное население, несмотря на возможность ею пользоваться как колесной дорогой, до сих пор предпочитает вьючный способ передвижения.

Как первая часть дороги Гузар—Сары-Ассия, так и вторая Сары-Ассия—Файзабад пригодны для указанного выше движения лишь летом, начиная с апреля по октябрь месяц. В период дождей, зимой и ранней весной, затруднительно даже вьючное движение.

На всем протяжении от Гузара до Файзабада дорога пролегает через довольно часто расположенные селения с количеством жителей от 2.000 до 5.000. Наибольшее расстояние перегона 51 вер. между селениями Байсун-Миршаде. Большое протяжение этого перегона и отсутствие вблизи воды, годной для питья, делают переход трудным. Местность, по которой пролегает дорога, вообще не может быть названа здоровой. Самым неблагоприятным в этом отношении является участок Денау-Юрчи. На всем протяжении этот участок покрыт камышем и служит рассадником малярийного комара. С приходом красной армии были приняты оздоровительные меры, благодаря которым удалось до некоторой степени ослабить заболеваемость, но наличие стоячей воды на всем 8-миверстном протяжении требует более серьезных мероприятий.

Дербент—Ширабад—Термез. Протяжение 131 верста. Как

было уже вначале указано, дорога Дербент—Ширабад—Термез является частью быв. почтового тракта Самарканд—Гузар—Дербент-Термез. От Гузара до быв. почтовой станции Дербент описание этой части дороги изложено выше, продолжение же (Дербент—Термез) следует ниже. У Дербента дорога, имея восточное направление, круто поворачивает на юг, сохраняя то же положение до Термеза. Первый населенный пункт от Дербента на 19 версте—кишлак Сайроп. Дорога носит горный характер. Перевал Захана на 7 версте и карнизы требуют разработки; мосты частью отсутствуют, частью требуют исправления. Собственно через реки местов нет, но пересекающие дорогу ручьи с чрезвычайно крутыми берегами допускают движение повозок с 30%-ной нагрузкой. Следующий остановочный пункт кр. Чилянвор на 32 версте. По выходе из Сайропа дорога идет по старому руслу, усеянному галькой. Такого же характера встречаются небольшие участки дороги на 27, 28 и 29 верстах и в месте пересечения дороги ручьем шириною 1,25 саж. Ручей легко проходим вброд. На 25-й версте встречается перевал, легкий для под'ема, не требует уборки камней и исправления карниза. На 29-й версте дорога пересекается вторым ручьем, через который имеется 12,5-саж. мост, не вполне исправный. Отсюда вдоль дороги протекает река Ширабад, шириною до 12 саж. Течение реки до 8 фут. в секунду, берега крутые. От кр. Чилянвор до кр. Ляйлякан 15½ верст. На этом перегоне дорога имеет два перевала незначительной высоты. Следующий перегон кр. Ляйлякан—Ширабад, протяжением 29¾ версты, на котором переправы обеспечивают свободный проезд, вполне допускает движение авто-машин. На 61-й версте дорога входит в ущелье Нан-Дагана на протяжении около 10 верст. Ущелье представляет собою замкнутую, местами узкую, котловину, подну которой пролегает дорога и протекает р. Ширабад. Грунт от Дербента и до Ширабада лесс и глина, местами, как было указано, встречаются каменистые участки; ширина дороги в среднем не превышает 2 саж. От Ширабада в 30 вер. расположен кишлак Ангор, откуда до Термеза 24 вер. Эта часть дороги пролегает по ровной песчаной местности. Все переправы, в том числе и мост через р. Кара-су, длиною 9,5 саж., исправны. Ширабад известен, как богатый хлопковый район. Вся дорога от Дербента до Термеза, при сравнительно небольших затратах, легко может быть приведена в состояние, допускающее движение авто-машин грузоподъемностью до 3-х тонн.

Термез—Денау, протяжением 120 верст, соединяет гор. Термез, расположенный на правом берегу р. Аму-Дарьи, с кишлаком Денау, расположенным на дороге Гузар—Дюшамбе.

Собственно, направление это названо дорогой быть не может, так как признаков дороги, полотна, нет и никогда не было. Сооружений на этом направлении также нет, и встречаемые по пути ручьи и арыки переходятся вброд. Все же даже в настоящих условиях совершается колесное движение и без особых затруднений. Благоприятствуют этому топографические условия местности. Дорога пролегает по правому берегу р. Сурхан. На первых 19 верстах от Термеза грунт песчаный, местность покрыта барханами и без разработки эту часть дороги нужно считать тяжелой. Дальше лесс с с крупным песком. Под'емов крутых и длинных по пути нет. Направление малонаселенное. По пути встречаются кишлаки Кум-Курган и Джар-Курган. Первый отстоит от Термеза в 30 вер., второй—в 70. У Денау местность заселенная.

Несмотря на свое первобытное состояние дорога приобрела и имеет большое значение для Таджикистана, так как является наиболее коротким гужевым путем от Дюшамбе до Термеза, откуда грузы поступают на водную коммуникационную линию —реку Аму-Дарью, по которой с апреля и по октябрь совершается правильное пароходное движение. Значение этой дороги еще больше возрастает в связи с начатой уже постройкой жел.-дор. линии Самсоново—Термез.

По тому же направлению проектируется проведение жел.-дор. ветки от Термеза до Дюшамбе и возможно будет осуществлена не в далеком будущем.

Вьючные дороги.

Файзабад—Оби-Гарм—Помбачи—Гарм, протяжением 133в. Дорога следует по городу около 1½ верст, вступает на 2-й версте в кишлак Шахатарош, вблизи которого пересекается р. Иляк с пологими и удобными для переправы вброд в'ездами и дальше продолжается по ровной местности через кишлаки Хокирион на 7 вер., Дубеда на 9 вер., Дубеда-Мулла-Тахма на 10 вер. и на Найноль на 11 версте. Отсюда дорога поднимается в гору, имея под'ем до 6° и такой же спуск, входит в кишлак Сигздор и снова следует по ровной местности через кишлак Су-Булак на 17 вер. и кишлак Узидай на 26 вер.

Река Иляк, начиная со 2-й версты, протекает в ½—1 версте от дороги и у к. Калейдаш она мельче и проходима вброд во всякое время года.

От кишлака Узидай дорога идет по ровной возвышенной местности с легкими под'емами и спусками до 36 версты. Значительным препятствием служит встречаемая здесь трясина, трудно преодолеваемая колесным обозом. Вслед за трясиной дорога, поднявшись в гору под'емом до 5° и спустившись с нее, идет по ровной местности до 2 верст и снова поднимается в гору с отметкой 5.600фут. Под'ем и спуск к кишлаку Оби-Гарм, протяжением около 4 вер., имеет крутизну около 8°. Ширина дороги на перевале местами не более 2 арш. вьется по карнизам над обрывами. На 46 и 47 вер. у к. Оби-Гарма дорогу пересекают 2 оврага, один шириною около 200 с., другой—120 с., оба значительной глубины. Спуски крутые и проезд повозок невозможен.

На 48 версте расположен кишлак Оби-Гарм, от которого в 1½ верстах начинается крутой 7—8° под'ем. Перейдя вброд мелководную речку, начинается под'ем крутизной до 12°. С 53 версты дорога идет на перевал Арча-Кутал с отметкой 7.500 футов. Под'ем на перевал и спуск к ручью Лугур крутые. Перейдя ручей Лугур, дорога снова поднимается на перевал Кауфара с отметкой 6.930 фут. Под'ем длиною около 4 вер. отличается крутизной, которая в среднем достигает 26°, местами даже до 35°. Спуск приблизительно такой же длины и крутизны и оканчивается на 66 вер. у кишлака Хаким-Минион, от которого на протяжении около 4 верст дорога идет по ровной местности. Ширина дороги на перевалах в среднем не более 2 арш., местами же от 1 до 1½ арш. вьется по карнизам, имея с одной стороны почти отвесную стену, с другой—обрыв к реке. На 69 версте дорогу пересекает р. Хаким с крутыми и неудобными берегами для переправы вброд. Дальше дорога идет волнистой местностью между гор, и на 76 версте пересекается оврагом значительной глубины и ширины. На 79 вер. перевал Мугуль высотой 6.500 фут., спустившись с которого дорога до к. Помбачи (на 83 вер.) идет по ровной местности. Дальше дорога следует по местности с под'емами не круче 8°, пересекается у кишлака Зардо довольно широким оврагом и за кишлаком Гышкат идет по равнине над р. Вахшем. От Вахша уклоняется в гору по пологому под'ему, вьется по карнизу шир. 1½—2 арш. и, спустившись, пролегает долиной. Затем вновь поднимается в гору по под'ему крутизной до 10° и сле-

дует дальше, имея с одной стороны отвесную скалу, с другой— обрыв к реке. Со 110 вер. дорога тянется 4 вер. вдоль реки Гариф и на 114 вступает в кишлак Падж, за которым пересекается рекой Гариф, шир. до 25 саж. Переправа через реку совершается по мосту весьма непрочному, туземного типа. За кишлаком Санги-Малик дорога идет по карнизу горы и, обогнув ее, следует 15 верст долиной через кишлаки Козлюк, Казнаки, Качаманды. Минуя последний кишлак, дорога подходит к реке Сурхоб и, перевалив невысокую гору, следуя по долине, вступает в Гарм. Город Гарм расположен на живописной возвышенной местности с здоровым климатом. Город с оживленным базаром, на который приезжают купцы из Ферганы и даже из Афганистана.

Файзабад—Нурек—Кунгурт—Бальджуан — Ховалинг—Куляб. Протяжение дороги 117 верст.

По выходе из Файзабада дорога пролегает тропой по почти сплошному под'ему, который вначале незначительный, к концу 4 версты возрастает до 15—20°. Даже для верховой езды, не считая под'ема, путь чрезвычайно затруднителен, так как тропа узка, а глубина ее достигает 1—1½ арш. и вьется зигзагами. На 5-й версте расположен кишлак Тиан. Здесь тропа шире и проходит по почти ровной местности через кишл. Хайрабад и к. Дагана. У последнего дорога испорчена весенними водами, и проезд крайне затруднителен, но имеется возможность пройти ее западнее. Вблизи кишлака Чашмай-Сары тропа проходит по каменистому участку, усеянному острыми камнями с крутыми, хотя и недлинными под'емами. Эта часть дороги настолько тяжела для движения, что даже едущий верхом вынужден вести лошадь в поводу. Отсюда и до к. Нурека тропа пролегает почти по сплошному карнизу с трудными и длинными под'емами. Двигаться нужно с осторожностью, так как ширина тропы не превышает 1½ аршин и имеет внизу бурляший на 10 саж. глубине Вахш, стесненный острыми скалами. От к. Нурека дорога проходит по правому берегу р. Вахш по почти ровной местности и переходит ее по Пулисангинскому мосту. Дальше следует по левому берегу, имея с запада высокие и крутые горы, а с востока пропасть к реке, берега которой достигают до 30 саж. Мост приближается к кавказскому типу, не прочный, а поэтому и не вполне надежный; построен на свешиваюшихся над рекой скалистых берегах, постепенно суживаюшихся кверху, образуя незамкнутый купол. Ширина незамкнутой части этого свода

не более 6 с., а у уреза воды до 50 саж. Высота берегов в этом месте около 20 саж., глубина же, хотя никем не измерялась, но по заявлению жителей достигает 10—15 саж. Пройдя к. Тут-Каул дорога отходит от р. Вахша, следуя через к. к. Ак-Джар, Джар-Булак, Хадыарки по ровной почти местности и входит в к. Ак-Су. Дальше до к. Пушион дорога проходит по ровным скатам невысоких гор, затем идет в гору по пологому под'ему и, пройдя к. Хилка-Абад, входит в к. Кунгурт. Затем, перейдя через незначительные кишлаки Кичик-Таш, Кара-Гузар и Хан-Абад, дорога тянется холмистой местностью без значительных под'емов и спусков, подходит к р. Кызыл-Су и по правому ее берегу следует до кишлака Бальджуан. За Бальджуаном дорога продолжает идти по долине той же реки Кызыл-Су, затем пересекает рукава ее вброд, следует около двух верст долиной р. Ховалинг и пересекает ее несколько раз вброд. У к. Кальтачинар поднимается по узкой балке вверх под'емом большой крутизны. От к. Кальтачинар, минуя кишлаки Ками-Мирзаяр и Кара-Комар, и до кишлака Дехтур дорога пролегает по холмистой местности с большим количеством под'емов и спусков, крутизна коих достигает в отдельных местах 18°. По пути от Дехтура довольно часто встречаются селения, так, на первых 15 верстах дорога проходит через к. к. Джильчаутан, Ходка, Гурли-Сай, Шар-Шар. Местность холмистая, крутизна под'емов и спусков та же, что и на предыдущем участке. От к. Шар-Шар дорога спускается в долину реки Ях-Су, пересекая 2 небольших аула Чечем и Уч-Кана, тянется по долине той же реки через кишлаки Пушион и Катта Пушион, пересекает р. Ях-Су вброд, идет ее берегом, а затем заливными лугами, пересекаемая большим количеством арыков иногда болотистыми участками, входит в гор. Куляб. По качеству грунта дорога может быть характеризована, как и предыдущие дороги, т.-е. в равнинных частях (долинах) почва лессовая, идущая вдоль рек усеяна камнем (галькой)—каменистая. Долины и возвышенности почти до самых вершин обрабатываются местным населением. В Кулябском районе преимущественно произрастает рис. Местность у Куляба безусловно нездоровая, чему способствуют болота и жара.

Г. г. Бальджуан и Куляб, оба хорошо сохранившиеся, имеют базары, куда и с'езжается население из окрестных кишлаков. Предметы торговли—рис и скот, главным образом бараны и лошади.

Куляб—Сарай, протяжением 115 верст.

В довоенный период дорога служила для связи с пограничными постами, и ею пользовались, как колесной. Однако нельзя отрицать и экономического значения в силу несомненного тяготения Кулябского района к некогда торговому центру Таджикистана—Сараю, откуда по водному пути грузы могли следовать по Пянджу и Аму-Дарье.

Ныне, вследствие отсутствия ремонта в течение свыше 10 лет, а также затопляемости части этой дороги от Чубека до Сията, о состоянии коего будет указано ниже, дорога превратилась в вьючный путь.

Из Куляба, имея юго-западное направление, дорога идет около 5 верст по совершенно ровной местности и дальше до к. Чубека—по левому берегу р. Ях-Су, огибая подножие гор. Под'емов и спусков значительной крутизны на этом участке дороги нет. Ручьи легко проходимы вброд. Участок дороги от к. Чубека до к. Сията, имеющий западное направление, нужно рассматривать в течение большей части года, как непроходимый. Значительное количество ручьев, берущих свое начало в болотах р. Кизыл-Су и разливы реки Пянджа, по берегу которой проходит дорога, превратили местность в болото. В настоящее время местное население этой частью дороги не пользуется совершенно. Об'езд совершается на к. Курбан-Шеит—путь идет по правому берегу р. Кизыл-Су и дальше по старой дороге, направление коей указано ниже.

По выходе из Сията, дорога, имея юго-западное направление, идет по ровной местности до к. Дун-Кишлак, у которого проходит вброд р. Кизыл-Су, круто поворачивая на юг, следует до поста Кизыл-Су по ровной и не населенной местности. Переправа через р. Кизыл-Су возможна лишь в межень, в половодье—совершается вплавь на гупсарах (надутые шкуры животных). За постом Кизыл-Су дорога, меняя прежнее направление на юго-западное, входит в горы Кара-Тау, ущельем, затем поднимается крутым под'емом на перевалы Арка (Дашт-гулак) и Саит-Туда с отметкой 3.700 футов. Спустившись с последнего перевала, дорога вновь вступает в ущелье и вновь поднимается на перевал Талды. Минуя последний, дорога идет по культурной, хорошо возделанной местности и вступает в Сарай. Последние 8 верст пересекает значительное количество арыков и ручьев. Гор. Сарай, по словам очевидцев, на $^{9}/_{10}$ разрушен, но в настоящее время жители возвращаются и город постепенно восстанавливается.

Сарай—Термез. Протяжение около 200 верст.

Дорога идет вдоль реки Аму-Дарьи. Наличие рядом водного пути обуславливает значение этой дороги лишь обслуживанием местных нужд населения. Пролегая по ровной местности, дорога могла бы быть причисленной к разряду колесных, но наличие песчаных (барханистых) участков, отсутствие через реки переправ и ремонта в течение последних 10 лет, делают ее на всем протяжении для колесного движения местами тяжелой и неудобной, заставляя едущего удаляться в сторону на переправу, как, например, через р. Кафирниган у Кабадиана, отстоящую в 40 вер. от дороги. Через р. р. Сурхан и Вахш переправа совершается на каюках. Более короткой и не особенно трудной дорогой от Термеза до Куляба является направление через Хатын-Рабат—Кабадиан—Джили-Куль—Курган-Тюбе, описание которой помещено ниже.

Термез—Кабадиан—Курган-Тюбе—Куляб. Протяжение дороги 290 верст.

От поста Хатын-Рабат, отстоящего от Термеза в 39 верстах, дорога пролегает степью вдоль Аму-Дарьи. На 9 версте пересекается рекою Сурхан, через которую совершается паромная переправа. Каюк передвигается по стальному троссу, перекинутому через реку. За п. Хатын-Рабат и до 64 вер. дорога того же характера—степная. Дальше местность холмистая и на 69 версте спускается с горы Арык-Тау. Спуск крутой и каменистый. До 90-й версты встречаются невысокие холмы, частью дорога идет по ровной местности. У к. Шартуз дорогу пересекает р. Кафирниган-Дарья. Переправа такая же, как и через р. Сурхан. От переправы и до Кабадиана, расположенного в 107 вер., дорога следует по ровной местности. Пройдя город, который тянется на протяжении 4 верст, дорога вступает в горный район и на 117 версте поднимается на перевал с крутым под'емом, усеянным острыми камнями. Спуск положе и камней меньше. Дальше идет через небольшую долину и, начиная с 130 версты, поднимается на перевал Кыз-Имчем с отметкой 2.140 ф. Последняя верста этого перевала особенно опасна, так как идет по узкому, едва достигающему 1½ арш. глинистому гребню, имея с обеих сторон обрывы, глубиною около 30—35 саж. Здесь особенно опасен переход ночью и в дождливое время. Со 134 версты дорога спускается к р. Вахш, переправа через которую совершается вышеуказанным порядком (паромная), у к. Джили-Куль на 140 верст. От Джили-Куля до Курган-Тюбе дорога пролегает по ровной пустынной местности вдоль реки Вахш, которая местами близко подходит

к дороге. На всем этом протяжении дороги расположены кишлаки—Кара-Бура, Лягман и Тур-Арык. Раньше Курган-Тюбе был хорошим торговым городом, предметами торговли которого были: рис, хлебные злаки и скот. Ныне город разрушен. Первые 8 верст от Курган-Тюбе дорога идет открытой, некогда культурной местностью, постепенно возвышающейся к востоку, и затем вступает в горную цепь. Это трудная горная часть дороги. Под'емы и спуски на перевалах гор Утунчи, Табакчи и Тереглян-Тау, и крутые, в большинстве каменистые. Спуск с последнего перевала Таш-Рабат тянется по гребню свыше 10 верст, затем на 250 версте вступает на горное плато и, следуя им около 7—8 вер., поднимается крутым и длинным подемом на перевал Алимтай с отметкой 2.580 ф., с которого более полого, но более длинным спуском подходит к кишлаку Гульбач. Отсюда и до Куляба дорога идет по местности низкой болотистой, пересекаемая реками Кизыл-Су и Ях-Су и их многочисленными рукавами, через которые нужно переправляться вброд.

Курган-Тюбе—Янги-Базар.

Описание этого направления дороги приводится, как продолжение направления, ведущего от пограничного города Термеза к столице Таджикистана—Дюшамбе. Из Курган-Тюбе дорога, имея направление с востока на запад, проходит по низменной, иногда болотистой местности, поросшей камышом и мелким кустарником, и тянется до переправы через р. Вахш у к. Кизыл-Кала. Переправа гупсарная (надутые шкуры животных — бурдюки). Ширина реки в месте переправы достигает 100 саж., скорость течения 8 ф. в секунду, глубина 1½—2 саж. За неимением бурдюков переправа иногда совершается на небольших плотах, которые вяжут на 5—6 чел. (т.-е. грузопод'емностью на 25 пуд.). Такой плот привязывают к хвостам 2-х лошадей, проводник садится на одну из них и пускает лошадь вплавь, направляя их движение в желаемую сторону. От переправы дорога идет берегом р. Вахш около 2-х верст и дальше около 10 верст по ровному месту, а затем круто спускается к реке Арал. Пройдя 3 версты по берегу этой реки, поднимается в гору крутым под'емом, спустившись с которого дорога следует до к. Аул-Кишлак по равнине, пересекаемой четырьмя оврагами, по дну которых протекают небольшие ручейки с горько-соленой водой.

Под'емы и спуски не очень круты, но берега некоторых из них каменисты, и это обстоятельство затрудняет переправу.

Пройдя эти овраги, дорога входит в кишлак Аул-Кишлак, расположенный на 51 версте. В 1½ вер. за кишлаком Аул-Кишлак встречается овраг Дагана. Спуск и под'ем пологи. Пройдя овраг, дорога поднимается в гору и до к. Кайнар идет по волнистой местности. До г. Яван, расположенного в 90 вер. от Джар-Кургана, местность ровная. На этом участке дорога пересекается 8-ю оврагами. Крутизна берегов не превышает 12°. По дну протекают небольшие ручейки с горько-соленой водой, за исключением ручья, ближайшего к городу. Берега и дно оврагов каменистые. Ближе к Явану у дороги расположены к. к. Нарын и Гарау. Яван—центр Локайской долины. Два раза в неделю в нем бывают базары. Предметы торговли—скот. За Яваном до к. Дагана, расположенного в 5 вер., дорога идет равниной, которую пересекают три оврага. Берега их не круче 12°. У кишлака Дагана дорога проходит вброд через небольшой ручей с пологими спусками. Отсюда дорога поднимается в гору и, поднявшись, следует по карнизу над обрывом, а затем спускается и входит в ущелье, по дну которого протекает ручей. Пройдя по дну ручья, дорога вновь поднимается в гору и следует дальше равниной до к. Гар-Булак. Здесь дорога пересекается небольшими ручьями, через версту переваливает небольшую высоту, идет по равнине, вновь поднимается и, спустившись, подходит на III в. к к. Султана-Абад. Сейчас за кишлаком дорога проходит вброд через ручей и следует около 3 верст по ровной местности, а затем поднимается пологим под'емом на перевал Зардомо с отметкой 4.200 фут. с которого спускается к реке Иляк. Спуск этот крутой (13—17°) и усеян местами камнем. Река Иляк проходится вброд, и дальше дорога идет по низменной местности (рисовые поля) до Янги-Базара. Арыки перекрыты мостиками, вполне пригодными для колесного движения. Все протяжение дороги от Курган-Тюбе до Янги-Базара—117 верст.

Ст. Урсатьевская—Ура-Тюбе—пер. Обордон—пер. Пакшиф-Гарм. Протяжение дороги 272 версты.

От ст. Урсатьевской Ср.-Аз. ж. д. через г. Ура-Тюбе и до кишлака Янги-арык на протяжении 57 верст дорога колесная. На остальном протяжении дорога вьючная. По характеру местности и состоянию может быть разделена на две части. Первая часть от к. Янги-Арык, пролегающая через перевалы Обурдон и Пакшиф до кишлака Шингалик (до 237 вер.) считается трудной вследствие длинных под'емов. От к. Янги-Арык и до к. Аучи, на протяжении 15 верст, тропа пролегает по каменистому грунту. Отсюда начинается под'ем, протяжением 15 верст на перевал Обурдон с отметкой 11.207 фут. По пути на перевал тропа пересекается рекой Обурдон, через которую имеется мост туземного типа. Спуск короче и особенной крутизной не отличается. Несмотря на столь значительную высоту, вершина перевала не покрыта снегом, но переходить ее нужно с утра (до 12 час. дня), так как после полудня бывают туманы и дожди. Пройдя спуск, тропа проходит к. Обурдон и следует дальше по долине реки Сурхоб в к. к. Раомитан, Мадрушкат и Пакшиф, направляясь к снежному перевалу Пакшиф с отметкой 7.890 футов. Подобно первому—лучшее время для перехода считается до полудня, так как позднее, в отличие от предыдущего перевала, снег делается рыхлым и затрудняет движение вьючных животных. Следующее селение за перевалом—Гариф, откуда тропа идет по снежному полю и дальше следует к Шенгалик, расположенному на 237 версте, по узкому карнизу. На этом участке имеется 5 мостов весьма оригинальной конструкции, построенных самой природой из снега.

Дальше от к. Шенгалик и до г. Гарма—вторая часть вьючной дороги, может быть отнесена к разряду легкой и удобной, так как местами является колесной.

Самарканд—Пянджикент—Кштут, пер. Дукдан—пер. Мура-Каратаг, протяжением 180 верст.

Эта дорога до устья р. Кштут проходит долиной реки Зеравшан, широкой и густо населенной до г. Пянджикента, а затем долина стесняется хребтами. До Пянджикента в настоящем ее состоянии дорога пригодна для автомобильного движения в сухое время года. До устья р. Кштута дорога может быть использована под колесное движение. В долине р. Кштута имеется каменный уголь и для разработки его в 1921 году предполагалось построить узкоколейную жел. дорогу. От устья Кштута дорога входит в горы, следует по берегу этой реки до к. Кштут и дальше до перевала Дукдан с отметкою 12.850 ф. вдоль рек Бору, Арча-Майдан, Поен-Аба. Спустившись с перевала к р. Дукдан, дорога идет берегом, а затем вновь поднимается в гору на высоту 10.320 ф., с которой следует к реке Сары-Таг. Пройдя реку вброд, направляется к устью р. Мура, от которой поднимается к перевалу того же названия, с отметкой 12.170 ф. Отсюда дорога направляется к верховьям р. Каратаг-Дарья, вдоль которой, продолжает следовать до селения Каратаг, имея на всем протяжен. характер горной тропы.

Водные пути.

Река Пяндж. Аму-Дарья. Название Пянджа носит та часть реки, которая начинается от слияния рек Памира и Вахан-Дарьи и тянется до впадения с правой стороны реки Вахша. Верхняя часть Пянджа протекает глубокими ущельями через трудно доступные горы Вахана, Шугнана, Рошана и Дарваза в почти отвесных скалистых берегах. Как сама река, так и целый ряд притоков ее на этом протяжении имеют чисто горный характер. Падение, а следовательно и скорость течения очень велики; режим, как у все горных рек, находится в полной зависимости от таяния горных снегов. Для судоходства в этой части (верхней) недоступна, даже переход через реку возможен в очень немногих местах. Весь край, омываемый этой частью бассейна Пянджа, очень беден; исключение представляет горная часть Кулябского района, густо заселенная и сплошь покрытая обработанными полями. По дороге из города Куляба в Афганистан на Пяндже против города Кала-и-Хумба имеется гупсарская переправа. Ширина реки в этом месте около 80 с., скорость течения до 11 фут. в секунду, дно каменистое.

Около к. Чубека Пяндж выходит из области гор и на протяжении, приблизительно, шестидесяти верст, течет по равнине, разбившись на рукава и образовав громадный, до 50 вер. длиною и до 20 вер. шириною, остров Урта-Тугай. Через этот остров имеется несколько переправ, но наиболее значительная Кокульская, в конце острова Урта-Тугая. В этом месте все рукава снова соединяются в одно русло и ширина реки достигает 200 саж., скорость течения около 8 фут. в секунду. Сейчас же за Кокульской переправой Пяндж круто поворачивает на запад и пересекает широкую, плодородную и населенную Сарайскую долину и от кишлака Богорак, расположенного выше к. Чубека, доступен для плавания каюков.

У Сарая ширина реки до 400 саж., скорость 8 фут. в секунду. К соседней Файзабадской переправе приходят низовые каюки, но останавливаются они в 3-х верстах ниже Файзабадского поста. Здесь ширина реки 500 с. С этого места река считается судоходной до самого устья.

Все протяжение она течет по равнине и только перед соединением с р. Вахшем, где Пяндж меняет свое название на Аму-Дарью, прорезывает небольшой горный хребет. На восьмой версте от Файзабада река делится на 5 рукавов, вследствие чего вода разбивается и участок является мелководным.

Следующее препятствие на Пяндже гораздо серьезнее и опаснее: это камни Ак-Таш (Усть-Пянджский перекат) в 5 вер. выше впадения Вахша. Правый берег скалистый и от него через все русло тянутся камни. В 4 верстах ниже впадения Вахша препятствие Гиш-Тепе. Высокий и обрывистый берег вдается резким мысом. Русло усеяно камнями. В протоках между камнями вода бьет сильной струей, образуя водовороты весьма опасные для движущегося судна. Следующее серьезное препятствие несколько выше устья р. Кафирнигана это камни Шахе-Зариф, разбросанные, как и в Ак-Таше, поперек всего русла. На менее значительных, сравнительно, легко преодолеваемых каменных препятствиях я не останавливаю внимания читателя, но должен отметить, что, собственно, на участке от Файзабада и до Термеза их очень много. Плавание здесь возможно только для пароходов с наименьшей осадкой, не превышающей 2½ футов и при том, в течение летних месяцев, когда вода покрывает камни на достаточную высоту. Плавание пароходов с баржами, как равно баржей наплывом, здесь невозможно.

В 1894 и 1898 г. г., а также в 1916 году было произведено обследование этого участка и комиссии пришли к выводу, что если все вышеперечисленные камни будут удалены, то тогда возможно будет совершать плавание пароходов не только в летние месяцы, но и в течение с 1 апреля по 1 октября.

Осенью прошлого года был совершен один рейс парохода «Ташкент» от Термеза до Файзабада. Его плавание лишний раз подтвердило необходимость удаления камней и весной текущего года этот вопрос был решен в положительном смысле, но к сожалению не выполнен и находится в зависимости от отпуска средств Таджикской ССР. От Керков до Термеза пароходные рейсы совершаются по расписанию—три раза в месяц.

Притоки реки Аму-Дарьи.

Река Вахш. Это самый важный из притоков Аму-Дарьи. Общая его длина около 600 верст. В верхнем течении он имеет все свойства горной реки, течет по каменистым ущельям и для судоходства совершенно непригоден, но в нижней части пригоден для плавания до гор. Джиликуля, т. е. верст на 110 вверх от устья.

Условия для плавания по Вахшу хороши в смысле доста-

точной глубины и определенности фарватера, но быстрота течения с сильными водоворотами затрудняет судоходство.

Переправ три: одна у устья, вторая около Джиликуля и третья вброд против г. Курган-Тюбе.

Река Кафирниган. Истоки питаются ледниками Гиссарского хребта. Река протекает по малонаселенной долине. В Аму-Дарью впадает в 30 верстах ниже Вахша в виде полноводной широкой (125 саж.) быстрой реки, но каюки в него не заходят. Вброд река не проходима. Постоянных переправ три: у устья, близ сел. Айвадж, против гор. Кабадиан и против гор. Гиссар,—все каючные.

Река Сурхан. Судоходного значения Сурхан не имеет и каюки по нему совершенно не ходят. Переправ на Сурхане три: у устья, около кишлака Кокаиты (гупсарная), против гор. Денау.

ПОЧТА и ТЕЛЕГРАФ.

Почтово-телеграфные станции в Таджикской ССР имеются в следующих селениях и городах.

Дербенте	Файзабаде
Байсуне	Бальджуане
Юрчи	Ховалинге
Каратаге	Кулябе
Дюшамбе	Джиликуле
Яване	Курган-Тюбе
Термезе	Гарме.

Гражданская война в Таджикистане.

Ди-Мур.

Корни басмачества. Гражданская война в Таджикистане—это борьба с восточно-бухарским басмачеством. С начала до конца она проходит под знаком реакционного феодализма и улемы, пытающихся вокруг широкой панисламистской программы об'единить все антисоветские, контр-революционные элементы.

Главные силы, борющиеся в настоящее время против советской власти в Таджикистане,—это эмирские феодальные и улемистские круги, строящие свои планы на разорении дехканства, на недовольстве им своим экономическим положением.

Выбрасываемые в процессе борьбы абстрактные, религиозные и панисламистские лозунги чужды населению и рассчитаны лишь на тонкий слой мусульманской интеллигенции и купечества.

Феодальная мощность движения подчеркивается и происхождением вождей басмачества во все периоды борьбы с ними. Достаточно обратиться к именам Энвена и Селима, достаточно просмотреть именные списки других главарей, являющихся исключительно бывшими беками, муллами, чиновниками, турецкими офицерами и т. д.

За четыре с лишним года борьбы басмачество Таджикистана пережило ряд этапов в своем развитии. То сходя почти на-нет, то разгораясь с новой силой, оно продолжает и в настоящее время являть собой угрозу мирному развитию республики.

За последнее время имеются налицо благоприятные симптомы, свидетельствующие о том, что басмачество переживает последний период своего существования. Советская

власть и Красная армия пошли по пути уничтожения экономических и политических предпосылок движения,—и в этом залог успешности намеченных мероприятий.

Работа эмира и бухарской контр-революционной эмиграции не принесла им желаемых результатов.

Улучшение материального благосостояния дехканства, предполагающаяся постройка железной дороги до Дюшамбе, восстановление разрушенных кишлаков, товаризация рынка, развитие базаров и т. д. и. т. п. все это вместе взятое приближает день окончательного освобождения трудящегося дехканства от басмаческого гнета.

Усилившаяся реэмиграция из Афганистана десятков и сотен бежавших ранее за границу семей лишний раз подчеркивает правильность взятого курса.

Гражданская война в Таджикистане близится к своему концу.

Усиление работы по советской, партийной, профессиональной, и хозяйственной линиям, подкрепленное военным нажимом приведет Таджикистан к полному замирению.

Борьба, носившая временами крайне ожесточеный характер и имевшая весьма серьезное значение, прошла через следующие этапы.

Свержение эмира. Положение дехканства в бывшей «стране бесправия» было всегда чрезвычайно тяжелыме Малоземелье, огромные налоги, низкая доходность обесценение труда—из года в год разоряли его.

На этой почве между разорявшейся трудовой частью населения и баями (кулаками) шла длительная, беспрерывная борьба, которая, в конце концов, несомненно могла бы закончиться свержением эмира, если бы ни приходили на помощь царские войска, поддерживавшие своего нового вассала. Эмирская власть держалась, опираясь на штыки российских жандармов.

С проникновением в Бухару торгового капитала положение дехканства еще более ухудшилось.

Прогрессирующее обнищание дехканских масс вызывало стремление к оказанию сопротивления и приводило к голодным бунтам, обычно подавлявшимся с редкой жестокостью.

Не проходило года, чтобы в том или ином бекстве не вспыхнуло восстания, а в горных районах Восточной Бухары (нынешний Таджикистан) население, вовсе не желавшее признавать эмирскую власть, с оружием в руках встречало каждого чиновника, пытавшегося сунуться туда за налогами.

В начале XX века в Таджикистане беспорядки на этой почве учащаются. В 1900 году были волнения в Келифском бекстве, в 1901—в Денауском, в 1902—в Курган-Тюбинском, в 1909—в Кулябском, в 1913—снова в Курган-Тюбинском и т. д. из года в год.

После февральской революции эмир, учитывающий все возможности дальнейшего развития ее, умело подкрашивается в розовый цвет, одновременно превращая Бухару в оплот самой неприкрытой черной реакции. Все бывшие офицеры, чиновники, выброшенные революцией, английские шпионы и агенты—все находили самый приветливый прием в эмирском дворце.

Одновременно эмир стал энергично готовиться к военным действиям.

Октябрьская революция окончательно оставила эмира наедине со своим населением. И этим участь эмирата в Бухаре была предрешена.

Кризис хлопководства, вызванный войной, расстройство транспорта, полное отсутствие торговли и одновременное увеличение налогов, выкачка из карманов населения всего золота и серебра и замена их бумажками и запрещение торговли с Советским Туркестаном окончательно убили дехканское хозяйство.

На почве этого вырастает недовольство народных масс, во главе которых становятся маладобухарцы.

Революционизирование народных масс быстрым темпом идет вперед, и к 1 сентября 1920 года власть в Бухаре перешла в руки революционного правительства.

Эмир бежал с остатками своей армии на восток, где ему удалось продержаться до весны 1921 года.

Части Гиссарской экспедиции, снаряженной в погоню за эмиром, 16 февраля занимают Денау, 17-го—Юрчч, 21-го—Дюшамбе и 23—Кафирниган и Файзабад.

15 марта был занят Куляб, а еще ранее—5 марта—эмир бежал через переправу у Чубек в Афганистан, где продолжает скрываться и до настоящего времени.

«Страна бесправия», находившаяся в течение столетий под гнетом беспримерного произвола, встала на путь возрождения.

Начало басмачества. Изголодавшееся и измученное население не поддержало своего эмира и само помогло созданию рабоче-дехканского правительства.

Однако политическое сознание населения, не привычного к гражданской деятельности, пробуждалось медленно. И в сущности дехканство не могло разглядеть классовой природы новой власти, надеясь лишь, что она выведет его из создавшегося тупика, нищеты, голода и разорения.

Следует отметить, что, несмотря на всю свою ненависть к эмирскому режиму, влияние эмира, духовенства и чиновничества еще оставалось достаточно сильным.

Этот момент учел эмир. И он выбросил в Бухару сотни агитаторов, шпионов и агентов, начавших свою работу по дискредитированию нарождавшейся Советской власти.

Во главе местных низовых соворганов зачастую оказывались самые активные эмирские работники, в худшем случае —пособники народившихся басмаческих банд.

Почти непосредственно вслед за изгнанием эмира в Таджикистане вспыхивает восстание, охватившее бывшие бекства: Дарвазское, Бальджуанское, Каратегинское и Матчинское.

Во главе восставших становятся главари —Давлет Минбей, Ишан Султан, Максум Файзулла, Ибрагим Бек, Сеид Ходжа.

В декабре 1921 года басмаческие отряды, общая численность которых достигает 20.000 человек, осаждают Дюшамбе. Красные части выдерживают осаду. Высланные на помощь из Бухары части милиции во главе с Али Ризой и Даниаром изменнически переходят к басмачам, усиливая их ряды.

Постепенное сокращение площади фуражировок, враждебное отношение с'агитированного басмачами населения и отсутствие продовольственных рессурсов вынудили красные части в феврале 1922 года начать отход на запад, на линию Байсун—Ширабад—Термез.

Энвер-паша. Во главе басмаческих отрядов, преследующих отходящий гарнизон, становится авантюрист Энвер-паша, прибывший в Бухару с широкими заданиями от бывшего эмира.

Энвер организационно об'единяет все активные антисоветские элементы Бухары, способствует вспышке восстания в непосредственной близости к столице республики (в Зеравшанской обл.) и предпринимает ряд попыток продвинуться на запад от Байсун, неоднократно стремясь захватить последний.

Создавшееся соотношение сил, при необходимости выделения значительной части войск на подавление восстания Муллы Кагара (в Зеравшанской области) и на охрану весьма длинной коммуникационной линии,—было не в пользу красных частей и не давало возможности немедленного перехода в наступление.

Операции были начаты 15 июня.

План действий против Энвера сводился к удару по двум направлениям: от Байсуна на Денау—Гиссар—Дюшамбе—Кафирниган—Файзабад, и от треугольника Ширабад—Кокайты—Термез на Кабадиан, Курган Тюбе, Куляб и Бальджуан.

В целях преграждения путей, ведущих от района группировки главных сил Энвера (Гиссарская долина) и переправам через Аму-Дарью в Афганистан,—расчет действий был построен на выдвижении правой колонны (со стороны Ширабада) уступом вперед. Захватывая последовательно переправы, правая колонна не давала отрядам, отходящим под ударами левой колонны, уйти за границу.

15 июня колонны одновременно перешли к активным действиям. Неожиданность и стремительность наступления произвели на противника ошеломляющее впечатление. Потеряв до 200 чел. убитыми и пленными, Энвер покатился на восток, безрезультатно пытаясь задержаться в долине реки Сурхан.

На Тупаланг-Дарье Энвер попытался еще раз задержать продвижение частей Красной армии, но снова был разбит. После этого у него произошло раздробление сил. Ибрагим Бек ушел в Локай, Максум Файзулла—в Каратегин. Распад «армии» заставляет Энвера искать спасения. С отрядами Давлет Минбея и Даниара он уходит через переправу Пуль и Сингин на левый берег Вахш, сжигая за собой все мосты, уничтожая посевы и кишлаки, рассчитывая выиграть время для бегства в Афганистан. Но повторить маневр эмира ему не удалось,—правая колонна красных войск режет пути, несмотря на затруднения при форсировании Вакша в районе Джили-Куля, где скопились значительные группы басмачей. Однако и здесь все препятствия были сломлены и 4 июля с боем взят Курган-Тюбе, к 17 июля заняты Куляб, переправы Чубек и Богорак.

Энвер оказался отрезанным. Начался период его окружения.

В ночь на 4 августа Энвер-паша в последний раз попытался вырвать инициативу из рук Красной армии. Сгруппировав в

районе Бальджуан кулак в 400 сабель, он лично повел в атаку свои отряды, но был убит в бою. В этом же бою погиб и видный из его помощников Давлет Минбей.

Смерть Энвера деморализует шайки. Идеологические руководители движения—Арифов, Усман Ходжаев, Али Риза скрываются за границу. Численность активного басмачества с 20.000 падает до 3000 чел.

С ликвидацией Энвер-паши одну из глав борьбы за советский Таджикистан можно было считать законченной.

Хожда-Сами-Бей. Бывший эмир начинает подготовку к новым операциям, намечает нового исполнителя своих замыслов. На августовском совещании в Кабуле, проведенном непосредственно вслед за гибелью Энвера, собрались представители всех контр-революционных групп, активно борющихся с Соввластью и поддерживающих басмачество.

Решено было централизировать руководство движением, при чем для безопасности штаб руководства поместить за пределами Таджикистана (в Афганстане), разослать на места эмиссаров, а в Бухару послать ближайшего сотрудника Энвера Ходжа-Сами-Бея (Селим-пашу).

Последний принялся за работу по об'единению разрозненных басмаческих шаек со всей энергией, не останавливаясь перед репрессиями.

Была установлена связь с Матчей и даже с Ферганой.

Активность басмачей растет. Шайки начинают снова оказывать упорное сопротивление, увеличиваются численно за счет ранее распущенных джигитов, проводят осаду Куляба.

Сам Селим-паша двинулся на запад с целью поднять движение в Присурханом районе и, об'единившись с группировавшимися на афганской территории туркменскими отрядами, связаться с главарями Каршинского и Зеравшанского районов и затем проникнуть в Самарканд.

Но этому широкому плану также не суждено было быть проведенным в жизнь. Сбитый частями Красной армии, Селим откатывается назад и возвращается на левобережье Вахш. Встретившись здесь с внутренними трениями среди главарей и нежеланием признавать его авторитет, —он оставил борьбу и ушел в Афганистан.

9-тимесячное пребывание его в Таджикистане не дало об'единения басмаческих сил.

Очищение Матчи, Каратегина и Дарваза.

Летом 1923 года красные части очистили от басмачества три горных басмаческих базы—Матчу, Каратегин и Дарваз.

Матча являлась опорным пунктом, защитой всех шаек Самаркандской области; Каратегин был резиденцией Максума Файзуллы и его джигитов, насчитывавших до 900 чел.; Дарваз—это крайняя восточная область распространения басмачества, почти неприступная горная крепость, на которую главарями движения возлагалось немало надежд.

С невероятными трудностями, преодолевая местные препятствия, разрушенные басмачами карнизы, по колено в снегу геройски продвигались наши части по долине реки Зеравшан к столице Матчи—Обурдону. В 24 часа 31 марта был занят Вешаб, 2 апреля части Красной армии вступили в Обурдон. Матчинское бекство стало советской волостью.

Вслед за взятием Матчи был предпринят поход на Каратегин. Перевалив за Пакшиф, красные части устремляются на юг, преследуя остатки матчинских шаек и направляясь к Гарму.

Соединившись у кишлака Санги-Малик (Подже) с частями, следовавшими на Каратегин с запада, красные войска заняли 18 июля Гарм, выбив оттуда каратегинского бека, пытавшегося оказать сопротивление. Упорство басмачей было сломлено и шайки бежали на юг, в Дарваз, надеясь там найти себе спасение.

2 августа басмачи соединились у Тоби-Дара с дарвазскими шайками, но и это об'единение ни к чему не привело. Банды были разбиты и рассеялись по горам, дарвазский бек Делавар-Ша убит. 11 августа занят Калай Хумб—столица Дарваза.

Широкой волной разлилась деморализация по басмаческим рядам. И с таким положением пришлось встретиться Селим-паше по его возвращению из неудачного рейда на запад.

Ибрагим Бек

Ликвидацией Селима и овладением Матчей, Каратегином и Дарвазом басмачество Таджикистана было значительно ослаблено, но не разгромлено окончательно.

Потенциально опасны были еще Каратегин и Дарваз, оставшиеся фактически вне пределов советского влияния, заставлял обратить на себя внимание Ибрагим Бек—этот старший из местных главарей, обнаруживший явную тен-

денцию к выдвижению и возглавлению всего басмачества Таджикистана.

Ибрагим начал усиленную организационную работу, пытаясь об'единить под своим руководством шайки всех районов, но удалось ему добиться некоторых результатов только в пределах Локайской долины; таджикские шайки левобережья реки Вахш заняли самостоятельную позицию и влияния Ибрагима там в первое время не было.

В дальнейшем Ибрагиму удалось распространить свое влияние на все участки Таджикистана, и в настоящее время он является фактически главным и единственным из активных руководителей басмачества.

Гражданская война в Таджикистане, длящаяся уже пятый год,—продолжается.

Пережив ряд этапов в своем развитии, басмачество, от которого постепенно отслаивается трудовое дехканство, выродилось в чисто-бандитское движение.

Национально-государственное размежевание Средней Азии, образование Таджикской республики усилили процесс отхода населения: басмачество разлагается, сдачи джигитов наиболее активных шаек все время прогрессируют, мероприятия Ибрагим Бека по удержанию басмачества от разложения реальных результатов не дают, и его агитация за помощь извне уже не встречает веры не только у части колеблющегося населения, но даже и среди собственных джигитов.

Басмачество оканчивает своей последний этап.

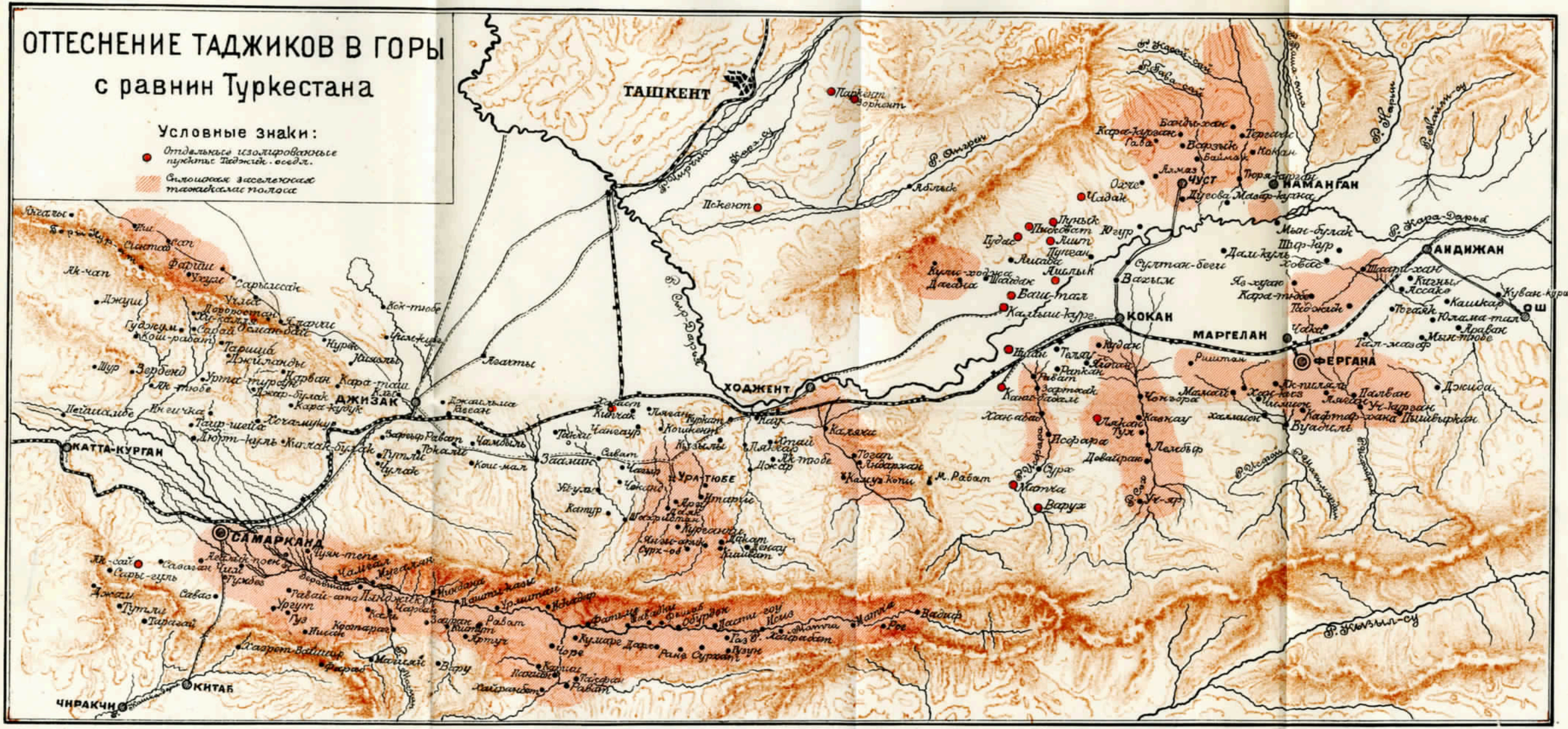
ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Оглавление.

Стр.

1. **Панков А. В.** Положение, границы, состав и административное деление Таджикистана . . . . . 1—8.
2. **Коржен кий Н. Л.** Устройство поверхности Таджикистана (краткий орогидрографический очерк) . . 9—30.
3. **Молч нов Л. А.** Климат Таджикистана . . . . . 31—44.
4. **Попов М Г.** Краткий очерк растительности Таджикистана . . . . . 45—62.
5. **Кашкаров Д. Н.** Животный мир Таджикистана . . . 63—80.
6. **Панк в А. В.** Население Таджикистана (демографический очерк) . . . . . 81—92.
7. **Бартольд В. В.** Таджиники. Исторический очерк . . . 93—112.
8. **Семенов А. А.** Материальн. памятники арийской культуры 113—150.
9. **Андреев М. С.** По этнографии таджиков. Некоторые сведения . . . . . 151—178.
10. **Послав кий Ю. И.** Экономический очерк Таджикистана . . . . . 179—244.
11. **Бездека И. И.** Месторождения полезных ископаемых Таджикской Республики . . . . . 245—266.
12. **Колосовский Н. Ф.** Пути сообщения Таджикистана 267—282.
13. **Ди-Мур** Гражданская война в Таджикистане . . . 283—290.

ОТТЕСНЕНИЕ ТАДЖИКОВ В ГОРЫ
с равнин Туркестана
Условные знаки:
Отдельные изолированные пункты таджик. оседл.
Сплошная заселенная таджиками полоса
ТАШКЕНТ
ХОДЖЕНТ
ДЖИЗАК
КАТТА-КУРГАН
САМАРКАНД
ЧИРАКЧИ
КИТАБ
ЯНГИ-ЮЛ
ЯНГИ-КУРГАН